

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

JOURNAL of ANCIENT HISTORY

4 (146)

Октябрь — Ноябрь — Декабрь

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД
О С Н О В А Н В 1 9 3 7 г.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА 1978

Редакционная коллегия:

д.и.н. *Г. М. Бонгард-Левин*, к. филолог. н. *М. Л. Гаспаров*,
д.и.н. *Е. С. Голубцова*, д.и.н. *М. А. Дандамаев*,
акад. АН АрмССР *С. Т. Еремян*,
д.и.н. *Ю. К. Колосовская* (зам. главного редактора),
акад. *М. А. Коростовцев*, д.и.н. *В. И. Кузицин*,
акад. АН ГрузССР *Г. А. Меликишвили*,
к.и.н. *А. И. Павловская* (ответственный секретарь),
к.и.н. *Н. М. Постовская*, к.и.н. *О. И. Савостьянова*,
чл.-корр. АН СССР *З. В. Удальцова* (главный редактор).
д.и.н. *Е. М. Шгаерман*

Адрес редакции: Москва, В-36, ул. Дмитрия Ульянова, д. 19, комн. 237

Институт всеобщей истории АН СССР. Тел. 126-94-37

Заведующая редакцией *И. К. Малькова*

Ю. Н. Завадовский

О ДЕШИФРОВКЕ ЗАПАДНОЛИВИЙСКИХ НАДПИСЕЙ ИЗ МАРОККО

В настоящее время известно около 30 западноливийских надписей, но число их постоянно увеличивается за счет вновь находимых. Хронологически они относятся к I в. до н. э. и I в. н. э., выполнены шрифтом, напоминающим *тифинаг* туарегов Сахары, который, как предполагают, происходит от финикийского письма (ти-финаг < греч. Φοίνικος, лат. Pūnicus «пунический», «финикийский» и «пуниец»).

Сходные по типу, так называемые восточноливийские надписи, происходящие из Нумидии (т. е. из современного Алжира и Туниса), были более или менее прочитаны усилиями Шабо и Рёсслера. Однако западноливийские надписи, находимые на территории Марокко, оказались несравнимо более твердым орешком, не поддающимся дешифровке.

I

Неопознанная ливийско-латинская билингва

Поскольку западноливийские надписи не были прочтены и язык их по-прежнему оставался неизвестным, первостепенную ценность приобретали билингвы, так как именно они могли дать ключи к прочтению. Однако ученые, которые описывали или пробовали читать указанные надписи (Марси, Феврийе, Лауст, Шницер, Товар, Таррадель, Галан), не видели среди билингв ни одной, способной обеспечить какой-либо прогресс в дешифровке.

Я обратил особое внимание на одну стелу, имеющую рядом с ливийским текстом латинскую фразу с упоминанием имени некоего покойного Валентина, погребенного под стелой, на которой вырезана надпись¹ (стела найдена в 1949 г. и находится ныне в музее гор. Тетуана на севере Марокко).

Испанские ученые Товар и Таррадель, а за ними французский берберовед Лионель Галан, пытавшиеся читать эту надпись, пришли к выводу, что «соответствия между латинским и ливийским текстами не замечается»². Несмотря на это категорическое высказывание, я попытался выявить в ли-

¹ Inscriptions antiques du Maroc, Editions du Centre national de la recherche scientifique, Inscriptions libyques par Lionel Galand, P., 1966 (далее — IAM), № 2, стр. 40.

² A. T o v a r et M. T a r r a d e l l, Cuatro inscripciones libicas ineditas del Museo Arqueológica de Tetuán, in I Congreso arqueológico del Marruecos español, Tetuán, 22—26 junio 1953, Tetuán, 1954, стр. 437 сл.: IAM стр. 41.

вийском тексте эквивалент латинского имени VALENTINVS, руководствуясь при этом следующими соображениями: во-первых, в ливийском тексте должны отсутствовать гласные (обозначенные как (2), (4), (7), (9) на рисунках); во-вторых, последовательность согласных в слове, вероятно, будет иная. Исходя из этого, я «раздел» слово, освободив его от гласных, и получил форму *VLNTNS. Я также предположил, в-третьих, что в ливийском, как и во многих языках (например, мероитском, греческом, санскрите), носовой (в особенности перед зубным — здесь знак 5) часто не выписывается — *VLTNS (ср. пример, приведенный на стр. 34 из ли-

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Латинск. —————	V	A	L	E	N	T	I	N	V	S
Слово-робот	*	V	L	T	N	S				
Ливийск. <math>\left. \begin{array}{l} \text{ } \\ \text{ } \end{array} \right\}	V	L	T	M	Z					
	W		+	□	—					
	1	2	3	4	5					

Рис. 1. Ливийско-латинская билингва
(№ 2 Галана)

нейного письма *B* для греческого слова «Коринф»). С этой рабочей гипотезой я начал поиски и обнаружил на второй строке последовательность букв, которая, по всей видимости, должна совпадать с нашим словом-роботом (рис. 1). Количество согласных совпадало, и можно было предположить, что знаки «крест» и «две вертикальные черты» действительно соответственно передают латинские *T* (3) и *L* (2). Согласные, однако, не все совпадали: так, знаки (4) и (5) скорее передавали *M* и *Z*, как в нумидийских надписях из восточной части Магриба. Я подставил найденные значения (см. рис. 1): *VLTMZ* — должно было быть реальным чтением слова! Из этого следует вывод, что по-ливийски можно было вполне нормально заменять один носовой — *N* другим носовым — *M*, так же как вместо глухого свистящего *S* писать звонкий свистящий *Z*.

Итак оказалось, что ливийское *VLTMZ* передает латинское *VLTNS/VALENTINVS. Эта первая операция сразу же дала мне пять дешифровок ливийских графем, которые соответствовали латинским буквам (1) *V*, (2) *L*, (3) *T*, (4) *M*, (5) *Z*. Так было положено начало дешифровки, о которой я в первый раз доложил на III Всесоюзной конференции семитологов, посвященной памяти академика Г. В. Церетели в Тбилиси 13 декабря 1977 г.

II

Вторая билингва

Прочитав первую билингву, я продолжал поиск и нашел еще несколько новых знаков с помощью пунийской билингвы, которую тот же Л. Галан, а вместе с ним М. Шницер опять не признали за таковую, т. е. не нашли соответствия между ее пунийской и ливийской частями. Эта надпись была опубликована ими в журнале «Semitica»³.

³ L. Galand et M. Sznyczer, Une nouvelle inscription punico-libyque de Lixus, «Semitica», XX, P., 1970 (далее — Semitica, XX), стр. 5—16.

Текст пунийской надписи состоит из восьми слов: (I) 'KRεT (II) BN (III) εBDM (IV) BN (V) PLeWHŠ (VI) 'KeY (VII) BN (VIII) 'SM'T. Слово BN — «сын такого-то» — в ней попадаетея трижды — (II), (IV), (VII), однако без какого-либо заметного соответствия с ливийским текстом: «К сожалению, никакая связь между обоими текстами не устанавливается», — констатируют Галан и Шницер ⁴.

Отправным положением своих рассуждений я сделал допущение, что ливийский текст действительно дублирует пунийский. В этом случае

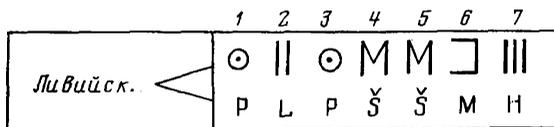

Рис. 2. Вторая билингва («Семитика»)

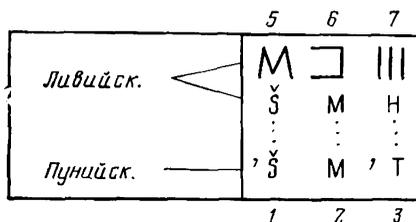

Рис. 3. Имя Ашмаат

имена собственные *насаба*, т. е. указанной здесь генеалогии, должны непременно иметь эквиваленты в ливийском тексте. Не найдя, однако, ливийского слова W — «сын такого-то» — в ливийском тексте, я решил сократить также для поиска слово BN «сын» в пунийском. Надпись тогда содержит пять имен и принимает такой вид: (I) 'KRεT (III) εBDM (V) PLeWHŠ (VI) 'KeY (VIII) 'SM'T. При этом я обратил внимание на тот факт, что если прослеживается генеалогическая связь между (I) и (III), (III) и (V), (VI) и (VIII) словами, то таковая отсутствует между (V) и (VI). В самом деле, слова PLeWHŠ и 'KeY следуют одно за другим, не будучи связаны посредством слова BN. Теперь обратимся к ливийскому тексту с тем, чтобы отыскать в нем длинную последовательность знаков, не разделенных точкой, которая должна нам указать на соединенные слова. Найдим семь знаков, выписанных подряд, которые могут соответствовать пятому плюс шестому словам (рис. 2). Только последние три знака (5)(6)(7) соответствуют последнему слову пунийской надписи (VIII), т. е. 'SM'T (см. рис. 3). Надо полагать, что знак «три вертикальных черты» (7) ведет себя наподобие арабской *та марбута*: его, вероятно, можно читать на конце слова как гласный (Н) или как Т. Во всяком случае, положение его как знака не совсем обычно (ср. лив. RBH и пун. RABBAT, стр. 14).

На этом основании можно считать, что гравер забыл разделить эти два слова точкой, как это обычно делали ливийцы. Во всяком случае это может оказать некоторую помощь, и поэтому естественно, что мое внимание сосредоточилось на этом отрезке надписи. Сразу стало понятно, что эти два слова не отвечают пунической последовательности (V) PLeWHŠ (VI) 'KeY, но таят в себе некую иную последовательность, где места для 'KeY

⁴ Semitica, XX, стр. 10—11.

не осталось вообще. Это слово опущено в ливийском тексте, может быть, из-за его краткости (если сократить ларингалы, останется только KY). Может быть, западные ливийцы не знали вообще звука K и не могли передать слово своими знаками? Знака для буквы K, во всяком случае, я в западноливийских надписях не встретил и не думаю, чтобы его изображали посредством знака для G.

Слово из последней колонки на ливийской надписи можно (не без некоторой, впрочем, натяжки, так как части двух первых букв оббиты)

	1	2	3
Ливийск.			
	[G]	[R]	T
Пунийск.	⋮	⋮	⋮
	K	R	εT
	1	2	3

Рис. 4. Имя Акраат

Латинск.	M	i	C	i	P	S	A
	⋮	⋮	⋮	⋮	⋮	⋮	⋮
Нумидийск.							
	M	K	W	S			

Рис. 5. Имя Миципы в нумидийской транскрипции

читать как GRT. Для G есть вертикальная черта, но сразу дальше идет зарисованная штрихами лагуна; в таком же положении R, от которого только осталась половина; только «крест» хорошо виден, так что T читается совершенно определенно. Если этим удовлетвориться, то совпадение с первым именем пунийской надписи устанавливается неплохо: [GR]T = KRT без ларингала (рис. 4).

Теперь остается найти еще два имени в ливийском тексте, чтобы совпадение было полным (исключая имя KY).

Посмотрим, как передано пунийское PLεWHŞ в ливийском тексте. Оно содержит два ларингала, которые там должны исчезнуть: слово-робот будет выглядеть, следовательно, как *PLWS. Оно явно близко к ливийскому PLPŞ. Расхождение обнаруживается лишь в третьем знаке — *PLWS — PLPS. Здесь, однако, полезно вспомнить, что фонемы (p) и (w) представляют собой две губные, которые фонограмматологически вполне возможно представлять одним знаком. Примеры передачи с помощью одной из них другой нам известны. Так, например, имя царя Миципы (MICIPSA) транскрибируется в нумидийских надписях (рис. 5) через w, где оно представляет собой p.

Имя PLεWHŞ показалось странным Шницеру: «Хет, который следует за вавом, безусловно употреблен как mater lectionis», — пишет он⁵. Ученый совершенно прав. Хет действительно представляет собой гласный V из окончания -VS греко-латинского имени. Положение здесь соответствует тому, о чем пишет И. Ш. Шифман: горловые знаки после их исчезновения из живой речи пунийцев стали в соответствующих графамах заменять

⁵ Semitica, XX, стр. 9.

гласные ⁶. Здесь можно наблюдать полный параллелизм этому явлению. Удивительно, что Шницер не увидел этого. За указанным «псевдогласным» стоит знак Š, который изображает окончание латинского номинатива на S в несколько «шепелявом», по свидетельству Исидора Севильского, прозвищени африканцев ⁷. Таким образом, нам открывается третье имя этой билингвы. Лив. PLPS — это явно пун. *PLWŠ, т. е. PLεWḤŠ без обоих ларингалов. Это слово не может быть ничем иным, кроме греко-римского имени собственного PHILIPPVS (рис. 6).

	1	2	3	4
Ливийск.	⊙		⊙	М
Слово-робот	P	L	P	Š
Пунийск.	P	L	εW	ḤŠ
	1	2	3 4	5 6

Рис. 6. Имя Филипп

Итак, уже три ливийских имени совпадают с именами пунийской билингвы: PLPS, ŠMH, GRT. Они одни позволяют определить пять новых чтений: P, Š, H, G, R, поскольку L и T повторяются и известны нам из первой билингвы. Знак M не совсем новый: он присутствует в первой билингве, однако повернут «рожками» вверх. В египетских иероглифах он выглядел подобным же образом, но был положен на бок («рожки» вправо) в имени PTOLMYS на Розеттском камне. Этот знак имеет способность к «вращению» справа налево и вверх, не нарушая своей семантики.

Итак, в ливийском тексте мы не обнаружили только эквивалента пунийского имени 'KεY. Это — краткое имя, и пропуск его не должен нас слишком настораживать. Гораздо более существенно должно было бы быть отсутствие четырехгласного имени εBDM (BDM без ларингала). Я, впрочем, думаю, что слово это вполне могло соответствовать ливийскому имени GB(?)DŠTH. Во всяком случае по порядку оно, так же как и последнее, занимает второе место. Имя ясно не читается и разбираемые знаки представляют собой лишь только часть его: может быть GB(?)D вместо семитского εBD, что в принципе допустимо. Однако ливийская буква E, употребленная в тексте вместо B, единственна в своем роде. Что же значит ясно написанная часть имени ŠTH? Это имя значит один раз в корпусе Шабо ⁸.

Порядок слов в надписи

	Пун.	Лив. ожидаемое	Лив. действительное
(I)	'KRεT	*KRT	[GR]T
(II)	εBDM	*BDM	GBDŠTH(?)
(III)	PLεWḤŠ	*PLWŠ	PLPS
(IV)	'KεY	*KY	∅
(V)	'ŠMT	*ŠMT	ŠMH

⁶ И. Ш. Ш и ф м а н, Эпиграфические заметки — II; V. К вопросу о способах изображения гласных в новопунийской графике, в сб. «Семитские языки», вып. 3, М., 1976, стр. 192.

⁷ Ю. Н. З а в а д о в с к и й, Берберский язык, М., 1967, стр. 17, прим. 12.

⁸ RIL, № 717.

Соответствие между двумя совершенно разными именами никак нельзя доказать, тем не менее хочется высказать на этот счет одно соображение. Зафиксировано существование ливийских имен, которые имели семантические соответствия с именами латинскими: например, лив. SMTYLN = лат. RVFINVS⁹ (от RVFVS «рыжий, красноватый»). Чтобы дать какую-либо семантическую опору этому соответствию, необходимо было бы доказать, что форма SMTYLN также имеет близкое по смыслу значение. Поскольку мы видим, что в нашем случае простой *parallelismus membrorum* недостаточен, чтобы доказать тождество имен ливийских и пунийских, то необходимо прибегнуть к иному роду доказательств, а именно, к структуре *насаба* (генеалогии), которая могла бы это подтвердить.

Обычная латинская структура филиации из трех элементов строится так: RVFINVS (I), ZAEDONIS(II), FILIVS (III), т. е. «Руфин, Зедония сын», и соответствует ливийской структуре W (III), ZYDH (II), SMTYLN (I), т. е. «сын Зедония Руфин (Смтилн)». Таким образом, порядок слов латинской конструкции полностью «перевернут» в ливийском. Вряд ли следовало бы ожидать, чтобы пунийский порядок был сохранен и в ливийской части нашей билингвы. Действительно, в ней мы находим три имени: εBDM (II), PLεWHS (III), 'SM'T (V), стоящие в начале текста, и лишь только затем следует эквивалент 'KRεT (I).

Перевод билингвы

Следовательно, перевод ливийской части билингвы будет следующим:

(I) LN	(II) ZSH
«Здесь (лежит)	тот, кто (есть)
(III) GB[?]DSTH	(IV) PLPS
(сын) Габд-шатаха (?),	(сын) Филиппуса
(V) SMH.	(VI) [GR]T
Ашмата (точка)	Акраат»

«Здесь (лежит) тот, кто (есть) (сын) Габд-шатаха, (сын) Филиппуса Ашмата — Акраат».

Все это в обратном порядке соответствует пунийской генеалогии. Итак, прочитав эту вторую билингву, мы установили по крайней мере пять новых значений ливийских знаков:

H	(3 раза)
Š	(3 раза)
P	(2 раза)
G	(2 раза)
R	(1 раз)

Многие старые значения здесь повторились:

T, L	(по 2 раза)
Z, M, B, D	(по 1 разу).

Следовательно, теперь в нашем распоряжении находится не менее 10 ливийских графем!

⁹ RIL, № 288.

III

Первая не-биллингва — стела внука Юбы II

Описание стелы

Стела была найдена в октябре 1949 г. в районе г. Федала (Марокко), в поместье Сиди-Ларби, около дороги из Айн-Текки в Сук ал-Жмаа. Л. Галан в первой публикации надписи сообщает, что стела найдена на глубине 20 или 40 см, около большой плиты, под которой находился скелет, ориентированный с востока на запад; там же как будто бы находился второй скелет, лежавший перпендикулярно первому. В марте 1947 г. и апреле 1948 г. при раскопках двух холмов в этом же поместье были найдены глиняные изделия, монеты, могилы, также ориентированные с востока на запад (см. доклад Марокканской компании из Касабланки, которая сделала открытие¹⁰). Высота стелы 1,53 м, ширина на уровне восьмого знака — 0,51 м, ширина вверху — 0,47, толщина от 0,17 до 0,23 м. В настоящее время стела находится в музее г. Рабата (Марокко), где вкопана в землю.

На памятнике начертано 11 знаков ливийского письма (расположение знаков на стеле см. на рис. 7), которые еще не были прочтены. Я избрал его для первого чтения без помощи биллингв.

Разбор ливийских знаков

Л. Галан предлагал разбирать надпись снизу вверх. Однако направление сверху вниз более вероятно, поскольку верхний знак вынесен как бы перед всей надписью и по смыслу отнесен к ней в целом.

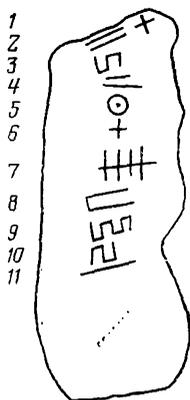

Рис. 7. Расположение знаков на стеле (№ 20 Галана)

1	+	T
2	≡	W
3	⏏	Y
4	≡	W
5	⊙	P
6	+	T
7	≡	LH
8	⏏	M
9	⏏	H
10	⏏	Y
11	—	Z

Рис. 8. Значение знаков на стеле (№ 20 Галана)

(1) (Нумерация соответствует порядку знаков, изображенных на рис. 8.) Верхний, смещенный несколько вправо знак, изображающий «крест», в нумидийских алфавитах Туниса и Алжира, так же как и во многих других алфавитах Средиземноморья, обозначает букву Т. Поскольку буква расположена наверху и как бы в стороне от всей линии надписи, она, вероятно, пред-

¹⁰ IAM, стр. 67, № 20.

ставляет собой сокращение, относящееся ко всей надписи: это invocatio к богине Танит или Тиннит (ее имя в вокативе «Тиннит!» встречается несколько раз в надписях из Марокко).

(2) Знак «две вертикальные черты» у западных ливийцев передает L — мы это знаем из первой билингвы. Возможно предположить, что «две горизонтальные черты», по всей вероятности, означают W, так как обе буквы взаимозависимы в восточных письменах Нумидии (как мы убедимся далее, предположение оказалось правильным).

(3) Третий знак представляет собой стилизацию трех линий, подобно знаку из Нумидии, имеющему значение Y. Уже Галан предполагал, что такие знаки («правые» и «левые» по своей форме) являются вариантами одного и того же знака. Они в самом деле таковы. В свое время я сопоставил наиболее распространенную форму этого знака — ливийскую — с мероитскими формами трехчертного знака¹¹. Это сопоставление было отмечено Галаном как одно из наиболее убедительных из числа тех, которые я предлагал¹².

(4) «Две горизонтальные черты», см. (2).

(5) «Круг с точкой в середине». Из билингвы, которую опубликовали Галан и Шницер в «Semitica», я получил для этого знака значение P¹³. Оно грамматологически очень близко первой букве имени ПТОЛОМАΙΟΥΣ, изображенной «квадратом».

(6) «Крест» — см. (1).

(7) «Заборчик» из четырех вертикальных черт, соединенных пятой горизонтальной чертой. Это — лигатура, составленная из знака «две вертикальные черты» (т. е. L) плюс «три вертикальных черты» знака H; третья черта была положена горизонтально для соединения всех элементов знака. Интерпретировать его следует как LH (лигатура).

Как мы уже отмечали, И. Ш. Шифман специально указывал для новопунийской графики характерные написания гласных звуков при помощи графем, ранее служивших для обозначения «горловых» звуков, после их исчезновения из живой речи¹⁴. Во всяком случае в ливийском лигатура L+H или LH передавала, по всей вероятности, L+гласный по новопунийской модели, в данном случае — LE, что безусловно соответствует написанию параллельного слога в латинской графике. С другой стороны, форма, которая является ее графическим вариантом, наблюдается в надписи № 17: уLHz. Я читаю это слово как латинское имя JVLIVS (см. рис. 46, 2).

(8) Знак, обращенный «рожками» влево. Подобный знак я обнаружил в имени собственном, транскрибировавшем ливийской графикой пунийское имя 'SM'T «Ашмат» на месте, соответствовавшем букве M. Я полагаю, что это свободный вариант такого же знака с «рожками» вверх, который в латино-ливийской билингве VALENTINVS/VLTMZ заменял в последнем слове графему M. Следовательно, это второй вариант написания M. (Первым вариантом для M был знак, обращенный «рожками» вправо из египетской иероглифики, где он служил для написания имени PTOLMYS на Розеттском камне.)

(9) Знак «три зубца» без сомнения служит лигатурой, состоящей из трех частей, подобно третьему знаку. Вероятно, это — H, а поскольку ларингала в ливийском не было, то, возможно, знак представляет собой

¹¹ Youri Z a w a d o w s k i, «Notule sur une possible contamination de l'alphabet méroïtique par le système d'écriture libyco-berbère», MNL, № 7, juillet 1972, стр. 11.

¹² L. G a l a n d, «A propos d'une comparaison entre les écritures libyco-berbère et méroïtique», MNL, № 9, juin 1973, стр. 8.

¹³ Semitica, XX, стр. 5—16.

¹⁴ Ш и ф м а н, Эпиграфические заметки..., стр. 192.

(см. комментарий к знаку (7)) какую-нибудь гласную; согласно новопунийской модели — H + E, что должно соответствовать латинскому слитному Æ.

(10) Тот же знак, что и третий, только «перевернутый».

(11) «Одна горизонтальная черта». Этот знак был мной впервые обнаружен в латинской билингве в конце слова VLTMZ (т. е. VALENTINVS) в значении Z, вместо латинского S. Вероятно, он служит для передачи звонкого свистящего; знака для передачи глухого свистящего среди западноливийских надписей я не обнаружил. (Кстати, как мы помним, во второй билингве латинское имя PHILIPPVS передано как PLPŠ, т. е. через Š на ливийском языке.)

Говорят, что Шекспир оставил 16 подписей, но все они разные. Думаю, что и в древности орфографии значения не придавали, и в этих вопросах царил полный беспорядок.

Разбор слов

Теперь, зная значения всех 11 знаков надписи, попробуем ее прочесть по словам. Таких слов я обнаружил всего четыре — I, II, III, IV:

(I)	(II)	(III)	(IV)
T	WY	W	PTLHMNYZ

(I) T, вероятно, сокращение слова «Tinnyt», т. е. invocacia к богине Танит или, как теперь установлено, Тиннит.

(II) Ливийско-берберское слово WI «этот». Это слово калькирует слово ZY «этот» из пуноязычных (точнее «пунообразных») надписей, но местоимение WI хорошо известно и в берберских диалектах¹⁵.

(III) Ливийско-берберское слово W «сын такого-то». Слово широко известно в современном берберском языке и в восточных ливийских надписях Нумидии. В женском роде WLT значит «дочь такого-то». Слово, вероятно, сродни арабскому корню WLD «рожать, рождать».

(IV) PTLHMNYZ. Греко-латинское имя собственное — PTOLEMAEVS «Птолемей», достаточно знаменитое в анналах дешифровки, так как с его помощью был прочтен Розеттский камень. Все согласные ливийской надписи совершенно точно совпадают с латинскими буквами в этом слове; LH и H, вероятно, по модели пунийских надписей, передают гласные E и Æ (после M) соответственно.

Перевод надписи

(I)	(II)	(III)	(IV)
T	WY	W	PTLHMNYZ
«Т(иннит!)	Это (есть)	сын	Птолемей»

Исторический комментарий

Имя Птолемей носил один из сыновей царя Мавритании Юбы II (род. около 50 г. до н. э. — умер около 23 г. н. э.). Не является ли эта надгробная стела стелой внука Юбы? Я думаю, что это вполне возможная гипотеза, ибо это имя греческого происхождения, а Юба II был распространителем греческой культуры в Африке.

¹⁵ A. Basset et A. Picard, *Éléments de grammaire berbère (Kabylie — Irjen)*, Alger, 1948, стр. 134, § 411; Mouloud Mamméri, *Tajerrumt N Tmazigt (grammaire berbère)*, P., 1976, стр. 42.

В 25 г. до н. э. Август передал Мавританию (современное Марокко) сыну Юбы I — царю Юбе II. Этот последний местный монарх воспитывался в Риме и был женат на дочери Клеопатры VII и Антония — Клеопатре Селене. Низведенный покровительством Рима до положения марионетки, он находил утешение в коллекционировании произведений искусства и сочинительстве (в «графомании» — пишет Ш. А. Жюльен). Столицами при нем были Шершель (Цезарей) в Алжире и Волюбилис в Марокко. Юбе наследовал сын Птолемей, которого убили римляне в 40 г. Он, как и его отец, был верным приверженцем Рима¹⁶. Неизвестный, безымянный «сын Птолемея» был, следовательно, погребен в Африке, в Марокко. То, что на его могиле надпись была сделана не на латыни, а неровными местными ливийскими буквами, может быть не совсем грамотным писцом или гравером, показывает, что этот «сын Птолемея» принадлежал не к тем, кто были заодно с Римом, а к местной ливийской народной группе или партии людей. Ее сторонники поклонялись еще своим местным, африканским богам, например Тиннит. Эта партия могла, вероятно, оказывать известное сопротивление Риму. В этом случае использование ливийского языка вполне оправдано и понятно даже для людей, носивших царские имена.

IV

Ливийская надпись, смешанная с пунийским текстом, заранее нам частично известным

Характеристика надписи

Надпись § 27 из «Корпуса ливийских надписей» Л. Галана сделана на фрагменте глиняного черепка, который был найден в Банасе (Марокко). Как и на стеле внука царя Мавритании Юбы II, на ней имеется крестообразный знак, несколько больший, чем другие графемы, поставленный между обоими столбцами. Мы полагаем, что он, следовательно, относится ко всей надписи, будучи вводной инвокацией.

«Надпись, — говорит Л. Галан в комментарии к тексту, — возможно, неполна, и у нас нет никакого точного критерия, чтобы ее ориентировать. Надпись на глиняном черепке, в среде пунийского влияния, могла быть горизонтальной, так что можно колебаться между четырьмя направлениями письма»¹⁷. Надпись мне лично кажется совершенно полной, ибо она составляет одну цельную фразу, характер завершения которой несомненен и составляет логическое единство. Она читается снизу вверх и слева направо, исходя из первой графемы, поставленной en exergue. Второй критерий для ее ориентации — последовательность пунийских слов в порядке, который хорошо известен и который составляет пунийскую религиозную стереотипную формулу, повторенную еще в нескольких надписях¹⁸. Важно то, что эта надпись дает возможность проверить на совершенно новом материале предлагаемые выше чтения (в основном билингв) и проконтролировать полученные значения для западноливийских знаков.

О языке надписи

Идентификация языка, на котором составлена эта надпись, внушает пер воначально некоторые сомнения, так как из семи слов, ее составляющих, только одна морфема N (знак 8 первой строки) относится к ливийскому языку: все другие являются чисто пунийскими в ливийской транскрипции! (No ta bene! Эта надпись в определенном отношении мне напомнила дру-

¹⁶ Ш. А. Жюльен, История Северной Африки, т. I—II, пер. с франц., М., 1961; т. I, стр. 168.

¹⁷ IAM, стр. 75.

¹⁸ Она повторена еще в № 11 и частично в № 7 «Каталога» Галана.

гую, которую я видел на фронтоне Анкарского университета в Турции: *Hayatta enhakiki mürşit ilim dir* — «В жизни самым настоящим руководителем является наука». Все слова в этой фразе арабские, т. е. относятся к одному семитскому языку, и только грамматика в ней турецкая и принадлежит к другой лингвистической системе; все же вместе взятое составляет необычайную смесь двух разносистемных языков.) Таким образом, можно представить себе, что язык нашей надписи ливийский, но он содержит, подобно указанной турецкой надписи, необычайно большое количество лексических элементов пунийского языка. Это следует объяснять тем, что данная надпись содержит религиозный стереотипный материал.

Знаки

Сама надпись выглядит следующим образом: 19 знаков, из которых 11 — разные (см. рис. 9). «Два знака не позволяют себя идентифицировать, а другие относятся к элементарным геометрическим типам. Можно даже спросить себя является ли этот документ ливийским», — пишет Галан. Однако нет решительно никакой причины, чтобы его отвергнуть. Стоит только помнить, что эти строки могут быть простой заметкой, счетом и т. д., скорее, чем настоящим текстом: пропорция удвоенных знаков в нем примечательна¹⁹.

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
α	+	κ[ι]	□	○		⊙	⊙			
	Г	Υ	Р	В	Н	Р	Н	Н	Н	Н
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	
β		<	κ		⊙	⊙	<	<		
	Л	Г	GG	Н	В	В	Г	Г	Л	

Рис. 9. Надпись № 27 Галана

Л. Галан совершенно не мог определить два знака: второй знак первой строки и третий знак второй строки. Я предполагаю, что первый знак — нечетко выписанный Υ, что вполне подтверждается контекстом. Второй знак — κ — должен представлять собой нечто вроде дигаммы, т. е. двойную гамму ΓΓ, что фонетически может обозначать GG или, вернее, GH. Это — обыкновенный знак алфавита, потому что он редок, но особая лигатура, в которой главный знак — Γ — написан нормально, а второй знак подписан под ним несколько вкось (см. рис. 9). С предшествующим G он может означать смягчение или придыхание, подготавливая как *mater lectionis* чтение последнего знака Н в качестве гласной, т. е. как I или Y. Исходя из вышесказанного я предлагаю интерпретировать окончательно слово LGGHH как LGYI или даже LYI — «очень сильный, могущественный».

Разбор слов

(I) Первое слово состоит из одного знака «крест» (1), предшествующего всей надписи. Тем самым определяется начало ее внизу. Знак стоит как сокращение имени богини — «Тиннит!».

¹⁹ IAM, стр. 75.

(II) Второе слово также представлено одним знаком (2). Л. Галан не был уверен в его форме, но так как за этим словом следует пунийское слово RABBAT, нельзя сомневаться в том, что перед нами вокативная частица семитских языков. Таким образом, неясный знак должен быть Y, который представляет YA — «о», частицу финикийского вокатива ²⁰.

(III) Третье слово составлено из трех знаков (3)(4)(5) — «квадрат», «круг», «три вертикальных черты» и читается RVH «великая» или «госпожа, владычица», по-пунийски (Эль-Хофра) RYBAΘ — /RUBBĀΘ ²¹. Ливийское письмо не передает здесь геминации, но это совершенно нормальное для этого периода scriptio defectiva.

Замечание Галана, что эта надпись позволяет наблюдать переход от квадратных написаний (типа «квадрат») к круглым написаниям (типа «круг») или, наоборот, по всей видимости ошибочно, потому что как раз в этой надписи оппозиция семантики знаков ясно построена на их форме — «квадрат» = R — противопоставляется «кругу» = B.

(IV) Четвертое слово, состоящее из знаков (6)(7)(8)(9), читается как PPNH и соответствует пунийскому PNY «украшение» (ср. греческую транскрипцию из Эль-Хофры: ΦANE) ²². Можно предположить, что двойной знак передает здесь системно аспирацию — PH или губно-зубной F по фонограмматологическому признаку, т. е. представляет собой PHANY.

Повторы графем

В прочих известных надписях F всюду передан через уполовинение «круга с точкой» сверху или как низ ромба с избыточной дифференцирующей точкой, применявшейся для перестраховки; в данном же случае применена иная система:

«два круга с точкой»	PP > PH
«два круга»	BB > BH
«два шеврона»	GG > GH
«три гаммы»	GGG > GGH > GYI

Таким образом, по системе ливийцев повторение букв указывает на фрикативное произношение или на смягчение и палатальное их произношение. Напротив, фонетическое сдваивание или удлинение согласных никогда не передается на письме, как это мы видели на примере третьего слова, где удвоение B не отмечено вообще.

Семантический разрыв

После четвертого слова, прочитанного мной — (6)(7)(8)(9) = =PPNH > PHN + гласный со значением «украшение», я ожидал слова BA'L в соответствии с ритуальной фразой на пунийском языке: ΘINIΘ ΦANE BAA (см. надпись из Эль-Хофры ²³ — «Тиннит, украшение Вала»). Однако обычная конструкция здесь не продолжалась, но возобновлялась немного спустя, после двух слов. Формула прерывается после слова PPNH:N и снова возобновляется на втором столбце со словами LGGGH:BBGL:, которые связаны с последним N предыдущей строки. Это составляет лишнее доказательство того, что текст нами дешифрован.

²⁰ J. Aistleitner, Wörterbuch der ugaritischen Sprache, В., 1963 (далее — WUS), стр. 121, № 1127.

²¹ Ср. WUS, 287, № 2484: RBT «Herrin»; И. Ш. Ш и ф м а н, Пунийская надпись из Эль-Хофры, «Семитские языки», вып. 1, М., 1963, стр. 166.

²² Там же.

²³ Текст всей надписи из Эль-Хофры см. Ш и ф м а н, Пунийская надпись..., стр. 166.

То же слово PHANY, как и вся формула, точно повторены в № 11. Еще одна формула, очень близкая к названной, читается в № 7: «В[еликая] Тиннит совершенство Гаммуза и совершенство Ваала».

Продолжение разбора слов

(V) Пятое слово представляет собой берберо-ливийское (единственное) слово-морфему. Оно пишется вертикальной чертой, составляя то, что называется *nota genitivi*. Это слово указывает на то, что текст, хотя и состоит из пунийских слов, мыслится по-ливийски, и вся конструкция в целом принадлежит, следовательно, к этой системе языка.

(VI) Шестое слово (столб. *b*) состоит из знаков (1)(2)(3)(4), т. е. букв LGGH. Трехкратное написание GGG подтверждает только, что здесь следует видеть GH, за которым следует второе H, т. е. две гласных подряд. Это написание могло бы указать на финикийское слово L'Y «великий, мощный», что является эпитетом бога, известным по теофорным именам (например, «BDL'Y «слуга всемогущего»²⁴). Это финикийское имя собственное встречается в Карфагене, на Кипре, Мальте и других местах, где были финикийские колонии²⁵. Это слово я не обнаружил в собственном финикийских словарях, однако оно содержится в угаритском словаре Айстлейтнера: элатив aLiY «der stärkste, sehr starke», т. е. «самый сильный» и эпитет Ваала (Epitheton des Ba'al), aLiYN «der sehr starke» «сильнейший, наисильнейший, могущественный»²⁶. Это слово могло бы вполне нам подойти, так как первая его графема — L и последняя — H, соответственно отвечают L...Y, т. е. началу и концу финикийского слова L'Y с нормальным падением ларингала при переходе в ливийский.

VII. Седьмое и последнее слово надписи, включающее знаки (5)(6)(7)(8)(9), читается BVGGL > BHGH. Графема «круг» передает рядом с «кругом с точкой» простую смычную звонкую, т. е. В. Два «круга» подряд передают BH, т. е. фрикативное В, сохраненное до нашего времени на севере Марокко²⁷.

Перевод надписи

Итак, надпись включает 7 слов:

(I)	(II)	(III)	(IV)	(V)	(VI)	(VII)
T	Y	RVH	RHH	N	LGGH	BHGH
Тиннит О, госпожа, украшение (N.G.) всемогущего Ваала!						

V

Стелы «мужа и жены» из Маазиз (Марокко)

Ныне обе стелы хранятся в Рабатском музее. Первая, № 19 по «Каталогу» Галана, была обнаружена в 1958 г. и не публиковалась. Высота ее 0,95 м, ширина 0,55 м, толщина до 0,22 м. Вторая, № 21, найдена в 1926 г. в Сук ал-Жмаа; описывалась многими учеными и любителями-крае-

²⁴ Corpus Inscriptionum Semiticarum, P., 1881—1947 (vol. I—III), I, 3914.

²⁵ J. Février, Inscriptions puniques et néopuniques, IAM, стр. 113, № 52.

²⁶ WUS, 165, № 1430.

²⁷ W. Marçais, Textes arabes de Tanger, P., 1911, стр. XIV: «(b) — spirante bilabiale sonore»; Завадовский, Берберский язык, стр. 17 и прим. с цитатой из Исидора Севильского (III, 2,504): «*birtus, voluntas, bita vel hic similia, que Afriscribendo vitiant, omnino reicienda sunt et non per b, sed per v scribenda*» «доблесть, воля, жизнь или тому подобные (слова), которые африканцы искажают при письме, совершенно нетерпимы и должны писаться не через b, но через v».

ведами. Возможно, что обе стелы представляют собой надгробия мужа и жены, хотя и были найдены в разное время. Во всяком случае интересно, что одно и то же мужское имя встречается на обеих стелах в разных контекстах.

Надпись № 19. Знаки

Надпись содержит 11 ливийских знаков, из которых 9 разных (см. рис. 10).

(1) Вероятно, уполовинение знака «круг с точкой в центре» (как думал Галан), но знак не закрыт и в этом случае представляет собой F.

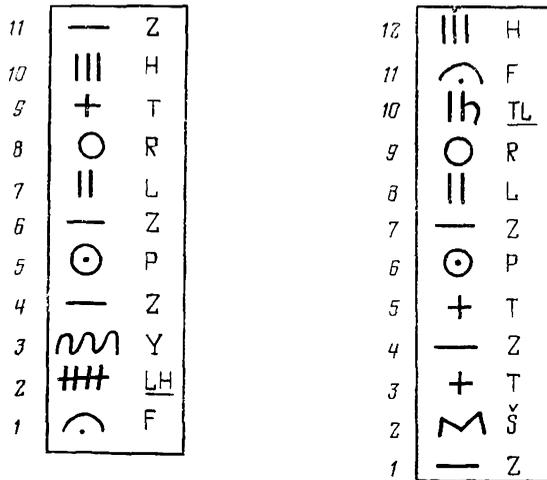

Рис. 10. Стела № 19 и № 21 Галана

(2) «Забор» из четырех вертикальных черт, соединенных посредине пятой горизонтальной чертой. Это лигатура LH, которую мы уже видели в надписи № 20 (седьмой знак в III разделе).

(3) «Три змеевидных зубца» (Y) представляют собой связанный и стилизованный вариант знака «три вертикальных черты»; значение H.

(4) «Горизонтальная черта» — Z (ср. билингву)

(5) «Круг с точкой в центре» — P (ср. билингву)

(6) Тот же знак, что (4) и (11).

(7) «Две вертикальных черты» — L (ср. билингву)

(8) «Круг» — R. Не надо, впрочем, забывать, что в оппозиции к «квadrату» он может иметь другое значение.

(9) «Крест» — T (ср. билингву).

(10) «Три вертикальных черты» — H или любой гласный.

Перевод

В надписи № 19 всего два слова (см. рис. 10):

(I)
FLLHNZ
«Сын

(II)
PZLRTHZ
Пезельрета»

Оба слова представляют собой транскрипцию латинских слов, причем второе — имя собственное, как кажется, стоящее в родительном падеже латинского склонения: FILIVS PEZELRETIS.

Стела № 21

Высота камня 1,58 м, ширина 0,44 м. Чтение снизу вверх. Один только неизвестный знак — (10). Он представляет собой вертикальную черту плюс знак, напоминающий латинскую рукописную букву h. Это, вероятно, лигатура, на базе вертикальных черт L; может быть, TL или TH?

Слова

Надпись состоит из четырех или пяти слов (см. рис. 10).

(I) Первое слово — знаки (1) (2) (3) — ZST «эта», указательное местоимение женского рода.

(II) Второе — знаки (4) (5) — ZT «жена, женщина» (пун. 'st), слово, своим окончанием указывающее на женский род.

(III) Знаки (6) (7) (8) (9) (10) — слово PZLRTH или PZLRTL «Пезельрет» — имя собственное.

(IV) Знаки (11) (12) — F : вероятно, сокращение слова FILIVS «сын» с окончанием H, т. е. «сына его (?)».

Перевод

(I)	(II)	(III)	(IV)	(V)
ZST	ZT	PZLRT	F	H
«Эта (есть)	жена	Пезельрета,	с(ына)	его (?)»

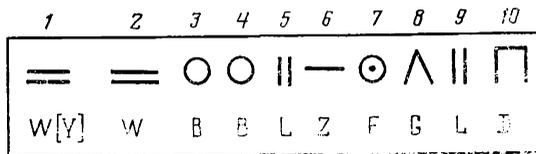
Как видно, имя PZLRTL здесь возникает в контексте из женских окончаний, относящихся к его жене. То же имя встречается еще в ряде других надписей. Окончание H (12), возможно, замена пунийского гласного, который может стоять на конце корня FIL для выражения родительного падежа I или чего-либо другого. Бряд ли это пунийское местоимение здесь может иметь грамматическое значение.

VI

Надпись № 26. Знаки

В надписи десять знаков (см. рис. 11).

(1) Знак поставлен несколько правее и выше всей строки. С него и надлежит начинать, так как он относится ко всему тексту. Это, вероятно, бер-

[Рис. 11. Надпись № 26 Галана

берское указательное местоимение *wi* «это вот», «этот», соответствующее действительному Z пунических надписей. В № 20 это же слово написано полностью вместе со своей гласной WY.

(2) Следующий, второй знак, начинающий строку, имеет ту же форму, но не значение. Он написан вместе со вторым словом и примыкает к нему логически. Дадим ему условное значение «сын такого-то», как в берберском языке и в нумидийских надписях.

(3) (4) Знак «круг» со значением В написан два раза подряд. Если бы он представлял (*b*) и (*p*), чтение PVBLIVS было бы возможно. Однако надпись № 7 показала нам, что удвоение знаков передает не геминацию звуков, а фрикативное произношение, т. е. ВН или, возможно, РW. В самом деле РW дает хорошее чтение: PWLZ = PAVLVS.

(5) Знак «две вертикальные черты» — L — мы знаем из первой билингвы.

(6) Знак «одна горизонтальная черта» — свистящая Z, как в Нумидии, известна из первой билингвы.

(7) «Круг с точкой в центре» — обычно Р, в этой надписи, вероятно, F, потому что надпись уже записала Р через ВВ/ВН.

(8) Знак представляет собой несколько наклоненную греческую гамму — G.

(10) «Ворота» с «рожками» вниз — D, как в Дугге.

Слова

(III) Третье слово BBLZ стоит после слова, которое означает «сын такого-то», оно ничего не может дать, кроме имени собственного: BHLZ, т. е. PAVLVS.

(IV) Четвертое слово состоит из одного знака «круг с точкой в центре», который здесь, возможно, поставлен в виде аббревиатуры слова FILIVS: переводим «потомок царя, царский сын» (вместе со следующим словом).

(V) Пятое слово: GLD в ливийско-берберском означает *agelli*^d «царь» «вождь». Оно широко известно.

Перевод надписи

Все вместе читается по ливийско-берберски без каких-либо пунийских слов:

(I)	(II)	(III)	(IV)	(V)
W[Y]	W	PWLZ	F	GLD
Это (есть)	сын	Павла	(потомок)	царский

VII

«Стела финикийских богов»²⁸

Памятник найден в Сиди Слимани (область Гарб, Марокко), в настоящее время хранится в Рабатском музее (№ 11 по «Каталогу» Галана). Надпись на нем гравирована с двух сторон, обозначенных мною как стороны *a* и *b*; в корпусе Шабо²⁹ упомянута только сторона *b* (см. рис. 12).

Вся надпись чрезвычайно важна для дешифровки, так как каждая из ее сторон дает по параллели для проверки чтений на других надписях: сторона *b* — для № 10 и сторона *a* — для № 27. Надпись № 7 из «Каталога» Галана также содержит ряд общих с ней имен богов, в частности, полный титул богини Тиннит.

²⁸ IAM, 11.

²⁹ RIL, № 885.

a		b	
13	┌ L	14	+ T
12	□ B	13	— Z
11	H	12	□ M
10	< G	11	+ T
9	< G	10	L
8	L	9	□ B
7	N	8	□ P
6	⋯ [N]	7	∧ S
5	⊙ [P]	6	□ B
4	□ P	5	L
3	∧ S	4	L:L
2	□ B	3	□ D
1	+ T	2	— Z
		1	M S

Рис. 12. Стела «Финикийских богов» (№ 11 Галана)

Знаки и слова

Сторона a (7 слов).

(I) (1) «Крест» с точкой справа T[INNŸT]! Точка отделяет это слово-аббревиатуру от прочих и показывает, что здесь надо начинать читать.

(II) (2) «Квадрат» — B. Предлог; указывает, что следующее слово стоит в творительном падеже (instrumentalis).

(III) (3) (4) — латинская буква M + «квадрат с точкой в центре» — SP. Фин. и пун. слово SPH «семья, родня». Сочетание B-SP, вероятно, значит: «(поставлено) семьей (умершего)». Исчезновение H нормально в ливийском, поскольку ливийцы не произносили пунийских ларингалов.

(IV) (5) (6) — [P] [N]. Фин. и пун. слово PENE «украшение». Это слово возвращает нас к первому слову и совместно с ним представляет одну формулу, связующую Тиннит с Ваалом.

(V) (7) «Вертикальная черта» — N, берберская nota genetivi.

(VI) (8) (9) (10) (11) — LGGH. Пун. слово aLiY «очень могущественный, всесильный».

(VII) (12) (13) «Квадрат» + L — BL. Пун. Ba'L, здесь без фарингала — «Ваала».

Сторона b (7 слов).

(VIII) (1) (2) (3) (4) — латинская буква M + «горизонтальная черта» + знак «русская буква П» + (дважды) знак «две вертикальные черты», разделенные одной несколько более длинной вертикальной чертой (L — L): SZDL «поставлено (?)».

(IX) (5) L пун. «для».

(X) (6) «Квадрат» — в пун. предлог творительного падежа.

(XI) (7) (8) — M + «квадрат с точкой в центре» — ŠP — пун. «семья» (= лат. familia).

(XII) (9) (10) — BL. Пун. BeL «Ваал!»

(XIII) (11) (12) (13) — TMZ. Пун. TAMMWZ «Таммуз!».

(XIV) (14) «Крест» — T. T[innyt] «Тиннит!».

Параллели

Сторона а: слова (IV), (V), (VI), (VII), состоящие из букв: (5) (6); (7); (8) (9) (10) (11); (12) (13) = PN : N : LGGH : BL: соответствуют (IV), (V), (VI), (VII) словам из надписи № 27 (IAM), где они написаны несколько иначе, а именно: а) (6) (7) (8) (9) (10); б) (1) (2) (3) (4) (5) (6) (7) (8) (9) (см. рис. 9). Слова составляют ритуальную фразу, произносившуюся на пунийском языке, который был, видимо, языком культа. Они обозначают «украшение всеильного Ваала» (эпитет богини Тиннит) и подтверждают мое чтение надписи № 27. Тем самым подтверждается чтение и этой надписи.

Сторона б: продолжаясь с оборотной стороны стелы, надпись опять возвращается к тому, что она поставлена семьей (усопшего) (XI) и заканчивается перечислением имен славных богов пунийской Африки: — «Ваал! (XII) Таммуз ! (XIII) Т[иннит!] (XIV)». Слово L, вероятно, означает «для», т. е. пояснение, что воздвигнута стела «для» или «ради» этих богов.

Перевод надписи № 11

(а) «Т[иннит!] Поставлена семьей умершего. Украшение всеильного Ваала (относится к имени Тиннит.— Ю. З.)».

(б) Два-три непонятных слова, возможно, в значении «эта плита поставлена семьей (instrumentalis.— Ю. З.) для Ваала, Таммуза, Т[иннит!]».

Перевод параллели из № 10

Сторона б имеет параллель в № 10, где написано:

(I)	(II)	(III)
ŠZD...	LL-L L	ŠP

(I) «(Два-три непонятных слова, возможно, в значении «эта плита поставлена») (II) для (III) семьи» (ср. рис. 13).

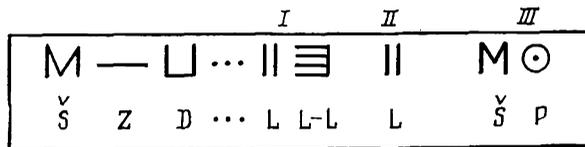

Рис. 13. Параллель из № 10 Галана

Исторический комментарий

Я назвал эту стелу «стелой финикийских богов», потому что в ней упомянуты дважды богиня Тиннит (в начале и конце надписи), боги Ваал и Таммуз. Может быть, это один бог Ваал-Таммуз, как Ваалхаммон, а может быть — два, но во всяком случае это боги и боги в довольно значи-

тельном числе. Их три имени стоят рядом в конце надписи. Я не могу сказать, чтобы надписи нам открыли западноливийский пантеон, но они нам определенно подтверждают, что ливийско-пунийское население Марокко поклонялось именно этим богам, национальным финикийским богам, а также карфагенской богине Тиннит.

Мы теперь знаем, что богиню Тиннит называли также RABBAT «госпожа» (PṬBAΘΩN пунической надписи из Эль-Хофры) и что ей всегда еще давали титул TINNYT RHNE BA'L (ΘINIΘ FANE BAAL Эль-Хофры) «Тиннит — украшение Ваала». Эти слова, говорит И. Ш. Шифман, воспринимались посвятившими, видимо, как одно имя, не поддающееся переводу³⁰. Так я его и встретил в нескольких западноливийских надписях, которые мне таким образом удалось прочесть. И хотя надписи были составлены по-ливийски, весь священный комплекс имени богини Тиннит всегда передается в этих текстах на пунийском языке. Правда, его грамматическую структуру нарушают морфологические элементы, подобно генитивной частице N, которые остаются типично ливийско-берберскими.

Это чтение подтверждается надписью № 7 (IAM), которая содержит полностью написанное имя богини Тиннит (в первый раз!), а также вновь имя бога Таммуза. Возможно, это вотивная надпись, найденная в Тамуде и сохраняемая в музее г. Тетуана.

Надпись № 7

(I) Для гаммообразного знака (кол. *a*, 5) принимаем чтение G. Это, возможно, пунийское слово, которое значит «обет», «голос» (Stimme)³¹.

(II) (кол. *b*, 1): «квадрат». Предполагаю, что R — графема, которая начинает пунийское слово RABBAT «госпожа» или «великая» — эпитет богини Тиннит.

(III) (кол. *b*, 2—5): TNNÿT — имя знаменитой карфагенской и североафриканской богини — в первый раз дано не в сокращении, а полностью, в раскрытом виде (ср. Эль-Хофра: ΘINIΘ). Здесь новая графема V, которую я объяснил пока что как ÿ, т. е. ÿU — нечто вроде русского Ю. После каждой черты, изображающей N, поставлена точка для разделения букв.

(IV) (кол. *c*, 2—4): TM — пун. «совершенство», «законченность», стар. араб. *tamāt*, евр. *tam*.

(V) (кол. *c*, 6): «вертикальная черта» — N — nota genetivi берберского и египетского языков. Это почти единственное непунийское слово надписи, которое нам показывает все же, что надпись сделана не на пунийском, а на берберо-ливийском языке.

(VI) (кол. *d*, 3—5): TMZ «Таммуз» — один из главных финикийских богов.

(VII) (кол. *d*, 6): один знак «перевернутое русское П» — ID или DI «с», «вместе» морфема, указывающая на сопровождение в берберо-ливийском языке.

(VIII) (кол. *e*, 1—2): TM — то же, что и IV.

(IX) (кол. *e*, 4): N, то же, что и V.

(X) (кол. *e*, 6—7): «круг с точкой в центре», «полукруг»... Слово оборвано на середине. Логически надо бы читать, как на надписи № 27, B[BGGL] Ваал, т. е. BA'L «Ваал».

³⁰ Ш и ф м а н, Пуническая надпись..., стр. 167.

³¹ WUS, 612.

Перевод
(реконструкция текста по колонкам)

- a. O[бет]
- b. В[еликой] Тиннит
- c. Совершенству (родительный падеж)
- d. Таммуза и;
- e. Совершенству (родительный падеж) Ваала

Двойная лексика (ливийско-берберская и латинская)

Западноливийские надписи часто обладают двойной лексикой в том смысле, что в ней попадают слова, как бы транскрибированные с пунийского и в то же время с латинского.

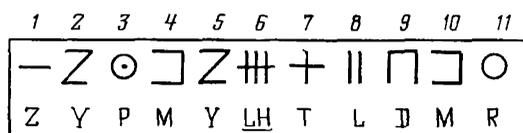

Рис. 14. Надпись № 14 Галана

В надписи № 14 дважды поставлено название семьи по-ливийски — ŠP, но слово это совершенно явно заимствовано из финикийского или пунийского языков — ŠPH (с утратой своего ларингала). В той же надписи я нашел эквивалент латинского слова FAMILIA в ливийском слове — PMYLHT. Действительно, в № 14 читаем (см. рис. 14):

(I)	(II)	(III)	(IV)
(1)(2)	3)(4)(5)(6)(7)	(8)	(9)(10)(11)
ZY	PMYLHT	L	DMR
«Это	семья (поставила)	для	«Дамира»

Среди переведенных мною надписей попало несколько топонимов. Это очень «громкие» имена, как, например, BYRZA (лат. BYRSA, греч. Βύρσα), напоминающая о цитадели Карфагена, построенной на холме того же имени, или TGG, весьма схожая с латинским названием г. Дугга в Тунисе THVGGA (см. надпись № 3 «Каталога» Галана).

В свое оправдание я могу привести только слова классической теперь книги Джона Чэдуика «Дешифровка линейного письма Б», где он оправдывается перед читателями, когда ему самому попались слишком знаменитые и громкие имена при дешифровке. «В Греции,— пишет он,— как и во всех других странах, топонимы дублировались; сколько городов называются Новгород или Ростов? Так что когда нам попадается название места ko-ri-to мы можем быть уверены, что так записано название Коринф (Korinthos), но наши знания о Пилосском царстве убеждают нас в том, что это не знаменитый город на перешейке Истм, а всего лишь небольшая деревушка с тем же названием»³².

Итак, надпись № 3, может быть, и не повторяет знаменитые имена из Восточного Магриба, а приводит только их «дубликаты».

Надпись № 3 (рис. 15) читается так:

³² Дж. Чэдуик, Дешифровка линейного письма Б, русск. пер. в сб. «Тайны древних письмен», М., 1976, стр. 207.

(I)	(II)	(III)	(IV)	(V)
YMT	ZHP[R]	Z	BYRZH	D
«Умер (лив.-берб.)	Зопп[r] ³³	из	Бирсы	с
(VI)	(VII)	(VIII)	(IX)	
VLÿU	N	TGG	MSRTN	
сыном	из	Дугги (Тугга)	племени Мисуратен»	

«Умер Зопп из Бирсы с сыном из Дугги, (принадлежащие к племени) Мисуратен». (Укажем, что племя Мисуратен известно в современной Триполитании.)

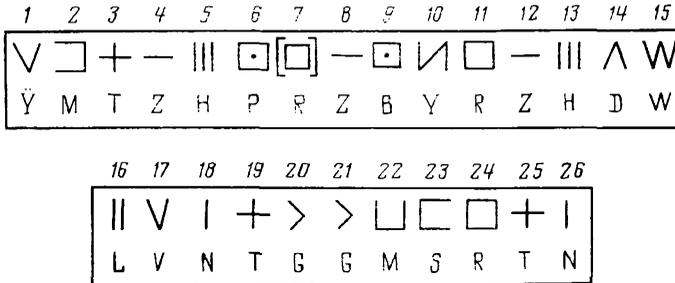

Рис. 15. Надпись № 3 Галана

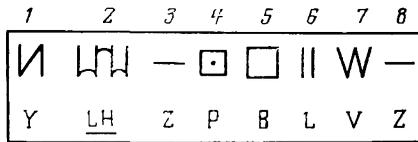

Рис. 16. Надпись № 17 Галана

Мы видели также не один раз, как рядом с ливийско-берберским словом «сын» (W) встречаются варианты написания того же слова по-латыни, например, в надписи № 19.

Наконец, надпись № 17 содержит всего два слова, но оба читаются как два латинских имени (см. рис. 16):

(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)	(7)	(8)
Y	LH	Z	P	B	L	V	Z

«Разрезав» надпись, мы получим:

(I)	(II)
YLHZ	PBLVS
JVLIVS	PYBLIVS

Я полагаю, что для первой публикации здесь приведено достаточно материалов, из которых явствует, что западнолибийское письмо мною прочтено. Здесь приводится дешифровка надписей № 2, 3, 7, 11, 14, 19, 20,

³³ Имя известно в греческом написании — ΖΟΠΥΡΟΣ (Эль-Хофра).

21, 26, 27 из «Каталога» Галана и надписи № 28, опубликованной Галаном и Шницером в «Semitica». В более подробной публикации, которая примет форму книги, я приведу весь связанный с дешифровкой систематический материал. Сейчас лишь укажу, что мною ныне прочитаны все надписи из «Корпуса» Галана, и за очень редкими исключениями смысл их был полностью понятен. Язык этих надписей — ливийско-берберский (что предполагал О. Росслер для нумидийских надписей); это типично семитский язык с включением пунийских сакральных фраз и слов, а также с многочисленными латинскими словами и именами собственными.

Приложение

Таблица западноливийского алфавита,
составленная Ю. Н. Завадовским

1.	⊙	- P/V	(вар. ◻ иногда ○, ◻)
2.	↑	- B	(вар. <)
3.	▭	- D	(вар. ^, γ, ▭)
4.		- H	(вар. ∟∟, ‡)
5.	=	- W	
6.	W	- V	
7.	И	- Y	(вар. ∟, Z, ∟)
8.	∨	- Ÿ, ½	
9.	—	- Z	
10.	М	- Š	
11.		- L	
12.	▭	- M	(вар. ◻, ▭, ◻)
13.		- N	
14.	○	- R	(вар. ◻)
15.	+	- T	
16.	⊙	- F	(вар. ∨, ⊙, ∪, ⊗)

Лигатуры:

⊕ — BB; ∟∟, ‡ — LN

Рис. 17.

В общем этот алфавит мало чем отличается от восточноливийской его разновидности. Основные затруднения для дешифровки вызвали многочисленные варианты форм знаков и сам неустановившийся характер письма, в котором трудно узнавать явления, знакомые по восточнонумидийским надписям.

PRELIMINARY REPORT ON RESULTS OF DECIPHERING
WEST LIBYAN INSCRIPTIONS*Yu. N. Zawadowsky*

Till quite recently it was thought that West Libyan inscriptions found on the territory of modern Morocco and belonging to the periods of Punic and Roman domination in North Africa were undecipherable. The author came upon several names in published bilinguals which enabled him to reconstruct the West Libyan alphabet. With this assistance he set about reading 27 inscriptions in the Galand corpus (1966) and a 28th published by Galand and Sznycer in 1970 (*Semitica* XX).

В. Н. Романов

ДРЕВНЕИНДИЙСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ЦАРЕ И ЦАРСТВЕ

Среди источников по истории древней Индии особое место занимает «Артхашастра» Каутильи (далее — КА). Основным содержанием этого обширного трактата, написанного в форме наставлений царю, является теория государственного управления и политического искусства. Данные «Артхашастры» используются практически во всех работах, где так или иначе затрагивается вопрос о древнеиндийской науке управления. Однако несмотря на значительные успехи, достигнутые санскритологией в области изучения КА, можно, очевидно, говорить об определенной односторонности методологии, применяемой исследователями при анализе данного текста. По существу все авторы, занимающиеся политической теорией древней Индии, молчаливо исходят из посылки о тождественности восприятия понятия «управление» сознанием древнего и современного человека. Таким образом, полностью игнорируется историко-культурный характер данного понятия. В то же время совершенно очевидно, что подход к управлению, понимаемому как некоторое отношение, связующее субъекта и объект, в каждый исторический период определялся той стадией развития сознания, на которой оно тогда находилось. В зависимости от того, насколько отчетливо воспринималась противопоставленность субъекта управления объекту, в разные эпохи и в разных культурах семантическое поле предиката «управлять» могло принимать свои очертания, влияя тем самым на содержание науки политики.

Об историзме понятия «управление» приходится говорить хотя бы на том основании, что древнеиндийская политическая наука включала в себя такие темы, которые в наше время вряд ли можно отнести к разряду политических. Прежде всего это касается «победы над чувствами» (*индрияджая*). Очевидное несовпадение позиций древнего и современного человека относительно уместности в политическом произведении данной темы заставляет предполагать, что мотивы включения в текст соответствующих разделов лежат в недоступной нам непосредственно (а потому требующей реконструкции) области восприятия древними определенных понятий.

В настоящей статье предпринимается попытка объяснить вхождение в древнеиндийские политические произведения разделов, специально посвященных «победе над чувствами», в связи с реконструируемыми нами представлениями о царстве как «плоти» царя. Мы попытаемся показать, что в присущей этим текстам структуре мировосприятия безраздельное владение царством совпадает с обретением царем «полного самообладания» (*атмаватта*). Подчеркиваем — преследуемая нами цель состоит не в

реконструкции некоторой политической теории, но в восстановлении присущего древним индийцам того своеобразия в переживании понятия «царство», которое обусловливало непротиворечивое восприятие несовместимых с нашей точки зрения тем.

Важность «победы над чувствами» для понимания «Артхашастры» особо подчеркивается Каутилей, который двояко определяет в своем трактате «науку политики». С одной стороны, провозглашается, что эта наука создана как средство овладения землей и для ее охраны¹, а, с другой, говорится, что суть всего трактата в «победе над чувствами»².

«Победа над чувствами», определяемая Каутилей как «выполнение (существа данного) руководства»³, излагается в связи с конкретизацией вводимого в конце предыдущего раздела понятия «полное самообладание» (*атмаватта*). Последнее выступает в тексте в качестве следствия практической деятельности царя: «От слушания ведь появляется (у царя) понимание, от понимания — приложение к практике, от приложения к практике — полное самообладание»⁴. При данном подходе, когда всеобъемлющей целью всей практической деятельности царя в целом объявлено «полное самообладание», не только любое практическое мероприятие может оцениваться лишь в качестве средства, не имеющего самостоятельной ценности, но и цели этих мероприятий не могут рассматриваться как самодостаточные. Таким образом, вся деятельность царя по управлению государством, нашедшая отражение в КА, трактуется наподобие аутотренинга. Механизм же его конкретизируется во второй главе раздела «Победа над чувствами»: «Поэтому пусть (царь) достигает победы над чувствами отвержением шести врагов, общением с учеными пусть достигает разума, при помощи шпионов — зрения, напряжением — осуществление приобретений и сохранение, через указание того, что надлежит делать — установление (для подданных) свадхарм...» и т. п.⁵ Все перечисленные здесь аспекты управления государством предстают в то же время как аспекты царского самообладания. Именно в этом ключе решается и первая практическая задача, с которой сталкиваемся на страницах КА, — назначение министров. Необходимость советников для царя мотивируется их способностью содействовать его победе над чувствами⁶. Следовательно, своеобразная роль понятия «атмаватта» («полное самообладание») применительно к государственной практике заключается в том, что оно позволяет гомологизировать как субъективные аспекты управления, так и объективные, снимая в определенной степени их противоположность. Это заставляет подробнее остановиться на главной оппозиции субъективного и объективного в области государственного управления «царь — царство» (раджа — раджья).

В КА VIII.2.1. говорится: *gājā gājuam iti prakṛtisamkṣepaḥ*. Смысл этого предложения обычно передают так: «Царь и царство — вот вкратце все государственные факторы». В принципе такой перевод не вызывает возражений. Однако необходимо учитывать то обстоятельство, что отношение сочинения, устанавливаемое между обоими словами «раджа» и «раджья»,

¹ КА XV.1.2. «Средством для приобретения такой земли и для ее охраны является наука, которая называется артхашастра» (*tasyaḥ prthvyā labharpālanopāyaḥ sāstram arthasāstram iti*).

² КА I.6.3. «Ведь все это руководство — победа над чувствами» (*kṛtsnam hi sāstram idam indriyajayaḥ*).

³ КА I.6.2. *sāstrānusthānam*.

⁴ КА I.5.16. *śrutādḍhi prajñopajāyate prajñāyā yogo yogād ātmavattā*. Для перевода «йога» как «приложение к практике» ср. «Махабхарата» XII. 27.32: *dikṣam yajñe pālanam yuddham āhur yogam rāstre daṇḍanītyā ca samyak*.

⁵ КА I.7.1. *tasmād arisadvargatyāgenendriyajayaḥ kurvīta, vṛddhasamyogena prajñam, cāreṇa cakṣuḥ, utthānena yogakṣemasādhanam, kāryānusāsanena svadhar-masthāpanam...*

⁶ КА I.7.8.

далеко не полностью отражает всю сложность отношений, в которых находился субъект управления и объект согласно содержанию данной главы. Союз «и» как бы подчеркивает абсолютную противопоставленность царя и царства. Однако все последующее изложение говорит о том, что главное автор видит не в противопоставлении субъекта управления объекту, но, напротив, в связующем их отношении определенного соответствия ⁷.

Содержание данной главы сводится по существу к следующему. Вначале решается вопрос, какая смута — внутренняя или внешняя — более опасна для царя. Вывод Каутильи о большей опасности смуты внутри государства по сравнению с внешней приводит к необходимости более подробно остановиться на взаимоотношении царя и царства. При этом сначала отношение «раджа — раджья» рассматривается с количественной стороны, и устанавливается иерархия среди возможных комбинаций:

раджа	— раджья
два раджи	— дваираджья
без раджи	— вайраджья

Затем то же, теперь уже правильное с количественной стороны отношение подробно рассматривается с качественной стороны — как те или иные отрицательные качества царя соотносятся с тем или иным состоянием царства. Следовательно, в данной главе предметом обсуждения являются не просто затруднения, касающиеся и царя, и царства, но прежде всего связующее их отношение определенного соответствия. Уточнить характер последнего позволяет шлока VI.1.16, где прямо говорится: «Несовершенные элементы государства совершенствует царь-атмаван. Не-атмаван портит элементы, находящиеся как в состоянии роста, так и в состоянии благополучия» ⁸. Здесь с особой наглядностью проявляется мысль, прослеживаемая через весь текст КА, об определенном подобии царя и царства. Совершенному царю не может не соответствовать совершенное царство, а несовершенному — несовершенное. Таким образом, взаимосвязь царя и царства на концептуальном уровне предстает у Каутильи как некоторое отношение подобия по качественной характеристике. Попытаемся показать, что основой такой трактовки послужило своеобразное восприятие царства как «плоти» царя.

Данные КА позволяют говорить, что помимо качественных характеристик раджи и раджья отношение подобия затрагивает и их «морфологию». В разделе «О совершенстве основ государства» («Пракритисампадах») Каутилья перечисляет семь традиционных элементов царства: государь, министр, сельская местность, укрепленные города, казна, войско и союзники ⁹. А в стихе, завершающем данный раздел, элементы царства определяются им как члены тела: «Помимо врага, (выше) описаны все семь элементов государства вместе со своими качествами; они, являясь членами тела, совершенны у идеального царя» ¹⁰. В чем своеобразие разбираемой шлоки? Прежде всего — в попытке представить царство как телесную

⁷ Без учета этого момента традиционный перевод может повлечь за собой неправомерные выводы. Так, Шарфе, основываясь на упрощенной трактовке отношения «царь — царство» как чистого противопоставления, приходит к выводу о невхождении царя в понятие «царство», что прямо противоречит всей политической традиции древней Индии (H. Scharfe, Untersuchungen zur Staatsrechtlehre des Kautilya, Wiesbaden, 1968, стр. 135—136).

⁸ КА VI.1.16. saṃpādayatyasampannāḥ prakṛtīr ātmavān nṛpaḥ vivṛddhās cānura-ktāś ca prakṛtīr hantyanātmavān.

⁹ КА VI.1.1. svāmyamātyajanapadadurgakośadaṇḍamitrāṇi prakṛtayaḥ.

¹⁰ КА VI.1.15. arivarjāḥ prakṛtayaḥ saptaitāḥ svaguṇodayāḥ uktāḥ pratyaṅgabhūtās tāḥ prakṛtā rājasāmpadaḥ.

структуру, в очевидном стремлении описать отношение «иметь» (идеальный царь имеет совершенные основы государства) в терминах отношения «состоять из» (основы определяются как члены тела). Сходный подход к царству обнаруживается также в ряде сравнений, в которых государственные институты сопоставляются Каутильей с членами тела царя. В приведенном выше отрывке КА I.7.1 шпионы выступают в качестве его глаз. Соком Индры, царя богов, сравнивается и собрание советников¹¹. Определенная нерасчлененность восприятия субъективного и объективного (а точнее восприятие царства в качестве царской «плоти») чувствуется также в сравнении царя с черепахой: «(Царь) пусть скрывает (все), что у него открыто, подобно тому как черепаха (скрывает свои) члены»¹².

О восприятии раджи как телесной структуры свидетельствует наличие и в других политических текстах своеобразных метафор, сближающих царство с телом. Так, попытка Каутильи придать элементам царства телесный характер вполне согласуется с традиционным определением царства в качестве «семичленного» (*saptanḡam rāḡjyam*)¹³. А в «Бхипмапарве» «Махабхараты» царство прямо называется телом¹⁴. При этом обнаруживается тенденция соотносить царство не просто с телом, но, как и в разбираемой шлоке Каутильи, с телом царя. В «Законах Ману» говорится: «Подобно тому как гибнут жизни людей из-за истощения тела, жизни царей гибнут из-за истощения царства»¹⁵ Медхатги, комментируя эту шлоку, пишет: «С бесконечным вниманием (царю) следует проявлять заботу о своем царстве, ибо оно представляет (его) тело»¹⁶.

В связи с относимостью царства-«плоти» к царю особый интерес представляет также то обстоятельство, что «члены» царства (*aṅgi*) имеют вполне определенное пространственное расположение. Согласно Митрамишре и Виджнянешваре, двум комментаторам «Яджнавалкья-смрити», качественные характеристики «членов» царства могут быть представлены как «внешние» (бахиранга) и «внутренние» (антаранга). При этом нравственные качества царя (умный, правдивый и т. п.) определяются комментаторами как его «внутренние» дхармы, а нравственные качества министра — как «внешние»¹⁷. Противопоставление внутренних дхарм внешним в данном случае имеет смысл только тогда, когда и первый, и второй член оппозиции соотносится с одной и той же точкой отсчета — царем. Следовательно, нравственные качества министра как «члена» царства являются в то же время качествами царя, хотя и внешними по отношению к последнему.

¹¹ КА I.15.55—56.

¹² КА I.15.60. *gūhet kūrma ivāṅgāni yat syād vivṛtam ātmanaḥ*.

¹³ «Законы Ману» IX.294, «Нитисара» Камандаки IV.1, «Яджнавалкья-смрити» I.353.

¹⁴ «Махабхарата» XII.12.46. «Для царства, которое называют семизлементным, восьмичленным телом, Наказание и составная часть (его) и основа (его) существования».

(*saptarakti caṣṭāṅgaṃ sarīram iha yad viduḥ rāḡyasya daṇḍa evāṅgaṃ daṇḍaḥ prabhava eva ca*)

Ср. замечание Шукры, автора, конечно, позднего, но в данном случае передающего традицию: «Ибо, согласно смрити, члены царства (таковы) министр — глаз, казна — рот, войско — ум, две руки — крепость, две ноги — сельская местность» «Шукранитисара» I.62 (*dṛḡ amātyaḥ suhr̥c chrotraṃ mukhaṃ keśo balaṃ manaḥ hastau pādaḥ durgatāṣṭrau rāḡyāṅgāni smṛtāni hi*).

¹⁵ «Законы Ману» VII.112.

sarīrakarṣanāt prāṇāḥ kṣiyante prāṇinām yathā tathā rāḡjām api prāṇāḥ kṣiyante rāṣṭrakarṣanāt

¹⁶ *svarāṣṭre 'tyantam avahitenānurāga utpādanīyas taddhi sarīrasthānīyam*.

¹⁷ Митрамишра на «Яджнавалкья-смрити» I.312. «Назав таким образом внутренние дхармы царя, описывая теперь министра, члена царства, он называет «внешние» (*evaṃ rāḡjo 'ntaraṅgān dharmān abhidhāyāmātyaṃ rāḡyāṅgaṃ darśayanneva bahiraṅgān āha*). Сходный комментарий дает и Виджнянешвара.

Единственным объяснением приурочения свойств министра к царю следует, очевидно, признать наличие на уровне восприятия («внутренней») точки зрения на царство, позволявшей трактовать «члены» царства как члены царя. Размещение царя внутри своего царства-«плоти» приводило к размытию абсолютной противопоставленности субъекта управления и объекта. И только в силу этого характеристика «члена» царства могла быть приписана самому царю.

Данные примеры показывают, что на уровне восприятия явно обнаруживается тенденция подходить к царству как к телесной структуре, «плоти» царя. Однако переживание собственности неотъемлемой частью своего «Я» не было исключительно уделом правителей. Действительно, представить и, соответственно, описать царя переживающим царство как собственную плоть мог только тот, кто сам воспринимал собственность как нечто неразрывно связанное со своей личностью¹⁸. Общераспространенный характер подобного восприятия собственности станет очевидным, если обратиться к другой сфере общественного сознания, где ставилась проблема соотношения человека и его собственности, — к древнеиндийской религиозной этике.

Достижение единства с *атманом*, растворение в нем, являющееся конечной целью человека, означало в то же время отказ от всего, что конституировало человеческую личность. Но согласно «Брихадараньяка-упанишаде» собственность и являлась одним из ее конструкторов: «Поистине, человек, который знает это, сам есть год, Праджапати из шестнадцати частей. Его имущество — пятнадцать частей, Атман — его шестнадцатая часть. Благодаря имуществу он и растет, и уменьшается. Этот Атман ступица колеса, имущество — обод колеса. Поэтому когда (кто-нибудь) теряет все, но Атман его живет, то говорят, что он потерял обод колеса»¹⁹. Имущество (обод колеса) рассматривается, таким образом, как индивидуализирующее, ограничивающее начало. Снимая обод, человек становится безмерным, непосредственно совпадая со всем миром²⁰. Именно благодаря такому пониманию отношения человека к собственности, отказ от последней наряду с умерщвлением плоти становился необходимым шагом на пути к полному САМОотречению.

Этические учения строятся всегда на основе коллективного опыта и обуславливаются конкретной общественной психологией. Следовательно, надо признать, что восприятие собственности как частицы себя, оказавшее самое непосредственное влияние на формирование древнеиндийской религиозной этики, было характерной чертой общественной психологии древней Индии, а восприятие царем своего царства в качестве собственной плоти было лишь частным случаем восприятия собственности вообще неотъемлемой частью личности ее владельца, как его непосредственное и прямое продолжение²¹.

¹⁸ «Вхождение» в роль царя облегчалось, по-видимому, тем обстоятельством, что каждый домохозяин, согласно бытовавшим тогда представлениям, был в некоторой степени и царем, а царь — домохозяином. «Махабхарата» XII.302.149 (Южная редакция): «Каждый в своем доме царь, и каждый в своем доме домохозяин» (sarvas sve sve grhe gāja sarvas sve sve grhe gṛhi).

¹⁹ «Брихадараньяка-упанишада» I.5.15.

²⁰ Ср. «Махабхарата» XII.166. 56. (Южная редакция): «Бесконечно имущество у меня, не имеющего ничего!» (anantaṁ bata me vittaṁ yasya me nāsti kīṅsana).

²¹ Типологически сходное отношение к собственности обнаруживается в древнеегипетских текстах. Определяя наиболее существенные черты этого отношения, Ю. Я. Перепелкин пишет: «Таким образом, действительная принадлежность чего-либо или кого-либо тому или иному лицу может быть выражена путем приурочения или отнесения к его плоти, к его самости даже тогда, когда относимое не является непосредственной частью его по местонахождению или происхождению... в пирамидах содержатся и такие изречения, где отнесение к «плоти» такого-то лица выражает

Согласно цитированному отрывку из «Брихадараньяка-упанишады», человек, благодаря включению в себя своей собственности мог быть описан увеличивающим или уменьшающим свои размеры. Наличие в политических трактатах сходных мотивов является еще одним доказательством того, что царство воспринималось как «плоть» царя, а увеличение (рост) «плоти» означал в то же время увеличение (рост) самого царя. Завоевание круга государств, к примеру, описывается Каутилей как распространение (увеличение) *атмана* царя, желающего победы (*виджигишу*): «Сделав царей, отделенных другой землей (т. е. союзников), как бы ободом колеса, а непосредственно граничащих (т. е. врагов) — спицами, вождь пусть простирает себя-ступицу в круге элементов»²². Представления об увеличении («росте», *вриддхи*) царя характерны и для Камандаки: «Царь защищает подданных, те возвращают его»²³. Более того, согласно «Махабхарате», сама наука управления является не чем иным, как средством увеличения царского «Я»²⁴.

Вследствие установленной нами тенденции рассматривать царство в качестве телесной структуры, соотносящейся с царем, появление в политических трактатах представлений о «росте» царя выглядит вполне закономерным. Рост царства как «плоти» неизбежно должен был ассоциироваться с ростом самого царя, тем более, что «рост» последнего, по утверждению Шанкарарья, комментатора «Нитисары» Камандаки, происходил прежде всего за счет шестой части урожая, взимаемой в качестве налога, т. е. за счет еды²⁵. Однако дело даже не в том, что наиболее важный для царя налог действительно собирался в виде зерна, но в очевидном стремлении представить налог вообще в качестве еды. Взимание царем налога сопоставляется в древнеиндийских политических трактатах с доением коровы, с собиранием пчелой меда, с высасыванием крови пиявкой и т. п. Появление всех этих метафор, представляющих царя в его фискальной функции поглотителем еды, закономерно, так как в данной структуре мировосприятия накопление царем богатств неизбежно должно было ассоциироваться с его насыщением и, соответственно, ростом его царства-«плоти»²⁶. А это, в свою очередь, приводило к совпадению в определенных контекстах таких ка-

собственность его на вещи, не входящие в состав человеческого тела или человека в расширенном смысле» (Ю. Я. П е р е п е л к и н, Частная собственность в представлении египтян Старого царства, Палестинский сборник, вып. 16(79), М. — Л., 1966, стр. 9). Ср. замечание Л. Леви-Брюля: «У меланезийцев чувство собственности на некоторые предметы непосредственно связано с осознанием личности и они почти совпадают друг с другом. «Я» каждого человека не представляется ни ему самому, ни другим как нечто строго ограниченное внешней поверхностью его тела; имеется некоторое количество предметов, сопричастных природе этого «я» (Л. Леви-Брюль, Выражение принадлежности в меланезийских языках. Эргативная конструкция предложения, М., 1950, стр. 214—215).

²² Ка VI.2.39. *nemin ekāntarān rājñāḥ kṛtvā cānantarān aṅān nābhīm ātmānam āyascchen netā prakṛtimaṅḍale.*

²³ «Нитисара» Камандаки I.14. *prajām samrakṣati nṛpaḥ sāvardhayanti parthivam.* Ср. «Махабхарата» XII.121. 34: «О царь, подданные, защищаемые изо дня в день дандой, возвращают царя» (*daṇḍena rakṣyamānā hi rājannaharahaḥ prajā rājānam vardhayanti*).

²⁴ «Махабхарата» XII.120.17: «Мудрый пусть определяет науку управления как содействующую самовозрастанию» (*ātmavṛddhikarīm nitīm vidadhita vicakṣaṇaḥ*).

²⁵ Шанкарарья на «Нитисару» Камандаки I.14: «Эти подданные возвращают царя посредством (налогов), начиная с шестой части урожая» (*sāvardhayati dhānyāṣaḍbhāgādīnā*).

²⁶ Если для периода шаштр правильнее говорить об осмыслении налога как еды, то в древности налог, очевидно, совпадал с едой и в действительности, что нашло отражение в самом его названии «бали», означающем «подношение еды». Относительно древних представлений о царе как «поедателе» (*аннада*) народа-еды (*анна, адьямана*) см. подробнее W. R a u, Staat und Gesellschaft im alten Indien, Wiesbaden, 1957, стр. 94.

честв царя, как «обладающий физической силой» (*балаван*) и «снабженный казной» (*кошайукта*).

В свете изложенного вряд ли было бы правомерным утверждение относительно формальности распространения терминологии отношения «состоять из» на отношение «иметь». По существу мы здесь сталкиваемся с очевидным стремлением представить внешний по отношению к человеку факт владения («я имею») в качестве внутренней характеристики личности («я состою»). Восприятие царства как «плоти» было общим достоянием древнеиндийской политической традиции. Следовательно, определение Каутилейей элементов государства в качестве членов тела является лишь одним из конкретных проявлений своеобразного восприятия царства как телесной структуры, соотносящейся с царем.

Выше было установлено, что царь вступает в отношение подобия с царством. Царство определялось как совокупность семи основных государственных элементов (*пракрити*). Таким образом, в данном случае имеется два ряда опосредствований: «царь — царство» и «царство — элементы царства». Термин «анга» (член тела), снимая, как мы показали выше, абсолютную противопоставленность субъекта владения объекту, т. е. выступая в роли медиатора, приводит к замыканию этих характерных для шастрической литературы опосредствований: царство — элементы царства — члены тела — царь. Что характерно для этого ряда? Прежде всего явное стремление «оплотнить» абстракцию «раджья», субстантивировать ее вплоть до придания ей телесности. Осмысление же объекта владения как личного свойства субъекта, его «плоти», было в определенной степени закономерным, так как отражало реальный факт — владение являлось важнейшим условием становления (обособления) личности. Наиболее благоприятные возможности для такого обособления имелись, несомненно, у царя, что и нашло свое отражение в структуре семантического поля понятия «раджья». Раджья как объекту владения соответствовала вполне определенная субстанция государственной власти (*раджья* в смысле «кшатра»), носителем которой царь был в той же степени, в какой тигр — носителем субстанции «вирья» (сила, мощь)²⁷. Однако если тигр был таковым от рождения, то царь интровертизировал *раджья* в ходе конкретного ритуального действия — помазания (*абхишека*)²⁸. И только в силу этого он становился царем²⁹.

Установленное нами наличие на уровне восприятия «внутренней» точки зрения на царство, когда последнее «входило» в царя, составляя его «плоть», и явилось основой концепции относительно качественного подобия царя и царства. Если царство воспринималось как царская

²⁷ О субстанциализации абстракций и ее значении в связи с магическим управлением космосом в прауга ритуале см. подробнее S. S c h a u e r, Die Struktur der magischen Weltanschauung nach dem Atharvaveda und den Brāhmaṇa-Texten, «Zeitschrift für Buddhismus und verwandte Gebiete», München, 1925, Ht. 2, стр. 259—299.

²⁸ «Айтарея-брахмана» VIII.12.

²⁹ Ср. традиционное для комментаторов определение царя как «абхишикта». Сходные представления относительно «вхождения» царства в царя обнаруживаются и в другом царском обряде — *раджасуе*. Посвятивший *раджасуе* специальную работу Хеестерман, возражая в принципе против социально-политической интерпретации ритуала, при описании приношений у ратнинов вынужден был изменить своему правилу: «Тема, которой настоящие ишти посвящены — отношение царя к своим подчиненным, представляющим составляющие элементы царства. Определяя это отношение, «Тайттирия-брахмана» утверждает, что ратнины — дарители и получатели царства (*pradātāraḥ, arādātāraḥ*), «они простирают для него царство». «Майтраяни-самхита» называет их «членами» власти (*кшаттра*). Эти элементы, или «члены», которые вместе образуют царство, должны быть концентрированы и интегрированы царем, или, говоря словами «Шатапатха-брахмань», он делает ратнинов своими, чтобы они не покинули его (*svam anaparakraminaḥ karoti*)» (J. C. Heesterman, The Ancient Indian Royal Consecration, Mouton, 1957, стр. 50—51).

«плоть», то совершенный царь необходимо должен был иметь совершенную плоть и, наоборот, несовершенный — несовершенную³⁰. Таким образом, отличительной особенностью семантического поля предиката «управлять (царством)» было то, что оно некоторым образом покрывало отношение «быть подобным (царству)». Отношение подобия, затрагивавшее на концептуальном уровне качественные характеристики царства и царя, а на уровне восприятия — их «морфологию», вело к снятию разнородности характера двух целей («победа над чувствами» и «безраздельное владение землей»), к которым должен стремиться царь, согласно КА. Поскольку управление царством в данной структуре мировосприятия должно было представлять как «манипулирование членами», постольку «полное самообладание» (*uttmavatna*), включавшее в себя, естественно, и обладание своей «плотью», должно было совпасть и с «безраздельным владением царством», и с «победой над чувствами»³¹. Следовательно, для древнего индийца применительно к царю обе темы в равной степени имели политический характер и требовали своей разработки в политических трактатах³².

THE NOTIONS «KING» AND «KINGDOM» IN ANCIENT INDIAN POLITICAL THEORY

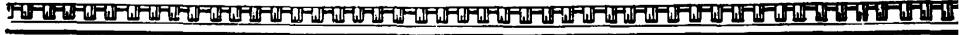
V. N. Romanov

The ancient Indian concepts «king» and «kingdom» (*rājan*, *rājya*) are discussed by the author mainly on the basis of material in the *Arthaśāstra* of Kauṭilya. As opposed to the traditional treatment of ancient Indian state institutions from the standpoint of modern jurisprudence, the author addresses himself to the specific character of these concepts as understood by those who used them. By reconstructing and association between the notion *rājya* and the notion *śarīra*, the «body» of the king, he is able to explain the appearance in ancient Indian political writings of sections devoted to «victory over the senses» (*indriyajaya*). The author's proposed cultural-historical approach to the problem of rule helps explain a number of correspondences between state and ritual practices.

³⁰ В связи с этим представляется особенно примечательным то обстоятельство, что одни и те же качественные характеристики — «лишенный членов» и «имеющий здоровую природу» — в принципе могут быть приложены как к царю, так и к царству. Наличие всех членов тела, согласно «Махабхарате» V.147.25, — необходимое условие для становления человека царем: «Боги не одобряют царя с неполными членами» (*hināṅgaṃ pṛthivipalāṃ nābhinandanti devatāḥ*). Но и царство может быть описано как лишенное членов: «Даже лишенное одного члена оно (царство) не благоденствует» (*ekāṅgenāpi vikalam etat sādhu na vartate*) («Нитисара» Камандаки IV.2.). В «Махабхарате» XII.57.31 царь определяется как «arogarakṛtīḥ», что допускает в принципе две трактовки: «физически здоровый» и «имеющий здоровые основы государства».

³¹ Обращает на себя внимание то, что присущее метафорическому уровню политических текстов отсутствие ясного противопоставления субъекта управления объекту находит свое соответствие в другой системе надстроечного характера, где ставилась проблема управления — шраута ритуале, целью которого было осуществление определенных желаний жертвователя посредством магического овладения космосом и, соответственно, управления им. Как для составителей политических трактатов, так и для ритуалистов характерно стремление устранить абсолютную противопоставленность субъекта управления объекту путем соотнесения царства или всего мира с телом царя или жертвователя соответственно. Причем подобно тому как в ритуале полное владение космосом совпадает с моментом высшей точки реализации личности, безраздельное владение царством совпадает с обретением царем полного «самообладания».

³² Установленный нами факт определенной нерасчлененности субъективного и объективного в области государственного управления позволяет по-новому подойти к проблеме наличия в древней Индии так называемой «верховой собственности на землю». Действительно, царь в индийской политической традиции часто называется собственником (*свами*). См., например, «Законы Ману» IX.294, «Яджнавалкья-смити» III.45, «Нитисара» Камандаки IV.1. Однако мотивы для подобного рода определения могли лежать не в сфере отношений собственности, но в сфере отношения к собственности. Свообразное восприятие данного отношения, «внутренняя» точка зрения на царство, когда последнее выступает в качестве царской «плоти», вполне могли явиться достаточным основанием для определения царя как собственника (в смысле собственника своей «плоти»).

Чл.-корр. АН СССР О. Н. Трубачев

НЕКОТОРЫЕ ДАННЫЕ ОБ ИНДОАРИЙСКОМ ЯЗЫКОВОМ СУБСТРАТЕ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В АНТИЧНОЕ ВРЕМЯ

Представители разных наук задумывались над проблемой ключевого положения Кавказа, побуждаемые к этому фактами и логикой исследуемого материала. Иранисту В. Миллеру принадлежат слова: «Если когда-нибудь предвидится возможность решить хоть небольшое число запутанных вопросов о национальности разных народов, некогда сменявших друг друга в древние и средние века в необозримых равнинах южной России, то только под условием изучения этнографии Кавказа»¹. Автор настоящей статьи — славист, настроенный, скорее, осторожно в отношении попыток установить непосредственные связи между древними славянами и древними носителями кавказских языков². Тем не менее, и нижеследующие заметки приводят к постановке вопроса о влияниях со стороны Кавказа³ на уровне выявляемого субстрата. Путь к этому вел через изучение языковых древностей славянства, через этимологию, которая воссоздает не одни только праформы слов, но и — опосредствованно — прообразы этнолингвистических отношений⁴.

Между вероятными местами обитания древних славян и Кавказом пролегла обширная промежуточная зона Северного Причерноморья. Известно, что среди довольно большого количества дошедших до нас в северопричерноморской эпиграфике личных имен нет ни одного с л а в я н с к о г о. Однако из этого не следует делать чересчур прямолинейных выводов. Необходим осторожный пересмотр устоявшихся мнений, в том числе скептических взглядов на свидетельства будь то древних авторов, будь то народных преданий. По понятным причинам исследуемый далее субстратный материал имеет лишь косвенное отношение к славянскому, однако при этом затрагиваются вопросы, небезразличные для славянского этногенеза, например формирование некоторых — в даль-

¹ В. М и л л е р, Осетинские этюды, ч. III. Исследования, М., 1887, стр. 1.

² Ср. V. P o l á k, K problému lexikálních shod mezi jazyky kavkazskými a slovanskými, «Listy filologické», LXX, Praha, 1946.

³ Из литературы ср. еще указание на древний путь из античного Танаиса к янтарным берегам Балтики (азовско-балтийский коридор) по распределению густоты фактических сведений птолемеевской географии: H. Ł o w n i a ŋ s k i, Sarmacja, «Słownik starożytności słowiańskich», t.V, Wrocław — Warszawa — Kraków — Gdańsk, 1975, стр. 67—68.

⁴ Например, тезис незамкнутости славянской прародины, см. О. Н. Т р у б а ч е в, Ранние славянские этнонимы — свидетели миграции славян, ВЯ, 1974, № 6, стр. 61.

нейшем — славянских этнонимов, т. е. то, что мы определили бы как этногенетические импульсы, направленные с Северного Кавказа в сторону первоначальной Славии (примеры — ниже).

Занятия славяно-иранскими отношениями научили нас считаться с диалектной сложностью северопонтийского иранства. Ясно также, что неправомерно отождествлять все Северное Причерноморье с иранским языковым ареалом. Исключения из иранского отнюдь не сводятся к группе фракийских имен; неверно также считать, что древняя ономастика Северного Причерноморья либо объясняется из иранского, либо необъяснима вообще. Определенный слой этой ономастики не поддается объяснению как иранский. В литературе отмечалось, что максимум темных имен обнаруживает Пантикапей⁵ и в целом — Боспорское царство, т. е. берега Керченского пролива, Таманский полуостров, Восточное Приазовье, Северо-Западный Кавказ. Мы полагаем, что эти территории своим упомянутым лингвистическим своеобразием обязаны в значительной степени особому индоевропейскому неиранскому этносу, фигурирующему в литературной традиции и свидетельствах древних как племена **с и н д о в и м е о т о в**.

Два слова об источниках и методе. Источники ограничиваются греческой эпиграфикой на камнях и т. п. и текстами античных авторов; материал представлен почти исключительно ономастикой (названия племен, местные названия, личные имена людей). Собственно синдские и вообще меотские глоссы, т. е. толкования на языке автора заведомо синдских, меотских слов, нам неизвестны, но есть то, что можно обозначить как скрытые глоссы (иначе — псевдоскифские глоссы, например у Плиния). Что касается метода, то, несмотря на всю ограниченность базы источников, эту ограниченность нельзя переносить на наши представления о языке. Язык синдов (и шире — меотов) был в любом случае, независимо от удачи или неудачи наших разысканий, естественным языком с присущими типологически такому сложному переплетению исконного и заимствованного, с оригинальными изоглоссными связями.

Время изменило не только этнический состав населения Северо-Западного Кавказа. Известных таманских грязевых вулканов, поразивших в XIX в. воображение героев Жюль Верна (роман «Упрямец Керабан»), не упоминает географ I в. н. э. Страбон; возможно, что эти вулканы пережили тогда период спокойствия. Зато известно, что на месте теперешнего Таманского полуострова в древности существовал остров или даже острова, и этот факт отпечатался в древней ономастике, привлекая наше внимание.

Современное лицо таманской и кубанской топонимии составляют сложившиеся в XIX в. названия станиц и хуторов. Их русский и украинский характер (*Старотитаровская, Вышестеблиевский, Суворовская, Сенная, Семеняка...*) может обескуражить того, кто ищет древности. Но следует присмотреться и к ним. Например, северная часть Таманского полуострова, носящая сейчас название *полуостров Фанталовский* (так!) именуется у авторов прошлого века полуостровом *Фонтан*, там же — селение *Фонтан* и покинутая татарская деревня *Чокрак-кой*⁶; последнее название содержит тюрк. *чокрак* «источник». У Плиния находим, правда, южнее, мыс *promunturium Crunoe*⁷, собственно — греч. *Κροουοί* «и с т о ч н и к и». Давно

⁵ L. Z g u s t a, Die Personennamen griechischer Städte der nördlichen Schwarzmeerküste, Praha, 1955, стр. 318 (примечательно, что автор видит причину этого отнюдь не в одном лишь воздействии собственно кавказских языков).

⁶ К. Г ё р ц, Археологическая топография Таманского полуострова, М., 1870, стр. 115.

⁷ P l i n., NH, VI, 17.

замечено, что сменявшие друг друга народы в исследуемом регионе селились обыкновенно на одних и тех же местах. Требуется отметить иногда столь же стойкую преемственность названия этих мест от античности до наших дней, когда здесь живут русские и украинцы, сменившие очень длительный период тюркского заселения, входящий — с перипетиями — к нашествию гуннов IV в. н. э., которое подорвало греческое господство и тот процесс эллинизации и сарматизации, в горниле которого растворились интересующие нас синды и меоты. Кто же были эти последние по языку?

Меоты (греч. Μαῖῶται — Anon. (Scymn. Ch.), Scyl. Caryand., Strabo, Dionys., Eustath., Anon. Per., Niceph. Blemm.; лат. *Maetici* — Pomp. Mela, Plin., *Maetiae* — Plin.), или майты (Μαῖται в местных эпиграфических титулах боспорских царей неоднократно — Σίνδων καὶ Μαῖτῶν πάντων «синдов и всех майтов»⁸) были теснейшим образом связаны с Азовским морем, древней Меотидой (греч. Μαῖωτις). Связь названий моря и народа была ясна в общем еще для древних. Народ был назван по морю, а не наоборот. Любопытна и природа древнего названия Азовского моря — Меотиды. Начиная с Геродота, античные авторы зовут Меотийское озеро μήτηρ (τῶν) Πόντου «мать Понта», ср. родственное греч. μαῖα «мать, кормилица» (так еще у Евстафия в комментариях к Дионисию). Это идет не от великих рыбных богатств Азовского моря, как думают некоторые наши историки⁹, а от водообмена через Керченский пролив, см. БСЭ³ I (М., 1970), стр. 295, ст. «Азовское море»: «...избыток пресных вод за год составляет 17,4 км³, которые вытекают через Керченский пролив». С географами БСЭ согласен Дионисий (Dionys. Periegesis), который пишет буквально следующее: «Меотийское озеро... зовут матерью Понта, так как из него выходит огромная масса воды Понта прямо через Киммерийский Боспор...»¹⁰.

Плиний пишет: *Tanaim ipsum Scythae Sinum vocant, Maeotim Temarundam, quo significant matrem maris*¹¹ «сам Танаис скифы называют Sinus, (а) Меотиду — Temarunda, что означает „мать моря“». Таким образом, *Temarunda* переведено как «мать Черного моря»; этого не могло быть на скифском (иранском) языке, так как скифы достоверно называли Черное море **axsaina-zraya-* «темное море», как это давно убедительно доказал М. Фасмер. «Скифы» у Плиния были, конечно, данью литературной традиции. Не могло быть *Temarunda* и киммерийским названием, если иметь в виду возможную фракийскую принадлежность языка рано исчезнувших киммерийцев: «черный» по-фракийски — **kers-*, а «море» — от и.е. **mor-/ *mar-*, как у славян, германцев, кельтов, латинян, ср. его остатки в тур. *Marmara* «Мраморное море».

Название *Temarunda* может дать Азовскому морю особый этнос — синды и меоты. Это название, считавшееся до последнего времени неясным, мы читаем как *tem-arun-dā «кормилица Черного моря»: **tem-* находит соответствие в др.инд. *tāmas* «мрак» и других индоевропейских языках, **arun-* — в др.инд. *āra-* «пучина» и хетт. *aruna-* «море», но сочетание **tem-arun-* «черное, темное море» должно быть признано и с к л ю ч и т е л ь н о и н д о а р и й с к и м, п р а и н д и й с к и м (в иранском море обозначается иначе, в хеттском иначе обозначается темный цвет). Исход *-dā*

⁸ КБН, стр. 552, 553, № 971, 972, Фанагория.

⁹ В. Ф. Г а й д у к е в и ч, Боспорское царство, М.—Л., 1949, стр. 27.

¹⁰ Цит. по изд.: В. В. Л а т ы ш е в. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Т. I. Греческие писатели, СПб., 1890, стр. 180 сл.

¹¹ Plin., NH, VI, 19.

объясним из и.е. **dhē-* «кормить грудью», известного из различных индоевропейских языков, ср., например, курд. *dā* «мать»¹².

Очень существенно, что те же самые псевдоскифы, которые называют у Плиния Азовское море *Temarunda*, называют Танаис (Дон) — *Sinus*, что мы читаем как искажение первоначального синдо-меот. *Sindus (под влиянием лат. *sinus* «пазуха», «залив»?). Название реки *Sindus имеет решающее значение в вопросе определения языка плиниевских псевдоскифов. Дело в том, что только в индийской, индоарийской ветви языков река называется *sindhu-* (др.инд.). Иранское соответствие имело бы форму *hindu-*, с переходом *s > h*, кроме того, существует мнение, что «младоавестийское *hindu-*, *həndu-*, др.перс. *hi(n)du-* „Индия“ заимствовано из индийского, а не родственно *sindhu-*»¹³. Река называлась у иранцев иначе — **dānu-* (откуда, например, *Дон*), **apa-*, *(*h*)*ravā-*, *(*h*)*rauta-*.

С др.инд. *sindhu-* связано и название народа синдов (греч. *Σίνδοι* — Herod., Scyl. Caryand., *Σίνδοι* — Strabo, Dionys., Eustath. и др.; лат. *Sindones* — Pompr. Mela, *Scythia Sindica* — Plin.). Эту очевидную связь никому не удалось оспорить, хотя различные авторы неоднократно пытались это сделать. Отождествление синдов и «индов», индийцев старо как мир, ср. вариант *Ἰνδοίς* вместо *Σίνδοις* у Геродота, *Σίνδοι ἔθνος Ἰνδικόν*, т. е. «синды — индийское племя» в глоссах Гесихия, вариант *Ἰνδικῆς* «индийской (страны)» вместо *Σίνδικῆς* неоднократно у Стефана Византийского, что все вместе отражает традиционное представление, а не описки пера, как это понимают некоторые. Представляет интерес соположение обеих форм названий — подлинно индийской на *s-* и «иранзированной», с гласным началом слова — в грузинских летописях: «В хронике (VIII века) Джуаншера (см. Картлисцховреба, стр. 122) сказано, что... по столпотворении из Вавилона расселилось семь языков (народов), кои отправились: индусы в Индию, синды в Синдию, хромии в Ром, греки в Грецию, Аг и Магус в Магугетию и спарсы (персы) в Персию...»¹⁴. Этимологическое тождество названия *Σίνδοι* и др.-инд. *sindhavas* мн. «речные жители», производного от *sindhu-* «река», обосновал П. Кречмер¹⁵, но ввиду недостатка фактов эта теория о синдах как остатках индоарийцев (после ухода последних на юг через Дербентский проход) квалифицировалась до недавнего времени как «рискованная гипотеза». Ясно, что как только мы подключили эмендированное *Sindus «Дон» из Плиния, явно речной этноним *Σίνδοι* перестает висеть в воздухе, получает новую интересную ориентацию — не на Кубань, как обычно полагали (в том числе и Кречмер), а на Дон, включая Меотиду, не без основания воспринимавшуюся древними в качестве расширенного донского лимана. Таким образом, пара др.-инд. *sindhu-* «река», «река Инд» — *sindhavas* мн. «обитатели страны на реке Инд/Синд» обретает соответствие в паре *Sindus — *Σίνδοι* с точной локализацией к северу от Кавказа. Значение этого факта как сигнала начального этапа индоарийских миграций трудно переоценить, ведь в плане относительной хронологии речь идет об эпохе до появления индоарийцев в Передней Азии (Митанни).

¹² Подробнее, с литературой, см. О. Н. Трубачев, *Temarundam* «matrem maris». К вопросу о языке индоевропейского населения Приазовья, «Античная балканистика. 2. Предварительные материалы», М., 1975, стр. 38 сл.; он же, О синдах и их языке, ВЯ, 1976, № 4, стр. 54.

¹³ J. W a s k e r n a g e l, A. D e b r u n n e r, *Altindische Grammatik*, Bd. II, 2, Göttingen, 1954, стр. 475.

¹⁴ М. Г. Джауаншера, Известия грузинских летописцев и историков о Северном Кавказе и России, «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», вып. 22, Тифлис, 1897, стр. 7, прим. 2.

¹⁵ P. K r e t s c h m e r, *Inder am Kuban*, «Akademie der Wissenschaften in Wien. Philos.-hist. Kl. Anzeiger», 80. Jahrgang, 1943 (1944), Nr. I—XV, стр. 35 сл.

Античные географы, как правило, четко различали скифо-сарматов и меотов, причисляя синдов к последним¹⁶. «Скифов не было в азиатской части Боспора. Населявшие ее туземные племена принадлежали к меотам... Скифов же и меотов древние писатели определенно различают»¹⁷. Во второй половине I тыс. до н. э. меотские племена располагались от низовьев Дона до предгорьев Западного Кавказа в следующем порядке: яksamаты, сираки, тарпеты, фатеи-песссы, доски, дандарики, синды, керкеты-тореты и некоторые другие, которые трудно локализовать (подробную критику источников и литературы здесь опускаем). С востока с меотами граничили иранские кочевые племена. Об этом свидетельствуют археологические раскопки городищ оседлых земледельцев-меотов лишь в узкой (40—50 км) полосе вдоль азовского побережья¹⁸. Об этом же говорят и возможные следы языковой сарматизации, особенно вглубь от азовского побережья, например дублетные формы с аспирацией и последующим исчезновением *s*, ср. наряду с этнонимом Σῖραξες, который мы предположительно относим к др.-инд. *sirā* 'река', — видимо, тождественное этимологически Ἀρρηχοί.

Как следует из предыдущего, мы относим следы языка синдов-меотов к индоарийской (праиндийской) ветви и видим здесь язык с сохранением и.е. *s* этимологического, четко противопоставленный в этой черте иранскому с его переходом *s* > *h*. Об этом говорит реконструируемое нами синдо-меотское название женщины *sar на базе эпиграфических женских личных имен Καμαζαρόη, Μαιωζάρα, Σαρόχη, [Σ]αρία¹⁹. Стремление Л. Згусты видеть в первом из имен фракийское ошибочно, так же, как этимология В. И. Абаева²⁰, который здесь всюду выделял иранское *sar- «голова», что типологически (имена ж е н щ и н!) не очень правдоподобно. Индоарийское *sar- «женщина» остаточное сохранилось в др.-инд. *ap-saras* «водяные существа женского пола», ср. иранское *hār- в авест. *hā'rišī* «женщина, самка». В дискуссии об и.е. *sor «женщина»²¹ синдо-меотское *sar- должно быть также учтено, отчасти и ввиду своего заметного параллелизма с хеттским, где элемент *-šara* тоже функционирует как именной формант: хетт. *ḫaššušara* «царица», *išḫaššara* «госпожа», ср. синд. Καμαζαρόη.

Замечательный параллелизм обнаруживаем между женским именем *Tirgutawiya* в алалахских табличках, видимо, современного государству Митанни в Передней Азии, около середины II тыс. до н. э.²² и именем меотянки Τροχάτω, разведенной жены синдского царя Гекатея²³, в V — IV вв. до н. э. Это тождество весьма ценно как п е р в о е индоарийское личное имя собственное, засвидетельствованное как в Передней Азии (имена пра-

¹⁶ Strabo, Geogr. XI, 2.

¹⁷ С. А. Жебелев, Северное Причерноморье, М.—Л., 1953, стр. 103.

¹⁸ Н. А н ф и м о в, Древние поселения Прикубанья, Краснодар, 1953, стр. 25—26.

¹⁹ КБН № 75, 280, 512; IOSPE, vol. II. Inscriptiones Regni Bosporani. Petropolis, MDCCCXC, стр. 83—84, № 116, Керчь, IV в. до н. э.: [Σ]αρία (?) Μάυ[ε]ω γυνή.

²⁰ В. И. Абаев, Осетинский язык и фольклор, I, М.—Л., 1949, стр. 180 сл.

²¹ E. Benveniste, Un nom indo-européen de la «femme», «Bulletin de la Société de Linguistique de Paris», 35, 1934, стр. 104—106; он же, Le vocabulaire des institutions indoeuropéennes I, стр. 214—215, 222; E. H. Sturtevant, An Indo-European word for «woman», «Language», 25, 1949, стр. 343—345; M. Mauryhof, Gibt es ein indogermanisches *sor- «Frau»? «Studien zur indogermanischen Grundsprache», Wien, 1952, стр. 32 сл.; J. Friedrich, Zu einigen luwischen Wörtern, «Lingua Posnaniensis», V, 1955, стр. 1—3; E. Laroche, Les noms des Hittites, P., 1966, стр. 303—305; он же, Études de linguistique anatolienne. III. «Revue hittite et asianique», XXXVIII, 1970, стр. 50—51; O. Szemerényi, The alleged Indo-European *sor- «woman», «Kratylos», 11, стр. 206—211.

²² Цит. по: Laroche, Les noms des Hittites, стр. 185.

²³ Polyaen., Strateg. VIII, 55.

вителей в Митанни), так и к северу от Черного моря. Тем самым имя *Tiryataš* не может быть иранским, вопреки В. И. Абаеву, поскольку иранцы появились в Передней Азии значительно позже, после 1000 г. до н. э. Кроме того, это еще одно яркое свидетельство того, что индоарийцы частично оставались к северу от Кавказа, а не ушли оттуда все до единого, как полагают некоторые ученые.

Известно синдское наименование острова, ставшего позднее Таманским полуостровом: *Eonem* vocant «называют Эон» (Plin., NH VI, 18, var. *Eonia*). По нашему мнению, название *Eon* «Синдский остров» этимологически тождественно имени земли *Oium*, близ Меотиды, куда переправились готы, по рассказу Иордана (Jord., De origine actibusque Getarum, VI в. н. э.). Речь идет, бесспорно, не о приднепровской Гилее-Олешье, как считается в литературе, а о Синдском острове, куда достоверно переправлялись через Боспор в III в. н. э. готы-эвдусиане, о чем известно по свидетельству греческого писателя Зосима. Плиниевское *Eon* мы читаем при поддержке иордановского *Oium*²⁴ как первоначальное нарицательное **aḷ(v)am*/**oḷ(v)om* («морской) остров, insula», буквально «одно, одинокое» — ср. др.инд. *eva-* «только, единственно», др.ир. *ava-* «один», др.инд. *eka-* «один». Ср., далее, греч. *ὄιον*, название ряда пустынных, уединенных мест, др.ирл. *Eo*, *Io*, название острова, совр. *Iona*²⁵. Отметим, что татарская топонимия старой Тамани знает несколько названий *Адас*, собственно «остров»²⁶.

Мы коснулись выше одной оригинальной фонетической особенности остатков языка синдов-меотов и нескольких лексико-ономастических примеров. Поучительно их противостояние иранскому — скифо-сарматскому²⁷: синд. **tem-* «темный, черный» — скиф. **axšaina-* то же, синд. *sindus «река» — скиф. **dāni-* то же, синд. **sar-* «женщина» — скиф. **os-* то же и некоторые другие оппозиции такого рода, которые можно извлечь из приводимых материалов.

Помимо важных индоарийских черт остатков языка синдо-меотов, видна и самобытность позиции данного западнокавказского индоевропейского диалекта, его собственные изоглоссные связи с хеттским (см. выше об **arun-*, о функциях элемента **sar-*), что созвучно малоазийско-прикубанским культурным связям, известным из археологии. Здесь, в Северном Причерноморье и Предкавказье, определилось этнолингвистическое употребление гидронима **Sindhu-*, донесенного затем до далекого Инда и (Западной) Индии. В вопросе об историческом тождестве синдов (меотов) и индоарийцев немаловажную роль должно играть вскрываемое нами повторение целых своеобразных топонимических ландшафтов: например, на Северном Кавказе — *Σιραχηνή* «область сираков», *Sindus «Дон», *Soza*, город дандариев²⁸, в низовьях Кубани; к юго-востоку от Каспия —

²⁴ (Filimer) pervenit ad Scythiae terras, quae lingua eorum Oium vocabantur «(король готов Филимер) пришел в земли Скифии, которые на их языке назывались Ойум» (Jord., Get. 27=Иордан, О происхождении и деяниях гетов. Вступительная статья, перевод, комментарий Е. Ч. Скржинской, М., 1960, стр. 70, 135). В связи со своей точкой зрения мы не принимаем объяснение из гот. *Aiḷōt* «страна, изобилующая водой» — constructio ad hoc, которого придерживается Скржинская; emenso amne transposita «перейдя огромную реку» (Jord., Get. 28) — отголосок форсирования Керченского пролива, а не Днепра (так полагает Скржинская — стр. 196). Важно указание Иордана о поселении готов с Филимером в Скифии, у Меотиды: in prima sede Scythiae iuxta Maeotidem (Jord., Get. 39).

²⁵ A. Holder, Altceltischer Sprachschatz, Bd. I, Graz, 1961, стб. 1441.

²⁶ К. Гёргц, Археологическая топография Таманского полуострова, стр. 106, 118.

²⁷ Примеры последнего см. В. И. Абаев, Скифский язык. Словарь скифских основ, «Осетинский язык и фольклор», I, s. vv.

²⁸ Та с., Ann. XII, 16.

Στραχηνή «Гиркания», *Sindes*, река Теджен²⁹, Σουσία, город в Хорасане. Подобное перемещение, возможное только в одном направлении, как бы знаменует путь индоарийских племен в Индию. В другом месте мы обращаем внимание на соответствующие группы названий в древнем Приазовье *Sindus — *Silis — *Sarkar- группе названий в Западной Индии, на самом Инде: др.инд. *Sīndhu-* — Σιλ(ι)αξ — *Sarkarā*³⁰. В обоих случаях можно отметить стержневую роль названия **Sind(h)u-*.

Восстановление следов или остатков языка имеет свою немаловажную количественную сторону. Если вспомним, что около 200 слов-основ, приписываемых более или менее аналогично скифскому (В. И. Абаев) и фракийскому (В. Георгиев), дают основание лишь для самых скудных и общих представлений, то исследователю синдо-меотских языковых остатков приходится оценивать свои результаты куда более скромно. Однако база для кое-каких суждений все же есть. Есть, в частности, уверенность, что синдо-меоты не были адыгами, хотя они могли соприкасаться с предками носителей абхазо-адыгских языков Западного Кавказа, ср. тождество эпиграфического Ψόα³¹ и абхазо-адыгского названия реки *Псоу* (букв. «длинная река»), притока Черного моря у границ Абхазии. Подлежит пересмотру прямое отождествление синдов, меотов и адыгов, принимаемое в современной литературе³². Во избежание голословности обратим внимание на глубокое различие материального воплощения одинаковых семем (лексических значений) в адыгских языках и синдо-меотских реликтах: синдо-меотскому *dā «мать» противостоит кабард. *анэ*, адыгейск. *ны* то же, синдо-меот. **arun-* «море» — кабард. *xy*, синдо-меот. *sar «женщина» — кабард. *фыз*, адыгейск. *шъуыз*, синдо-меот. **aï(v)a-* «один» — кабард., адыгейск. *зы*, синдо-меот. **amb-* «вода» (в составе названия Турάμβη < **tur-amb-* «быстрая вода») — кабард., адыгейск. *псы*. Еще Клапрот писал: «Племена меотов, населявшие во времена Страбона эту часть побережья Черного моря, исчезли, уступив место племенам черкесского и абхазского происхождения»³³.

В заключение нашей краткой статьи — несколько слов об одном этногенетическом импульсе (см. об этом понятии выше), направленном из индоарийского Приазовья и Прикавказья в сторону, противоположную движению индоарийских племен, а именно — на северо-запад, в направлении первоначальной Славии. Известно особое положение в славянской этнонимии названий народов сербов и хорватов. Этими столь разными названиями обозначаются два очень близких, в языковом отношении практически тождественных народа. Как установил еще А. Л. Погодин, славянский этноним *xъrvatъ восходит к иранскому прототипу, зафиксированному впервые в виде личного имени собственного Χοροάθος, Χοροα[θος] греческой эпиграфикой II—III вв. н. э. в городе Танаис. В эпиграфике более западных городов античного Северного Причерноморья (Херсонес,

²⁹ Т а с ., Ann. XI, 10: . . . ad flumen Sindem, quod Dahas Ariosque determinat.

³⁰ Т р у б а ч е в, О синдах и их языке, стр. 60—61.

³¹ D i o d. S i c., Bibl. XX, 25. Неоправданные сомнения в существовании этого названия см. В. В. Л а т а н ш е в, ПОНГІКА, СПб., 1909, стр. 171 сл.]

³² Дж. Н. К о к о в, Кабардинские географические названия, Нальчик, 1966, стр. 140; Н. В. А н ф и м о в, Меоты и их взаимоотношения с Боспором в эпоху Спартокидов, «Античное общество. Труды конференции по изучению проблем античности», М., 1967, стр. 127 сл.; Ю. С. К р у ш к о л, К вопросу об этногенезе синдов, там же, стр. 158, 161; о н а ж е, Древняя Синдика, М., 1971, стр. 43, 231 (см. рец.: В. Д. Ж и г у н и н, А. С. Ш о ф м а н, ВДИ, 1974, № 3, стр. 166—168; БСЭ³, т. 16 (М., 1974), стр. 83—84: ст. «Меоты».

³³ K l a p r o t h, Commentaire sur la Description des pays caucasiens de Strabon, «Nouveau Journal Asiatique», t. I, P., 1828, стр. 302. Правда, Клапрот отождествлял меотов с аланами и осетинами, что не может быть сохранено.

Ольвия, Тирас) это имя не встретилось ни разу. Таким образом, название славянского племени и народа, ушедшего далеко на запад, к Адриатическому морю, получило толчок для возникновения на кавказской периферии, на нижнем Дону. Еще дальше на Кавказ ведет другой славянский этноним — **sr̥bъ*, **sr̥bi*, внутриславянская этимология которого (сближение с гнездом слав. **pasr̥bъ* «пасынок», укр. *при-сѣрбитися* «примкнуть, присоединиться») нас не удовлетворяет. Давно известно наличие близких племенных названий в описаниях древнего Северного Кавказа, выдающийся чешский славист И. Добровский еще в начале XIX в. признал их тождество с названием балканских сербов, но в последующее время критика и скепсис в отношении этого сходства возобладала настолько, что кавказские данные теперь по большей части или обходят молчанием или характеризуют как «случайно похожие». А между тем проблема «античных сербов»³⁴, как ее можно было бы обозначить, явно нуждается в непредвзятом пересмотре в широком контексте данных. Речь идет прежде всего о сообщении Птолемея: «... между Керавнийскими горами и рекой Ра — ориней, валы и сербы (Σέρβοι)»³⁵. Сюда примыкает место из Плиния: «Начиная от Киммерия живут меоты, галы (Hali), серны (Sernis), серреи (Serrei)...»³⁶. Это место правят, опираясь на Птолемея (выше), следующим образом: «Начиная от Киммерия живут меоты, валы, сербы (Maetici, Vali, Serbi)»³⁷.

Полезно обратить внимание еще на одно место у Плиния, правда, без параллели у Птолемея, но без сомнения относящееся сюда же: «... ахеи, марды, керкеты, а за ними серры, кефалотомы» (...Achaei, Mardi, Cercetae, post eos Serri, Cephalotomi³⁸). По-видимому, и здесь можно читать Serbi. Интересны затем сразу два важных обстоятельства. Плиний вставляет этих сербов в конкретный перечень племен, поскольку известно, что керкеты, по распространенному заблуждению принимаемые за черкесов, — это греч. κερκέτης «вид кормового весла», как бы второе прозвище меотского племени торетов, искусных в мореплавании³⁹. Соседство с ними сербов позволяет заподозрить здесь этническую близость, не говоря о довольно конкретной локализации неподалеку от северо-восточного побережья Черного моря (тореты жили примерно между Анапой и Новороссийском). Второе важное обстоятельство — глоссовый характер контекста у Плиния Serbi, Cephalotomi. Поскольку особый народ Cephalotomi на Северном Кавказе как будто неизвестен, мы позволим себе прочесть это место как Serbi id est Cephalotomi «сербы, т. е. кефалотомы». Здесь особенно чувствуется зависимость Плиния-компилятора от греческого источника, потому что он произвел невольно в народы греческое нарицательное слово, калькирующее предшествующий негреческий этноним, — κεφαλοτόμοι «головорезы». Прекрасную аналогию сознательного толкования иноязычного племенного названия посредством греческого слова κεφαλοτόμοι в чисто греческом тексте находим у Страбона, в рассказе о диком народе сарапаров по ту сторону Армении: ... τοὺς προσαγορευομένους Σαραπάρας οἷον κεφαλοτόμους⁴⁰. Σαραπάροι объясняется из иранского, ср. авест. *sārah-* «голова», *par-* «пронзать, разрезать»⁴¹. В названии народа Serbi у Пли-

³⁴ W. S w o b o d a, Serbowie starożytni, «Słownik starożytności słowiańskich», t.V, Wrocław — Warszawa — Kraków — Gdańsk, 1975, стр. 146.

³⁵ P t o l., Geogr. V 17—25.

³⁶ P l i n., NH VI, 19.

³⁷ Грекие и лацинские źródła do najstarszych dziejów Słowian. Cz. I (do VIII wieku). Przełożył i opracował M. P l e z i a. Poznań — Kraków, 1952, стр. 46. Издатель считает созвучие со славянским названием сербов случайным.

³⁸ P l i n., NH VI, 16.

³⁹ A n o n., Per. 65.

⁴⁰ S t r a b o, XI, 14, 14.

⁴¹ D. D e t s c h e w, Die thrakischen Sprachreste, Wien, 1957, стр. 423.

ния мы видим двухчленное сложное *ser-bi* «κεφαλο-τόμοι», ср. — в качестве параллели — др.-инд. *śirṣa-bhīdyā* «раскалывание головы» (Атхарваведа). Первый компонент этого этнонима близок др.-инд. *śiras* «голова», а второй включает местный рефлекс и.е. **bhej-* «бить». Любопытен индоарийский вокализм первого компонента названия *Serbi*, отраженный в виде переднего гласного *e, ε* (Σέρβοι у Птолемея, с вариантом Σίρβοι⁴²), в то время как для иранского характерна форма *sar-* «голова», ср. упомянутое Σαρα-πάροι. Что касается второго компонента, то любопытно отметить, что продолжений и.е. **bhej-* «бить» практически не знают ни индоарийские, ни иранские языки, ср. др.-инд. *han-*, авест. *īan-* в этом значении. Сюда же относится хетт. *kuen-*, *kun-* и греч. βείνω. На этот раз изоглосные связи древнего приазовского субстрата ведут к славянскому, ср. слав. **biti*. То, что глагольный корень **bi-* в синдо-меотских диалектах — определенная реальность, можно видеть по такому его специфическому производному как *bitiae*, глоссовое слово, локализуемое в Скифии и обозначающее женщин, у б и в а ю щ и х взглядом⁴³. Отметим и *-t-* расширение в *bitiae*, очень напоминающее славянское формообразование **biti, *bitь*. Закономерная родоплеменная стадия общественного развития неизбежно порождала как этнонимы-украшения, так и отпугивающие этнонимы («кефалотомы»). Ныне славянский этноним сербов, видимо, происходит из среды индоарийского (праиндийского) по языку населения Прикубанья и северо-понтийских берегов, куда относятся древние племена синдов и меотоз.

THE INDO-ARYAN LANGUAGE SUBSTRATUM IN THE ANCIENT NORTH CAUCASUS

O. N. Trubačev

The author takes up an old question: the key position of the Caucasus in relation to the region north of it (the original Slavia) and to the southern route of Indo-Aryan migration. He puts forward the hypothesis that a part of the North Black Sea coastal area was inhabited by Indo-Aryans. The ancient inhabitants of the Taman Peninsula and the Azov Sea region (the Bosporan kingdom and its neighbours), the Sindians and Maeotae, were bearers of this language substratum. Our meagre evidence allows the inference that the Sindians and Maeotae were linguistically not identical with the Iranians. Surviving onomastic evidence for the agricultural population of the Bosporan kingdom is often unexplainable as Iranian based, whereas remarkable traces are found of original Indo-Aryan (ancient Indian) formations. The preservation in some of these names of the etymological «s» sharply conflicts with the Iranian theory (in Iranian *s > h*).

Etymological examples: Tamarunda 'Sea of Azov' (Pliny) < **tem-arun-dā* 'feeding the Black Sea', cf. Old Ind. *tīmas* 'darkness', *ārṇa* — 'the deeps (of the sea)', Ind.-Eur. **dʰi-* — 'breast-feed'; Sinus 'Tanais, Don' (Pliny) < **Sindus*, cf. Old Ind. *sīndhu* — 'river' (called otherwise in Iranian), also the ethnicon Σίνδοι; Indo-Aryan (Sindian, Maeotic) **sar* — 'woman' (: Old Ind. *ap-saras* pl. 'water creatures of female sex', but cf. Iranian **hār-* in Avestan *hārišī* 'woman, female') appears in personal names of Bosporan women: Κουαυάρωη, Μελωάρω, Σαρβώη, [Σ]αρβία. The feminine name Turgutawiya on clay tablets from Alalaḫ in Hither Asia of the Indo-Aryan Mitanni epoch fully corresponds to the woman's name Τυργατωίω. Eon 'Sindian island' can be explained as derivative from the Indo-Aryan **aḥ* (*vam* 'lone, island', cf. Oium (Jordan). In addition, the Kuban region and the North Caucasus are connected with the Indus valley by repeatedly appearing groups of names. From the etymology of names rooted in the linguistic soil of the Bosporan kingdom it also follows that the Maeotae and Sindians were not Adyghs.

Finally, the author proposes a new etymology affirming an Indo-Aryan origin for the ethnonym of the Slavic Serbs together with the name of the Ptolemaic Σέρβοι based on an emendation of Pliny's text: Serbi, Cephalotomi.

⁴² Цит. по книге: K. Z e u s s, Die Deutschen und die Nachbarstämme, München, 1837, стр. 608, прим.

⁴³ P l i n., NH, VII, 17; J u l. S o l i n., I, 101.

А. И. Павловская

ЭЛЕМЕНТЫ ОБЩИННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ В ЕГИПЕТСКОЙ КОМЕ IV в. н. э.

Дискуссия между Е. М. Штаерман и А. Р. Корсунским о наличии или отсутствии общинной организации в сельских поселениях западных провинций Римской империи, возникшая на страницах ВДИ¹, приобрела теоретическое значение, поскольку в ее ходе были вновь подняты вопросы о критериях, определяющих общинную структуру, и о месте сельской общины в процессе социально-экономического развития античного мира на различных его стадиях. Уместно напомнить, что в общетеоретическом плане эти вопросы уже ставились в коллективном докладе Е. С. Голубцовой, В. И. Кузищина и Е. М. Штаерман «Типы общин в древнем мире» на XIV Международном конгрессе исторических наук. Формулируя свое определение этого понятия, докладчики отметили, что община представляла собой «исторически сложившийся, устойчивый, замкнутый коллектив, более или менее однородный в социальном отношении, обладающий верховным правом собственности на землю, которую он населяет, и препятствующий ее отчуждению, реализующий свою общность в труде по взаимопомощи (включая круговую поруку, тягловые обязанности), осуществляющий совместное пользование общинными угодьями, имеющий самоуправление, характеризующийся общей социальной психологией и религиозным единством»². Такое широкое определение одинаково применимо и для племени, и для соседской общины, и для полиса в период его расцвета, авторы как бы пытаются выявить нечто общее для всех этих форм организации населения. Далее они выделяют два основных типа общины: кровнородственную (которую иногда называют большесемейной, родовой и домовою) и территориальную (соседскую или сельскую). Эти два типа, по мнению докладчиков, генетически между собой связаны, но территориальная община может возникнуть и спонтанно при определенных условиях внутри классового общества. Что касается полиса, то мнения докладчиков разошлись и они предложили три концепции по этому вопросу. Согласно одной из них полис представляет собой особый, третий тип общины — городскую общину, но это определение применимо только к небольшим полисам, население которых не превышает 2—3 тыс. человек.

¹ А. Р. Корсунский, О деревенском устройстве и системе землепользования в западных провинциях поздней Римской империи, ВДИ, 1977, № 2, стр. 43—47; Е. М. Штаерман, Еще раз к вопросу о римской сельской общине, ВДИ, 1978, № 2, стр. 89—110.

² E. S. Golubtsova, V. I. Kusishin, E. M. Shterman, Types of Community in the Ancient World, XIV International Congress of Historical Sciences. San Francisco, August 22—29, 1975 [специальный оттиск], стр. 3—4.

С ростом города общинные связи в нем заменяются экономическими и политическими. Согласно второй концепции в античном мире все города сохраняли в той или иной мере черты общинной структуры, позволяющие определить античный город как гражданскую общину — *civitas*. Третья концепция сводится по существу к противопоставлению полиса и общины — признается только наличие в некоторых случаях генетических связей между полисом и территориальной общиной.

Таким образом, в докладе дана принципиальная постановка вопроса об общине в античном мире, как бы подытоживающая предшествующие теоретические и конкретно-исторические исследования советских историков, и намечены некоторые критерии для определения общинной организации как таковой и трех типов общины — родовой, территориальной и городской.

Однако такая общая постановка вопроса, интересная сама по себе, не исчерпывает всего многообразия форм и разновидностей общин, существовавших в древности, и для их осмысления необходимы более детальная классификация типов общин и конкретизация критериев, позволяющих выявить тот или иной тип. Возможно заслуживает внимания предложенное А. М. Хазановым³ разграничение между соседскими общинами, непосредственно выросшими из родовой, и соседскими (сельскими) общинами, существовавшими в рамках классовых обществ.

Отмечая скудость, отрывочность и неопределенность дошедших до нас сведений о формах социальной организации сельского населения в древности, Е. М. Штаерман в названной выше статье (см. прим. 1) предложила три основных критерия для выявления и определения общинной структуры в рамках древних классовых обществ. Такими критериями она считает: во-первых, верховное право собственности коллектива на свою территорию, выразившееся в распределении земли между его членами в вечное или временное владение при обязательном сохранении некоторой части земельной площади в коллективном пользовании (при этом перед внешним миром коллектив общинников выступает как единое целое); во-вторых, существование в этом коллективе органов самоуправления, отвечающих за него перед вышестоящими органами власти на основе принципов круговой поруки; в-третьих, осознание членами коллектива своей общности, что выражается часто в существовании местного культа божества — покровителя коллектива. Е. М. Штаерман полагает, что наличие свидетельств о каком-либо одном из перечисленных признаков уже может служить достаточным доказательством существования общины или значительных ее пережитков. Исходя из этих положений, она реконструирует элементы общинной организации в западных провинциях, во многом убедительно полемизируя с А. Р. Корсунским. Существование общины в восточных провинциях оба автора (как и многие другие исследователи) считают бесспорным. Но так ли это бесспорно? И что представляла собой та община, существование которой на востоке, в частности, в Египте, нередко постулируют, опираясь на некоторые статьи кодексов⁴? В какой мере присущи ей те признаки, о которых только что говорилось?

Условия земледельческого производства в греко-римском Египте, вероятно, в большей степени, чем в каком-либо другом районе Средиземноморья этого времени были благоприятны для воспроизводства общин-

³ А. М. Хазанов, *Община в разлагающихся первобытных обществах и ее исторические судьбы*, ВДИ, 1975, № 4, стр. 5 сл.

⁴ F. de Zulueta, *De patrociniis vicorum*, «Oxford Studies in Social and Legal History», ed. by P. Vinogradoff, vol. I, Oxf., 1909, стр. 41—78; P. Таубеншлаг, *Сельские общины в романизованных провинциях Востока времени Диоклетиана*, ВВ, XIII, М., 1958, стр. 1—8.

ных отношений. И в эллинистическую эпоху и под римским владычеством основной формой хозяйства в египетском земледелии было мелкое хозяйство «царских» или «государственных» земледельцев. Количество земель, пригодных для обработки, было ограничено площадью, орошаемой разливами Нила или с помощью ирригационных сооружений. За их пределами лежала каменистая пустыня, мало пригодная даже для пастбищ. Земледелие было невозможно без ирригации, а сооружение каналов и дамб, их ремонт и эксплуатация требовали согласованного коллективного труда всех жителей комы и, следовательно, каких-то форм организации этого труда. Товарно-денежные отношения в стране были развиты сравнительно слабо, потребности комы в ремесленных изделиях в основном удовлетворялись местными ремесленниками. Итак, казалось бы, что налицо все условия для устойчивого существования сельской общины.

Что же дает нам изучение документов? Уже историки, изучающие доэллинистический Египет, пишут лишь о следах общинного устройства, а более или менее устойчивое существование сельской общины относят к самому раннему периоду истории Египта⁵. Такие же суждения высказывают историки, занимавшиеся изучением эллинистической эпохи⁶. Иное мнение представлено работами В. В. Струве. Ссылаясь на аналогию в номенклатуре должностных лиц индийской общины и египетской комы эллинистического времени, он утверждал, что в Египте сельская община продолжала сохранять свое значение вплоть до греко-македонского завоевания. Расцвет общинной организации в Египте В. В. Струве относит к III—II тыс. до н. э. и объясняет ее устойчивость слабым развитием обмена и торговли. Лишь налоговая политика Птолемеев, имевшая результатом пауперизацию населения, полагает он, привела к разложению сельской общины, которая окончательно погибла к концу римской эпохи⁷. Однако, по мнению М. В. Левченко, папирусы IV—VII вв. позволяют проследить целый ряд признаков соседской общины в египетской коме византийского времени, а именно: круговую поруку в уплате налогов, общинное самоуправление, совместное владение пастбищами, сдачу в аренду бесплодных земель и др.⁸

Итак, несмотря на расхождения в конечных выводах для всех названных исследователей исходным моментом оказывается возможность выявить некоторые признаки общинной организации в египетской коме греко-римской эпохи. Попытаемся теперь проследить, какие признаки об-

⁵ И. А. Стучевский. Зависимое население древнего Египта, М., 1966, стр. 114; он же, Некоторые данные древнеегипетских источников о сельской общине, в сб. «Древний Египет и древняя Африка», М., 1967, стр. 133—138; Т. Н. Савельева, Аграрный строй Египта в период древнего царства, М., 1962, стр. 148 (исследовательница пишет, что изучаемой ею стадии развития древнеегипетского общества должна была соответствовать сельская община, но прямых сведений о ней в памятниках Древнего царства не сохранилось, и объясняет это характером дошедших до нас документов).

⁶ А. Б. Ранович, Эллинизм и его историческая роль, М., 1950, стр. 197 сл.; Н. Н. Пикус, Царские земледельцы (непосредственные производители) и ремесленники в Египте III в. до н. э., М., 1972, стр. 121, 142.

⁷ В. В. Струве, Марксово определение раннеклассового общества, СЭ, 1940, № 3, стр. 14—16; он же, Общины Египта и Шумера и общины Индии, «Вестник ЛГУ», 20, 1963. Серия истории языка и литературы, вып. 4, стр. 52 сл. В статье «Общественный строй эллинистического Египта» (ВИ, 1962, № 2, стр. 67 сл.) В. В. Струве высказывает предположение, что разложение общины началось в саский или ливийский периоды.

⁸ М. В. Левченко, Материалы для внутренней истории Восточной римской империи V—VI вв., «Византийский сборник», М.—Л., 1945, стр. 38—40. См. также Р. Таубеншлаг, Сельские общины в романизированных провинциях Востока времени Диоклетиана, ВВ, XIII, 1958, стр. 1—8.

щинного устройства сохранились и (что не менее важно) как трансформировались важнейшие устои общинной организации.

Один из основных элементов общинной структуры — сочетание общинной собственности на землю и частного владения общинников земельными участками — в эллинистическом Египте трансформировался в царскую собственность на земли комы и аренду участков жителями комы. Но следует оговориться: такова была лишь правовая форма земельных отношений, возникшая в результате греко-македонского завоевания. Фактически же египетские земледельцы продолжали владеть своими наделами, могли передавать их по наследству, делить между совладельцами, передавать в приданое⁹. Только в случае неуплаты ренты-налога (*ἐκφόριον*) царь мог отобрать участки у владельцев. За каждой комой была закреплена традиционно сложившаяся территория, на которой помимо участков царских земледельцев могли находиться земельные владения храмов[†] и клерухов, иногда дарственные земли, которые в принципе также были собственностью царя, но «уступленной» царем их фактическим владельцам.

Так, по данным папирусов (р. Tebt. 60 и 61a) из комы Керкеосирис (Фаюмский оазис)¹⁰ к этой коме было приписано 4700 арур (около 1300 га) земли, из них 69,5 арур (20 га) занимало само поселение, около 170 арур (47 га) составляла бесплодная (буквально: бездоходная) земля, около 176 арур (48 га) находились под пастбищами, 21 арур (6 га) была занята садами, возможно, частновладельческими. Остальные земли — пахотные — распределялись следующим образом: храмовые земли занимали около 272 арур (75 га), земли клерухов — около 1565 арур (430 га); царская земля, обрабатывавшаяся «царскими земледельцами», занимала около 2428 арур (668 га), т. е. лишь немногим больше половины всей территории. Пастбища, обозначенные в описи как не сданные в аренду (или не дающие ренты), очевидно, как и пахотные земли, считались «царской землей» и могли сдаваться в аренду, а в данном случае использовались для выпаса скота, царского или принадлежащего жителям комы. Бездоходные земли (в категорию которых обычно попадали участки, брошенные их владельцами, ставшие почему-либо непроизводительными) вместе с пастбищами находились в распоряжении местной администрации. Формально эти земли были аналогичны неподеленным землям общины, но использование их зависело уже не от потребностей жителей комы, а от интересов казны.

Во II в. до н. э., когда количество пустующих земель угрожающе возросло и стало причинять немалый ущерб царской казне, местные власти по предписанию царя (UPZ, 110) стали принудительно распределять брошенные участки между жителями комы для обработки, а вернее — для взимания с них *ἐκφόριον*. Эта чрезвычайная мера, вызвавшая вначале резкий протест населения, в дальнейшем вошла в повседневную практику. И опять-таки, если формально, с внешней стороны *ἐπιβολή* или *μερίσιμος* (как обозначали такое принудительное распределение земли при Птолемах) сходно с разделом между общинниками неподеленных общинных земель, то по существу, т. е. по целенаправленности и по значению для жителей ком, эти явления имели противоположный смысл.

В папирусах упоминается общий «царский» ток (или гумно), где молотили хлеб все жители комы. Очевидно, подобная практика возникла в далекой древности в рамках общины и продолжает существовать по сей день из-за ограниченности не затопляемой при разливах территории (для тока

⁹ См. А. И. Павловская, Формы землевладения и организация земледелия на царских землях Египта в середине III в. до н. э., ВДИ, 1953, № 1, стр. 40—58.

¹⁰ D. J. Crawford, Kerkeosiris. An Egyptian Village in the Ptolemaic Period, Camb., 1971, стр. 44.

нужна сухая утрамбованная площадка). Но и этот обычай государство использовало в своих интересах: молотья проходила под надзором царского чиновника и никто не имел права увезти свое зерно, пока не расплатится с государством (см. RL, 39; W. Chr., 331 и др.)¹¹.

Другой (не менее важный) элемент общинной структуры — органы самоуправления — также претерпел значительную трансформацию. Сохранившаяся в эллинистических папирусах номенклатура должностных лиц, связанных с жизнью комы, возможно, как и предполагал В. В. Струве, вела свое происхождение от общинной организации, но при Птолемах это были в значительной части уже не выборные лица, а представители местной царской администрации, получавшие в той или иной форме вознаграждение от царской казны. Так, например, в Керкеосирисе эремофилаки и филакиты (которых В. В. Струве сопоставляет с «пограничной стражей») и с тальаром в индийской общине¹²) принадлежали к полицейским чинам и владели крупными клерами, полученными от казны¹³. Деятельность администрации комы сводилась в основном к обеспечению доходов царской казны; с этой целью предпринимались необходимые ирригационные работы, контролировалась обработка земли, посев и сбор урожая. Таким образом изменились и цель, и мотивировка, и формы деятельности должностных лиц.

Папирусы эллинистического времени не сообщают сведений о каких-либо собраниях жителей комы (или хотя бы «царских земледельцев»). Есть только сведения о некоторых их коллективных акциях, например о массовом анахоресисе под защиту храмов в знак протеста против действий царской администрации (PSI, 509; р. Cairo Zen. 59425 и др.). Однако в одной из надписей, найденных на территории Фаюма, встречается традиционная формула о решении собрания кометов учредить гимнасий в своей коме¹⁴.

Превратив органы самоуправления комы в административный аппарат, государство в то же время принудительно зафиксировало давние обязанности общинников по отношению к общине: земледельцы обязаны были тщательно обрабатывать числящиеся за ними участки земли, чтобы регулярно выплачивать экфорион государству; забота об ирригационных сооружениях превращалась в принудительную повинность по ремонту и расширению оросительной сети, неразрывная связь общинника с общиной — в фиксированное обычаем (или законом) прикрепление земледельца к его «*βίαια*» — месту, где он обязан трудиться в силу своего происхождения или профессии.

Население комы в эллинистический период было неоднородным и этнически и социально. Помимо «царских земледельцев» в комах постоянно или временно жили военные колонисты (катэки, клерухи, *μάχιμοι*), граждане полисов, чиновники, откупщики, жрецы, ремесленники, торговцы, поденщики, рабы. Среди них были египтяне, греки, иудеи, сирийцы,

¹¹ См также Cl. P r é a u x, L'économie royale des Lagides, Bruxelles, 1939, стр. 126—129.

¹² В. В. Струве сопоставлял должностных лиц в египетской коме птолемеевской эпохи с должностными лицами в индийской общине нового времени. Проведенное Л. Б. Алаевым исследование индийской общины VI в. до н. э. — IV в. н. э. показывает, что в независимых общинах не удается проследить такой же сложный аппарат, а в общинах, целенаправленно создаваемых (но не спонтанно возникавших), должностные лица также получали от царя в качестве материального обеспечения служебные надели (Л. Б. Алаев, Сельская община как элемент общественного строя древней Индии, ВДИ, 1976, № 1, стр. 23).

¹³ S t a w f o r d, ук. соч., стр. 58 слл.

¹⁴ См. К. К. З е л ь и н, Исследования по истории земельных отношений в Египте II—I вв. до н. э., М., 1960, стр. 364 (со ссылкой на Bull. Soc. Arch. Alex., 1929, № 24).

лица из живших по соседству с Египтом племен. Если этнические различия с течением времени сглаживались, то различия в имущественном и правовом положении постепенно возрастали, порождая столкновение интересов отдельных социальных групп. Папирусы свидетельствуют о столкновениях между военными колонистами и «царскими земледельцами», о выделении привилегированного зажиточного слоя (или сословия) «эллинов», о появлении профессиональных корпораций ремесленников¹⁵. Все это позволяет сделать вывод, что кома эллинистического времени не может быть рассматриваема как социальный организм с однородной структурой.

Таким образом, документы эллинистического времени действительно позволяют выявить лишь следы общинной организации. Вмешательство государства, приток переселенцев, социальная дифференциация внутри комы ослабили общинные связи и трансформировали ее институты. Но поскольку объективные материальные условия, позволявшие функционировать общинной организации, сохранили свое значение, то изменения исторической обстановки могли привести к возрождению тех или иных элементов общинной организации.

Включение Египта в состав Римской империи усложнило стратификацию египетского общества, возросла роль рабства, большие возможности для развития получили товарно-денежные отношения и частное землевладение, усилилась налоговая эксплуатация. Все это не могло не оказать влияния на структуру и внутреннюю жизнь комы. Как показывает проведенное А. Б. Ковельманом исследование документов из графейона в Тебтунисе¹⁶, относящихся к середине I в. н. э., в этой коме, расположенной в юго-восточной части Фаюма (в мериде Темиста), шел интенсивный процесс социальной дифференциации: выделялись богатые, предпринимательского типа хозяйства, специализировавшиеся на овцеводстве и садоводстве, и одновременно разорялись *γεωργοὶ δούλοιοι*. Одним из признаков их разорения автор считает появившуюся аренду земель бедняков богатыми землевладельцами, при которой использовался труд арендодателей. Уменьшалось значение частной аренды, ее вытеснял труд наемных работников, основное ядро которых составляли зависимые — парамонарии. Статус парамонариев, близкий к положению кабальных должников, приобретал наследственный характер, число их пополнялось за счет разорявшихся землевладельцев. Заметно увеличивалось применение рабского труда, росло число рабов.

Не менее характерной чертой египетской деревни этого времени А. Б. Ковельман считает наличие в ней ремесленников всех основных профессий, работавших на заказ и на рынок, причем деревенское ремесло отличалось от городского лишь ассортиментом и качеством изделий. Наряду с ремесленниками в деревнях имелись профессиональные торговцы и ростовщики. По мнению А. Б. Ковельмана, для рассматриваемого времени можно говорить о полном отделении ремесла от земледелия, о существовании рынка внутри деревни и междеревенского, о постоянном торговом обмене деревни с городом с преобладанием вывоза товаров из деревни (сырья и продуктов питания).

¹⁵ Неоднородность социальной структуры египетской комы убедительно показана К. К. Зельным (ук. соч., стр. 184—279; 370—378) на материале папирусов из Фаюма и Фиваиды.

¹⁶ А. Б. К о в е л ь м а н, Египетская деревня середины I в. н. э. (По архиву тебтунисского графейона, канд. дисс., М., 1975 (рукопись); о н ж е, Аренда в Южном Фаюме в середине I в. н. э. (По мичиганским регистрам), ВДИ, 1974, № 2, стр. 69—85; о н ж е, Парамонарии — наемные работники греко-римского Египта (По мичиганским регистрам), «Народы Азии и Африки», 1974, № 6.

Специфику социальной организации египетской деревни А. Б. Ковельман видит в существовании многочисленных культовых, частных и производственно-профессиональных корпораций, в число которых он включает не только объединения ремесленников и торговцев, но и *ὑπαρχαὶ ἀρχαῖοι*. На основании этого он делает вывод, что в Египте I в. н. э. «существуют не пережитки общины, но полнокровные и адекватно отвечающие наличным условиям земледельческие и ремесленные ассоциации... Отличие корпораций, в том числе и земледельческих от общины, состоит в их специализированном характере. Корпорации как бы разрывают свойственное общине единство ремесла и земледелия. Причина такого разрыва — широкое развитие ремесла в деревне». Община, по мнению исследователя, не разложилась, а «разорвалась», и корпорации «переняли на себя все ее черты, кроме единства ремесла и земледелия»¹⁷.

С этими положениями А. Б. Ковельмана, как мне кажется, нельзя согласиться. Во-первых, в его рассуждениях основным условием существования сельской общины оказывается единство ремесла и земледелия. Но оно может считаться лишь условием, обеспечивавшим устойчивость общины, застойность, неподвижность общества¹⁸, в основе же общины лежит коллективная собственность на землю и коллективные формы социальной организации. Во-вторых, едва ли правомерно обозначать одним и тем же термином «корпорация» и культовые или частные объединения разных по своему статусу лиц, и профессиональные объединения ремесленников, и формы организации *ὑπαρχαὶ ἀρχαῖοι*, обусловленные необходимостью, заложенной в самих условиях производства — общим использованием земельных угодий, общей потребностью в орошении и т. д. Наконец, в-третьих, едва ли можно говорить о полном отделении ремесла от земледелия, если, как отмечает сам автор, ремесленники работали на заказ (а это говорит об ограниченном спросе на предметы их труда и о слабом развитии товарных отношений). Нередко они (судя по дошедшей информации) владели землей, а некоторые виды ремесла (например, прядение) оставались домашними по своему характеру. И главное, что вызывает возражение — автор стремится распространить свои выводы, основанные на наблюдениях над социально-экономической структурой Тебтюниса, на все египетские комы.

О том, что это неправомочно даже для всех ком Фаюма, свидетельствует, например, монография Х. Геремек «Каранис — сельская община Римского Египта во II—III вв. н. э.». По мнению исследовательницы, кома Каранис этого времени представляет собой «общество слабо дифференцированное с точки зрения общественного разделения труда и имущественного расслоения»¹⁹. Основная масса населения комы была занята земледельческим трудом. Ремесленники, по данным налоговых ведомостей (р. Michig. 223—225), составляли его незначительную часть, причем большинство из них платило поземельные налоги, т. е. было связано с земледелием. Археологические раскопки также подтверждают, что изготовление и продажа продуктов ремесла практиковались в рамках домашнего хозяйства кометов, что специализированного ремесленного производства не было. Социальную верхушку комы Каранис составляли ветераны, получившие римское гражданство или какие-либо привилегии. В большинстве своем они местного происхождения и по культурному уровню не от-

¹⁷ К о в е л ь м а н, Египетская деревня..., стр. 161 сл.

¹⁸ Именно в таком плане рассматривает Маркс свойственное индийской общине соединение ремесла и земледелия (К. М а р к с, Ф. Э н г е л ь с, Соч., т. 23, стр. 369; т. 25, стр. 366).

¹⁹ Н. G e r e m e k, *Karanis communauté rurale de l'Égypte romaine au IIe—IIIe siècle de notre ère*, Wrocław — Warszawa — Kraków, 1969, стр. 101.

личаются от остального населения. Материальное благосостояние «римских граждан» весьма скромно, оно выступает только на фоне бедности основной массы населения.

Х. Геремек считает, что в социально-экономической структуре Каранис этого времени можно увидеть элементы общинной организации, но эта структура, по ее мнению, сложилась как результат целенаправленной политики государства по отношению к сельскому населению. На общину как на единое целое государство возлагало обязательство арендовать государственную землю и выплачивать поголовный и прочие налоги. Гарантами выполнения обязательств перед государством выступали представители комы в целом — *πρεσβυτεροι*, так же как и корпорации земледельцев (клерухии, питтакии), организуемые для обработки отдельных комплексов государственных земель и выплаты налогов. Коллективная ответственность комы за уплату налогов и выполнение повинностей находила выражение в специальных обложениях: *μερισμός ἀναγκαστηρεχότων* (распределение между жителями комы суммы налогов, которые приходились на налогоплательщиков, ушедших, т. е. сбежавших из комы) и *ἀπορίχον* или *μερισμός ἀπορον* (распределение между кометами налогов, приходившихся на неимущих, неплатежеспособных лиц). Население комы делилось на *εὐπόροι* — имевших доход свыше 400 драхм, и *ἄποροι* — бедняков, освобожденных от выполнения литургий. Такая система отношений, которую Х. Геремек называет «сельской общиной» (*la communauté rurale*), возникшая в начале II в. и исчезнувшая после 224 г.²⁰, была, по ее мнению, важным фактором, оказывавшим нивелирующее воздействие на имущественное и социальное положение населения комы. На основании использованного материала исследовательница делает вывод о том, что египетская кома была замкнутой, консервативной деревней, которая с трудом выдерживала фискальный гнет и не имела сил для дальнейшего развития.

Таким образом, Х. Геремек приходит к выводам, противоположным выводам А. Б. Ковельмана. Очевидно, это объясняется не только разным подходом авторов к изучаемому материалу и разнородностью источников (документы из тебтунисского графейона характеризуют, главным образом, частноправовые и экономические отношения между жителями комы, а налоговые документы из Каранис — отношения между комой и государством), но и различиями в экономике этих ком, находившихся на противоположных окраинах Фаюмского оазиса, и, наконец, изменениями общих исторических условий: во II и III вв. уже более отчетливо сказались результаты римской эксплуатации экономических ресурсов Египта (уровень жизни сельского населения понизился, анахоресис стал массовым явлением, стала ощутимой нехватка рабочих рук и т. д.).

Пожалуй, наиболее богатую информацию о жизни египетской комы дают папирусы начала IV в. Обширный архив Исидора, сына Птолемея, из Каранис²¹, а также архив Сакаона, сына Сатабута, из Теадельфии²² и ряд других документов из тех же ком²³ содержат самые разнообразные сведения об экономике, социальной структуре и общественной жизни окраинных поселений Фаюма на протяжении трех-четыре десятилетий. Попытаемся проследить, что дают эти папирусы для выяснения вопроса о ме-

²⁰ Geremek, ук. соч., стр. 104. Объяснения такой датировки существования общинной организации автор не дает.

²¹ The Archive of Aurelius Isidorus, ed. A. E. R. Boak, H. Ch. Youtie, Ann Arbor, 1960.

²² Papyrus de Théadelphie, ed. P. Jouguet, P., 1911.

²³ N. Lewis, Fourth Century Documents from Karanis, Leiden, 1967; p. Ryl. 653; p. Princ. 134; SB 8246, и др.

сте общинной организации в социально-экономическом строе римского Египта.

Согласно земельным реестрам и налоговым документам из Каранис и Теадельфии, каждая кома имела исторически сложившуюся и зарегистрированную в земельных кадастрах определенную площадь государственных и частных земель, которая обозначалась как *κομητικὴ κτήσις*, т. е. «собственность (или владение) кометов» такой-то комы (р. Princ. 134; р. Cair. Isidor. 11) или просто «κτήσις такой-то комы» (например, *κτήσις Θεαδελφίας* — р. Thead. 33). Ктесис комы включал в себя и культивируемые и бесплодные земли. Вся культивируемая земля состояла из множества индивидуальных *κτήσεις* с четко обозначенными границами, включавших частную или государственную землю, и принадлежавших отдельным или нескольким землевладельцам — кометам и политам. Владельцы *κτήσις*, независимо от категории входившей в нее земли, имели право распоряжаться ею по собственному усмотрению: продавать, закладывать, дарить, уступать, сдавать в аренду какому-либо лицу без всякого вмешательства со стороны соседей или администрации. В контрактах о продаже или уступке земли права покупателя характеризуются теми же терминами: *κρατεῖν* и *κυριεῖν* (т. е. «иметь под своей властью», «быть господином»), что и права на движимое имущество (р. New York 20; ср. также BGU 917; Mitt., Chr. 145).

Формы использования земли также с юридической точки зрения ничем не ограничивались: хозяин *κτήσις* мог занимать под любые культуры свои пахотные земли, мог оставить их незасеянными, но он был обязан уплатить причитающиеся с них налоги пшеницей и ячменем, натурой или деньгами. Право собственности на землю практически ограничивалось лишь одним условием: жители комы не имели права не платить налоги. Если кто-то из кометов был не в состоянии уплатить налоги с принадлежавшей ему земли и покидал кому, он тем самым временно или навсегда отказывался от своих прав на землю. Продать ее он мог лишь при условии, что покупатель примет на себя его налоговую задолженность (см. р. New York 20). Но налоговые обязательства на землевладельца налагало государство, а не кома. Оно же возлагало на кому ответственность за уплату налогов со всей приписанной к ней территории (с *κτήσις* самой комы и с земель ее округа — хориодиктии) и в том числе с земли, брошенной налогоплательщиками, которая как бы становилась землей комы в целом.

Землями всей комы считались также сухие (*χέρσοι*), не пригодные для обработки земли, обозначавшиеся как «бесхозные», ничьи (*ἀδέσποτοι*). В случае их обводнения (вероятно, при высоком подъеме воды в Ниле) они зачислялись в категорию царских земель той или иной комы (см. р. Cornell 20) и налог с этих участков налагался либо на прежних владельцев, либо на того, кто их обрабатывал.

Поскольку кома в целом несла фискальную ответственность за всю приписанную к ней территорию, то, очевидно, вопрос о возмещении налогов с бесхозных и брошенных владельцами земель должен был решаться в основном на уровне деревенской администрации. Сохранившиеся в архиве Исидора документы позволяют предполагать, что брошенные частные земли сдавались в аренду, причем в качестве арендодателей выступали, очевидно, должностные лица комы. Так, в договоре от 313 г. (р. Cair. Isidor. 103) сдаются в аренду 5 аруп частной, годной для посевов, земли (*γῆς ἰδιωτικῆς σπορίμης*) сроком на один год без уплаты ренты (*ἀνευ φόρου*), но с обязательством арендаторов платить все налоги (*σιτικά, χρεθικά, ἀργυρικά, ἀνώνας*) и выполнять за свой счет все необходимые работы. Арендуют землю житель Арсиноополя Капитон, сын Гелиодора, и Птоломей, сын Птоллиона, житель Каранис; первый, видимо, участвует как кре

дитующий аренду, второй — как непосредственный работник. Имена арендодателей не сохранились, но характер договора, упоминание о том, что участок из земель Нила, сына Касия, числившегося ранее в списках налогоплательщиков, и присутствие этого документа в архиве Исидора, исполнявшего в соответствующем году обязанности тессарария (литургическая должность в коме с контрольными функциями) позволяет думать, что арендодателями выступали представители комы.

Аналогичный по условиям аренды договор содержит р. Cair. Isidor. 102, датированный 303/304 гг. Здесь также сдается в аренду без уплаты ренты на три года частная земля в хориодиктии Каранис, но, к сожалению, имена и арендодателя и арендатора не сохранились. Арендатор, помимо того, что он обязан платить налоги и выполнять все работы, не может оставлять аренду до истечения срока договора. Поэтому можно предположить, что и в этом документе речь идет о сдаче в аренду представителями комы земель, за уплату налогов с которых несла ответственность кома в целом. Очевидно, в этих случаях брошенные участки были более или менее продуктивными, и на условии уплаты налогов, но без какой-либо ренты можно было для них найти арендаторов.

В тех случаях, когда оставленную без обработки землю нельзя было сдать в аренду, она, по-видимому, подлежала «распределению» (ἐπιπέμῃσις). В архиве Исидора сохранился документ о распределении земли в 313/314 гг., озаглавленный κατ' ἄνδρα ἐπιπέμῃσις (р. Cair. Isidor. 12), в котором перечислены в алфавитном порядке (от α до ω) 73 землевладельца (всего имен 84, так как в двух случаях названы по три совладельца и в семи — по два), получивших то или иное дополнительное количество земли. Категория распределяемой земли не указана, — вероятно, это царская земля (хотя, как известно из других документов, иногда распределялась и частная). Установить какую-то пропорциональность в распределении не удается (наименьшие участки — 0,2—0,3 аруры, наиболее крупные — 8,5—8,8 арур), среди включенных в список лиц есть и кометы и жители полиса. В упомянутом списке получающих ἐπιπέμῃσις названы 34 человека из землевладельцев, перечисленных в земельном реестре 300—305 гг. (р. Cair. Isidor. 6), еще 21 человек из числа налогоплательщиков, названных в отчете ситологов 309 г. (р. Cair. Isidor. 9), и 19 человек встречается впервые. Есть некоторые основания предполагать, что среди этих 19 человек какая-то часть — владельцы вновь образовавшихся хозяйств, возникших в результате либо наследования или раздела общих владений, либо покупки земли. К ним, например, можно отнести вольноотпущенника Памуна, Аэйана, сына Гарпаэйга (очевидно, брата Гарпала), Гераса, Соту и Птолема, сыновей Меласа и Адоры, Птолла, сына Серена, и др.

Как производилось «распределение», остается неизвестным. Поскольку документ обнаружен в архиве Исидора, а сам он в списке получивших ἐπιπέμῃσις не значится, то вполне вероятно, что он, исполняя в 313/314 гг. должность тессарария, имел какое-то отношение к этому распределению. Так как распределялась земля, оставленная ее владельцами и оказавшаяся малопродуктивной или сухой, то цель распределения сводилась к обеспечению уплаты налогов, приходившихся на эти участки. И хотя распределение γῆς ἐπιπέμῃσις, как и ἐπιβολή и μερισμός по форме напоминает практику раздела пустующих земель между общинниками, по существу оно оказывается перераспределением налогового бремени между владельцами земель на территории Каранис и ее хориодиктии, причем в число этих владельцев входят и граждане полиса, имевшие там участки.

В папирусах нет сведений о том, использовались ли пустующие земли под общие пастбища комы. Но жалоба Исидора (р. Cair. Isidor. 78; 79; 140) на вытаптывание его полей соседским скотом скорее свидетельствует

о выпасе скота соседей на их участках. Как и в эллинистическую эпоху (см. выше, стр. 46) в общей собственности комы находился ток, где одновременно могли молотить хлеб несколько семей. Именно здесь должностные лица, ответственные за сбор налогов, устанавливали количество собранного каждым земледельцем зерна и получали причитавшиеся с него налоговые взносы. Среди оксиринхских папирусов сохранилось, например, обязательство комархов, присягавших в том, что они не позволят увозить зерно с тока, пока не будут выполнены требования декапротов, ведавших сбором налогов (р. Оху. 1255, от 292 г.). За содержание и охрану тока, видимо, отвечала администрация комы, как явствует из жалобы Исидора по поводу поджога его хлеба на току: в подтверждение он ссылается на свидетельство Леонида и Соты τῶν τῆς κομῆς δημοσίων (р. Cair. Isidor. 66), на них же ссылается в своей докладной помощник стратега Аврелий Сарацион, посланный в Каранис для обследования и проверки жалобы (р. Cair. Isidor. 124).

В папирусах неоднократно упоминаются тезавры (зернохранилища) той или иной комы, например, тезавр Каранис (р. Cair. Isidor. 38, 39, 41, 45, 59), тезавр Филадельфии (SB 7621), тезавр Теадельфии (р. Thead. 26, 27). По-видимому, они находились поблизости от тока, но нет никаких сведений, принадлежали ли они самой коме, или это были государственные сооружения. Хотя зерно в тезавр принимали местные сборщики — ситологи, но вел письменный учет и выдавал квитанции налогоплательщикам от их имени специальный писец (см., например, подпись Алипия на квитанциях из Филадельфии — SB 7621, или подпись Исиона на квитанциях из Каранис — р. Cair. Isidor. 54, 59).

Каждая кома имела на своей территории несколько основных подводящих воду каналов (δύφρουρες) и дамб (χώματα), а также сеть мелких каналов, подводивших воду к отдельным участкам. Надзор за содержанием ирригационной сети и распределением воды в пределах комы осуществляла коллегия специальных чиновников — хоматэпиктов (χωματεπίκται)²⁴, в их подчинении находились местные «гидрофилаки» («водная стража») — по несколько человек в каждой коме. В фаюмских папирусах пока не найдены документы о порядке назначения гидрофилаков, но среди гермопольских папирусов сохранились три адресованные хоматэпиктам заявления комархов разных ком с рекомендациями кандидатов на должность гидрофилаков и гарантиями их состоятельности (ὄντας εὐπόρους) и благонадежности — по 10 человек от каждой комы (р. Lond. 1246—1248 от 345 г.). Эти документы датированы последними месяцами перед началом наводнения (эпифом — месоре), видимо, главной задачей гидрофилаков было наблюдение за подъемом воды и состоянием каналов, дамб и плотин в этот ответственный период. Как помощники хоматэпиктов они наблюдали за ремонтом ирригационной сети накануне разлива (р. RyI. 653) и, возможно, следили за распределением воды пропорционально площади земельных участков, хотя персонально за это отвечали хоматэпикты (р. RyI. 653).

Документы, касающиеся водоснабжения Теадельфии, позволяют предположить, что вся сеть основных каналов и плотин считалась собственностью государства, за комой лишь закреплялась обязанность производить все ремонтные работы на определенной части каналов и дамб, вероятно, в пределах ее территории. В одном из документов (р. Thead. 14) идет речь о том, что жители Теадельфии из-за отсутствия камня, похищенного жителями соседней комы, не выполнили своей доли работ на ка-

²⁴ См. J. Lallemand, L'administration civil de l'Egypt (284—382), Bruxelles, 1964, стр. 167.

нале Псеналитис, основной водной артерии, питавшей комы этого района. На основании р. Thead. 53, содержащего фрагмент или специальную выписку из краткого перечисления работ на канале Псеналитис и дамбе Агрипп[...] для нескольких ком, в том числе и Теадельфии, можно заключить, что имперской администрацией ежегодно устанавливался для каждой комы определенный объем работ по ремонту ирригационной сети с указанием места и характера работы; количество потребного труда выражалось в наубиях (1 наубия $\approx$ 1,5 куб. м. земли). Кома должна была обеспечить необходимое число рабочих рук или выплатить денежное возмещение в счет повинности, падающей на каждое хозяйство (р. Gen. 65 = р. Abinn. 74).

Кроме того, на кому в целом иногда возлагалась повинность выставлять работников для ремонта магистральных государственных каналов. Об этом свидетельствует договор Исидора, сына Птолемея, с Полионом, сыном Петра, из эпойки Фана, о том, что этот последний в течение двух месяцев будет заменять Пераса, брата Исидора, на работах на канале «Траянова река», за что Исидор обязан уплатить Полиону два таланта серебра «сверх платы» ($\delta\pi\epsilon\rho\ \mu\iota\sigma\theta\omicron\upsilon$) и обеспечить на эти два месяца пропитание, «какое подобает всем лицам, отправляемым из нома»; если же Полиону придется работать на канале более двух месяцев, то Исидор должен будет платить ему по 200 драм за день (р. Cair. Isidor. 81, от 297 г.). Возможно, о работах на том же канале²⁵ идет речь в контракте между комархами Теадельфии и неким Венафрием, жителем Теоксенис (PSI 879, от 299 г.), которого комархи нанимают для выполнения доли работ за их кому в Вавилоне в течение месяца, а если потребуется, то и на больший срок с уплатой по 240 драм за день²⁶.

Содержание и весь ремонт сети мелких подводивших и отводивших воду каналов, дамб и перемычек производили сами землевладельцы. Такого рода работы предусмотрены в некоторых арендных договорах. Так, в р. Cair. Isidor. 98 и 101 арендаторы берут на себя обязательства произвести все работы: окружить дамбами, подвести воду, очистить подводящий канал, укрепить насыпи ($\pi\epsilon\rho\chi\omicron\mu\alpha\tau\iota\sigma\mu\omicron\varsigma$, $\pi\omicron\tau\iota\sigma\mu\omicron\varsigma$; $\delta\iota\omega\rho\upsilon\chi\alpha\varsigma$, $\acute{\alpha}\nu\alpha\beta\omicron\lambda\acute{\alpha}\varsigma$ $\chi\omicron\mu\acute{\alpha}\tau\omega\nu$). Иногда землевладельцы, ради личной выгоды наносили ущерб общей ирригационной сети, отводя воду из питающих каналов или насыпая дамбы (р. Thead. 24—25; р. RyI. 653).

Итак, если подытожить сохранившиеся в папирусах сведения об отношении фаюмской комы к основным условиям сельскохозяйственного производства — земле и воде, то вырисовывается следующая картина. Кτήσις комы, т. е. площадь приписанной к ней продуктивной или потенциально продуктивной земли, за которую кома несла фискальную ответственность перед государством, представляла собой совокупность отдельных κτήσεων кометов (и нескольких горожан), владевших этой землей на основе либо права частной собственности ($\gamma\eta\ \iota\delta\iota\omega\tau\iota\kappa\acute{\eta}$), либо права наследственного владения ($\gamma\eta\ \beta\alpha\varsigma\iota\lambda\iota\kappa\acute{\eta}$), ограниченного лишь обязательством уплаты налога государству по повышенной ставке (или, вернее, ренты и налога одновременно). Владельцы κτήσις сохраняли свои права на землю и в случае анахоресиса, т. е. даже тогда, когда они переставали ее обрабатывать и уезжали или убегали из комы. Об этом свидетельствует протокол судебного процесса между представителями комы Каранис и дочерьми Атисия, покидавшими на несколько лет кому (SB 8246).

Как следует из выступлений тяжущихся сторон, Героида и Таэсис, дочери Атисия, унаследовали от отца какие-то участки земли на территории комы Каранис, но затем, будучи не в состоянии выдерживать взыскивае-

²⁵ Канал «Траянова река» начинался от Вавилона.

²⁶ Возможно, в эту сумму включалась и стоимость пропитания, или же за два года упала стоимость драмы.

мые с этой земли налоги, обратились в бегство. Тогда препозит пага, «заботясь о ... государственных налогах, приходящихся с комы», отдал эти участки в обработку жителям комы. По-видимому, Героида и Таэсис отсутствовали пять лет. Но, когда в предшествовавшем судебному процессу году жители комы засеяли их землю и получили урожай, Героида вернулась в кому, потребовала возвращения принадлежавшего ей участка *γῆ ἰδιωτικῆ* и «получила его в свою собственность, как являющаяся хозяйкой земли» (*ἀπῆρτησαν καὶ εἰς τὸ ἴδιον ἀπηνέγκατο ὡς δεσπότης τοῦ χάρακος τῶν γῶν*). Спор между ней и представителем комы идет лишь из-за участка, числившегося ранее за Атисием, видимо, из категории царской земли, который Героида отказывается признать своим и платить за него налоги. Судья решил дело в пользу представителя комы. Таким образом права владельца и на частную и на царскую землю были восстановлены сразу же и полностью.

Возвращаясь к критериям, предложенным Е. М. Штаерман для выявления общинной организации, следует отметить, что при укоренившихся в земледелии частновладельческих отношениях не удается проследить верховное право собственности общины на частные земли кометов: купля-продажа земли происходит без вмешательства или даже простого участия каких-либо общинных органов власти (см. ВГУ 21, р. New York 20).

Наличие среди землевладельцев комы ветеранов и *πολίται*, очевидно, живших в городе, а не в коме, говорит о том, что владение землей не было обусловлено принадлежностью к общине, скорее, наоборот, покупка частной земли на территории комы влекла за собой через какое-то время приобретение надела царской земли в порядке *ἐπιπέμης*. Как уже говорилось, это распределение брошенных и малоплодородных земель лишь по форме было сходно с разделом пустующей земли между общинниками, по существу же означало лишь распределение налогового бремени, возлагавшегося на кому в целом. Наряду с *ἐπιπέμης* случались и самовольные захваты брошенной или «ничьей» (*ἀδέσποτος*) и выморочной земли. Об этом, например, говорится в жалобе Исидора на неправильное взыскание с него денежных налогов за участок, принадлежавший ранее Горикону, а теперь захваченный Акотой, сыном Германа (р. Cair. Isidor. 69—70).

Относительно системы водоснабжения создается впечатление, что собственниками ирригационных сооружений выступают, с одной стороны, государство, распоряжающееся всеми более или менее крупными каналами, шлюзами и плотинами, а с другой — частные земельные собственники, осуществляющие орошение своих земель собственными силами. Государство же присвоило себе функцию распределителя воды, возложив на кому лишь ремонт и надзор за каналами и плотинами во время паводка.

Таким образом, и в отношении *κτῆσις κομητικῆ* и в отношении системы мелких каналов и дамб, построенных на этой территории, кома выступает в основном как коллектив владельцев, а не как коллективный владелец. И в этом качестве кома имеет некоторое сходство с профессиональными корпорациями. Может быть, именно поэтому в римском праве, уделявшем большое внимание корпорациям, не нашла отражения община как особая форма экономических и правовых взаимоотношений ее сочленов.

Но в отличие от профессиональных корпораций кома сохраняла некоторые черты, не свойственные корпорациям и восходящие к общинной организации. Числившаяся за комой податная территория теоретически, с точки зрения фискальных интересов империи, рассматривалась как владение комы в целом, и потому та часть земель комы, которая надолго или навсегда становилась непригодной для обработки и бесхозной, также надолго или навсегда становилась фактически коллективной собственностью комы, ибо именно кома в целом несла ответственность за уплату налогов

и от имени комы ее должностные лица предпринимали какие-то меры для использования земли, а главным образом для покрытия недоимки по налогам.

Не исключено, что некоторая часть сухих, бесплодных земель, входивших в территорию комы, оставалась в коллективном пользовании²⁷. Источниками засвидетельствовано коллективное пользование током, существование некрополя комы; вероятно, в общем пользовании находились и полупустынные или заболоченные территории, примыкавшие к культивируемым землям окраинных ком, но безусловных свидетельств об этом найти не удастся. Кроме того, оставалась необходимость в коллективном труде кометов для поддержания ирригационной системы, хотя она и приняла форму государственной повинности. Таким образом, некоторые условия производственного процесса и фискальная политика Римской империи способствовали сохранению (или регенерации?) элементов общинного устройства в экономике комы. Достаточно отчетливо они проявлялись и в ее общественной жизни.

В папирусах из Фаюма первой половины IV в. засвидетельствовано существование в коме ряда должностных лиц, выполнявших свои обязанности в порядке литургии, т. е. безвозмездно, как общественную повинность. Большинство из таких должностей коллегиальные, это — комархи, ситологи, апайтеты (сборщики), гидрофилаки и должности полицейского характера: эйренархи, педиофилаки, генематофилаки и пр. Менее часто встречаются индивидуальные должности — тессарарии, квадрарии, гностеры (характер которых не вполне ясен); неизвестно, носила ли литургический характер должность хориодикта. Порядок назначения на все литургические должности, по-видимому, был одинаков²⁸: комархи в специальном заявлении (*προσάγγελμα*) представляли на утверждение препозиту пага свои рекомендации кандидатов на соответствующие должности с поручительством за их имущественную состоятельность и благонадежность.

Остается неясным, каким образом подбирали кандидатов на эти должности, принимал ли участие в выдвижении кандидатов более или менее широкий круг кометов? В какой-то мере ответ на этот вопрос содержит петиция Исидора, сына Птолемея, препозиту пага по поводу назначения его апайтетом мякины (р. Cair. Isidor. 68). Этот документ достаточно интересен, чтобы привести его полностью.

В петиции говорится: «... препозиту 5-го пага Арсиноитского нома от Аврелия Исидора, сына Птолемея, из комы Каранис управляемого тобой пага.

То, что приводит к разорению и бегству нас, людей скромного достатка (*ἡμῶν τοῖς μετρίοις*), законы запрещают, однако я сам, будучи (человеком) весьма скромного достатка (*μέτριος παντελῶς*), страдаю от насилия и беззакония из-за Герона, Паэсия, Горiona и Ахиллы, грамматевса (секретаря) этой самой комы Каранис. Так как они покровительствуют ... тринадцать человек вообще более не оказывают помощь коме (*μηκέτι τῷ καθόλου παρεστῶτες τῇ κόμῃ*); меня же, столь обремененного из-за 140 аур, за которые я немало выплачиваю казне, тем более и особенно потому,

²⁷ В одном из писем Абиннию его корреспондент сообщает, что жители какой-то комы отказались уступить одну ауру земли, поросшей диким плющом (или кипреем?), ссылаясь на то, что этот участок принадлежит коме — *κομητικόν ἐστίν* (р. Lond. 414=р. Abinn. 5).

²⁸ Рекомендации на должность комархов: р. Cairo Isidor. 25; р. Got. 6; на должность ситологов и апайтетов: р. Thead. 50; на должность тессарария: р. Got. 6; на все названные должности и должность эйренарха: W. Chr. 406=р. Amh. 139; на должность гидрофилаков: р. Lond. 1246—1248.

что большая часть из них сухая, назначили на должность ситолога (εἰσῆγγεῖλαν εἰς σιτολογία), чтобы я находился в долгу (ὀπόχρεας γένωμαι) из-за недоимок с участков, называемых непродуктивными (τῶν ἐν ἀπόρῳ τυγχανόντων ὀνομάτων). Тем не менее и теперь, покровительствуя Паэсию, ἧς ἡ χώρα ἐκάλεσεν εἰς ἀπαίτησιν ἀχόρου, они снова пытаются взвалить на меня вместо Паэсия то, что они взыскали бы с него, а это равнозначно моему разорению...». Конец папируса фрагментирован.

Из приведенного документа следует, что какие-то лица, и в том числе грамматевс комы, по своему усмотрению освобождают некоторых кометов от литургий, а на Исидора возлагают литургию, которая может его разорить, причём эту литургию — сбор мякины в счет анноны — должен был исполнять один из них — Паэсий. Очень важны слова в 19-й строке: ἧς ἡ χώρα ἐκάλεσεν. Издатели исправляют ἧς на ὄν, связывая это местоимение с Παῆσι(ον) в предшествующей строке, и переводят: the village-district called him, помечая в комментарии, что под χώρα имеется ввиду Каранис²⁹. Если согласиться с их пониманием этого места, то можно заключить, что кома в целом (т. е., очевидно, собрание кометов) назвала кандидатов на литургические должности, но затем указанные в петиции лица подменили назначенных кандидатов. Сопоставляя названные в петиции имена (Герона, Паэсия и Горнона) с имеющимися в папирусах сведениями о должностных лицах в 309/310 г. (которым датируется папирус) и в предшествующие годы, издатели делают вывод, что Герон и Горнон не могли быть в числе тех, кто имел законное основание вмешиваться в назначение литургов (т. е. в числе комархов или тессарариев), и, следовательно, принадлежали к богатым и влиятельным землевладельцам, которые вместе с грамматевсом комы могли оказывать давление на ее администрацию³⁰. Такая трактовка роли недоброжелателей Исидора также не противоречит предположению о том, что выдвижение кандидатов на должности исходило от собрания кометов, хотя толкование χώρα в смысле «деревня» = «коллектив жителей» представляется все же очень натянутым³¹. Однако существование какого-то органа — сходки, собрания кометов, пусть с ограниченной компетенцией, может быть, даже с совещательной ролью при должностных лицах комы, можно проследить и по другим документам.

В одной из петиций жителей Теадельфии, адресованной префекту Египта Флавию Гигину, говорится, что она исходит «от собрания (или общины?) жителей комы Теадельфии ... через нас, Герона, Сакаона и Канауга» (παρὰ τοῦ κοινοῦ τῶν ἀπὸ κώμης Θεαδελφίας ... δι' ἡμῶν Ἦρωνος καὶ Σακαῶνος καὶ Καναῦ — р. Thead. 17). Кометы просят вернуть сбежавших односельчан (ἀποχωρητηῶν), которых обнаружили в Оксиринхском и Кинопольском номах, в кому, чтобы облегчить положение оставшихся в ней. В рассмотренном выше соглашении Исидора с Полионом по поводу замены Пераса на работах по ремонту канала «Траянова река», говорится, что Перас был выставлен жителями комы Каранис в целом (ἀνεδόθη ὑπὸ τῶν ἀπὸ τῆς προκειμένης κώμης Καρανίδος — р. Cair. Isidor. 81). Документы из Теадельфии (р. Thead. 34—36) об отправке одного-двух человек для выполнения повинностей в алебастровых каменоломнях Александрии, на строительстве храма Гермеса в Мемфисе, в хлебопекарнях Александрии (если только в документе речь не идет о денежной выплате взамен повинностей) также предполагают какое-то коллективное выдвижение литургов.

²⁹ The Archive of Aurelius Isidorus..., стр. 271 сл.

³⁰ Там же, стр. 269 сл.

³¹ Как известно, слово χώρα могло употребляться и в значении «место в обществе», «общественное положение», но мне неизвестно, встречается ли это слово в сочетании ἡ χώρα ἐκάλεσεν где-либо еще.

Но в целом на основании дошедших документов складывается впечатление, что главную роль в организации экономической и общественной жизни комы играют должностные лица и прежде всего комархи. Именно они (и иногда вместе с ними тессарарии) представляют кому во всех внешних сношениях: они защищают интересы комы перед имперской администрацией, подают петиции и выступают в суде от имени комы, они же от имени комы заключают разного рода соглашения: об аренде земли (р. Cair. Isidor. 104, 105), о найме работника для отправки на ремонтные работы на канале (PSI 873), они же иногда собирают и сдают за кому в целом некоторые налоги (р. New York 5, 11a) и поставки и получают из государственной трапезы (кассы) деньги за сданное в порядке реквизиции (р. Cair. Isidor. 54; р. Micaelide 21).

Комархи же распоряжаются общественным имуществом и некоторыми денежными средствами, принадлежащими коме в целом. Об этой стороне их деятельности и о связанных с нею злоупотреблениях мы узнаем из памятных записок к петиции и из самой петиции тессарария Исидора, сына Птолея, и квадрария Палемона, сына Тиберина, адресованной префекту Египта Юлию Юлиану (р. Cair. Isidor. 71—73). Согласно этим документам, комархи при поддержке препозита пага могли произвольно увеличить обложение кометов. В данном случае они благодаря множеству незаконных начислений (*κερισμοὺς παρανόμους πλείστοις*) собрали сверх положенного 300 талантов и неизвестно, на какой счет их поместили (т. е. сдали в государственную трапезу). Кроме того, они присвоили 56 талантов из денег, собранных с кометов в качестве компенсации за реквизицию 1 верблюда, 1 лошади и шкур, а также 10 артаб хлеба, поступившего в счет дополнительных налогов (*ἀπὸ πλεοναξμῶν*). Препозита пага авторы петиции обвиняют в присвоении двух ослиц, купленных комой за 40 талантов, и в использовании для его собственных нужд ослов деревенской почтовой службы. Следовательно, помимо ослов для почтовой службы кома могла иметь и еще какое-то количество транспортного скота, содержавшегося за счет комы в целом. А это, в свою очередь, означает, что администрация комы должна была иметь в своем распоряжении какие-то деньги, поступавшие к ней либо в результате целевых сборов, либо, как говорится в петиции, благодаря произвольному взиманию с налогоплательщиков дополнительных сборов.

Поэтому можно полагать, что не все литургические должности в коме были тяжелым бременем для назначаемых лиц, и не случайно Сакаон, сын Сатабута, почти непрерывно занимавший должность комарха в Теадельфии, не только не беднел, но напротив, на фоне постепенно нищавшей комы непрерывно увеличивал свое благосостояние. В Каранис также было несколько весьма зажиточных семей, группировавшихся вокруг Ахиллы, грамматевса комы. Судя по петициям Исидора, к этой группе принадлежали семьи Герона, Гориона, Паэсия, Аристана, Акоты, сына Германа, и др.

Имущественная дифференциация была причиной того, что традиционные «соседские» отношения в коме уступили место чисто экономическим. В документах начала IV в. нет никаких следов взаимопомощи кометов в ходе сельскохозяйственных работ, все строится на принципе *μισθωσις*, т. е. найма или аренды: нанимают жнецов, арендуют быков, арендуют землю (р. Cair. Isidor. 76 и др.). Выше уже говорилось о практике арендных отношений, построенных либо на эксплуатации арендатора владельцем земли, либо на эксплуатации арендодателя богатым арендатором.

В условиях нехватки воды для орошения, сокращения пахотных земель, тяжелого налогового бремени, бегства налогоплательщиков в окраинных комах (от которых в основном и сохранились документы) внутрен-

няя обстановка была очень напряженной. В многочисленных петициях говорится о кражах скота, зерна, домашнего имущества (р. Thead. 22; р. Abinn. 45; 47—49; 53 и др.).

Часть кометов вынуждена постоянно брать в долг у своих богатых односельчан деньги, зерно, бобы. Иногда они получают ссуду под будущий урожай (р. Cair. Isidor. 74; 76; 87—92; 94; 95—97; SB 9311; 9603; 9187—88; р. Merton 37; р. New York 22—24 и др.). Порой за ссудой денег или семян обращалась большая часть кометов (р. Thead. 52; р. Flor. 14).

И тем не менее, когда кома сталкивалась с какими-либо внешними силами, наносившими ущерб благосостоянию какой-то части кометов, она выступала как единый коллектив, от имени которого действуют ее представители, преимущественно комархи (ср., например, столкновение Теадельфии с соседними комами из-за работ на оросительных сооружениях — р. Thead. 14, 16; р. Ryl. 653).

Подводя итоги нашему обзору сообщений папирусов о социально-экономической структуре фаюмских ком в первой половине IV в., можно отметить, что в экономических отношениях внутри комы элементы общинной организации прослеживаются с трудом. Но это и естественно в условиях развития частного землевладения, наблюдающегося в Египте в III—IV вв., преобладания правовых норм, регулировавших жизнь римских граждан и распространенных на Египет по эдикту 212 г. Более отчетливо общинные принципы проявляются в отношениях комы с внешним миром и прежде всего с римским государством: здесь кома выступает как некое единство и в экономическом, и в социальном плане — кома в целом отвечает за свои обязательства перед государством, администрация комы выступает представителем коллектива кометов. В общественной жизни комы, несмотря на неоднородность ее социальной структуры и значительную имущественную дифференциацию кометов, также прослеживаются некоторые элементы общинной организации: можно, например, заметить следы существования собрания кометов. Литургический характер и коллегиальность большинства административных должностей также следует рассматривать как осколок общины. Характерно употребленное в петиции Исидора выражение, обозначающее лиц, исполнявших литургические должности: *παρεστότες τῆ κομῆς* в смысле «оказывающие помощь коме» (р. Cair. Isidor. 68). Очевидно, в социальной психологии кометов продолжали жить некоторые представления, восходящие своими корнями к более ранним формам общинной организации.

В заключение, как мне кажется, можно сделать вывод, что изучение египетской комы дает очень многое для понимания социальной структуры сельских поселений в античном мире. Оно показывает, что хотя имущественная дифференциация и развитие частной собственности на землю разрушали первооснову общинной организации — коллективную собственность на землю, однако специфические условия производственного процесса и фискальная политика государства способствовали постоянной регенерации некоторых элементов общинной организации и в экономике, и в общественном устройстве комы.

ELEMENTS OF COMMUNAL ORGANISATION IN THE FOURTH CENTURY EGYPTIAN *kōmē*

A. I. Pavlovskaya

The author stresses the theoretical importance of the discussion on the role of the rural community in the history of ancient society and notes the various opinions on this subject among students of Graeco-Roman Egypt. Investigation of the 4th century papyrological evidence leads her to conclude that in respect to productive land and the irriga-

tion system the *kōmē* appears as a collectivity of owners rather than as a collective owner. But from the standpoint of imperial fiscal interests the territory registered as belonging to a *kōmē* (κομμητική κτησις) was regarded as belonging to the community as a whole, and this is why land unsuitable for cultivation and land without an owner, whether temporarily or permanently, was counted as the collective property of the *kōmē*. Moreover the threshing-floor and certain other goods and moneys were owned collectively.

Despite the non-homogeneous character of its social structure and the considerable property inequality among its members (the *kōmētai*), *kōmē* society also shows traces of communal organisation; the liturgical and collegial nature of most of its administrative offices may be regarded as such an element. The communal principle is more plainly visible in relations with the outside world and especially with the Roman state: in this context, where the *kōmē* is one unit in the general economic and social scheme, responsible for performing its particular obligations to the imperial government, *kōmē* officials represented the *kōmētai* as a collective body.

Study of the Egyptian *kōmē* shows that its specific conditions of production and the fiscal policies of the imperial government combined to bring about a regeneration of certain elements characteristic of communal social structures.

Ю. С. Крушкол

КЛАД БРОНЗОВЫХ МОНЕТ ВРЕМЕНИ МИТРИДАТА VIII ИЗ СЕЛЕНИЯ СУККО АНАПСКОГО РАЙОНА

В период работы археологической экспедиции Московского областного педагогического института им. Н. К. Крупской в 1963 г. в селении Сукко поступило известие о кладе бронзовых боспорских монет¹, найденном случайно в июне 1963 г. звеном виноградарей в 2 км к востоку от села, на молодом винограднике, на южном склоне долины Сукко, где еще до войны был разбит виноградный плантаж (вспашка на глубину 80 см). В 1962 г. на поле был посажен виноград, а летом следующего года при рыхлении междурядий на глубине 20—25 см от поверхности стали попадаться монеты. По словам находчиков, монеты были рассеяны в большом количестве на площади радиусом в 5—6 м.

Из клада удалось собрать 93 монеты, около 45—50 монет было утеряно. Следовательно, первоначально клад насчитывал около 150 монет.

Это первая находка клада монет времени Митридата VIII, поэтому в некотором отношении этот клад уникален. Самой ранней монетой клада или, во всяком случае, одной из самых ранних следует признать бронзовую монету с изображением головы Аполлона на аверсе и треножника на реверсе (табл. I, 4, см. вкл. к стр. 65). По мнению А. Н. Зографа, обращение монет этого типа занимает последнее десятилетие до н. э., первое и начало второго десятилетия I в. н. э., т. е. последние годы правления Динамии и первые годы правления Аспурга². Далее, в состав клада входят монеты городов Пантикапея и Фанагории, переименованные в эпоху Августа соответственно в Кесария в честь самого императора и в Агриппию в честь Агриппы, известного полководца и родственника Августа. В кладе имеются 5 экз. монет Кесарии и 1 монета Агриппии. Самые поздние монеты клада — ассы Митридата III (VIII) (39—45. н. э.). Всего их 63 экз. Ниже приводим описание монет клада. †

Состав клада

I тип. Кесария (Пантикапей), 14—8 гг. до н. э.
л. с. Голова Афродиты-Апатуры в калафе вправо, точечный ободок.

¹ Об этой находке мною был сделан доклад в нумизматической секции Пленума института истории, археологии и этнографии в 1964 г. См. П. М. К о ж и н, Сессия ОИИ АН СССР, СА, 1965, № 1, стр. 360.

² А. Н. З о г р а ф, Античные монеты, МИА, 16, 1951, стр. 196.

1

2

3

4

5

6

7

8

9

10

11

12

13

14

15

16

17

18

19

20

- о. с. Жезл. По сторонам в две строки ΚΑΙ—ΣΑ|ΡΕΩΝ, внизу справа обозначение номинала — Н (8). Точечный ободок ³. 5 экз. Вес — 5,95 г; 6,32 (табл. I, 1); 8,21; 6,15; 4,62; 8,21 (табл. I, 2).
- 2 тип. Агриппия (Фанагория), 14—8 гг. до н. э.
- л. с. Голова Афродиты-Апатуры в калафе вправо, точечный ободок.
- о. с. Прора влево, над ней в две строки ΑΓΡΙΠ|ΠΕΩΝ, справа — Н (8). Точечный ободок ⁴. 1 экз. Вес 7,62 г. (табл. I, 3).
- 3 тип. Конец I в. до н. э. — начало I в. н. э.
- л. с. Голова Аполлона в венке вправо, точечный ободок.
- о. с. Треножник, справа ветвь и обозначение номинала — Δ(4), слева монограмма ΒΑΡ¹, точечный ободок ⁵. 1 экз. Вес — 7,30 г (табл. I, 4).
- 4 тип. Боспор. Аспург, 14—37 гг. н. э.
- л. с. ΚΑΙΣΑΡΟΣ ΤΙΒΕΡΙΟΥ. Голова императора Тиберия вправо, точечный ободок.
- о. с. Голова боспорского царя Аспурга вправо, слева монограмма ΒΑΡ, справа обозначение номинала — ΙΒ (12 = асс). Точечный ободок ⁶. 6 экз. Вес — 8,32 г (табл. I, 5); 5,96 (табл. I, 6); 10; 7,20; 6,75; 5,20; 7,70.
- 5 тип. Боспор. Аспург, 37 г. н. э.
- л. с. ΓΑΙΟΥ ΚΑΙΣΑΡΟΣ ΓΕΡΜΑΝΙΚΟΥ. Голова императора Гая Калигулы вправо, точечный ободок.
- о. с. Голова боспорского царя Аспурга вправо, слева монограмма ΒΑΡ, справа ΙΒ (12 = асс). Точечный ободок ⁷. 15 экз. Вес — 8,32 г (табл. I, 7); 5,10; 9,45; 7,58; 10,43; 10,25; 5,90 (табл. I, 8); 7,33; 8,87; 7,28; 4,86; 7,30; 4,52; 9,25; 6,27.
- 6 тип. Боспор. Царица Гепепирия, 37—38 гг. н. э.
- л. с. ΒΑΣΙΛΙΣΣΗΣ ΓΗΠΑΠΤΡΕΩΣ. Бюст царицы вправо, на голове царская повязка, концы которой спускаются на плечи. Точечный ободок.
- о. с. Изображение Афродиты-Апатуры в калафе и покрывале вправо. Справа обозначение номинала — ΙΒ (12 = асс). Точечный ободок ⁸. 2 экз. Вес — 8,45 г, 7,53 г (табл. I, 9, 10).
- 7 тип. Боспор. Царь Митридат III (VIII), 39—45 гг. н. э.
- л. с. ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΜΙΘΡΑΔΑΤΟΥ. Изображение головы Митридата в царской повязке вправо. Точечный ободок.
- о. с. В центре палица Геракла с наброшенной на нее львиной шкурой. Слева колчан с луком, внизу обозначение номинала — ΙΒ (12 = асс). Точечный ободок ⁹. 63 экз. Вес — 12,70 г; 8,09; 7,50; 8,07; 8,77; 8,30; 6,39; 6,13 (табл. I, 11); 3,54; 8,82; 7,71; 6,80; 7,41; 10,80; 7,65; 10,20; 5,86; 12,40; 8,82 (табл. I, 12); 13,37; 6,51; 4,93; 8,40; 8,39; 9,93; 7,15; 8,69 (табл. I, 13); 5,75; 5,60; 7,40; 8,02; 9,13; 10,70; 9,56; 8,18; 8,19; 9,40; 10,85; 8,65; 9,45; 7,25 (табл. I, 14); 10,03; 7,34 (табл. I, 15); 15,13; 7,79; 9,59; 8,58; 11,45; 7,15; 5,90; 10,64; 5,35 (табл. I, 16); 8,55; 10,25 (табл. I, 17); 9,30; 5,57 (табл. I, 18); 7,95; 5,90; 7,95 (табл. I, 19); 6,55 (табл. I, 20); 9,21; 7,83; 5,60.

³ Зограф, ук. соч., табл. XLV, 12.

⁴ Там же, табл. XLV, 14.

⁵ Там же, табл. XLV, 5.

⁶ Там же, табл. XLV, 16.

⁷ Там же, табл. XLV, 17.

⁸ Там же, табл. XLVI, 3.

⁹ Там же, табл. XLVI, 6.

Время зарытия клада определяется последними монетами Митридата III (VIII). Известно, что он царствовал до 44 г.н.э., когда разразилась междоусобная война между ним и его братом Котисом¹⁰. Районом военных действий была Синдика, поэтому неудивительно, что клад найден как раз в этих местах — вблизи Сукко. Зарытие кладов часто происходило в смутные времена войн или другой грозящей опасности. Следовательно, описанный выше клад подтверждает свидетельство Тацита о том, что гражданская война велась именно на территории Азиатского Боспора — Синдики (Ann. XII, 16).

Таким образом, издаваемый нами клад является важным источником по истории и денежному обращению Боспора первой половины I в. н. э.¹¹

A HOARD OF BRONZE COINS FROM THE TIME OF MITHRIDATES VIII

Yu. S. Krushkol

In 1968 inhabitants of the village Sukko in the Anapa district found a hoard of 93 bronze coins dated in the reign of Mithridates VIII (A.D. 39—44). The coins were probably buried in A.D. 44 during the internecine warfare between Mithridates and his brother Cotys I. The discovery of the hoard confirms the testimony of Tacitus (Ann. XII 15—19) that the civil war was waged on the territory of Asiatic Bosphorus (Sindice) and not far from the sea «...for the Roman troops were returning by sea» (Ann. XII 17). Sukko is just by the sea. The hoard includes: an autonomous coin of Panticapaeum struck at the end of the 1st century B.C. or the beginning of the 1st A.D.; 5 coins of Caesarea, the name given to Panticapaeum in honour of Augustus (14—8 B.C.); one coin of Phanagoria, renamed Agrippias in the same period, in honour of the military leader; a coin with the name and portrait of the emperor Tiberius, which was struck in the reign of the Bosphoran king Aspurgus; also 15 coins struck under the same Bosphoran king in the reign of the emperor Caligula, to which period belong also two coins with portraits of Gephyris, mother of Mithridates VIII, and 62 coins bearing the name and portrait of Mithridates himself. The hoard is a valuable find both from the purely numismatic standpoint and for its interest for students of relations between Bosphorus and Rome.

¹⁰ Та с., Ann. XII, 15—19.

¹¹ Уже после кончины автора статьи археолог из Анапы А. Салов любезно прислал в редакцию сведения еще о двух монетах клада. Третья монета (Анапский музей, инв. № 8123), происходящая, по словам находчика Овчаренко, из того же места, где был найден клад (в урочище «Старый лесхоз», в 4—5 км от села вверх по р. Сукко), по всей видимости, к кладу не относится, так как она датируется 68 г. н. э.

М. Г. Быстрикова

КОПТСКИЕ ТКАНИ-МЕДАЛЬОНЫ В РОЛИ ЗАЩИТНЫХ АМУЛЕТОВ

В собрании коптских памятников Гос. Эрмитажа наше внимание привлекли несколько тканей, имеющих форму медальонов. В свое время они были нашиты на тунику. Изображения на этих тканях, как мы попытаемся далее показать, играли не только декоративную роль, но и выполняли роль охранительных защитных амулетов.

Один такой медальон ¹ поступил в коллекцию музея в 1938 г. из Музея Института истории АН СССР, два других были привезены из Египта хранителем Эрмитажа В. Г. Боком в 1889—1898 гг. в составе собранной им коллекции.

В первом медальоне на красном фоне изображен святой воин верхом на белой лошади, с копьём в руке. На нем богатая одежда: темная (черная?) рубаха, украшенная на груди цветным узорным медальоном и обшитая по вороту цветной узорной каймой. За спиной развевается зеленый плащ. Голова окружена желтым нимбом, по-видимому, имитирующим золото; того же цвета сбруя коня. Под ногами коня — распростертая обнаженная, вероятно женская, фигура с закинутой за голову рукой. Медальон обрамлен тройной узорной каймой: внутренней линейной белой и желтой полосой, средней — ее узор восходит, видимо, к завиткам виноградной лозы (которые теперь имеют вид крестов того же цвета, что общий фон медальона), и внешней цветной полосой, представляющей изменившийся до неузнаваемости меандр (рис. 1, вклейка).

Работа тонкая, хорошего качества, но прототип был уже сильно схематизирован; расцветка очень условна, например, грива коня — зеленая и желтая, копыта — желтые. На лице святого выделяются только глаза; лоб, нос и рот обозначены треугольниками и полосами. Несмотря на отмеченный схематизм, действия обозначенных персонажей легко читаются. Святой воин стремится пронзить копьём лежащую у ног коня фигуру. Некоторые использованные цвета — белый и красный, по-видимому, символичны. Так, например, белый цвет всегда был символом чистоты. Красный цвет принято объяснять как символ мученичества, но для нас больший интерес представляет тот факт, что он част в амулетах ².

¹ Инв. № 13252, наиб. диаметр 13 см. Поступил в Эрмитаж в 1938 г. из Музея Института истории АН СССР. Сохранность ткани удовлетворительная: несколько разрушена левая часть медальона и каймы. Медальон был нашит на грубую льняную ткань полотняного переплетения. Техника тканья медальона: гобелен, шерстяной уток по льняной основе.

² А. Ф а м и н ц и н, Древнеегипетские и древнесемитские элементы в обычаях, обрядах, верованиях и культах славян, ЭО, 1895, № 3, стр. 17; назузы и красная нить.

Рис. 1

Рис. 2

По манере выполнения ткань датируется временем не ранее VI в. Возможность появления таких сюжетов на предметах широкого распространения в этот период может быть связана с данными о деятельности текстильных мастерских — до того, как она была ограничена исламом³.

Иконографию образа можно проследить с более раннего времени. Культ святых всадников появился в Египте с распространением христианства и, очевидно, в то же время, когда он возник в Византии; по-видимому, и причины возникновения его первоначально были те же самые — возросшее значение конных армий. Сюжет — святой всадник, убивающий поверженного врага, — известен в христианском искусстве. В Египте он был особенно популярен, — это святые Сисиний, Феодор, Деметрий, Меркурий, Георгий; в Византии — Георгий. Сходный сюжет был известен и римскому искусству в более ранний период. Здесь были распространены изображения скачущего на коне война или императора, попирающего варвара. В раннехристианское искусство этот образ пришел не позже IV в. В качестве египетского примера этого сюжета можно указать на рельеф с изображением Гора в одежде римского воина верхом на лошади, гарпунирующего Сета в образе крокодила⁴. Смысл борьбы Гора и Сета — это столкновение доброго и злого начала, борьба света и тьмы. Этот образ в Египте имел космогоническое значение. Таким образом, иконография исследуемого образа, как мы и увидим далее, стоит в тесной связи с его идейным содержанием.

Для более точного определения сюжета можно в качестве ближайшей аналогии привести рельеф VI в., хранящийся в Бруклинском музее⁵. На нем, по мнению исследователей, изображен святой воин Сисиний, убивающий свою сестру (рис. 2). Вторым примером, вносящим ясность, мо-

³ Две другие ткани, о которых речь ниже, датируются также этим хронологическим периодом.

⁴ В. Н. Лазарев, *Образ Георгия-воина в искусстве Византии и Древней Руси*, Виз. Врем., № 6, 1953; горельеф с изображением Гора-всадника и Сета в образе крокодила — V—VI вв. (?), из Бауита (?), хранится в Лувре, инв. № X 5130.

⁵ *Late Egyptian and Coptic Art (An Introduction to the Collections in the Brooklyn Museum)*, N. Y., 1943, стр. 19.

Рис. 3

жет быть роспись на стене в монастыре Бауит⁶, где представлен тот же сюжет: Сисиний, убивающий свою сестру. В том, что здесь представлены именно эти персонажи, не может быть сомнения: рядом с женской фигурой, лежащей у ног коня, стоит имя — Алабастрия — одно из имен сестры Сисиния. Рядом с Алабастрией изображены змеи, скорпионы, секиры, меч, птица ибис с длинным острым клювом, крокодил и другие существа и предметы, которые могут причинить вред злому демону и обычно изображаются на защитных амулетах⁷ (рис. 3).

Коптская легенда рассказывает⁸, что св. Сисиний пронзил копьем свою сестру Алабастрию, которая была чародейкой, могла превращаться в летучую мышь и в этом образе убивала младенцев и высасывала их кровь. Сестра Сисиния имеет двенадцать с половиной имен, в большей части озна-

⁶ C. Clédat, Le Monastere et la nécropole de Baouït (Memoires publiés [par les membres de l'Institut Français d'Archeologie Orientale du Caire sous la Direction de M. S. Chassinat], Le Caire, 1904, табл. LVI.

⁷ Византийский писатель XI в. Михаил Пселл, передавая мнение более древних авторитетов в области магии, писал: «Демон, будучи вполне духом, что касается чувственной природы, каждую свою часть непосредственно видит и слышит, испытывает страдания от прикосновения и рассекаемый мучится, как будто имеющий твердое тело... Посему пугается и страшится острия железа. Зная это, занимающиеся отвращением бесов, втыкают копыя или мечи там, где не желают их проникновения; употребляют и разные другие средства, прогоняя антипатическими и привлекая симпатическими» — см. М. И. Соловьев, Новый материал для объяснения амулетов, называемых «змеевиками», в кн. «Древности. Труды славянской комиссии имп. Московского археологического общества», т. I, 1895, стр. 134—202.

⁸ E. Amélineau, Les actes des martyrs de l'église copte, P., 1890, стр. 184—186.

чающих различные недуги. Из легенды становится ясно, что распознавание «козней», которые заключены в именах, лишает демона силы. Средствами, обезвреживающими демона, считались также заговоры; написание имен святых, поймавших демона; молитва, содержащая рассказ о его поимке — чтение этой молитвы или запись, носимая в качестве филактерия, т. е. защитного амулета.

Разумеется, изображениям подвига святого Сисиния приписывалась такая же сила. Костяные амулеты, печати, а равным образом нашитые на туники ткани-амулеты с изображением св. Сисиния, убивающего многоименного злого женского демона, должны были спасать от смерти, от лихорадки и других болезней — прежде всего детей. Ткани-медальоны, таким образом, тоже имели значение охранительных защитных амулетов.

Перевод приведенной выше легенды на образный и наглядный язык изобразительного искусства закономерен и понятен. Разумеется, полного совпадения ожидать не приходится. Эта легенда, рельеф из Бруклинского музея и роспись на стене в монастыре Баут хорошо помогают осмыслить сюжет изображения на ткани. По нашему мнению, это тот же Сисиний, убивающий Алабастрию.

Легенды о Сисинии сохранились также в эфиопской, византийской, грузинской, армянской и славянской литературах. Алабастрию знают и арабские источники. Кроме легенд известны молитвы и заговоры против болезней, так или иначе связанные с именем Сисиния, которые находят прототипы или параллели в египетских магических папирусах.

Роль тканей-медальонов с данным сюжетом подтверждается также их родством с амулетами-«змеевиками». Их исследователь М. И. Соколов писал: «Мы думаем, что голова или фигура, окруженная змеями, представляет не что иное, как то самое демоническое существо, о котором говорится в Сисиниевой легенде и заклинаниях»⁹. Надписи, имеющиеся на «змеевиках», — части заговоров из Сисиниевых молитв. И. И. Толстой¹⁰ опубликовал «змеевик» с изображением двух воинов на конях. На оборотной его стороне помещена безобразная голова с отходящими от нее змеями. В изображениях двух всадников на этом амулете М. И. Соколов¹¹ предлагает видеть Сисиния и его брата Синодора. Некоторые амулеты, опубликованные Г. Шлюмберже¹², имеющие изображение всадника, пронзающего копьём лежащую фигуру, написанное имя Сисиния, а также «змеевика» на оборотной стороне позволяют указать на египетское звено, связывающее сцену подвига Сисиния (например на тканях) с византийскими и славянскими «змеевиками». М. Соколов пишет, что Шлюмберже при объяснении этих амулетов оставил без внимания такой памятник, как «Завет Соломона» и считает необходимым привлечь его. Без сомнения, изображение на нашей ткани иконографически близко печатям, связанным с именем Соломона. В основе этой близости лежит идейное родство образов. В египетских магических папирусах христианского периода встречаются записи о действиях демонов, известных по трактату «Завет Соломона», и здесь же — заговоров против болезней, обращенные к св. Сисинию. Идейные истоки образа Сисиния восходят к культу Соломона, засвидетельствованному в упомянутом выше трактате «Завет Соломона» (IV—VIII вв.), хорошо из-

⁹ М. И. Соколов, Апокрифический материал для объяснения амулетов, называемых «змеевиками», ЖМНП, ч. 263, 1889, июнь.

¹⁰ И. И. Толстой, О русских амулетах, называемых «змеевиками», «Записки Русского археологического общества», новая серия, т. III, вып. 1, СПб., 1887, № 21.

¹¹ Соколов, Новый материал..., стр. 120.

¹² G. Schlumberger, Amulettes byzantines anciennes, «Mélanges d'archéologie byzantines», P., 1895, № 1, 5. И. И. Толстой пишет об амулете-«змеевике», на пятке которого изображена курчава, «по-видимому, эфиопская голова» (ук. соч., № 19).

вестном в Египте ¹³. В нем рассказывается, как Соломон при помощи особой печати вызывает к себе духов. Они рассказывают Соломону о своих действиях и о том, какими средствами можно с ними бороться. Соломон спрашивает их также, в какой звезде Зодиака имеют они свое пребывание и получает в ответ или название знаков Зодиака или имена известных планет. Иосиф Флавий пишет: «Соломон знал средства борьбы против демонов, сложил заговоры от болезней и оставил формулы заклинаний, которыми выгоняются демоны». Вокруг имени Соломона как у иудеев, так и у христиан сосредоточивались самые разнообразные сказания, его образ широко известен в христианской литературе — в представлениях александрийской школы он был великим демиургом. Культ Соломона был распространен в Сирии, Палестине, был известен также и в Египте.

И. Д. Мансветов ¹⁴, исходя, в частности, из трактата «Завет Соломона», объясняет символику числа 12 — двенадцати с половиной имен демона: в основе этого числа лежало древнее представление о 12 знаках Зодиака. Впоследствии в гностических и манихейских сектах 12 знаков Зодиака были поставлены в ближайшую связь с жизнью человека; их считали местопребыванием 12 гениев или духов, которым приписывалось заведывание человеческим телом (тело разделили на 12 частей и каждую часть поставили в зависимость от духа) — космические силы приняли конкретные образы злых духов.

Рассматриваемый нами образ в своей основе и по своим действиям относится к области древней магии. Христианская церковь отвергала магию и волшебство. Тем не менее мы видим эти изображения в христианских церквях, монастырях, на образках. Известна сербская легенда, безусловно, восходящая к какой-то древней версии. По этой легенде злой демон шел в Вифлеем, чтобы навредить деве Марии и Христу, который должен был родиться. Архангел Михаил изловил демона и расспросил его об именах.

Образ злого женского демона имел глубокие параллели во времени и известен у многих народов. Это Лилит из талмудической легенды, Авиэоя — на Синае, Ал — у грузин, армян, турок; Ал-басты, Ал-карысы и Ал-бас у среднеазиатских народов, Эль-арвады — у азербайджанцев, 12 трясавиц у славян и т. д.

Вс. Миллер ¹⁵ приводит ассирийские параллели этому образу и охарактеризованным выше представлениям по клинописным текстам дворцовой библиотеки Ашурбанипала (VII в. до н. э.) и считает, что «магия вавилонян и ассирийцев, по крайней мере в своей основе, представляет наследие, полученное от первобытного несемитского населения долин Тигра и Евфрата». Серия табличек направлена против ведьмы, действия которой и средства борьбы против нее во многом совпадают с теми, какие мы видим в Сисиниевых легендах.

В христианский период исследуемый образ вошел в легенды о подвигах святых воинов Сисиния, Сисоя, Арсения, а также Георгия, Михаила и Феодора ¹⁶.

¹³ В. М. Истрин, Греческие списки «Завещания Соломона», «Летопись историко-филологического общества при Новороссийском университете», VII, Виз. отд. IV, Одесса, 1899, стр. 49—98.

¹⁴ И. Д. Мансветов, Византийский материал для сказания о 12 трясавицах, «Древности. Труды Московского археологического общества», IX, вып. 1, 1881, стр. 24—36.

¹⁵ Всев. Миллер, Ассирийские заклинания и русские народные заговоры, «Русская мысль», год 17, кн. VII, М., 1896, стр. 66 сл.

¹⁶ Образ Алабастрии очень сложен. Традиционное объяснение его до этого периода только как злого демона, стоит в явном противоречии с именем и внешностью Алабастрии. В росписи Баутского монастыря она изображена в виде молодой красивой женщины, грудь и живот подчеркнуто обнажены, розовое платье прикрывает спину и ноги, длинные черные волосы, украшенные диадемой, спускаются почти до пояса;

Вторая ткань¹⁷ представляет по форме также медальон, левая часть которого сильно разрушена. Фон, как и в предыдущем медальоне, красный, изображение многоцветное. В правой части медальона сохранилась фигура всадника в богатой пестрой одежде, на белой лошади. Голова его окружена нимбом. У ног коня лежит обнаженная женская фигура с длинными черными волосами. Зеркально по отношению к ним находилось изображение второго всадника, и у ног его коня сохранилась фигура льва естественной масти с большими выпученными глазами, пышной гривой и открытой пастью. Медальон окружен тройной узорной каймой: внутренняя и внешняя полосы содержат испорченный меандр, узор средней полосы восходит к цветочному орнаменту (рис. 4, вклейка).

По-видимому, и в этом медальоне изображена сцена, связанная с легендами о Сисинии: святые братья Сисиний и Синодор (Сисинарий и т. п.) убивают Алабастрию — злого женского демона. Аналогию этому иконографическому образу дает молитва св. Сисинию, в частности ее византийский вариант, легенды на «печатах Соломона» (см. прим. 12) и славянский амулет «змеевик» с изображением двух всадников (см. прим. 10). Остается необъясненным присутствие здесь фигуры льва. Интересующие нас параллели мы находим как в образах, связанных с культом Соломона, так и в молитвах и заговорах, обращенных к св. Сисинию. Так, например, в «Завете Соломона», в частности, говорится о том, что один из демонов явился по его зову в виде рыкающего льва, который устремлялся на больных и делал человека упрямым (?). Также в Сисиниевых заговорах болезнь (т. е. демон болезни) часто сравнивается с рыкающим львом. То же самое можно сказать на основе надписей на «змеевиках». Вместе с тем на «печатах Соломона» (см. прим. 12) фигура льва помещена наряду с другими отпугивающими средствами против сглаза. Лев вообще часто изображается на амулетах против волшебства. Появление фигуры льва на ткани-медальоне в данном сюжете становится, таким образом, закономерным и понятным. Фигура льва может быть понята и как персонификация болезни и как средство, отпугивающее болезнь. В данном случае, по-видимому, как персонификация болезни, так как фигура льва с открытой рыкающей пастью дана зеркально по отношению Алабастрии и так же, как последняя, у ног коня.

Третья ткань¹⁸ представляет собой тоже медальон, на красном фоне которого изображен святой всадник в богатой одежде на коне белой масти. Голова окружена нимбом. Перед ним стоит человекоподобная фигура с извивающимися руками и ногами и змеиной головой, торчащей из живота. На ней плотно облегающая зеленая одежда (или кожа) (рис. 5).

на руках браслеты, шею украшает ожерелье. Так могли бы изобразить языческую богиню плодородия и рождения. Имя Алабастрии в переводе с древнегреческого значит камень алебастр, а также сосуд из алебаstra, чашечка для благовоний. А. Лукас, ссылаясь на Плиния, сообщает, что в Египте был город Алабастрон, откуда и получали алебастр (А. Л у к а с, Материалы и ремесленные производства древнего Египта, М., 1958, стр. 419, 610). Безусловно, имя Алабастрия, название города Алабастрон и камня алебастр — не простое совпадение. Алебастр употреблялся в Египте как материал для облицовки внутренних помещений святилищ и погребальных камер. Из него изготавливали также различные вазы, статуи, подставки и другие предметы ритуального назначения. Таким образом, проясняется отношение к божеству, имя которого ассоциируется с благовониями, изделиями ритуального порядка и святилищами. В христианской легенде и в росписи Баутского монастыря проступают элементы другого, более раннего слоя.

¹⁷ Инв. № 8877. Поступил в Эрмитаж в результате археологической экспедиции в Египет хранителя музея В. Г. Бока в 1889 г. Наиб. диаметр 15 см. Сохранность: большие утраты утка и основы. Техника: гобелен, шерстяной уток по льняной основе.

¹⁸ Инв. № 11524. Поступила в Эрмитаж в результате археологической экспедиции в Египет хранителя музея В. Г. Бока в 1889 г. Наиб. диаметр 15 см. Сохранность: большие утраты утка и основы. Техника: гобелен, шерстяной уток по льняной основе.

Рис. 4

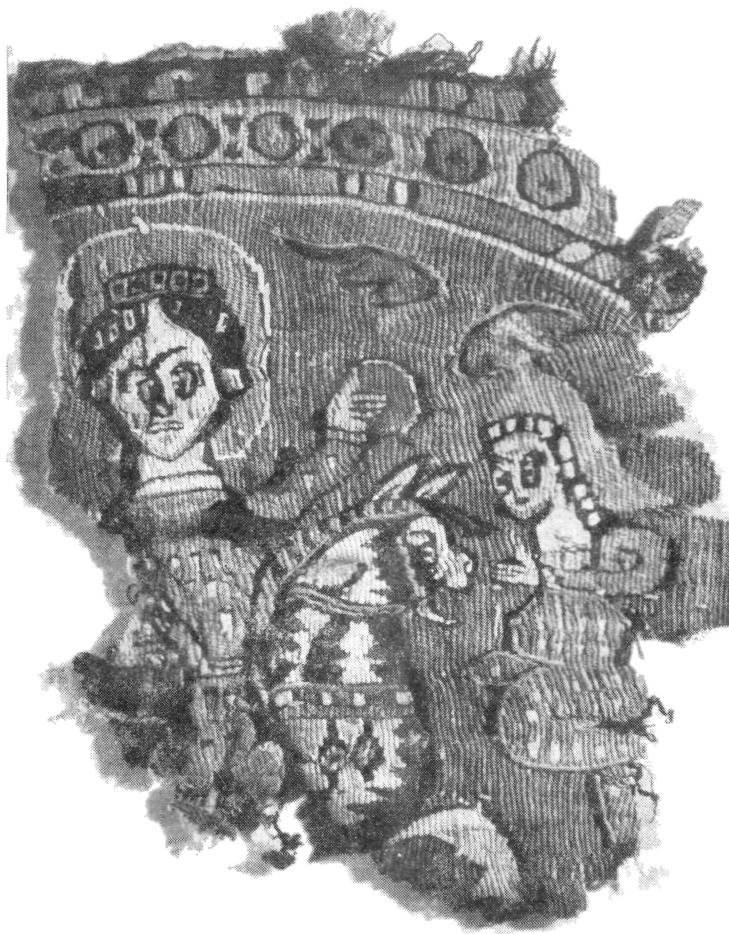

Рис. 5

Перед нами, видимо, тот же сюжет. Для объяснения фигуры, извивающейся перед всадником, несколько иного, чем предыдущие варианты, иконографического типа, обратимся к легендам, также связанным с именами Соломона и Сисиния. В «Завете Соломона» говорится о том, что по требованию Соломона к нему является злая фея Овизуд. «Мое дело, — говорит она, — убивать детей, поражать глухотою уши, слепить глаза, смыкать уста уздою, губить рассудок и знобить тело». Цвет лица ее был светло-зеленый, волосы жесткие, как у дракона, и все члены как бы невидимы. Другой демон явился перед Соломоном в виде кружащегося дракона. У него голова и ноги человеческие, а все члены состоят из ног драконов. По легенде о Сисинии, *Χαμδραχίνα* — змея; дракон, ползающий по земле — одно из имен злого женского демона.

Таким образом, фигура с извивающимися руками и ногами, стоящая перед всадником, в котором, по-видимому, опять-таки следует признать св. Сисиния, может быть осмыслена в сравнении ее с образами злых фей в «Завете Соломона» и с многоименным женским злым демоном Сисиниевой молитвы.

В основе этой композиции лежал, как мы видим, несколько иной иконографический прототип, по сравнению с первыми двумя тканями, обнаруживающий, как нам представляется, большую связь непосредственно с образами демонов «Завета Соломона». Ход исследования привел нас к тому, чтобы близко сопоставить содержание приведенных выше легенд, роспись монастыря Баут, рельеф из Бруклинского музея, некоторые амулеты: так называемые «печати Соломона», амулеты-«змеевики» и коптские ткани-медальоны с изображениями подвига Сисиния.

Коптские ткани обладают двумя примечательными чертами: они часто содержат повествовательный сюжет и при этом очень декоративны. Но в данном случае на первый план выступает их первое качество.

Ткани, действительно, ярки и красочны, очень декоративны, но, как мы выше показали, отдельные цвета имеют символический смысл и, в свою очередь, направляют внимание на сюжет. Хотя некоторые изображения схематичны и условны, они, тем не менее, были понятны тем, кто ими пользовался, так как образ был хорошо знаком и легко узнавался.

Среди довольно многочисленной группы памятников, связанных с именем св. Сисиния, коптские ткани должны занять свое место. Для понимания идеологической ситуации коптского Египта они имеют исключительное значение ввиду «практического» использования их в быту.

Представления о многоименном злом женском демоне вышли далеко за пределы Египта, Сирии, Византии и Армении и наложились на аналогичные местные понятия и обряды, например у славян и народов Средней Азии¹⁹.

В заключение добавим, что в собрании Эрмитажа имеются еще две аналогичные ткани с тем же сюжетом и острак, содержащий легенду о св. Сисинии, опубликованный и комментированный О. Леммом²⁰.

Поступление в музей коллекции тканей из Института истории АН СССР и исключительная научная интуиция В. Г. Бока, проведенного в Египте два археологических сезона 1888—1889 и 1898—1899 гг., сделали Гос. Эрмитаж обладателем весьма интересной группы памятников.

М. Г. Быстрикова

COPTIC CLOTH-MEDALLIONS USED AS PROTECTIVE AMULETS

M. G. Bystrikova

From the Coptic textile collection of the Hermitage the author publishes several cloth medallions which were sewn on tunics. Depicted on the medallions are subjects connected with the legend of St. Sisinnius, who killed his sister Alabastria. She, assuming the likeness of a bat, would kill babies and suck up their blood. She was identified with a female demon of many names (mostly names of bodily ailments). The medallions had a more than decorative purpose. They were meant to serve as protective amulets, to save the wearers, first of all children, from death and diseases.

¹⁹ Акад. А. Веселовский в 1895 г., исследуя эфиопскую легенду о св. Сисинии и его сестре Верзелии, писал, что данный образ имеет, по-видимому, аналогией среднеазиатскую албасту. Работы по исследованию образа албасты акад. В. А. Гордлевского-М. С. Андреева, Г. П. Снесарева, О. А. Сухаревой и др., хотя они приходят к иным выводам, нам представляется, подтверждают эту точку зрения. Коптская легенда о Сисинии, которая лежит в основе эфиопской легенды, дает к тому же имя злого женского демона — Алабастрия, которое, очевидно, может быть также сопоставлено с именем демона среднеазиатских народов албасты. (И. Х. Дворецкий, Древнегреческий словарь, I, 1958: ἀλάβαστρος = ἀλάβαστος).

²⁰ O. von L e m m, Koptische Miscellen, 1, SPb, 1911, № XIX, «Berselia und Sisinnios», стр. 501 (перепечатка из «Bulletin de l'Académie des Sciences de St. Pétersbourg», I, № 3, Oct. 1, 1907), стр. 19.

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

Т. Н. Высотская

ТОРГОВЫЕ СВЯЗИ НЕАПОЛЯ СКИФСКОГО В ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИЙ ПЕРИОД

(По данным керамической эпиграфики)

Неаполь скифский, судя по импортным материалам, найденным на городище, вел в эллинистическое время обширную торговлю с различными центрами Средиземноморья. Археологические материалы — разнообразные предметы и прежде всего амфоры — позволяют судить не только о времени привоза товаров, но и об интенсивности связей Неаполя с теми или иными центрами островной и материковой Греции, о посредниках в торговле скифов. Обратимся к клейменной керамической таре.

Всего нами учтено 234 амфорные ручки с клеймами¹ из следующих центров: Родос — 162, Херсонес — 32, Книд — 19, Кос — 13, Синопа — 3, неизвестные центры — 6 ручек. Кроме того, найдена одна херсонесская клейменная черепица и 28 черепиц с клеймами Синопы. Таким образом, основной импорт составляли родосские амфоры, даже если учесть, что каждая из них имела по два клейма. Из 162 родосских клейм — 26 круглых, остальные прямоугольные. 64 клейма принадлежали эпонимам, остальные не поддаются определению.

Из общего списка имен на родосских клеймах Неаполя (всего 72 имени) 26 совпадают с пергамским комплексом², 66 — с комплексом из Делоса³, 57 — с комплексом из Танаиса⁴ и 66 — с ольвийскими находками⁵. Возникает тот же вопрос, который поставила Е. И. Леви, изучая клейма из ольвийского водоема⁶, — не означает ли это соотношение, что торговля Родоса с Пергамом ослабевает за счет увеличения связей с другими центрами.

Имена эпонимов чаще всего встречаются один-два раза, лишь имя Андрия и Полиарата — четыре раза, трижды Алексиада, Леонтида, Павсания и Тимуррода. Однако эпонимное прямоугольное клеймо (к сожалению,

¹ К сожалению, часть клейм из раскопок Неаполя Скифского 1945—1950 гг. утрачена, существование большинства из них нам удалось установить по IOSPE, III, см. приложение.

² C. Schuchard, Die Inschriften von Pergamon, II, В., 1895.

³ V. Grasse, Timbres amphoriques trouvés à Délos, BCH, LXXVI, 1952, II; V. Grasse, M. Savvatiadou-Pétroupolakou, Exploration archéologique de Delos, P., 1970.

⁴ Д. Б. Шелов. Керамические клейма из Танаиса III—I вв. до н. э., М., 1975.

⁵ IOSPE, III, Родос, № 16—84, 326 и т. д.

⁶ Е. И. Леви, Керамический комплекс III—II вв. до н. э. из раскопок ольвийской агоры. Ольвия, М.—Л., 1964, стр. 231.

Рис. 1. Родосские клейма Неаполя Скифского

нию, имя не читается) имеет дополнительный штемпель с буквой А (см. приложение № 56). Это редкий случай, так как обычно дополнительные клейма при прямоугольных штемпелях не встречаются. Д. Б. Шелов считает, что М. Нильсон ошибочно упомянул о дополнительном клейме при прямоугольном с именем Тимагора⁷. Среди имен фабрикантов четыре раза встречено имя Тимоксена, причем два круглых клейма с этим именем имеют дополнительные штемпеля: О и ΙС (рис. 1, 17). В последней своей работе Д. Б. Шелов признает бытование дополнительного клеймения с конца III и весь II в. до н. э.⁸ Трижды встречено имя Родона.

Имена Дамоклеса и Павсания принадлежат фабрикантам и эпонимам. Мы указывали выше, что в Неаполе найдено три клейма Павсания-эпонима (рис. 1, 2). Различают не менее трех Павсаниев-омонимов⁹, из которых Павсаний III относится ко второй четверти II в. до н. э.¹⁰ Судя по палеографическим данным, неапольские клейма с этим именем скорее всего при-

⁷ Шелов, ук. соч., стр. 73.

⁸ Там же, стр. 23.

⁹ Grase, ук. соч., стр. 529; Шелов, ук. соч., стр. 66.

¹⁰ Grase, Savvatiānou-Pétropoulakou, ук. соч., стр. 304 сл.

надлежат именно этому Павсанию. Среди редких имен — имена фабрикантов Аполлонида, Буларха (рис. 1, 6), Главкия и Менадра. Клеймо с именем Менадра Е. М. Придик отнес к числу клейм неизвестного центра ¹¹.

Прямоугольные клейма с именами эпонимов обычно без эмблемы, лишь клеймо с именем эпонима Тимасагора с эмблемой — голова Гелиоса (рис. 1, 8) и на клейме Марона неясный знак. Пять круглых эпонимных клейм с цветком граната и одно также круглое с головой Гелиоса. Эмблемы клейм фабрикантов более разнообразны: восемь — с цветком граната (рис. 1, 16, 17, 19), восемь имели кадудей, два — голову Гелиоса, по одному клейму с разными изображениями: нос корабля, венок с лентами, гроздь винограда, якорь, герма.

В хронологическом отношении, судя по комплексам Пергама, Афинской агоры, Делоса, Тарса и Северного Причерноморья (Ольвия, Танаис — см. приложение), родосские клейма Неаполя датируются следующим образом:

Дата	эп.	ф.	всего	%
220—180	11	20	31	28
180—150	14	13	27	25,2
Вторая пол. II в.	28	19	47	43,9
Конец II — начало I в.	1	1	2	1,8
Всего	54	53	107	100

Из таблицы видно, что торговые связи Неаполя с Родосом установились с конца III в. до н. э. и продолжались вплоть до I в. до н. э. Время наиболее интенсивных связей с островом — конец III — первая половина II в. до н. э.

На втором месте по количеству клейм стоит Херсонес — 34 клейма (рис. 2, 13, 20, 26). Из них одна черепица. По классификации Р. Б. Ахмерова ¹², уточненной В. В. Борисовой ¹³, они принадлежат: концу IV — началу III в. до н. э. — одно клеймо, середине и концу III в. до н. э. — 7 клейм, концу III — началу II в. до н. э. — 6 клейм, II в. — началу I в. до н. э. — 4 клейма. Семь клейм имеют монограммы (рис. 2, 23 — 26), одно анэпиграфное с эмблемой — палица Геракла. Херсонесские клейма с эмблемами (что само по себе представляет редкость), по мнению Р. Б. Ахмерова, относятся к сравнительно позднему времени ¹⁴.

Экономические связи с Херсонесом тоже охватывают весь эллинистический период, завязались они в конце IV в. до н. э. и продолжались вплоть до I в. до н. э. Период наиболее интенсивной торговли приходится на III — начало II в. до н. э., т. е. до Диофантовых войн. Среди астиномных имен — Пасион, Полистрат, Притан, Нанон, Аполлон, Ликон — обычные для Херсонеса.

Девятнадцатью клеймами представлен Книд (рис. 2, 27—34). Одно из них анэпиграфное, круглое с букранием. Клеймо с именем эпонима Даматрия (№ 4) Б. Н. Граков датировал III в. до н. э. Клеймо Аполлония (рис. 2, 33), вероятно, фабриканта (начало его не читается) относится к пер-

¹¹ Е. М. Придик, Инвентарный каталог клейм, Пг., 1917, стр. 142, № 30.

¹² Р. Б. Ахмеров, О клеймах керамических мастеров эллинистического Херсонеса, ВДИ, 1951, № 3; он же. Об астиномных клеймах эллинистического Херсонеса, ВДИ, 1949, № 4.

¹³ В. В. Борисова, Керамические клейма Херсонеса и классификация херсонесских амфор, НЭ, 1974, XI.

¹⁴ Ахмеров, Об астиномных клеймах..., стр. 103.

Рис. 2. Херсонесские клейма Неаполя Скифского, 20—26; клейма Книда 27—34; клейма Коса 35—40; клеймо Гераклеи Понтийской — 41

вой половине II в. до н. э. ¹⁵ Клеймо фабриканта Асклепиодора (рис. 2, 29) имеет аналогии в каталоге Е. Придика ¹⁶ и А. Дюмона ¹⁷, его же приводят В. Грейс и М. Савватиану-Петропулаку, датируя концом II в. до н. э. ¹⁸ Клеймо с именем эпонима Дионисия (рис. 2, 30) относится к концу

¹⁵ M. Lenger, *Timbres amphorique trouvés à Argos*, BCH, LXXXI, 1957, I, стр. 164—190; В. Грейс датировала его приблизительно началом I в. до н. э. (ук. соч., стр. 353, № 11).

¹⁶ Придик, ук. соч., стр. 58, № 22.

¹⁷ A. Dumont, *Inscriptions céramiques de Grèce*, P., 1892, стр. 249—320.

¹⁸ Grace, *Savvatianou-Pétropoulakou*, ук. соч., стр. 327, E—65.

II — I в. до н. э.¹⁹ Концом II — началом I в. до н. э. датируется клеймо с именем эпонима Гермофанта²⁰. Предположительно восстанавливается клеймо эпонима Феодосия. М. Ленже датирует такие клейма первой половиной II в. до н. э. Ко второй половине II в. до н. э. относятся клейма фабриканта Феуклеса и эпонима Никомаха (рис. 2, 31)²¹. Примерно восстанавливается клеймо фабриканта Дионисия (рис. 2, 30) — конца II — начала I в. до н. э.²² Однако клеймо восстанавливается по аналогиям (№ 12)²³, три не поддаются чтению (рис. 2, 34).

Таким образом, из 19 книдских клейм, найденных на Неаполе, датируются 10, из них одно — II в. до н. э., два относятся к первой половине II в. до н. э., три — ко второй половине — концу II в. до н. э., четыре — к концу II — I в. до н. э. Два клейма круглые — вышеуказанное анаэпиграфное и с именем эпонима Даматрия и букранием, остальные — прямоугольные. Из них шесть имеют эмблемы: двойной топор, букраний, кадуцей, нос корабля. Клейменных ручек косских амфор всего 13 (рис. 2, 35—40), четыре из них не читаются, на остальных имена: Адай, Аполла (рис. 2, 38, 40), Арин (рис. 2, 36), Аполлон(ий) (рис. 2, 39), Ерат, Зотик (рис. 2, 35), Ксенокрит или Ксенотим. На двух клеймах имеются эмблемы: с именем Аполла — герма, бычок с именем Аполлон(ия?).

Как известно, клеймились косские амфоры спорадически, и по данным керамической эпиграфики судить об их ввозе в Северное Причерноморье нельзя²⁴. Однако многочисленные находки обломков косских амфор говорят, что дешевое косское вино пользовалось широким спросом у северопричерноморских греков, покупали его в большом количестве и скифы. Об этом свидетельствуют многочисленные обломки косских амфор, обнаруженных на Неаполе. Связи Неаполя с Косом установились рано. Среди обломков косских амфор на городище найдены фрагменты IV—II вв. до н. э., а также ножки амфор рубежа нашей эры. Таким образом, торговля с островом Кос продолжалась с IV в. до н. э. до I в. н. э.

Синопский импорт на Неаполь ограничивался в основном черепицей, которую покупали большими партиями в IV — III в. до н. э. Находки синопских амфор единичны, клейменных из них всего три — одна с именем астинома Героклейта датируется 320—270 гг. до н. э., вторая с именем астинома Метродора — второй половиной II в. до н. э., третья клеймо плохой сохранности, не восстанавливается. Торговля с Синопом, видимо, не получила широкого развития. Одно клеймо на ручке амфоры из коричневой глины с именем фабриканта Тима(р)ха (рис. 2, 41) датируется второй половиной III—II вв. до н. э.²⁵ На Неаполе найдены небольшие и крупные фрагменты подобных амфор, центром производства которых предположительно считается Гераклея Понтийская или какой-нибудь иной южнопричерноморский центр²⁶.

¹⁹ M. L e n g e r, *Timbres amphorique trouvés à Argos*, BCH, LXXIX, 1955, II, стр. 498—548; G r a s e, ук. соч., стр. 533—640; G r a s e, *Savvatiانو-Pétroroulaكو*, ук. соч., стр. 329, E—72; стр. 347, E—170.

²⁰ L e n g e r, BCH, LXXXI, стр. 168—197; L e n g e r, BCH, LXXIX, стр. 490—511; G r a s e, *Savvatiانو-Pétroroulaكو*, ук. соч., стр. 334, E—98.

²¹ L e n g e r, BCH, LXXXI, стр. 496—544.

²² Там же, стр. 168—197; G r a s e, *Savvatiانو-Pétroroulaكو*, ук. соч., стр. 340, E—129, E—130.

²³ D u m o n t, ук. соч., стр. 136—158.

²⁴ И. Б. Зеест, *Керамическая гара Боспора*, МИА, 83, 1960, стр. 25.

²⁵ Ю. Г. Виноградов, Н. А. Онайко, *Об экономических связях Гераклея Понтийской с Северным и Северо-Восточным Причерноморьем в эллинистическое и римское время*, СА, 1975, № 1, стр. 88—89.

²⁶ В. Ю. Михлин, *Амфоры «коричневой» глины из Северо-Западного Крыма*, СА, 1974, № 2, стр. 65 сл.; Виноградов, Онайко, ук. соч.

Шесть клейм Неаполя из неизвестных центров. Среди них: прямоугольное клеймо на ручке красноглиняной амфоры (рис. 3, 42), ромбическое клеймо на ручке амфоры из розовой глины с белыми включениями (рис. 3, 43) с четко вырезанными начальными и конечными буквами легенды АΠΟ[ΑΛΩ ΑΓΟΡΑΝ]ΟΜΟΥ; эмблема клейма не вполне ясна (возможно, амфора); круглое клеймо в виде небрежно выполненной розетки на ручке светлоглиняной амфоры (рис. 3, 44), прямоугольное клеймо на ручке красноглиняной амфоры с четким клеймом фабриканта [Τι]μασικρατα (рис. 3, 45), клеймо Маней (рис. 3, 46) на ручке светлоглиняной амфоры, прямоугольное трехстрочное клеймо на ручке амфоры из светлой глины с темными включениями (рис. 3, 47).

Общая картина торговых связей Неаполя с различными центрами по керамическим клеймам вырисовывается следующая:

Дата	Родос	Херсонес	Книд	Синопа	Всего	%
Конец IV — начало III в.		1		1	2	1,46
Середина и конец III в.		7			7	5,8
Конец III — начало II в.			1		1	0,7
220—180	31	6			37	26,5
180—150	27		2		29	21,1
Вторая пол. II в.	47		3	1	51	37,2
Конец II — начало I в.	2	4	4		10	7,2
Всего ручек	107	18	10	2	137	100

(Клейма Коса не поддаются дифференцированной датировке.) Судя по таблице, наиболее интенсивная торговля приходится на конец III — начало II в. до н. э. К концу II в. до н. э. она постепенно затухает. Бросается в глаза полное отсутствие импорта Гераклеи (англифические клейма) и Фасоса. По-видимому, это явление нельзя объяснить лишь тем, что клейма этих центров относятся к более раннему хронологическому периоду. Как мы уже видели на примере синопских и херсонесских клейм и увидим ниже при рассмотрении синопской черепицы, наиболее ранние импортные материалы Неаполя датируются IV—III вв. до н. э. Синхронные клейма Гераклеи и Фасоса известны во всех центрах Северного Причерноморья. На Неаполе их нет. Нам представляется возможным объяснить это только тем, что в период становления города в IV—III вв. до н. э. нужны были главным образом строительные материалы — покупали черепицу, а вместе с ней попадало и незначительное количество синхронных амфор из центров — экспортеров черепицы. Импортировали черепицу из двух центров — Синопы и Херсонеса. Из 58 учтенных нами бортиков черепицы с одного из участков раскопок Неаполя соотношение между центрами получается следующее: 46 фрагментов синопской черепицы, 12 — херсонесской. Конечно, это соотношение может быть случайным, но в целом на Неаполе в слоях эллинистического времени обнаружен значительно больший процент синопской черепицы по сравнению с херсонесской.

Херсонесская черепица клеймилась спорадически, нам известно на Неаполе всего одно клеймо на черепице из этого центра. Клейм на синопской черепице 28. Из них поддаются чтению 18 (рис. 3, 48—51). В хронологическом отношении они подразделяются следующим образом: 10 клейм с именами астиномов Аристора, Гистиэя (3), Никомеда (2), клейма с именами Меналка, Посейдония, Филона и фабриканта Маней принадлежат к наиболее ранней, I группе по классификации Б. Н. Гракова — И. Б. Брашин-

Рис. 3. Клейма Неаполя Скифского из неизвестных центров 42—47; клейма на синопской гепериде 48—51

ского (360—320 гг.)²⁷. Из них 6 клейм имели эмблему — орел, терзающий дельфина; на двух клеймах (с именами астинома Гистиэя и фабриканта Посейдония и с именем астинома Никомеда при фабриканте Невмении) эмблема не сохранилась, возможно, здесь также был орел, терзающий дельфина. На одном из указанных клейм эмблема — колос пшеницы вправо и одно клеймо без эмблемы. Из 10 частично сохранившихся и не поддающихся чтению клейм на трех эмблема — орел, терзающий дельфина. Таким образом, I группа синопских клейм (IV в. до н. э.) представлена на Неаполе наибольшим количеством экземпляров (13, а возможно, и больше экземпляров из 28). 320—270 гг. (II группа) датируются клейма с именами астиномов Аполлодора, Евхариста (2), Протофана и фабриканта Гикесия. 270—220 гг. (III группа) датируются 2 клейма с именами астиномов Посейдония и Поликтора; одно клеймо с именем Клевмена относится к 180—150 гг. (V группа).

В целом датировка черепиц наряду с датой фрагментов чернолаковой посуды и амфор подтверждает начало интенсивного строительства города и развития его торговых связей в IV—III вв. до н. э.

В эпоху эллинизма основным поставщиком вина в Неаполь был Родос, игравший главенствующую роль среди торговых центров Средиземноморья²⁸.

²⁷ Б. Н. Г р а к о в, Древнегреческие керамические клейма с именами астиномов, М., 1928, стр. 115, № 15, 16; И. Б. Б р а ш и н с к и й, Экономические связи Синоп, АГ, М., 1963, стр. 133. В настоящее время Б. А. Василенко еще более удревил клейма: группу I он относит ко времени около 400—360 гг. (см. Б. А. В а с и л е н к о, Керамические клейма из античных поселений Поднепровья, Автореф. канд. дисс., М., 1972, стр. 18).

²⁸ J. T o u t a i n, The economic life of the ancient world, N. Y., 1951, стр. 150 сл.

Через какой или какие центры осуществлялась эта торговля, кто был посредником Неаполя в этих связях? Как известно, Ольвия была важным торговым портом Причерноморья еще в VI—V вв. до н. э., до возникновения Неаполя. Она снабжала греческими товарами приднепровскую Скифию²⁹. По-видимому, эти связи продолжали существовать и позднее. А в период подчинения Ольвии скифам последние использовали ее как транзитный торговый центр. О связях Неаполя с Родосом через Ольвию во II в. до н. э. достаточно красноречиво свидетельствуют надписи, найденные на неапольском городище: в честь родосца Посидея, гражданина Ольвии³⁰. К тому же целый ряд надписей подтверждает существование в III—II вв. до н. э. тесных связей Ольвии с Родосом³¹. В период прямой зависимости от скифов она, видимо, предоставляла им флот и возможность вести самостоятельную торговлю. Естественно, скифы стремились удерживать Ольвию в своей зависимости, они были заинтересованы в ее сохранении. Не удивительно, что после гетского разгрома Ольвии скифы обратились к ольвиополитам с просьбой о восстановлении города (Dio. Chrys., XXXVI). И впоследствии при Фарзое и Инисмее Ольвия находилась периодически в зависимости от скифов, продолжавших использовать этот порт в своих торговых интересах. Известно, какую пользу извлекали из торговых операций города-посредники. Они могли покупать по низкой цене у скифов хлеб, а продавать его по более высокой приезжим купцам. Эпиграфические памятники свидетельствуют о том, что в Ольвии были крупные хлеботорговцы, занимавшиеся куплей-продажей на выгодных условиях³². Вряд ли можно согласиться с Н. Н. Бондарем, что ольвийская знать в период подчинения Ольвии Скифскому царству сумела извлечь из этого пользу путем налаживания торговых отношений с Неаполем и расширения сферы торговой деятельности, что в свою очередь, по его мнению, позволило Ольвии получить значительные партии хлеба для продажи и других продуктов³³. Думается, наоборот, сама скифская знать была заинтересована в этих прибылях и смысл подчинения Ольвии в основном в этом и заключался. Но возможно, что и другие центры Северного Причерноморья, скажем Херсонес и Боспор, снабжали Неаполь в эпоху эллинизма скифскими товарами. Обратимся прежде всего к Боспору. Могли ли поступать родосские товары в Неаполь через Боспор, ведь родосские амфоры найдены в значительном количестве в городах Боспора. В пользу того, что родосские товары в Неаполь поступали не через Боспор, а через Ольвию, на наш взгляд, свидетельствует тот факт, что главный импорт на Боспор в IV—II вв. до н. э. составляли синопские амфоры³⁴. По нашим подсчетам по IOSPE III, в города Европейского Боспора импортировалось в 2,5 раза больше синопских амфор и черепицы, чем в Ольвию, которая покупала главным образом синопскую черепицу³⁵. Большое место в импорте Боспора принадлежало и Фасосу, чьи клейменные амфоры известны в

²⁹ Н. Н. Б о н д а р ь, Торговые сношения Ольвии со скифами в VI—V вв. до н. э., СА, XXIII, 1955, стр. 58; Н. А. О н а й к о, Экономические связи античных городов Северного Причерноморья с племенами Приднепровья и Побужья в IV—II вв. до н. э., ВДИ, 1970, № 1, стр. 117.

³⁰ Э. И. С о л о м о н и к, Эпиграфические памятники Неаполя Скифского, М., 1962, стр. 35 сл.

³¹ ИО 24; IOSPE I², 30 и др.; Е. И. Л е в и, К истории торговли Ольвии в IV—III вв. до н. э., СА, XXVIII, 1958, стр. 241.

³² IOSPE I², 32.

³³ Н. Н. Б о н д а р ь, Торговые сношения Ольвии со Скифией в IV—I вв. до н. э., СА, XXV, 1956, стр. 126.

³⁴ И. Б. З е с т, Новые данные о торговых связях Боспора с Южным Причерноморьем, ВДИ, 1951, № 2, стр. 109; И. Б. Б р а ш и н с к и й, Успехи керамической эпиграфики, СА, 1961, № 2, стр. 304.

³⁵ Б р а ш и н с к и й, Экономические связи Синоп, стр. 141.

течение всего III в. ³⁶ В случае привоза в Неаполь товаров с Боспора синопские и фасосские амфоры наряду с родосскими должны были попадать на городище. Однако мы видели, что в Неаполе засвидетельствованы лишь единичные экземпляры синопских ручек, а фасосских амфор нет совсем.

Д. Б. Шелов указывает, что Ольвия установила торговые связи с Родосом раньше, чем Боспор. Родосских амфор с клеймами I и II групп (по В. Грейс) в Ольвии найдено вдвое больше, чем на Боспоре. Лишь со II в. до н. э. Боспор укрепил свои связи с этим островом, и уже амфор V группы (вторая половина II в. до н. э.) на Боспоре встречено вдвое больше, чем в Ольвии, а амфор VI группы (конец II — начало I в. до н. э.) — в пять раз больше ³⁷. Такая картина складывается на европейской части Боспора, на азиатской же в III — II вв. до н. э. родосский импорт явно преобладал ³⁸.

Приведенная выше таблица свидетельствует, что большинство родосских клейм Неаполя относится к концу III — первой половине II в. до н. э., т. е. ко времени наиболее тесных связей Ольвии с Родосом. Совпадение большинства имен родосских клейм с ольвийскими находками также говорит о попадании в Неаполь родосских амфор через Ольвию.

Однако тесные торговые связи с Ольвией и через ее посредничество отнюдь не исключают торговли Неаполя с Боспором. Красноречивым подтверждением этих связей является частая покупка скифами золотых украшений, выполненных боспорскими мастерами-ювелирами. Боспор, так же как и Ольвия, вел торговлю с миром варваров с IV — III вв. до н. э. ³⁹ В этот период между скифами и Боспорским царством существовали мирные отношения, способствовавшие развитию торговли. И позднее, вплоть до победы Савромата II, торговля с Боспором, по-видимому, была непрерывной, то ослабевая во время войн, то расширяясь в мирный период.

Иначе сложились отношения с Херсонесом, который был также крупным торговым центром. Херсонесская гавань играла немаловажную роль для кораблей, пересекающих Черное море, и стала важным стимулом для развития торговли Южного и Северного Причерноморья ⁴⁰. Стремление скифов подчинить своему влиянию Херсонес и его хору было обусловлено развитием торговых связей Скифского государства. Но торговля с Херсонесом диктовалась политическими отношениями двух государств: то затухала, то возрастала.

Нельзя согласиться с Ю. С. Крушкoл, что родосские товары в Неаполь ввозились из Херсонеса ⁴¹. Родосский импорт в общем балансе херсонесской торговли эпохи эллинизма занимал незначительное место. По данным, приведенным Ю. С. Крушкoл по каталогу Е. М. Придика и каталогу Б. Н. Гракова (IOSPE III), на долю Херсонеса приходится всего 154 родосские ручки с клеймами, в то время как на Ольвию по тем же данным — 3000 ручек ⁴². Главный импорт Херсонеса составляли фасосские и ге-

³⁶ Ю. Г. Виноградов, Керамические клейма острова Фасос, НЭ, X, 1972, стр. 39.

³⁷ Д. Б. Шелов, К истории связей эллинистического Боспора с Родосом, СА, XXVII, 1958, стр. 334 сл.; он же, Керамические клейма Танаиса, стр. 28.

³⁸ Зеест, Керамическая тара Боспора, стр. 63; Д. Б. Шелов, Керамические клейма из раскопок Фанагории, МИА, 57, 1956, стр. 128; Ю. С. Бадальянц, Из истории боспоро-родосских торговых взаимоотношений в III—II вв. до н. э., «Древний Восток и античный мир», М., 1972, стр. 135 сл.

³⁹ Онайко, ук. соч., стр. 117.

⁴⁰ М. И. Максимова, Краткий путь через Черное море и время его освоения греческими мореходами, МИА, 33, 1954, стр. 51.

⁴¹ Ю. С. Крушкoл, Основные пункты и направления торговли Северного Причерноморья с Родосом в эллинистическую эпоху, ВДИ, 1957, № 4, стр. 114.

⁴² Там же, стр. 112.

РОДОССКИЕ КЛЕЙМА НЕАПОЛЯ СКИФСКОГО С ИМЕНАМИ ЭПОНИМОВ

№ п/п	Легенда	Эмблема	Форма	Шифр	Дата
1	ἐπὶ Ἀγε μάχου (рис. 1, 1)	нет	прямоуг.	НС—58 129	220—180
2	ἐπὶ Ἀγεμάχου. Ἀγριανίου (рис. 1, 4)	»	»	НС—58 222	»
3	ἐπ'ἱερέω ς Ἀγ[λου]μβρότου	»	»	НС—26 Π—8	»
4	ἐπ[ι Αἰνη]σι δά[μου.] Παν[ά]μου	»	»	НС—48 Б—66	»
5	ἐπὶ Ἀλεξι δάδα. [Δ]αλίου (рис. 1, 7)	»	»	НС—49 Α—783	вторая пол. II в. до н. э.
6	ἐπὶ Ἀλεξ ι δάδα.] Βαδ[ρο]μί[ου.]	»	»	НС—47 Б—74	»
7	ἐπὶ Ἀναξάνδ ρου. Πα νάμου	»	»	НС—59 В—253	»
8	ἐπ'ἱερέω ς Ἀναξ άνδρου.] Ἀρτ[αμιτίου.]	»	»	НС—46, Б/4 IOSPE III, 594	»
9	ἐπὶ Ἀν δρία.] Ἀ γριανίου	»	»	НС—47 Б—748	»
10	[ἐπὶ Ἀ]νδρί [α.]Σ μινθίου	»	»	НС—50 Α—325	»
11	ἐπ[ι] Ἀνδρία. Ἀρταμ[ι]τίου	»	»	НС—47 Α—475	»
12	ἐπὶ Ἀνδ ρία...]	цветок граната	круглое	НС—49 Α—851	»
13	ἐπὶ Ἀρισ τάνα κτος. [Δα]λίου	нет	прямоуг.	НС—56 46	»
14	ἐπὶ Ἀριστο γένεως. Πανάμου	нет	прямоуг.	НС—26, 101 IOSPE III, 983	»
15	ἐπὶ Ἀριστο πόλιος.] Ἀγριανίου	»	»	НС—56 101	»
16	ἐπὶ Ἀρισ τ ομβροτίδα. Ἀγριανίου	»	»	НС—59 В—246	»
17	ἐπὶ Ἀ ρισ τοφάν εως	»	»	НС—49 Α—484	III в. до н. э.

№ п/п	Легенда	Эмблема	Форма	Шифр	Дата
18	ἐπι[᾿Αρίστ]ωνος. ᾿Αγρι[ανίου.]	цветок граната	круглое	НС—47, Б/4 IOSPE III, 1213	200—180
19	[ἐπι ᾿Αρχεμ]βρότου.]Θε]σμοφορίου	не сохран.	»	НС—47 А—95	вторая пол. II — начало I в. до н. э.
20	ἐπι ᾿Αρχι]βίου.]Δαλίου	нет	прямоуг.	НС—59	вторая пол. II в. до н. э.
21	ἐπι ᾿Αρχί]νου.]᾿Αρταμιτίου (рис. 1, 10)	»	»	НС—47 Б—758	»
22	ἐπι[Αύ]τ[ο]κράτεус.]Δαλίου	»	»	НС—49 А—47	180—150
23	[ἐπι Δα]μαινέτου.][᾿Αγρια]νίου	»	»	НС—55 32	»
24	ἐπι Δα[μοκλ]ε[ῦς.]	цветок граната	круглое	НС—47 Б—965	220—180
25	ἐπ[ι]Εύάνορος.]Σμ[ι]νθίου.]	нет	прямоуг.	НС—47 Б—755	вторая пол. II в. до н. э.
26	[ἐ]π[ι] Εὐδάμου P*	цветок граната	круглое	НС—26 А—478	180—150
27	ἐπ[ι] Εὐδάμο[υ....]ου	»	»	НС—26	»
28	ἐπι [Εὐδ]άμου.]Π[αν]άμου	нет	прямоуг.	НС—26 IV—12	»
29	ἐπι Θερσάνδρου.][Πανά]μου	»	»	НС—п/м	вторая пол. II в. до н. э.
30	ἐπ[ι]ἰ ᾿Ιέρωνος.]Δαλίу (рис. 1, 5)	нет	прямоуг.	НС—47 Б—407	200—180
31	ἐπ'ἰ[εpέ]ως]...	»	»	НС—56 47	»
32	ἐ[π'ἰεpέ]ως] Λαφ[ε]ίδεус.]Πανάμου	»	»	НС—58 Е—191	вторая пол. II в. до н. э.
33	ἐπι [Λε]οντίδα.]᾿Αρταμιτίου	»	»	НС—59 В—227	»
34	[ἐπι Λε]οντίδ[α.]]᾿Αρταμιτίου	»	»	НС—49 А—850	»
35	ἐπι Λεοντίδα.]Πανάμου	голова Гелиоса	круглое	НС—56 Б—167	»
36	[ἐπ]ἰ Μάρωνος	справа неясный знак	прямоуг.	НС—46, Б/4 IOSPE III, 2891	»

№ п/п	Легенда	Эмблема	Форма	Шифр	Дата
37	ἐπὶ Νικασα γόρα. 'Αρταμιτίου	нет	»	HC-46, Б/4 IOSPE III, 2977	200—180 или вторая пол. II в. до н. э.
38	ἐπὶ Νικασα γόρα. Θευδαισίου	»	»	HC-50, Б/82 IOSPE III, 2993	»
39	ἐπὶ Παυσανία. Δαλίου	»	»	HC-26 У-10	180—150
40	ἐπὶ Παυσα νία. 'Υακινθίου	»	»	HC-57 Е-42	»
41	[ἐπὶ Παυ]σαν [ία. Πανάμου	»	»	HC-47 Б-244	»
42	ἐπὶ Πεισιστρά τ[ου.] Πανάμου	»	»	HC-26 VI-a	II в. до н. э.
43	ἐπὶ Π[ολυα]ρά του.'Αγριανίου	нет	прямоуг.	HC-26	вторая пол. II в. до н. э.
44	[ἐ]πὶ Πολυα ράτου.'Αρταμιτίου	»	»	HC-56	»
45	ἐπὶ[Πολυ]αράτου. Δαλί[ου.]	цветок граната	круглое	HC-46 IOSPE III, 3672	»
46	ἐπὶ Πολυα ράτου. Σμινθίου.]	»	»	HC-47 Б-639	»
47	ἐπὶ[Π]υθο [γέ]νευς. Δαλίου	нет	прямоуг.	HC-26 14-У	180—150
48	[ἐπὶ Τ]εῖσα [μ]ένου. Π[α]νάμου	»	»	HC-47 Б-964	вторая пол. II в. до н. э.
49	ἐπὶ Τιμα σαγόρ[ου.]	голова Гелиоса	»	HC-58 59	220—180
50	ἐπὶ Τιμ [αγ]όρα. [Δαλ]ίου	нет	прямоуг.	HC-47 Б-963	вторая пол. II в. до н. э.
51	[ἐ]πὶ Τι [μ]ο θέου. Πανάμου	»	»	HC-49 А-663	180—150
52	[ἐπὶ Τιμ]ο κ λεῦς. [Ва]δ ρομίου.]	»	»	HC-47 Б-759	»
53	ἐπὶ Τι [μ]ουρ ρόδου. Δαλίου	»	»	HC-59 Е-5	»
54	ἐπ'ιερéως Τιμουρρόδου. Πανάμου	»	»	HC-49 А-483	»
55	ἐπὶ ιερéως Τιμουρρόδ[ο]υ. Σμινθίου (рис. 1, 11)	»	»	HC-47 Б-752	»
56	[....]ν[....]. Σμινθίου Α	»	»	HC-58 Е-101	»
57	ἐπὶ[....] δα. 'Αρταμι[τίου.]	»	»	HC-58 Е-89	вторая пол. II в. до н. э.

РОДОСКИЕ КЛЕЙМА НЕАПОЛЯ СКИФСКОГО С ИМЕНАМИ ФАБРИКАНТОВ

№ п/п	Легенда	Эмблема	Форма	Шифр	Дата
1	'Αγαθοκλε[ῶς]	нет	прямоуг.	НС—59 Г—30	220—180
2	'Αμόντα	справа венок с лентами	»	НС—46, Б/4 IOSPE III, 5061	конец III — начало II в. до н. э.
3	'Απολλοδώρου	нет	»	НС—59	220—180
4	'Απολλοδώρου	»	»	НС—26, А—480 IOSPE III, 5343/4	»
5	'Απολλοδ[ῶρου]	»	»	НС—56 ЮТ—21	»
6	'Απ[ολλωνί]δου. Πανάμ[ου]	справа гроздь винограда	»	НС—46, Б/4 IOSPE III, 5367	первая пол. II в. до н. э.
7	'Απολλωνίου (рис. 1, 3)	нет	»	НС—59	220—180
8	'Απολλωνίου	»	»	п/м НС—47	»
9	'Αρισ[τάρχου]	»	»	Б—640 НС—45	»
10	'Αριστοκλ[εῶς] (рис. 1, 19)	цветок граната	круглое	А—617 НС—47	начало II в. до н. э.
11	'Αρτίμα	кадуцей вправо	прямоуг.	А—208 НС—50	вторая пол. II в. до н. э.
12	Β[αδρομί]ου. 'Επί[γονος]	нет	»	А—191 НС—58	середина II в. до н. э.
13	Βου[λάρχου]	кадуцей вправо	прямоуг.	Е—16 НС—48	
14	Βρομί]ου	нет	»	А—1147 НС—?	180—150
15	Γλαυκία	»	»	НС—58	вторая пол. II в. до н. э.
16	Γλαυκία	»	»	НС—59	»
17	Δαμοκλε[ῶς]	»	»	В—6 НС—49	220—180
18	Δαμοκλε[ῶς] (рис. 1, 9)	»	»	А—264 НС—47	»
19	Δα[μοκρ]ά[τ]ε[υ]ς	гроздь и акро- стилий	»	Б—765 НС—46/4 IOSPE III, 6106	»

№ п/п	Легенда	Эмблема	Форма	Шифр	Дата
20	[Δαμο]κράτε[υς]	цветок граната	круглое	НС—49 А—263	»
21	[Δα]μοκρά[τευς] В	не сохран.	»	НС—58 Е—97	»
22	Διοδότου	нет	прямоуг.	НС—45 А—18	»
23	Διοδότου	»	»	НС—59 В—226	»
24	Δρακ[ον]τίδα	кадуцей вправо	»	НС—55	вторая пол. II в. до н. э.
25	Δωροθέου (рис. 1, 12)	нет	прямоуг.	НС—55 VII—зд—61	220—180
26	Δω[ροθέ]ου ретроград.	»	»	НС—58 383	»
27	Δώρου	нет	»	НС—46, Б/4 IOSPE III, 6640	конец II или начало I в. до н. э.
28	Ἐπι[κρ]άτ[ευς]·Ἰ[ακ]ίν[θ]ίου	»	»	НС—48 IOSPE III, 6750	180—150
29	Εὐ[κλ]ε[ί]του	цветок граната	круглое	НС—46	вторая пол. II в. до н. э.
30	Εὐκλείτου (рис. 1, 14)	кадуцей вправо	прямоуг.	и/м НС—48 Б—272	»
31	Εὐφράνορος	голова Гелиоса	круглое	НС—56 ЮТ—65	»
32	Εὐφράνορος	нет	прямоуг.	НС—46 190	»
33	Εὐφράνορος	голова Гелиоса	круглое	НС—46, Б/4 IOSPE III, 6926	»
34	Εὐσυσεὺς вместо Εὐκλεῦς	нет	прямоуг.	НС—46, Б/4 IOSPE III, 6917	»
35	Ζενοδότου (рис. 1, 16)	цветок граната	»	НС—47 А—517	II в. до н. э.
36	Ἡφαιστ[ί]ωνος (рис. 1, 13)	нос корабля	»	НС—55 А—607	»
37	[Ἡφαιστί]ωνος ретроград.	кадуцей вправо	»	НС—50 А—248	»

№ п/п	Легенда	Эмблема	Форма	Шифр	Дата
38	Θαφά[[χο]υ.Σμινθίου курсив	»	»	НС—50, А—296 IOSPE III, 7133	
39	'Ιμα	нет	»	НС—26 ΠΙ—12	180—150
40	[Καλλ]ι[κρα]τίδα	»	»	НС—49 А—364	220—180
41	Λίνου	»	»	НС—47 Б—763	»
42	Λίνο[υ]	нет	прямоуг.	НС—58 429	220—180
43	Λ[υσι]κλεῦς	»	»	НС—45, Б. кл. 3 IOSPE III, 7773	
44	Λυσίων[ος.] (рис. 1, 15)	якорь вправо	»	НС—55 гр—356	вторая пол. II в. до н. э.
45	Μενάνδρου	цветок граната	круглое	НС—59 В—152	
46	Μίδα	кадуцей вправо	прямоуг.	НС—59 В—3	вторая пол. II в. до н. э.
47	Μίδα	»	»	НС—46, Б/4 IOSPE III, 8120	»
48	Μ[υ]τ[ί]ω[ν. Δα]λ[ί]ου	цветок граната	круглое	НС—48, Б/4 IOSPE III, 8255	третья четверть III в. до н. э.
49	[Νικαγί]δος	нет	прямоуг.	НС—56 15	220—180
50	'Ον[ασιοί]κ[ου]	»	»	НС—26	180—150
51	Παυσανίας	»	»	НС—47 А—1	180—150?
52	'Ρόδωνος (рис. 1, 18)	герма вправо	»	НС—47 Б—72	вторая пол. II в. до н. э.
53	'Ρόδωνος	нет	»	НС—59 В—225	»
54	'Ρό[δωνος]	»	»	НС—47 425	»
55	[Τιμ]αράτ[ου.]	»	»	НС—58 Е—103	

№ п/п	Легенда	Эмблема	Форма	Шифр	Дата
56	Τιμοξένου 	цветок граната	круглое	НС-55 VII—зд-29	начало II в. до н. э.
57	Τιμοξένου	нет	прямоуг.	НС-46 Б/4	начало II в. до н. э.
58	Τιμοξένου	цветок граната	круглое	НС-46, Б/4 IOSPE III, 9182	»
59	[Τι]μοξένου (рис. 1, 17)	»	»	НС-56 ЮТ-1	»
60	Τί[μ]ους	нет	прямоуг.	НС-59 Е-2	180—150
61	Φανία	»	»	НС-26 IV-2	220—180
62—105	не читаются				

ХЕРСОНЕССКИЕ КЛЕЙМА НЕАПОЛЯ СКИФСКОГО

№ п/п	Легенда	Шифр	Дата
1	'Αγασικλέο[ς] άστυνόμου	НС-59	середина и конец III в. до н. э.
2	Αισχίνα άστυνόμου	НС-49 Α-780	»
3	'Απολλά άστυνόμου черепица	НС	конец IV — начало III в. до н. э.
4	'Αρχά[νδρου] άστυνόμου	НС-26 Α-2637	середина и конец III в. до н. э.
5	[άστυν]ομοῦν[τος] 'Απ[ολλ]ωνί[δα] τοῦ Σιμαίου	НС-46 464	»
6	[ά]στυνομοῦντος 'Απολλοφά[νεις] τοῦ 'Ηρωίδα	НС-58 65	II — начало I в. до н. э.
7	άστυ[ν]ομοῦν[τος] 'Απ[ολλω]φά[νεις] τοῦ 'Ηρωίδα	НС-58 56	»
8	άστυνομοῦ[ν]τος Λύκω[νος] τοῦ Χορείου	НС-57 286	»
9	άστυνομοῦντος... ον[...] τοῦ Νευ[μηνίου]	НС-59 В-230	»

№ п/п	Легенда	Шифр	Дата
10	Δαμοκλέος άστυνόμου	HC	конец III — начало II в. до н. э.
11	Μηνίου (рис. 2, 22)	HC—56 62	конец III — начало II в. до н. э.
12	Νάνω[νος] άστυ[νόμου] (рис. -2, 23)	HC—26 A—2643	середина и конец III в. до н. э.
13	Πασ[ίωνος] άστυ[νόμου]	HC—59 97509	конец IV — начало III в. до н. э.
14	[Πολυ]τράτου άστυνόμου	HC—46 390	середина и конец III в. до н. э.
15	Πρωτά[νιος] τοῦ Ἀρίστ[ωνος] άστυνομοῦντος	HC—55 VII—30	»
16	Τελαμῶνος (рис. 2, 21)	HC—58 322	конец III — начало II в. до н. э.
17	Τελαμῶνος	HC—55 342	»
18	Τελαμῶνος	HC—46 190	»
19	Νικάνορος τοῦ Σατυρίνου	HC—58 330	
20	...άστυνομοῦν[τος.]	HC—55	
21	άστυνομοῦν[τος] Φορμί[ωνος] τοῦ Πυ[θίωνος]	HC	конец III — начало II в. до н. э.
22	⏏ (рис. 2, 24)	HC—49 A—427	
23, 24	⏐ (рис. 2, 25)	HC—58 HC—58 57 63	
25	⏑ (рис. 2, 26)	HC—58 137	
26	⏒	HC—58	
27	AA	HC—50 A—609	

№ п/п	Легенда	Шифр	Дата
28	Анэпиграфное, палица Геракла	НС—59 112	
29—31	не читаются		

КНИДСКИЕ КЛЕЙМА НЕАПОЛЯ СКИФСКОГО

№ п/п	Легенда	Эмблема	Форма	Шифр	Дата
1	ἐπὶ Ἀριστάρχου. Κνι. Νευπόλιος (рис. 2, 27)	двойной топорик	прямоуг.	НС—59 Ж—66	
2	...Ἀπ[ο]λλω[νίου. Κ]νίδιον (рис. 2, 33)	нет	»	НС—49 Λ—123	первая пол. II в. до н. э.
3	...Ἀσκληπ[ιοδώ]ρου. Κνίδιον (рис. 2, 29)	»	»	НС—47 Β—245	конец II в. до н. э.
4	ἐπὶ Δα[μ]ατρίου Κυδοσθένου. Κνίδιον	букраний в центре	круглое	НС—48	II в. до н. э.
5	δ[αμιούργου] Καρνεάδα τοῦ Διονυσίου. Κνίδιον (рис. 2, 32)	нет	прямоуг.	IOSPE III, 92 НС—47 Β—768	конец II—I в. до н. э.
6	ἐπὶ Διονυσίου...αν[.] [όδο]υ. Κνίδιον (рис. 2, 30)	букраний	»	НС—55 τρ—17	»
7	ἐπὶ Ἑρμοφάντου Ὀλύμπου. Κνίδιον	кадуцей	»	НС—	»
8	ἐπὶ [..]τροκλε[.]ου Λ[.]αμα. [Κνί]διον (рис. 2, 28)	нос корабля	»	НС—57 Ε—1	
9	ἐπὶ Θε[δοσί]ου. [Κνί]διον	нет	»	НС	первая пол. II в. до н. э.
10	...[Θευκλεῦς.] [Κνί]διον	»	»	НС—49 Α—366	вторая пол. II в. до н. э.
11	ἐπὶ Νικο[μά]χου. [Κνί]διον (рис. 2, 31)	»	»	НС—49 Α—460	конец II — начало I в. до н. э.
12	ἐπὶ Χρυσίπου Ἀριστοκ[λ]εῦς. Κνίδιον	кадуцей влево	»	НС—46, Β/4 IOSPE III, 325	
13	ἐπὶ Σ[τρατοκλ]εῦς. [Κνί]διον	нет	»	НС—58 Ε—136	вторая пол. II в. до н. э.

№ п/п	Легенда	Эмблема	Форма	Шифр	Дата
14	φρ[ουράρχου] Φι[λαρχίδα]. Ει[...]	нет	прямоуг.	НС—49	
15	... υθα.... ...η... ου. Κνί[διον]	букраний	»	А—461	
16	авэпиграфное	»	круглое	НС—52	
17—19	не читаются			IOSPE III, 733	

КЛЕЙМА НЕАПОЛЯ СКИФСКОГО ИЗ НЕИЗВЕСТНЫХ ЦЕНТРОВ

№ п/п	Легенда	Эмблема	Форма	Шифр
1	ΑΠΟ[ΛΛΩ...ΑΓΟΡΑΝ]ΟΜΟΥ (рис. 3, 43)	амфора?	ромб	НС—55
2	ΜΑΝΕΟΥ (рис. 3, 46)	нет	прямоуг.	Г—62
3	ΤΙ]ΜΑΣΙΚΡΑΤ[Η]Σ (рис. 3, 45)	»	»	НС—59
4	ΕΠΙ ΝΙΚΙΔΑ ΕΠΩΝΟΣ (рис. 3, 42)	»	»	Л—60
5	ΕΠΙ ΣΙΑΥ ΡΟΣ ΠΑΣΑ ΜΟΥ (рис. 3, 47)	»	»	НС—59
				В—201
				НС—49
				А—282
				НС—47
				Б—392

СИНОПСКИЕ КЛЕЙМА НЕАПОЛЯ СКИФСКОГО

№ п/п	Легенда	Эмблема	Шифр	Дата	Примечание
1	ἐπ' Ἀρίστωνο[ς] ἀστυνό[μου]. Ἰκ[εσίου]	нет	НС—45	360—320	черепица
2	Ἀπολλοδώρο[ς] ἀστυνό[μου]. Διονυσίου	гроздь	НС—46	320—270	»
3	ἀστυνόμου Μητροδώρου τοῦ Ἀρισταγόρου. Ἑρμῶνος	нет	Б—4	вторая пол. II в. до н. в.	ручка

№ п/п	Легенда	Эмблема	Шифр	Дата	Примечание
4	Εὐχαρίστου ἀστυνόμου. Γλ[α]υκία	нет	НС—59	320—270	черепица
5	Εὐχα[ρίστου]ἀστυνόμου. Ποσει[ιδ]ωνίου (рис. 3, 49)	»	НС—49 А—666	»	»
6	Ἡροκ[λ]εῖ[του]ἀστυνόμου	не сохран.	НС—59 Г—5	»	ручка
7	[Ἴστ]ιαίο[υ]ἀστυνόμου. Ἀρχεπτο[λέμου] (рис. 3, 48)	орел на дельфине	НС—26 8072	360—320	черепица
8—9	Ἴστια[ίου] ἀστυνόμου. Ποσειδω[νίου]	не сохран.	НС—50 НС—46 А—677 Б—10	»	»
10	Κλ[ε]ομ[ένου]. ἀστυνόμου Ν[ίκωνο]ς	нет	НС—50 Б—112	180—150	»
11	... ἀστυνόμου. Μάνε[ω]	орел на дельфине	НС—50 119	360—320	»
12	...Μέναλκος	»	НС—50 Б—89	»	»
13	Νικομή[δου] ἀστυνόμου. Διο[νυσί]ου (рис. 3, 50)	»	НС—45 81	»	»
14	Νικο[μήδου] ἀστυνόμου. Νευ[μη]νίου	не сохран.	НС—49 А—6656	»	»
15	Π[...ἀστυνο]μοῦντας Ἰκ[ε]σί[ου] τοῦ [Ἔστια]ίου	»	НС—50 А—628	320—270	»
16	Πολύκτορος ἀστυνόμου. Ποσειδω[νίου]	нет	НС—59 В—73	270—220	»
17	Πρωτοφάνου ἀστυνόμου. Ποσει[ιδ]ωνίου	»	НС—48 1948	320—270	»
18	Ποσει[[δ]ωνίου]	орел на дельфине	НС—50	360—320	»
19	Ποσειδων[ίου] ἀστυνόμου. [Νευμη]νίου [τοῦ Διο]νυσίου (рис. 3, 51)	змея	НС—50 А—11	270—220	»
20	Φίλω[νος] ἀστυνομο]ῦντας. Καλλισθ[ένε]ο[ς]	колос пшеницы вправо	НС—50 550	360—320	»
21—31	не читаются				

КОССКИЕ КЛЕЙМА НЕАПОЛЯ СКИФСКОГО

№ п/п	Легенда	Эмблема	Шифр
1	'Αδα[ι]ου	нет	НС—46 Б—4, 10 SPE III, 17
2	'Απολλά (рис. 2, 38)	»	НС—47 Б—767
3	[’Απο]λλά (рис. 2, 40)	герма	НС—49
4	[’Από]λων (рис. 2, 39)	вправо бык влево	А—662
5	'Αρίνου (рис. 2, 36)	нет	НС—47 Б—760
6	'Α...ε...ς	»	НС—46 270, 10 SPE III, 270
7	'Ε[ρ]ατος	»	НС—46 Б—4, 10 SPE III, 92
8	'Ιστρο	»	НС— А—2696, 10 SPE III, 136
9	...ύρχου	»	НС—47 А—1
10	...ύατος (рис. 2, 37)	»	НС—49 А—730
11	Ξενο[κρίτου или τίμου]	»	НС—59 В—228
12	Ζωτίχου (рис. 2, 35)	»	НС—59 Г—10
13	... οτίσον ретроградное	»	НС—46 А—210

Дата	Родос	Херсонес	Книд	Синопа	Всего	%
Конец IV—начало III в.		1		1	2	1,46
Середина и конец III в.		7			7	5,8
Конец III—начало II в.			1		1	0,7
220—180	31	6			37	26,5
180—150	27		2		29	21,1
Вторая пол. II в.	47		3	1	51	37,2
Конец II—начало I в.	2	4	4		10	7,2
Всего ручек	107	18	10	2	137	100

Дата	эп.	ф.	всего	%
220—180	11	20	31	28
180—150	14	13	27	25,2
Вторая пол. II в.	28	19	47	43,9
Конец II—начало I в.	1	1	2	1,8
Всего	54	53	107	100

раклеийские амфоры⁴³. Все эти факты убеждают нас в том, что не Херсонес, как считает И. Б. Зеест, был в III—I вв. до н. э. источником снабжения Неаполя Скифского вином, маслом и другими товарами⁴⁴. Однако в период подчинения Керкинитиды и Прекрасной Гавани скифам во II в.

⁴³ С. Ф. Стрелецкий, Клеры Херсонеса Таврического, Симферополь, 1961, стр. 100, прим. 1, стр. 101, 107; И. Б. Зеест, К вопросу о торговле Неаполя Скифского и ее значении для Веспора, МИА, 33, 1954, стр. 72.

⁴⁴ Там же, стр. 75.

до н. э. последние использовали эти порты для своих торговых целей, и многие товары, в том числе и херсонесского производства, могли попадать в Неаполь через города Северо-Западного Крима, подвластные скифам. Торговые связи с Херсонесом расширяются после войн с Диофантом. Начиная с I в. до н. э. херсонесских товаров в Неаполе появляется все больше.

Экономические контакты, существовавшие между варварами и греками на протяжении всего эллинистического периода, были достаточно тесными. Об этом писал еще С. А. Жебелев, утверждая, что без этих связей Боспор, Херсонес и Ольвия не могли бы существовать⁴⁵.

Торговля увеличивала стремление знати к обогащению, способствовала разложению скифского общества, росту неравенства, усугубляла процесс классового разложения: находка в царской усыпальнице-мавзолее многочисленных золотых украшений — свидетельство того, что богатство сосредотачивалось в руках знати, привозные вина, кровельная черепица, чернолаковая и стеклянная посуда были достоянием верхушки скифского общества, а рядовое население могло позволить себе лишь покупку бронзовых украшений.

TRADE TIES OF SCYTHIAN NEAPOLIS IN THE HELLENISTIC PERIOD

T. N. Vysotskaya

That Neapolis had active trade relations with many Mediterranean centres in this period is attested by various objects found in the city, but mainly by stamped pottery containers. The inscriptions on these stamps show that Rhodes was responsible for the bulk of the wine imported to Neapolis, a trade carried on chiefly through Olbia. Most Rhodian pottery stamps found in Neapolis are dated in the end of the 3rd and first half of the 2nd century B. C. when Olbian trade with Rhodes was at its busiest. Active trade with and through Olbia was, however, no obstacle to the establishment by Neapolis of trade ties with Bosphorus and Chersonesus. The Scythian drive to dominate Chersonesus and its territory was a factor in the development of the Scythian state. In the 2nd century B. C., when Kerkitinites and Fair Haven were under Scythian domination, the Scythians made use of these ports for their own purposes and many commodities, including objects made in Chersonesus, may have got to Neapolis via Scythian-controlled towns in northwestern Crimea.

⁴⁵ С. А. Жебелев, Северное Причерноморье, М., 1953, стр. 271.

О НЕКОТОРЫХ МАСТЕРАХ БОСПОРСКОГО РЕЛЬЕФА I—II вв. н. э.

Богатейшее собрание боспорских античных надгробных стел с рельефами и надписями хранится в Керченском музее. Изучение этой коллекции с точки зрения художественно-технических особенностей позволяет выделить стелы, принадлежащие руке одного и того же мастера или исполненные в одной мастерской. Это впервые заметил К. Е. Думберг, справедливо приписав стелы Биона и Хариксена одному мастеру¹. Отмечено сходство стел Гипсикрата и Гая в «Корпусе боспорских надписей»².

¹ В. В. Латышев, МАР, 17, 1895, стр. 44.

² КВН 374.

Настоящая статья является попыткой продолжить изучение проблемы мастера и мастерской, затронутой в нашей литературе³.

Главными признаками, определяющими объединение надгробий в группы, автор считает пластические особенности, манеру исполнения, композицию. За основу датировки приняты данные, предложенные для изучаемых стел в «Корпусе», где они определяются по характеру начертания букв, а время создания памятников, вошедших в группы, но не имеющих надписей, определено путем сопоставления их с аналогичными в стилистическом отношении датированными стелами⁴.

Одним из ранних сюжетов, нашедших распространение на Боспоре, была сцена прощания. К ней обратился мастер стел № 1 (рис. 1)⁵ и № 2 (рис. 2)⁶. Для воплощения этого сюжета им были созданы композиции с несколькими действующими лицами. На первой стеле композиция проста и традиционна для боспорского рельефа: центральное место отведено супружеской чете, объединенной рукопожатием. Обе фигуры представлены в фас: слева женщина с жестом печали отводит покрывало от лица, справа мужчина, рядом с ним, в углу, маленькая фигурка слуги в фас, с канфаром в руках. Если главные персонажи свободно размещены на рельефном поле, прекрасно вкомпонованы под аркой, обрамляющей рельеф, то фигура слуги сдавлена стоящим слева от него господином и пилястрой арки. Такая постановка может быть объяснена социальным положением слуги.

Построение рельефа стелы № 2 более сложно, так как здесь по существу объединены два сюжета: сцена прощания и героизированная умершая, сидящая в кресле. Она представлена слева на рельефе в трехчетвертном повороте.левой рукой она отводит покрывало от лица, правая спокойно лежит на коленях, но кисть ее чуть приподнята и повернута как будто для рукопожатия. Перед женщиной, сидящей в кресле, стоят двое мужчин, обращенных лицом к зрителю. Они обмениваются рукопожатием. Мы видим, по всей вероятности, представителей одной семьи.

Что же дает основание утверждать авторство одного мастера для описанных выше стел? Прежде всего аналогия манеры исполнения рельефных композиций.

Сравним сначала трактовку женских фигур. Верхняя часть корпуса представлена в фас. Жесты одинаковы. Обе одеты в два хитона: нижний, который виден из глубокого выреза верхнего, расходится от центра мелкими лучеобразными складками. Верхний хитон из более плотной ткани мягко облегает грудь, обрисовывая ее форму. На голову наброшено легкое покрывало. Оно плавно спадает на плечи, подчеркивая стройность шеи, округлость плеча, мягкими складками драпируется на согнутой в локте правой руке, выявляя ее движение вправо. Одинаково трактованы гиматии в нижней части фигуры у женщин с рельефа № 1 и у мужчины, помещенного в центре на стеле № 2. Складки веером расходятся вниз из-под левой руки, оттеняют форму правой ноги, чуть согнутой в колене.

³ На возможность существования определенной группы мастерских по изготовлению стел указывает Н. Н. Бритова в своей диссертации «Боспорские стелы с рельефными изображениями эллинистическо-римского периода» (рукопись хранится в ГМИИ), а также А. П. Иванова в книге «Скульптура и живопись Боспора» (Киев, 1961, стр. 122).

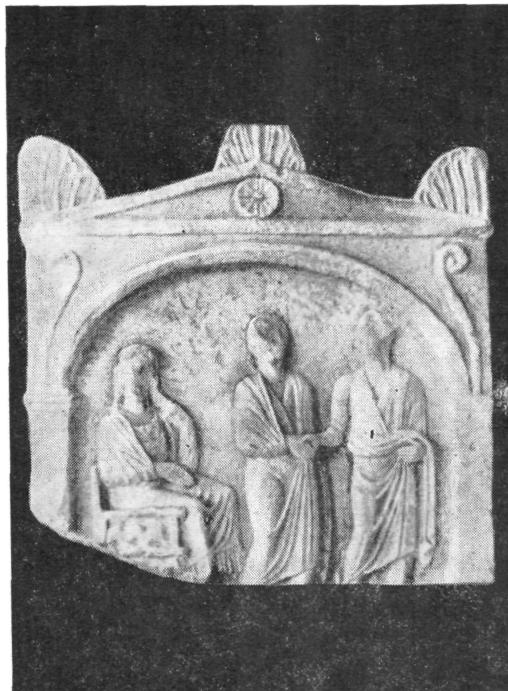
⁴ Датировка всех стел, объединенных в группу, предпринята с помощью Н. С. Беловой, которой автор выражает свою благодарность.

⁵ Размеры стелы № 1: выс. — 61,5 см, шир. — 53 см, толщ. — 13 см; размеры рельефного поля: выс. — 41 см, шир. — 41 см, выс. рельефа — 3,5 см (рельеф выдается над внешней поверхностью блока).

⁶ Размеры стелы № 2: выс. 71 см, шир. — 65 см, толщ. — 15 см; размеры рельефного поля: выс. — 50 см, шир. — 52 см, выс. рельефа — 4,5 см (рельеф чуть выдается над внешней поверхностью блока).

Рис. 1. Стела с изображением сцены прощания

Рис. 2. Стела с изображением сцены прощания

Одна рука чувствуется в лепке мужской фигуры со стелы № 1 и крайней мужской фигуры справа со стелы № 2, представленных с протянутой для рукопожатия правой рукой, на которой промоделирована мускулатура, левой оба одинаково поддерживают край плаща, спадающего тяжелыми складками. Плащ наброшен на левое плечо, а на груди одежда распашного типа, возможно, куртка, какую носили кочевые племена, соседи Боспора. Сравнение отдельных персонажей с детальным рассмотрением позволяет заключить, что созданы они одним мастером, искусным в своем ремесле, который по-разному решил однотипные сюжеты: хорошо вкомпоновал действующих лиц в отведенное для рельефа пространство, создал впечатление общения персонажей, правда, только при помощи жестов, анатомически верно передал пропорции фигур. Даже фактуру тканей можно различить на его рельефах.

Архитектурно-декоративное обрамление рельефных полей состоит из одних и тех же элементов, но набор орнаментальных мотивов у них несколько отличается. Распространенным на Боспоре является навершие стелы № 1 — это фронтоны с акротериями в виде кругов на постаменте с гладкой поверхностью, предназначенной для росписи красками. Пятилепестковые розетки с дополнительными насечками на лепестках помещены над фронтоном и в тимпане. Карнизы фронтона, архивольт, импосты в виде чуть нависающих над пилястрами плит лишены профилировки, исполнены сухо и поэтому находятся в диссонансе с изображением на рельефе. Некоторые оживление в декор вносят розетки благодаря живой игре светотени на вогнутой поверхности лепестков с радиальными насечками. Надгробие № 2 увенчано фронтоном, не высеченным в верхней части плиты, как на стеле № 1, а возвышающимся над рельефным изображением. Он украшен тремя акротериями в форме стилизованных пальметт и точно такой же розеткой в тимпане, какую мы отмечали на стеле № 1. Импосты и архивольт арки здесь профилированы. Введено дополнительное украшение в виде растительных побегов, как бы вырастающих из капителей. Более гармоничной в смысле сочетания рельефного изображения с архитектурно-декоративным убранством воспринимается стела № 2, возможно, потому, что и рельеф, и навершие выполнял один и тот же мастер.

Все изложенное выше приводит к мысли, что в создании стел № 1 и 2 принимали участие два мастера: скульптор — основной специалист по исполнению фигурной композиции и мастер по декоративному оформлению стел.

Сюжет, изображающий всадника, был уже знаком боспорянам, но широкого распространения в период создания стел № 3 (рис. 3)⁷ и № 4 (рис. 4)⁸ не получил. На обеих стелах всадник представлен без полного набора воинского вооружения и напоминает человека, отправляющегося на охоту. Композиционное решение рельефов настолько одинаково, что создается впечатление, будто один из них является авторским повторением. Центральную и правую часть поля занимает всадник, обращенный вправо, на спокойно стоящем коне. Он удобно сидит в седле с высокими лугами. Туловище его развернуто в фас, ноги в профиль, правая нога согнута в колене, а кончик носка левой чуть выглядывает из-за передних ног коня. Мужчина одет в походный костюм — кожаную куртку, плотно

⁷ Размеры стелы № 3: выс.—78,5 см, шир.—47,5 см, толщ.—20 см; размеры рельефного поля: выс.—41 см, шир.—39 см, выс. рельефа—3,5 см (из-за плохой сохранности трудно сказать, выгугал ли рельеф над внешней поверхностью блока).

⁸ Размеры стелы № 4: выс.—90 см, шир.—57 см, толщ.—14 см; размеры рельефного поля: выс.—41 см, шир.—43,5 см, выс. рельефа—4,5 см (рельеф выдается над внешней поверхностью блока).

Рис. 3. Стела с изображением всадника

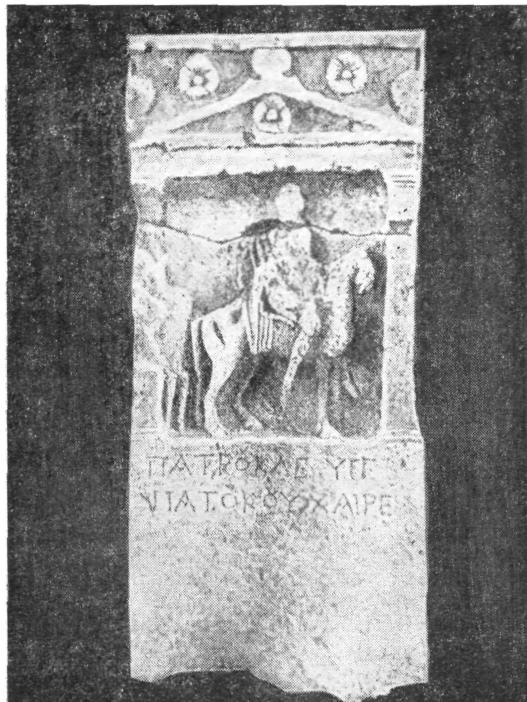

Рис. 4. Стела Патрокла, сына Патока

облегающие ноги кожаные штаны и сапоги. На левое плечо, как было принято, наброшен плащ-хламида, чтобы освободить для движения правую руку, в которой он держит плеть и уздечку. За спиной виднеется горит. Изображение коня на обеих стелах совершенно идентично: и пропорции тела, и наклон головы, постановка ног, их изгиб, линия хвоста, элементы конской сбруи: уздечка, седло и даже три ремня под ним. За всадником следует слуга. Он обращен лицом к зрителю. Мастер, по-видимому, не рассчитал на стеле № 3 размер рельефного поля, поэтому фигура мальчика с трудом поместилась между всадником и колонной. На стеле № 4 слуга поставлен более свободно, даже можно сказать, что он хорошо вкомпонован в отведенное для него пространство слева на рельефном поле.

Обрамление рельефа несколько отличается у названных стел: на памятнике № 3 — это круглые колонны с базами и сложнопрофилированными капителями, а на стеле № 4 фронтоном поддерживается пилястрами с трехступенчатыми базами и капителями. Плохая сохранность изображения не дает возможности полнее охарактеризовать стилистические особенности этих рельефов, но видно, что мастер сохраняет пластическую, объемную лепку форм, наивно реалистически, со всеми подробностями передает все детали изображения. Помимо композиционной и стилистической общности можно отметить почти одинаковое архитектурно-декоративное убранство, если не считать небольшой разницы в деталях. Навершием обеих стел служит высеченный в верхней части плиты фронтоном, увенчанный тремя круглыми гладкими акротериями, между которыми и в тимпане помещены розетки с чуть вогнутыми к центру лепестками. Фронтоном и верхний край плиты окаймлены плоским карнизом. Здесь, вероятно, декоративная часть исполнена одной рукой.

Стелы Биона, сына Апфуса (№ 5) ⁹, и Хариксена (№ 6) (рис. 6)¹⁰ были найдены в одном месте, недалеко от татарского кладбища ¹¹. Первый исследователь их, К. Е. Думберг, отметил большое сходство этих памятников. Его заключение приводит В. В. Латышев: «Сделаны они из одинаково плохого камня и очень сходны по работе и характеру букв, так что, очевидно, сделаны одним и тем же мастером. Отсюда К. Е. Думберг заключает, что Бцион и Хариксен были, по всей вероятности, братьями» ¹². С этим соглашается Г. Кизерицкий ¹³.

Вполне допустимо, что братья еще при жизни заказали себе надгробия у одного мастера, пожелав быть представленными в виде всадников. Общность сюжета, очевидно, повлияла на композицию, выполненную на обеих стелах по одной схеме: центральное место занимает всадник в походном воинском костюме: коротком плаще-хламиде, сколотом на правом плече. Спадаая впереди и сзади на седло, он оконтуривает фигуру. Оба брата без головных уборов, с пышной копной волос.

Всадник обращен вправо, за ним следует мальчик-слуга: на стеле Хариксена (№ 6) мальчик исполняет обязанности оруженосца с щитом и копьём в руках. Возможно, слуга-оруженосец указывает на постоянную профессию своего господина, который был воином. А брат его Бцион имел,

⁹ Размеры стелы № 5: выс.—73 см, шир.—59 см, толщ.—14 см; размеры рельефного поля: выс.—28 см, шир.—45 см, выс. рельефа—4 см (из-за плохой сохранности трудно понять, выступал ли рельеф над внешней поверхностью плиты).

¹⁰ Размеры стелы № 6: выс.—61 см, шир.—54,5 см, толщ.—14,5 см; размеры рельефного поля: выс.—46 см, шир.—47,5 см, выс. рельефа—5,5 см (рельеф выдается над внешней поверхностью блока).

¹¹ Так утверждал Столярчук, у которого они были куплены для Керченского музея в 1892 г. (КБН, 370, 537).

¹² Л а т ы ш е в, ук. соч., стр. 44, № 34.

¹³ G. K i e s e r i t z k y, C. W a t r i n g e r, Griechische Grabreliefs aus Südrussland, В., 1909, стр. 103, № 592.

Рис. 5. Стела Биона, сына Айфуса

Рис. 6. Стела Хариксена, сына Айфуса

очевидно, мирную профессию и выполнял свой воинский долг, когда государству грозила опасность, но на памятнике он решил быть изображенным в торжественный, волнующий момент выступления на ратные дела (это можно заключить из того, что за ним следует не оруженосец, а слуга с канфаром в руках). В целом композиция выполнена в рамках канона боспорского рельефа.

Детальное рассмотрение изображений на рельефах стел № 5 и 6 подтверждает замечание К. Е. Думберга. На обоих памятниках всадник представлен восседающим в седле в архаической позе — туловище в фас, ноги в профиль. Архаический разворот в данной группе стел воспринимается как ораторская поза. Создается впечатление, будто всадник как бы повернулся к зрителю и произносит прощальные слова перед тем, как отправиться в путь, но правой рукой он уже натягивает поводья и держит наготове кнут. Кони под всадниками имеют необычные приземистые пропорции: короткие ноги, вытянутое по горизонтали туловище, сильную массивную шею. Трудно точно сказать: либо мастер выработал свою индивидуальную форму в изображении коней, либо хотел показать особую их породу, которой владели Бион и Хариксен. Изображения вызывают интерес еще и потому, что помогают проследить передачу мастером промежуточного движения: конь, повинуясь всаднику, поднял и согнул в колене левую переднюю ногу, подогнул копыто вовнутрь и, кажется, сейчас двинется вперед. Пластика рельефа сохраняет объемность, мягкую моделировку, детальную проработку всех предметов вооружения, стремление с документальной точностью передать подробности этой сцены.

Архитектурно-декоративное обрамление полей различно на стелах № 5 и 6. К сожалению, в настоящее время на вершине стелы № 5 (Биона) утрачено, и восстановить его нельзя, так как в более ранних публикациях нет фотоснимков этого памятника, поэтому руководствоваться приходится описанием¹⁴, которое позволяет заключить, что это был распространенный на Боспоре фронтон с тремя акротериями и розеткой в тимпане, высеченный в верхней части плиты. С боков поле обрамлено пилястрами, которые должны создавать впечатление опор для фронтона. Надгробие Хариксена (№ 6) имеет более оригинальное обрамление, хотя и составлено оно из традиционных элементов: арки с плоским, без профилировки, архивольтом и сложнопрофилированными импостными капителями, над которыми введено дополнительное украшение в виде стилизованных пальметт, как бы вырастающих из капителей. Над аркой три розетки, причем центральная намечает главную ось памятника, продолжающуюся фигурой всадника. Но равновесия масс на стеле № 6 отметить нельзя: слишком перегружена левая часть композиции, где находится оруженосец.

Участие одного мастера в создании рельефов очевидно. Стела Хариксена более помпезна по декору и сложности композиции — мастер попытался передать глубину пространства, поместив оруженосца на втором плане. Изображение же Биона и его слуги более свободно, раскованно. Отмечая черты передачи промежуточного движения, усложнение композиции за счет двухпланового построения, можно сказать о том, что ваятель добился значительных успехов в своем ремесле.

Стелы Стефана (№ 7) (рис. 7)¹⁵, Гипсикрата (№ 8) (рис. 8)¹⁶ и Гая

¹⁴ КБН 370.

¹⁵ Размеры стелы № 7: выс.—88 см, шир.—47,5 см, толщ.—12,5 см; размеры рельефного поля: выс.—29 см, шир.—25 см, выс. рельефа—2 см (рельеф выступает над внешней поверхностью блока).

¹⁶ Размеры стелы № 8: выс.—125,5 см, шир.—55 см, толщ.—15 см; размеры рельефного поля: выс.—43 см, шир.—242,5 см, выс. рельефа—2,5 см (рельеф выдается над внешней поверхностью блока).

(№ 9) (рис. 9)¹⁷ сразу выделяются на фоне других боспорских памятников манерой исполнения, которую можно условно назвать «пряничной».

Сходство двух стел этой группы еще ранее было отмечено в литературе¹⁸. Речь шла о стелах Гипсикрата и Гая. В коллекции Керченского лапидария выявлена еще одна стела, принадлежащая руке этого же мастера. Это памятник Стефана, сына Стефана (№ 9).

Всадники на всех трех стелах представлены в архаическом развороте. Кони начинают движение вперед медленным шагом. Пропорции в изображении коней не всегда соблюдены; на стеле № 8 туловище слишком вытянуто по горизонтали, на стеле № 9 удлинена шея. Ноги у всех животных тонки для такой массы тела. Изображение коней производит впечатление почти силуэтного, данного в очень низком рельефе, предельно обобщено, со слегка моделированными мышцами щек, намеченным разрезом рта и торчащими ушами. Остальные детали, в том числе и элементы упряжи, по всей вероятности, были подрисованы красками.

Если все три стелы расположить в хронологическом порядке, то они продемонстрируют постепенное усложнение композиционного построения. Наиболее ранней является стела Стефана (№ 7). На ней мы видим одинокого всадника, обращенного вправо. Так как кроме него нет других персонажей, то мастер решил не укрупнить фигуру, а сократить рельефное поле с боков, отчего оно приобрело форму квадрата. Скульптор не совсем удачно вкомпоновал всадника в отведенное для него пространство по вертикали: фигура оказалась слишком велика и головой упирается в верхнюю грань рамки. Следует отметить, что этой ошибки он не избежал и в последующей работе над стелой Гипсикрата (№ 8).

Фигуры всадников более подробно детализированы, на каждом из них можно различить куртку, плащ, предметы вооружения: у Стефана и Гипсикрата слева у бедра — горит. У Гая оружия нет, а в руках он держит кнут. Оруженосцы почти полностью скрыты огромными для их роста овальными щитами. Видны только головы в шлемах конической формы с наушниками и ноги в узких сапогах. В их изображении, как видно на рельефе, выделены только основные детали.

Навершие стел отличаются друг от друга¹⁹. В рамках традиции на стеле Стефана фронтоны с акротериями, но только вместо традиционных пальметт здесь боковые акротерии в виде половинок дубовых листочков. Верхний отсутствует, так как по замыслу автора фронтоны оказались слишком высоки и его верхний угол упирается прямо в карниз. По обе стороны от фронтона, а также в тимпане — розетки. Фронтон стелы № 8 украшен оригинальными акротериями, состоящими из виноградных усиков, каждый из которых наверху закручивается колечком в одну, а крайние — в противоположную сторону. Группируются они вокруг плоского ромбовидного листа.

Что касается общего впечатления, то более гармоничной выглядит стела № 8. В ней фронтон строгой формы, поддерживаемый пилястрами, стилистически сочетается с рельефным изображением.

Стелы № 7—9 дают возможность проследить рост мастерства скульптора, который смело экспериментировал в создании акротериев из непривычных мотивов, усложняя композицию, думал о равновесии масс на рельефе по обе стороны от центральной оси, проходящей через фигуру всадника

¹⁷ Размеры стелы № 9: выс.—80 см, шир.—57,5 см, толщ.—21,5 см; размеры рельефного поля: выс.—45 см, шир.—44 см, выс. рельефа—2,5 см (рельеф не выступает над внешней поверхностью блока).

¹⁸ КБН 374.

¹⁹ Навершие стелы Гая (№ 9) не сохранилось. Известно его описание, но нет ни одной репродукции.

Рис. 7. Стела Стефана, сына Стефана

Рис. 8. Стела Гипсикрата, сына Ламаха

Рис. 9. Стела Гая, сына Менодора

(на стелах № 8 и 9 левая половина композиции с изображением оруженосца уравновешена головой лошади на массивной шее в правой части).

Сцену трапезы — один из интересных сюжетов — передал мастер стел № 10 (рис. 10)²⁰ и № 11 (рис. 11)²¹. Композиционно рельефы одинаковы: в центре возлежащий на ложе мужчина с канфаром в левой и виноградной гроздью в правой руке. Рядом его супруга, сидящая в кресле. Перед ними столик-трапеза с посудой и хлебной лепешкой. Господ сопровождают слуги: у ложа — мальчик с полотенцем через плечо, перед креслом — девочка с пиксидой. Композиция построена по схеме, утвердившейся на Боспоре для этого сюжета, без отступлений.

Исполнил ее мастер в условно-стилизованной манере, плоско, с чертами декоративной схематизации. Декоративность здесь доминирует повсюду, в каждой детали, особенно в трактовке складок одежды: складки покрывала женщины, спадающего с правого плеча, лучами расходятся к предплечью, а на левом плече они строго параллельны. Под углом к ним идут складки на поясе. На поднятой к подбородку руке драпировка дана параллельными насечками, на груди и предплечье они образуют узор — «челочку». Ту же игру складок мы наблюдаем и в верхней части фигуры мужчины, однако здесь узор более сложный, особенно на плаще, покрывающем ноги. Он уложен встречными сходящимися углом к центру склад-

²⁰ Размеры стелы № 10: выс.—114,5 см, шир.—57 см, толщ.—21 см; размеры рельефного поля: выс.—61 см, шир.—53 см, выс. рельефа —4 см (рельеф выступает над поверхностью блока).

²¹ Размеры стелы № 11: выс.—97 см, шир.—61 см, толщ.—20,5 см; размеры рельефного поля: выс.—63 см, шир.—55 см, выс. рельефного поля—3,5 см (рельеф не выдается над поверхностью блока).

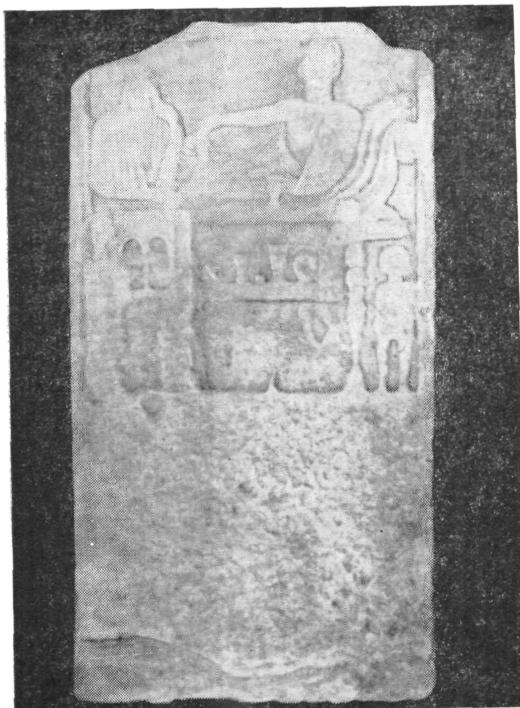

Рис. 10. Стела с изображением сцены заgrabной трапезы

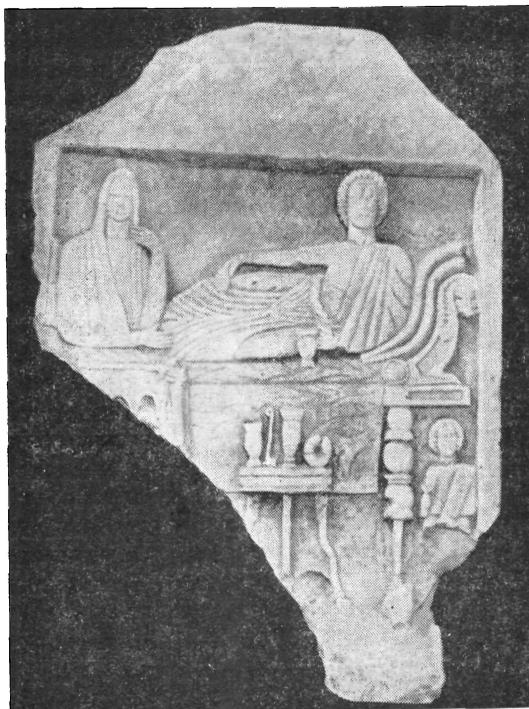

Рис. 11. Фрагмент стелы с изображением сцены заgrabной трапезы

ками, а край закручен жгутом у пояса. Прическа мужчины и его слуги состоит из мелких завитых прядей, уложенных валиками. Они тоже вписываются в общую схему декорации. Этой же системе подчинен и абстрактный узор, образуемый складками ковра на клине. Так же точно автор передал все детали декоративной резьбы на мебели. Работы этого мастера характеризуют его как яркого представителя нового, уже сложившегося стиля боспорского рельефа, получившего в литературе условное название иератического²², отдельные черты которого только отмечены в работах других мастеров.

Из всего сказанного можно сделать вывод, что в I—II вв. н. э. на Боспоре утвердился ряд сюжетов: основные из них — сцена прощания, всадники, сцена заgrabной трапезы, многократно повторявшиеся разными мастерами. Большого разнообразия композиционных приемов их решения не было. Для каждого сюжета сложилась определенная схема, места персонажей также были определены. Большую самостоятельность проявляли ваятели в решении архитектурно-декоративного убранства: некоторые пользовались утвердившимися элементами, но давали их в непривычных сочетаниях, другие создавали новые на основе стилизации ранее известных мотивов. Что касается технической стороны исполнения надгробного памятника, то рассмотренные стелы дают основание предположить участие нескольких мастеров разной квалификации: каменотеса, заготавливающего блоки, ведущего мастера рельефных композиций и специалиста по архитектурно-декоративному оформлению, т. е. в мастерской имело место разделение труда²³.

В целом же создание боспорских надгробных рельефов назвать творчеством нельзя. Они выполнены хорошими ремесленниками, мастерами своего дела, в работе которых, однако, господствовал шаблон. И только от индивидуальных особенностей каждого, его таланта и умения зависело сделать рельеф более пластичным и живым.

Т. А. Гладкова

MASTERS OF BOSPORAN RELIEF SCULPTURE IN THE FIRST AND SECOND CENTURIES

T. A. Gladkova

The Kerch Historical and Archaeological Museum has an enormous collection of la pidary monuments among which stelae carved in relief hold a special place as examples of the ancient Bosporan school of sculpture. Study of the Kerch grave monuments leads to their ascription to definite workshops or ateliers. The present article records the result of the first stage of the author's work on this problem. In it she discusses the work of five Bosporan master-sculptors with a view to a future attempt, on the basis of other similar examples, to determine their workshops.

The main criteria for assigning stelae to one or another group were their composition and style of execution. The stelae discussed here belong to the 1st and 2nd centuries A. D. the most flourishing period of Bosporan relief sculpture. The author has accepted the dates given in the *Korpus bosporskikh nadpisei* (1965). [A comparative analysis is presented of the reliefs and of their decorative and architectural settings in order to identify the characteristic detail and manner which reveal the hand of one particular master and lay the basis for assigning to one workshop each group of monuments showing the hand of a

²² И в а н о в а, ук. соч., стр. 138—145.

²³ Не исключена возможность того, что к работе привлекались еще и живописцы по раскраске рельефов и каллиграфы, но, возможно, эти функции возлагались на самих ваятелей.

single master-sculptor. The examples discussed here make it plain that in the period under review the creation of one such monument involved the work of several people, stonemasons and sculptors of varying skills. Some worked on the relief, others on the decorative setting. These were good craftsmen, but their work bears the stamp of convention. It was left to the master-sculptor to give the relief plasticity and life.

ОБ ИДЕНТИФИКАЦИИ [INION ΣΕΚΟΥΝ] НАДПИСИ С АРАДА С ПЛИНИЕМ СТАРШИМ

На острове Араде у финикийского побережья Сирии в 1838 г. была найдена фрагментарная надпись, которая вскоре после ее находки пропала, но была издана по копии. Затем Т. Моммзен¹ дополнил ее так:

[Ἀραδίων] ἡ βουλ[ῆ] καὶ ὁ δῆμος
[Γάϊον Πλ]ίνιον Σεκοῦν[δον,]
[ἐπαρ]χον σπείρης [Θ]ρα[κῶν]
[πρ]ώτης, ἐπαρχον<ν>θ (=ε)ίλης
[Βαταύ]ων, ἀντεπίτροπον Τιβε-
[ρίου] Ἰουλίου Ἀλ[ε]ξ[άνδρου]
[ἐπ]άρχου [τ]οῦ Ἰουδαί[κοῦ] στρατοῦ,
[ἐπ]ίτροπον Συρ[ίας], ἐπαρχον ἐν
[Αἰγύπτ]ωι λεγεῶνος εἰκοστῆς
[δευτέρας]².

Датируя надпись по Тиберию Юлию Александру (которого он называет «главой генерального штаба» Тита в Иудейской войне 70 года; Иосиф Флавий³ называет его командующим всеми войсками), Моммзен говорит, что, если время определено правильно, то отнесение надписи к Плинию Старшему едва ли сомнительно.

Из этого следует, что Плиний участвовал в Иудейской войне в 70 году «заместителем» Тиберия Юлия Александра, затем был прокуратором или исполняющим обязанности прокуратора Сирии.

Таким образом, это — почетная надпись (относящаяся, как полагает Моммзен, к статуе) в честь Плиния Старшего, прокуратора Сирии, посвященная советом и народом Арада (Сирия).

О. Гиршфельд⁴ отверг гипотезу Моммзена. По мнению Ф. Фабиа⁵, возрадившего Гиршфельду, — нет оснований быть против нее. Д. Детлефсен⁶ принял ее. С опровержением этой гипотезы выступил Ф. Мюн-

¹ Th. Mommsen, Eine Inschrift des Älteren Plinius, Hermes, XIX, 1884, стр. 644—648.

² Повторено в CIL III, Suppl. 6809, p.1241 = W. Dittenberger, OGIS, II, № 586, стр. 277 сл.

³ Josephus, Bellum Judaicum, VI, 237.

⁴ O. Hirschfeld, Mitteilungen des deutschen archäologischen Instituts. Römische Abteilung, II, 1887, стр. 152 (краткая заметка о его докладе в Археологическом институте в Риме).

⁵ Ph. Fabia, Pline l'Ancien a-t-il assisté au siège de Jérusalem par Titus? Revue de Philologie, 1892, XVI, 3e livraison, стр. 149—155.

⁶ D. Delfsen, Untersuchungen über die Zusammensetzung der Naturgeschichte des Plinius, B., 1899. Гл. 1. Lebenslauf des Plinius, стр. 8—13.

цер⁷. Через 50 лет Ж. Божё в своем введении к изданию Плиния⁸ считает, что нет серьезных оснований отвергать восстановление надписи Моммзеном. Еще более решительно поддерживает гипотезу Моммзена К. Циглер (в биографии Плиния)⁹, с которым полностью согласен Р. Ганслик¹⁰. Против возродившейся в последнее время поддержки гипотезы Моммзена выступил Р. Сайм¹¹.

Данная заметка кратко касается только вопроса об отнесении этой надписи к Плинию Старшему в связи с его биографией и не затрагивает остальных проблем надписи.

Приводимые и оспариваемые аргументы — следующие:

1. Плиний Старший в посвятельном письме Титу¹² говорит об их совместной лагерной жизни (*in castrensi contubernio*). Известно, что Плиний был на военной службе в Германии¹³. Тит был военным трибуном в Германии и Британии и вел осаду Иерусалима в 70 г. Здесь весь вопрос в том, к какому времени относится это *contubernium*? Моммзен и те, кто принимает его гипотезу, относят это к войне 70 года, а возражающие — к военной службе в Германии.

2. В кратком «Жизнеописании Плиния» Светония¹⁴ говорится, что Плиний занимал ряд блистательнейших прокуратур (*procuraciones quoque splendidissimas et continuas...administravit*). Не совсем ясно, что имел в виду Светоний под словом *continuas* (буквально: продолжающийся без перерыва; следующий друг за другом; подряд) и *procuraciones* (правда, по поводу этого слова ни у кого, как кажется, сомнений не возникало; может быть, сюда относится, например, и командование Мисенским флотом, последний пост Плиния, — т. е. в смысле «управления», а не «прокураторства?»). Из письма Плиния Младшего¹⁵ известна с достоверностью только одна его прокуратура в Испании (*cum procuraret in Hispania*). Установление остальных его прокуратур делается с помощью комбинаций.

3. По мнению сторонников гипотезы Моммзена некоторые места в *Naturalis historia* косвенно свидетельствуют о прямом знакомстве Плиния с Востоком (считают, например, описание двух бальзамовых садов-плантаций в Иерусалиме¹⁶ описанием очевидца, хотя никаких личных высказываний Плиния по этому поводу нет, тогда как Плиний едва ли упустил бы случай сказать, что он их «видел», как он это обычно делает). Противники утверждают: в *Naturalis historia* нет следов того, что автор был в Сирии.

Однако у Плиния есть одно место, которое до сих пор еще не привлекалось как свидетельство и аргумент. В географическом разделе, перечисляя острова по побережью, Плиний называет и остров Арад: *in Phoenico*

⁷ F. Mü n z e r, Die Quelle des Tacitus für die Germanenkriege (Anhang: Die procuratorische Laufbahn des älteren Plinius, стр. 103—111), Bonner Jahrbücher, CIV, 1899, стр. 67—111.

⁸ Pline l'Ancien. Histoire naturelle. Livre 1. Texte établie, traduit et commenté par Jean Beaujeu, P., 1950, Introduction.

⁹ K. Ziegler, RE, Bd. XXI, 1 (1951), стб. 271—285.

¹⁰ R. H a n s l i k, Plinius der Ältere. Anzeiger für die Altertumswissenschaft. Hrsg. von der Österreichischen humanistischen Gesellschaft, Bd. VIII, Ht. 4, 1955, Wien, стб. 193—218.

¹¹ R. S y m e, Pliny the procurator. Harvard Studies in Classical Philology, Cambridge, Mass. Harvard Univ. Press., LXXIII, 1969, стр. 201—236.

¹² *Naturalis historia*, praefatio, 3.

¹³ Plinius Minor, Epistulae, III, 5, 4.

¹⁴ Suetonius. With an english translation by J. C. Rolfe, II, Cambridge, Mass. Univ. Press, London, 1951. De viris illustribus, Vita Plinii Secundi, стр. 504.

¹⁵ Plinius Minor, Epistulae, III, 5, 17.

¹⁶ *Naturalis historia*, XII, 111 sqq.

deinde mari est... Paria...et iam dicta Arados, inter quam et continentem L cubita alto mari, ut auctor est Mucianus, e fonte dulcis aqua tubo coriis facto usque a vado trahitur ¹⁷ (... в Финикийском море находится Пария... и уже упомянутый ¹⁸ Арад; из источника в море на глубине 50 локтей между ним и материком, как пишет Муциан, по трубе, сделанной из кожи, с самого дна нагнетается пресная вода).

Ссылка на Муциана ясно говорит о том, что Плиний не был на этом острове: о таком факте на острове, где не было пресной воды, Плиний не мог не знать сам, и ему не нужно было бы сослаться на Муциана. Кроме того, и это сообщение Плиния не совсем точно. Плиний говорит о «трубе, сделанной из кожи», тогда как Страбон пишет об этом подробно и говорит о свинцовой воронке с кожаной трубкой и т. д. ¹⁹

Цель настоящей заметки — обратить внимание на этот факт. Если признать его достаточным для доказательства того, что Плиний не был в Сирии, или хотя бы на острове Араде, где ему, как предполагают, поставлена была статуя с этой надписью, то, при всех возможных возражениях, вероятно, гипотеза Моммзена должна быть пересмотрена с учетом именно данного факта, в связи с биографией Плиния Старшего.

Г. А. Таронян

ON THE IDENTIFICATION OF THE HONORAND IN AN ARADOS INSCRIPTION WITH PLINY THE ELDER

Н. А. Таронян

Th. Mommsen in his restoration of the inscription (*Hermes*, XIX 1884, 644—648) identified]INION ΣΕΚΟΥΝ[with Pliny the Elder and drew the inference that Pliny was procurator of Syria. There is still controversy over this hypothesis, but so far without mention of a passage in the *Natural History* (V 128) which shows clearly enough that Pliny was not in Arados, since in this passage he cites Mucianus as his authority for a fact about the island. Mommsen's hypothesis should therefore probably be reconsidered in reconstructing Pliny's biography.

¹⁷ Ibid. V, 128.

¹⁸ Ibid. 78 («...города Зимира, Марат, и напротив — Арад, город и остров в семь стадий, на расстоянии двухсот павсов от материка»).

¹⁹ Strabo, XVI, C 753—754.

О ГЕНЕЗИСЕ КУШАНСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ СЕВЕРНОЙ БАКТРИИ

При отсутствии нарративной традиции археологические данные оказываются по существу единственным и весьма важным источником сведений по многим кардинальным вопросам истории культуры кушан. Несомненно их значение и для понимания происхождения кушанских городов и поселений Северной Бактрии. Нельзя сказать, что эта проблема совсем не привлекала внимания исследователей, отдельные ее стороны

затронуты в ряде работ Г. А. Пугаченковой¹, Б. А. Литвинского², В. М. Массона³. Однако в целом она еще не получила должного освещения в научной литературе.

Конечно, и на современном этапе наших знаний столь сложный вопрос далек от разрешения, но некоторые его аспекты уже сейчас выявляются достаточно полно. Это стало возможным благодаря накоплению археологических источников по трем главным линиям: сплошная фиксация кушанских памятников, стратиграфические исследования и стационарные раскопки ряда из них. В качестве основы для выяснения генезиса кушанских поселений нами выбран Сурхандарьинский регион, где кушанские памятники пока изучены наиболее полно. Представляется, что выводы, сделанные при исследовании памятников этой области, можно спроецировать и на остальные районы Северной и, вероятно, Южной Бактрии, поскольку культурный процесс шел здесь в одинаковых историко-географических условиях.

К настоящему времени благодаря тотальному обследованию в Сурхандарьинском регионе зафиксировано 110 памятников, относящихся к кушанской эпохе⁴. Причем разведочными маршрутами охвачены все четыре основные географические зоны области: речные долины, адыры, предгорья и горы, а также высокогорье. Концентрация памятников по этим зонам различна — основная их масса располагается в долинах рек — 96, в адырах — 5, в предгорьях и горах — 9, а в высокогорных районах до сих пор не выявлено ни одного поселения этого времени. Можно думать, что уже обнаружено большинство кушанских памятников и увеличение их числа впредь будет небольшим, так как не обследованными остались лишь незначительные районы предгорий и гор. К тому же 27 памятников (что составляет 29% от общего их числа) изучены стратиграфически, а на 11 проводились стационарные раскопки большими площадями. Такое количественное и качественное накопление материала позволяет перейти к широким обобщениям по интересующей нас проблеме.

Не исключая существования различных вариантов и видов, сейчас можно наметить три главные группы кушанских поселений, различающихся по своему происхождению.

К первой группе относятся многослойные кушанские поселения с наиболее древней основой, восходящей к ахеменидскому времени и включающей также слои последующих периодов. Эта группа поселений наиболее малочисленна. В Сурхандарьинском регионе к ней могут быть отнесены Хаитабад-тепе⁵, Джандавлят-тепе⁶ и, возможно, Ханака-тепе (Халчаян). Правда, не исключено, что возникновение последнего связано уже с селевкидским временем, поскольку керамика, происходящая из нижнего слоя, по ряду деталей отличается от классических цилиндрико-конических

¹ Г. А. Пугаченкова, Халчаян, Ташкент, 1965; она же, Новое в изучении Дальверзин-тепе, СА, 1971, № 4, стр. 187—202.

² Б. А. Литвинский, Древний среднеазиатский город. (Местные традиции и иноземные модели), сб. «Древний Восток. Города и торговля (III—I тыс. до н. э.)», Ереван, 1973, стр. 99—125.

³ В. М. Массон, Кушанские поселения и кушанская археология, «Бактрийские древности», Л., 1976, стр. 11.

⁴ Э. В. Ртвеладзе, Разведочное изучение бактрийских памятников на юге Узбекистана, «Древняя Бактрия», Л., 1974, стр. 74—85; он же, Новые древнебактрийские памятники на юге Узбекистана, «Бактрийские древности», Л., 1976, стр. 93—103.

⁵ Наличие слоев ахеменидского времени на Хаитабад-тепе установлено работами Бактрийской экспедиции под руководством В. М. Массона.

⁶ Э. В. Ртвеладзе, З. А. Хакимов, Маршрутные исследования памятников Северной Бактрии, сб. «Из истории античной культуры Узбекистана», Ташкент, 1973, стр. 14.

сосудов позднеахеменидского времени ⁷. В Таджикистане выявлено пока два подобных поселения — Калаи-Мир и Мунчак-тепе ⁸. Существовали они и в Южной Бактрии (Бактры ⁹, Дильберджин ¹⁰), где их было, вероятно, значительно больше. Характерно, однако, что из 16 известных на юге Узбекистана поселений ахеменидского времени 13 приходят в полное запустение и в последующие периоды уже никогда не обживаются ¹¹. Среди них и крупнейшее северо-бактрийское поселение типа зарождающегося или раннего города Кызыл-тепе. Причины их упадка нельзя объяснить какой-то единственной причиной: здесь сказались, вероятно, влияние различных факторов, в том числе военно-политических, географических и даже, возможно, культовых. Существенно одно обстоятельство — в дальнейшем продолжали существовать только те поселения, которые находились на трассах новых караванных дорог, возникших в связи с освоением новых переправ через Окс ¹². Один из этих путей шел через Термез вдоль долины Сурхандарьи (здесь расположены Хаитабад-тепе и Халчаян), а другой из Бактрии в Согд через Железные ворота (на этой дороге находилось Джандавлят-тепе).

В то же время поселения расположенные в адырной зоне в стороне от новых оазисов и крупных рек, как правило, забрасываются. Возникшие здесь впоследствии поселения греко-бактрийского и кушанского времени строятся рядом со старыми, но уже на новом месте. Такова, к примеру, топография поселений в Ургульском оазисе у кишлака Бандыхан, где Ялангуш-тепе, возникшее в II—I вв. до н. э., было основано в стороне от поселений ахеменидского времени, но в пределах того же оазиса. Аналогична топография размещения ахеменидских и кушанских поселений в районе кишлака Талашкан. Кушанские поселения этой группы по своей планировке существенно отличаются от поселений двух других групп. Для них характерно отсутствие четкой планировки и неправильная конфигурация внешнего абриса, что, как подметил В. М. Массон, возможно, свидетельствует о стихийном процессе формирования поселений ¹³. Судя по некоторым аналогиям, процесс их сложения протекал следующим образом: первоначально у укрепленного бугра — цитадели возникало аморфное по своей планировке неукрепленное поселение, которое позднее окружали крепостными стенами, причем строители должны были учитывать уже имевшиеся внешние очертания ¹⁴. В последующие периоды (греко-бактрийский, кушанский) шел процесс приспособления к уже существовавшим границам поселения, хотя, несомненно, проводились работы по улучшению как фортификационной системы, так и внутренней планировочной структуры.

⁷ Пугаченкова, Халчаян, стр. 32—33.

⁸ М. М. Дьяконов, Археологические работы в нижнем течении реки Кафирниган (Кобадан) (1950—1951 гг.). МИА, 37, 1953, стр. 25; Н. Н. Забелина, Раскопки на городище Калаи-Мир, там же, стр. 131.

⁹ D. Schlimberger, La Délégation archéologique a Bactres (1947), MDAFA, t. XV, P., 1957, стр. 9—13; М. М. Дьяконов, Сложение классового общества в Северной Бактрии, СА, XIX, 1954, стр. 134—135.

¹⁰ И. Т. Кругликова, Г. А. Пугаченкова, Дильберджин, ч. 2, М., 1977, стр. 4.

¹¹ Э. В. Ртвеладзе, К характеристике памятников ахеменидского времени на юге Узбекистана, СА, 1975, № 2, стр. 262—265.

¹² Подробно вопрос о древнейшей переправе и дороге разобран в моей статье «К локализации "греческой", переправы на Оксе» (ВДИ, № 4, стр. 182 сл.).

¹³ В. М. Массон, Проблема древнего города и археологические памятники Северной Бактрии, «Древняя Бактрия», Л., 1974, стр. 4.

¹⁴ По аналогичной схеме складывались поселения доахеменидского и ахеменидского времени Бандыхан I и Бандыхан II.

Примечательно в то же время, что наряду с подобными памятниками в Северной Бактрии существовали поселения, которые строились по заранее продуманному плану и отражали, видимо, градостроительную политику бактрийских сатрапов ахеменидских царей. Таковы, к примеру, Кызыл-тепе, обведенное четким прямоугольником стен с башнями и рвом¹⁵, и, Талашкан-тепе I, построенное по круглому плану в один прием¹⁶.

Для кушанских поселений первой группы характерно деление их на три основных части: цитадель, расположенная в одном из углов или отдельно, основная часть — собственно «город», очень тесно застроенный и обнесенный мощными крепостными стенами с башнями и рвом, и округа, которая состояла из сельскохозяйственных угодий и, вероятно, культовых и погребальных построек. Как сейчас можно проследить, на столь древней основе сформировались кушанские поселения, в основном соответствующие крупным и небольшим городам, но не мелкие сельские поселения.

Вторую группу составляют многослойные кушанские поселения, в своей основе восходящие к греко-бактрийскому и даже, возможно, селевкидскому времени, однако археологически расчленив их пока не удается. Среди них, вероятно, были и города, основанные Александром Македонским: Пардагви¹⁷ и Александрия Оксиана¹⁸, которую В. Тарн локализовал в Термезе, хотя эту гипотезу, как полагает Б. А. Литвинский, нельзя считать окончательно доказанной¹⁹.

На территории Сурхандарьинского региона выявлено уже около 20 памятников второй группы. Среди них до сих пор нет ни одного стерильного поселения греко-бактрийского периода, все они интенсивно обживаются и в последующие эпохи. Это можно объяснить, вероятно, различными причинами. Так, немаловажно, что большинство этих поселений было основано в долинах крупных рек, где условия для земледелия были гораздо более благоприятными, чем в адырной зоне. Кроме того, места новых поселений оказывались и наиболее удобными с географической и стратегической точки зрения, что обусловило в последующем их дальнейший рост.

Во вторую группу входят крупнейшие города Северной Бактрии — Термез, Дальверзин-тепе, Шахринау, Кей-Кобад-шах и другие, а также небольшие сельские поселения типа Шор-тепе. При кушанах они подверглись значительной перепланировке, во многом изменившей их первоначальный облик. Благодаря многолетним раскопкам Узбекистанской искусствоведческой экспедиции на Дальверзин-тепе можно достаточно полно охарактеризовать генезис поселений этой группы.

Детальная характеристика процесса формирования кушанского города на Дальверзин-тепе дана Г. А. Пугаченковой²⁰, мы же отметим наиболее важные его этапы. Первоначальное ядро поселения зарождается в юго-восточной части Дальверзин-тепе, вероятно, в III в. до н. э., на месте будущей цитадели, где для него был использован высокий лессовый останец,

¹⁵ Раскопки З. А. Хакимова и А. С. Сагдуллаева.

¹⁶ Талашкан-тепе I, как это сейчас выясняется, представляло собой очень сильно укрепленное поселение, обведенное стеной толщиной 5 м, усиленной мощными башнями диаметром около 10 м с двумя рядами бойниц. По всей вероятности, оно представляло собой крепость-убежище для окрестного населения, типа позднейших римских refugia.

¹⁷ V. M i n o r s k y, A Greek Crossing on the Oxus, BSOAS, vol. XXX, pt. I, 1967, стр. 45—53.

¹⁸ W. T a r n, Two Notes on Seleucid History, 2, Tarmita, JHS, vol. LX, 1940, стр. 89—94.

¹⁹ «История таджикского народа», т. I, М., 1963, стр. 280—282.

²⁰ П у г а ч е н к о в а, Новое о Дальверзин-тепе..., стр. 186—202.

омываемый с двух сторон естественным руслом древнего протока, которое нашло себе применение как ров. Несколько позднее, но в пределах греко-бактрийской эпохи, эта часть обводится пахсовой стеной толщиной более 2 м и превращается в укрепленный городок или крепость площадью немногим более 3 га. К северу складывается неукрепленное поселение, по площади не уступающее будущему кушанскому городу, но в отличие от него с рассредоточенной планировкой, для которой характерно сочетание небольших участков застройки с большими свободными от жилья пространствами. В домостроительстве наряду с надземными зданиями из сырцового кирпича широкое распространение получили каркасные жилища типа полужемлянок.

В истории первоначального поселения на Дальверзин-тепе тем не менее многое еще неясно. В частности, это относится к не разработавшемуся еще вопросу о происхождении первых насельников города. Тщательные разведки показали, что вблизи Дальверзин-тепе нет ни крупных, ни мелких поселений предшествующих эпох. Ближайшее место концентрации памятников V—IV вв. до н. э. — район кишлака Миршаде²¹, откуда после запустения этого оазиса часть его жителей, по нашему мнению, могла переселиться в долину Сурхандарьи и основать поселение на Дальверзин-тепе.

Вероятно, во второй половине I в. до н. э. или в начале I в. н. э. в юечжийско-кушанское время на месте первоначального ядра поселения формируется цитадель с мощными (шириной до 7 м) стенами и рвом. Неукрепленное поселение преобразуется в собственно город, который отличается четкий прямоугольный план, и обведенный по периметру стенами. Внутри города происходят значительные перестройки. Таким образом, с этого периода Дальверзин-тепе вступает в новый этап своей истории, который можно охарактеризовать как городской. Дальнейшее развитие этого процесса приходится на великокушанское время, когда территория внутри города подвергается значительной перепланировке, возводятся монументальные жилые комплексы, производственный квартал и т. д., однако внешний облик города остается тем же, только дополнительно усиливаются стены. Формируется обширная пригородная часть, в которой, с одной стороны, концентрируются культовые и погребальные здания, а с другой, — сельскохозяйственные угодья. Площадь Дальверзин-тепе вместе с пригородной зоной в период наивысшего расцвета составляла около 50 га, причем на собственно город и цитадель приходилось немногим более 30 га.

В третью группу входят поселения, которые своим генезисом связаны с юечжийским или кушанским временем. Количественно это самая большая группа, которая составляет примерно 70—80 поселений, что в четыре раза больше второй группы и в 35—40 раз больше первой группы. Если в дальнейшем выяснится, что еще какая-то часть поселений третьей группы основана в греко-бактрийское или ахеменидское время (а это не исключено, хотя по данным стратиграфических исследований большинство мелких поселений возникло в I в. до н. э. — I в. н. э.), то и тогда их останется значительно больше.

Чем же объяснить этот феномен? Что привело к столь резкому количественному возрастанию поселений на территории юга Узбекистана и, надо полагать, в остальной части Северной Бактрии?

²¹ Р т в е л а д з е, К характеристике..., стр. 262—265; А. С. Сагдуллаев, К эволюции древних поселений Южного Узбекистана, «Строительство и архитектура Узбекистана», 1976, 9, стр. 32—34; А. С. Сагдуллаев, З. А. Хакимов, Археологическое изучение городища Кызыл-тепе (По итогам работы 1973—1974 гг.), «Бактрийские древности», Л., 1976, стр. 24—29.

Остановимся на ряде проблем, связанных с этим вопросом. Весьма сложна проблема хронологического расчленения двух периодов — юечжийского и раннекушанского — по археологическим данным. На современном этапе наших знаний утверждение о том, что то или иное поселение возникло, к примеру, не в кушанское, а в юечжийское время, может быть только гипотетичным. Обычным основанием для датировок служит керамика, но ее хронологическая шкала не настолько четко разработана, чтобы отличить керамику второй половины I в. до н. э. от керамики первой половины I в. н. э. Установлен и такой показатель, как находки на поселениях юечжийских монет, чеканенных по образцу монет Гелиокла, поскольку они обращались вплоть до правления Кадфиза II²². При таком положении вещей лучше пока говорить об юечжийско-кушанском периоде возникновения поселений, имея в виду, что какая-то часть из них возникла в период юечжийского объединения, а другая во времена кушанского царства. В то же время нельзя отрицать, что при юечжах происходил постепенный процесс не только оседания их в старых доюечжийских пунктах Северной Бактрии, но и основания новых поселений. Так, В. М. Массон полагает, что в этот период возникло городище Зар-тепе и ряд мелких поселений в Ширабадском оазисе²³. Однако к этому процессу следует подходить дифференцированно, поскольку не вся юечжийская эпоха в истории Северной Бактрии может считаться периодом градостроительного подъема.

Недавно Е. А. Давидович рассмотрела под новым углом зрения сведения источников и выделила три этапа в истории юечжей Бактрии²⁴. Ту же периодизацию, как нам представляется, можно применить и к градостроительному процессу, происходившему при юечжах. К сожалению, продолжительность каждого из периодов неизвестна, но в общем можно полагать, что они длились со второй четверти II в. до н. э. по начало I в. н. э. На первом этапе, после вторжения в Бактрию, юечжи, как это видно из описания Чжан-Цзяня (между 130—125 гг. до н. э.), обосновались к северу от Амударьи и вели кочевой образ жизни²⁵. Следовательно, для этого времени, т. е. для конца II в. до н. э., не может быть речи об основании ими новых оседлых поселений. Напротив, кочевой образ жизни юечжей противопоставляется оседлому — аборигенов Бактрии, у которых были укрепленные стенами города и поселения. Процесс частичного приобщения юечжей к оседлой жизни имел место на втором этапе; когда он начался и закончился — не ясно, но происходило это ранее 25 г. н. э. На этом этапе, вероятно, какая-то часть юечжей поселяется в старых бактрийских городах, в частности, в учрежденной царем государства Больших юечжей резиденции к северу от Амударьи, но имело ли место основание новых поселений — остается неизвестным²⁶. Данный этап можно охарактеризовать как этап определенной политической стабилизации и оформления государства Больших юечжей, которое делилось на пять зависимых владений. Но это временное спокойствие длилось недолго и было нарушено уже на следующем третьем этапе, когда кушаны подчиняют себе остальные четыре владения. Представляется, что стремление кушан к гегемонии

²² М а с с о н, Кушанские поселения..., стр. 11.

²³ Там же, стр. 11; В. М. М а с с о н, Зар-тепе — кушанский город в Северной Бактрии, сб. «История и культура античного мира», М., 1977, стр. 141.

²⁴ Е. А. Д а в и д о в и ч, Новый клад тетрадрахм кушанца «Герая», ВДИ, 1976, № 4, стр. 60—62.

²⁵ И. Я. Б и ч у р и н, Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии древнейшие времена, II, М.—Л., 1950, стр. 151.

²⁶ Д а в и д о в и ч, ук. соч., стр. 61. По мнению Г. А. Пугаченковой, этой столицей мог быть Дальверзин-тепе (Г. А. П у г а ч е н к о в а, К иконографии Герая, ВДИ, 1965, № 1, стр. 134).

в Бактрии сопровождалось серьезными столкновениями, а, следовательно, трудно допустить, чтобы в подобной ситуации закладывались новые города и селения²⁷. Затем наступил период длительных завоеваний, которые вели кушаны при Кадфизе I и Кадфизе II. Мирная пора в государстве началась лишь в правление последнего и, по-видимому, не сразу. Таким образом, можно предположить, что политическая ситуация в стране до Кадфиза II не была особенно благоприятной для проведения широкой политики строительства новых городов и селений, хотя, конечно, какая-то их часть, в частности — крепости, могла возникнуть и в это время.

Большой приток юечжей в Бактрию значительно увеличил количество жителей в этой стране. Даже если только часть кочевников осела в старых бактрийских городах на втором и третьем этапе, то уже в этом случае их население должно было возрасти. В период политической и военной стабилизации и общего подъема Кушанского государства при Кадфизе II происходил дальнейший рост поселений за счет перехода большей части кочевников к оседлой жизни, естественного прироста населения и возможного притока из других областей (в частности из Индии). Вероятнее всего, что именно в это время была основана большая часть поселений третьей группы. В старых городах и селениях первой и второй группы благодаря указанным выше факторам могло создаться избыточное население, которое властями переселялось в сельские местности. Характерно, что при кушанах в Сурхандарьинском регионе, быть может за исключением Зар-тепе²⁸, не было основано ни одного крупного города; все они на этих местах существовали задолго до кушан, хотя при последних были заново обстроены, значительно выросли как в градостроительном, так и в демографическом отношении и приобрели новые планировочные черты. Подлинным порождением кушанской эпохи явились многочисленные мелкие поселения сельского типа площадью от 0,2 до 1 га, многочисленные по своей структуре, с примитивной фортификацией или вообще без нее. По характеру планировки среди них выделяется два типа и ряд вариантов²⁹. Они составляют около половины общего числа известных сейчас кушанских памятников Сурхандарьинского региона. Бесспорно сельский характер этих поселений подтвержден раскопками Ак-Кургана и Мирзакул-тепе³⁰. Топография их показывает, что за редкими исключениями все они группируются вокруг крупных городских центров и небольших городков, находящихся как бы в подчиненном от них положении. Вполне вероятно, что, во всяком случае, часть этих поселений могла специально создаваться для обеспечения городов сельскохозяйственными продуктами.

Судя по стратиграфическим исследованиям, в кушанское время зародился и другой тип мелких поселений площадью от 1 до 3 га, который мы относим к типу небольших городищ, но не к крупным городищам³¹. Для

²⁷ Батальные сцены в Халчаянском дворце хорошо иллюстрируют сложную обстановку борьбы кушан за власть (Г. А. Пугаченкова, Скульптура Халчаяна, М., 1971).

²⁸ Не исключено, что небольшое поселение на месте Зар-тепе или вблизи него возникло в греко-бактрийское время, — возможно, об этом свидетельствует найденная здесь монета Агафокла.

²⁹ Ртвеладзе, Разведочное изучение..., стр. 84; Массон, Кушанские поселения..., стр. 8.

³⁰ Ш. Р. Пидеев, Некоторые данные о раскопках кушанского поселения Ак-Курган в Северной Бактрии, СА, 1976, № 1, стр. 186—197; он же, Мирзакул-тепе — памятник раннекушанского времени в Северной Бактрии, «Бактрийские древности», Л., 1976, стр. 68—76.

³¹ Ртвеладзе, Разведочное изучение..., стр. 84; Массон, Кушанские поселения..., стр. 8.

планировочной структуры этих городов характерны четкие прямоугольные или подквадратные очертания, трехчастное деление: цитадель, собственно «город» и «пригородная» часть, наличие хорошо развитой фортификации (стены, башни, ров у цитадели, оборонительная стена и ров у собственно «города»). По плану и структуре они повторяют в миниатюре планировочную схему большого города типа Дальверзин-тепе и Зар-тепе. Между тем В. М. Массон, критикуя мою точку зрения об отнесении их к городам (у меня сказано — небольшим городищам или небольшим городкам), пишет, что «по материалам Шор-тепе и Мирзакул-тепе, однако, не приходится говорить об осуществлении такими поселениями каких-либо специфических городских функций»³².

Следует, однако, подчеркнуть, что нельзя объединять в одну группу сильно укрепленные городки типа Хайрабад-тепе и типично сельские поселения типа Мирзакул-тепе, которые разительно отличаются от них по своей планировочной структуре, а следовательно, и по выполнявшимся функциям. Если поселения типа Ак-Курган и Мирзакул-тепе — сельские, то поселения типа Хайрабад-тепе, судя по их мощным укреплениям, скорее всего, специально создавались как государственные крепости для защиты слабо укрепленных или вообще не укрепленных сельских поселений от набегов кочевников и горцев. Не исключено, что они, как полагает В. М. Массон, могли выполнять и административно-фискальные функции и что в них также проживала какая-то часть сельского населения страны.

В этом отношении характерна топография группы поселений, объединенных общим названием Бай-тепе. В нее входят четыре поселения, центральным из которых явилось Б-51, представляющее собой тип небольшого укрепленного стенами городка или крепости с цитаделькой, также обведенной стенами и рвом. Остальные три поселения, расположенные в радиусе до 2 км от него, являют собой тип мелких бесцитадельных сельских поселений площадью от 0,5 до 0,9 га³³. Судя по различию в планировочной структуре и характеру укреплений, поселение Б-51 в этой группе занимало доминирующее положение и не исключено, что оно служило местопребыванием военного гарнизона и специального правительственного чиновника, ведавшего сбором налогов и осуществлявшего фискальный надзор.

В третью группу можно включить и поселения специального назначения, преимущественными функциями которых были охрана и распределение воды, а также контроль над проходящими мимо караванными дорогами. Эти укрепленные поселения расположены при выходе рек из горных ущелий в равнинную или адырную зону в голове отходящих от них каналов и арыков. К числу таких поселений относятся Кафыр-кала на Ширабаддарье, Сар-и Банд на Кофрун-сае³⁴ и Тарагай-тепе на Халкаджаре.

В связи с установленным фактом широкого распространения поселений сельского типа, генезис которых связан с кушанской эпохой, нельзя не обратить внимания на количественное соотношение их с городскими центрами. По нашим подсчетам к числу крупных и средних городов в Сурхандарьинском регионе по всем показателям (размер, планировочная структура, наличие монументальной архитектуры и ремесел, возможного количества населения, развитой фортификации и т. д.) можно отнести около 10 поселений (Термез, Дальверзин-тепе, Зар-тепе, Джандавлят-тепе, Хаитабад-тепе, Караул-тепе, Талашкан-тепе II, Халчаан и др.), немногим более 20 относятся к типу небольшого городка и около 60 —

³² М а с с о н, Кушанские поселения..., стр. 8—9.

³³ Р т в е л а д з е, Разведочное изучение..., стр. 79—80.

³⁴ Э. В. Р т в е л а д з е, М. Х. И с х а к о в, Плотина Сар-и Банд, «Строительство и архитектура Узбекистана», 1977, стр. 20.

к крупным и мелким поселениям сельского типа, остальные не поддаются учету из-за разрушений или представляют поселения специального назначения. Таким образом, соотношение между городскими центрами и сельскими поселениями, без учета небольших городков, будет примерно составлять 1 : 6, т. е. на один крупный или средний город в кушанскую эпоху приходилось шесть сельских поселений³⁵. Столь большая разница позволяет уверенно говорить о большой роли сельских поселений и их жителей в создании кушанского экономического потенциала и мощи Кушанского государства. И хотя последнее было государством в большой мере урбанизованным, но не в такой степени, как это может показаться на первый взгляд, без учета соотношения между типами поселений.

Э. В. Ртвеладзе

KUSHAN SETTLEMENTS IN NORTHERN BACTRIA

E. V. Rtveldze

Explorative trips through southern Uzbekistan have discovered 110 archaeological sites of the Kushan epoch of which about 30 have been subjected to stratigraphical analysis. In a very small number of sites the earliest strata go back to the Achaemenid period. Another group of multi-stratum sites originated in the Graeco-Bactrian and Yue-chi period. A third group belongs wholly to the Yue-chi and Kushan era. This, the largest group, comprises some 70 or 80 settlements, most of them little villages or very small towns, and marks the real beginning of the Kushan epoch. In this group the ratio of middling or large town-sites to rural settlements is 1:6, suggesting that the rural settlements and their inhabitants played a big role in creating the economic potential and power of the Kushan state.

---

³⁵ К сожалению, ввиду отсутствия точных данных о числе кушанских поселений и соотношении между городскими центрами и сельскими поселениями в других районах Северной и Южной Бактрии невозможно провести сейчас точный подсчет, но представляется, что картина и в этих районах была примерно такой же.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Бактрийские древности. Предварительные сообщения об археологических работах на юге Узбекистана, Л., «Наука», 1976

Рецензируемый сборник является вторым выпуском¹ в серии сборников, освещающих результаты археологических исследований, осуществленных Бактрийской экспедицией Института археологии АН СССР и Института археологии АН УзССР и рядом других научных учреждений на юге Узбекистана в 1973—1975 гг.

Сборник открывается статьей В. М. Массона «Кушанские поселения и кушанская археология. (Некоторые результаты работ Бактрийской экспедиции в 1973—1975 гг.)», в которой автор подводит предварительные итоги исследованиям, проведенным на территории южной части Узбекской ССР, и ставит ряд теоретических проблем, связанных с изучением древних поселений Средней Азии. В. М. Массон указывает, что скудость письменных данных резко повышает значение археологических источников для понимания истории и всех сторон жизни Кушанского царства. Одной из важнейших задач кушанской археологии является изучение древних поселений, при этом особое значение имеют два аспекта: 1) изучение типологии кушанских поселений и 2) рассмотрение группы поселений или древних оазисов как своего рода макросистемы с иерархической внутренней структурой (стр. 3). В данной работе автор практически касается только первого аспекта выделяемой им проблемы. Он указывает, что тип поселения следует рассматривать как устойчивое сочетание определенных признаков, связанных в первую очередь с выполнявшимися поселением функциями (стр. 7). Эти функции находят свое выражение и в размерах поселения, и в его внутренней структуре, и в составе находок. В настоящее время в Северной Бактрии зафиксировано 110 кушанских поселений. В. М. Массон считает, что поскольку функция поселения должна неизбежно выражаться и в его размерах, то необходимо определить ту грань, которая (исходя из этого критерия) разделяет город и сельское поселение. Согласно его выводам, эта грань проходит в интервале между 4 и 5 га. Те городища, площадь которых имеет 4 га,— это остатки сельских поселений, более 5 га — городских.

В качестве основного объекта для изучения городов было выбрано городище Зар-тепе. Проведенная шурфовка данного памятника позволяет говорить о его 10 строительных горизонтах. Разрез крепостной стены дал возможность установить наличие четырех строительных периодов, отражающих этапы постепенной эволюции фортификации Зар-тепе (стр. 5). Проведя синхронизацию данных стратиграфического шурфа и разреза городских стен, В. М. Массон определяет существование четырех периодов в истории памятника: I период — постройка городища по четкому плану (мощность оборонительных стен 7,6 м); II период — расцвет города (мощность стен 9 м); III период — период некоторого упадка (толщина стен уменьшается до 4 м, внутрискладный

¹ Первый выпуск был опубликован в 1974 г. («Древняя Бактрия. Предварительные сообщения об археологических работах на юге Узбекистана», Л., 1974). См. рец. Г. А. Кошелев, ВДИ, 1974, № 2, стр. 148—153.

коридор закладывается); IV период — период стабилизации — связывается автором с происшедшим в IV в. ослаблением сасанидского влияния на Востоке и некоторым усилением роли местных правителей. На заключительной фазе этого периода в результате какой-то катастрофы, оставившей след в виде обширных пожаров, жизнь на городище замирает. Таким образом, предложенная схема развития показывает основные этапы существования Зар-тепе, причем, как это будет видно из других публикаций, она характерна не только для данного поселения. В связи с этой интересной картиной развития отдельного северобактрийского города, нарисованной В. М. Массоном, можно, как нам кажется, поставить один вопрос: может ли толщина стен (и вообще мощь укреплений) свидетельствовать о процветании города? Может быть, это, напротив, свидетельство нестабильности?

Раскопки Зар-тепе позволили извлечь материалы для характеристики структуры этого городища, которые показывают, что в центральном массиве располагался комплекс монументальных строений дворцового характера. С ним также связаны и небольшие хозяйственные комнаты, расположенные вдоль северного крыла дворцового комплекса. К югу от центрального массива была выявлена сплошная застройка блоками из 5—6 комнат, которые В. М. Массон определяет как исходные планировочные единицы и видит в них места жительства городской знати. Об этом свидетельствует и сопровождающий материал: капитель, золотая серьга, крупные хранилища для 6—8 хумов. На Зар-тепе вскрыты и постройки иного типа — дома с тонкими стенами, пристроенные к крепостным стенам. Следовательно, наряду со строениями дворцового характера и домами зажиточных горожан существовали и дома, принадлежащие, видимо, далеко не преуспевающим жителям, что может свидетельствовать об определенной социальной дифференциации среди населения в данный период существования города.

Поселения сельского характера делятся, по мнению В. М. Массона, на три (по меньшей мере) типа на основании характера планировки: 1) «неправильных очертаний», 2) «подпрямоугольного или чаще подквадратного плана без выделения в рельефе какой-либо из частей» и 3) «подквадратного или подпрямоугольного плана с дополнительным подквадратным возвышением в одном из углов (тепе с вышкой) или с планировочно обособленной цитаделью» (стр. 8). Некоторые из сельских поселений уже полностью раскопаны, что позволяет дать историко-социологическую интерпретацию этих памятников. Так, в частности, поселение Ак-Курган, принадлежащее к первому типу сельских поселений, можно, как нам кажется, отнести к общинным поселениям. Более сложна интерпретация двух других типов. Их характерной чертой является наличие четкого плана, достаточно мощных стен, что, возможно, указывает на воздействие централизирующих сил. В. М. Массон считает, что по крайней мере часть этих поселений могла быть местом размещения искусственно организованной общины, созданной властями в административно-фискальных целях, как это зафиксировано в Месопотамии ахеменидского времени.

Большое внимание уделяет автор и проблеме кушанской хронологии. Он, в частности, указывает, что сопоставление различных памятников Северной Бактрии дает определенные свидетельства для решения этой сложной проблемы. Во всяком случае, замечает автор, археологические материалы не позволяют относить начало эры Канишки к 278 г. н. э. В связи с этой проблемой В. М. Массон обращается к рассмотрению периода в истории Бактрии, который приходится на время падения Греко-Бактрийского царства до сложения великой Кушанской державы. С точки зрения В. М. Массона, это было не только время завоеваний и пожаров, но и определенный этап стабилизации и подъема. Факты, приводимые В. М. Массоном, убеждают в том, что юечжийские правители в Северной Бактрии действительно принимали энергичные меры по развитию экономики и городской жизни, и это в конце концов привело к созданию устойчивого потенциала, обеспечившего последующий подъем и военно-политические успехи кушанской державы.

Массовый археологический материал Северной Бактрии демонстрирует устойчивое сочетание определенных предметов в крупных городских центрах и на мелких поселе-

ниях. Автор справедливо подчеркивает, что эта археологическая общность порождена единым культурным комплексом, т. е. широкой совокупностью предметов, учреждений, идей, образцов поведения и т. п. По мнению В. М. Массона, кушанский культурный комплекс порожден кушанским городом и широким развитием городской культуры и урбанизацией. В связи с этим необходимо, как нам кажется, более четко поставить вопрос о территориальных границах распространения кушанского культурного комплекса. В. М. Массон отмечает, что некоторые элементы, включаемые в кушанскую археологическую культуру, представлены как явления определенной эпохи и в других областях Средней Азии (стр. 15). В качестве примеров он приводит фигурки всадников в Хорезме и Согде, обилие медной монеты в Маргиане. Однако нам представляется, что между кушанским культурным комплексом и культурными комплексами, характерными для других областей Средней Азии (например Маргианы), сходных черт гораздо больше, чем это отмечает автор.

В. М. Массон указывает на следующие внешние (археологические) признаки кушанского археологического комплекса: «Набор керамических форм, выполненных в одной технической традиции, квадратная форма сырцового кирпича с нанесенными на него знаками, использование в архитектуре мергелистого известняка, мелкая терракота, включающая женские статуэтки и фигурки всадников, объекты, связанные с буддизмом, многочисленные бронзовые монеты» (стр. 15). Практически почти все эти элементы мы встречаем и в Маргиане. Керамические формы и техника достаточно близки бактрийским². Для Маргианы античного времени также характерны квадратные сырцовые кирпичи с нанесенными на них знаками³, мелкая терракота характеризуются тем же сочетанием женских статуэток и фигурок всадников⁴, буддизм также распространен и в Маргиане⁵, многочисленные бронзовые монеты раскрывают характер денежного обращения⁶. Единственное отличие — ограниченное употребление в строительстве мергелистого известняка, что порождено местными природными условиями и вряд ли может считаться принципиальным отличием.

В кратком сообщении «Расписная керамика Джар-Кутана» А. Аскарлов, основываясь на материалах раскопок открытого в 1973 г. памятника, сопоставляет расписную керамику Джар-Кутана с керамикой Яз I Мургабского оазиса, Тиля-тепе Северного Афганистана, чустской культуры Ферганы, указывая на хронологическую близость этих памятников, и предварительно датирует расписную керамику Джар-Кутана XI—X вв. до н. э.

Предметом рассмотрения Ш. Х. Заппарова и Э. В. Ртвеладзе стало поселение Талашкан-тепе, которое, как полагают авторы, обживается к V—IV вв. до н. э. Интересно исследование оборонительной стены данного городища, поскольку в Северной Бактрии, как отмечают авторы, кроме Кызыл-тепе оборонительные сооружения ахеменидского времени пока неизвестны. Авторы высказывают также предположение, что Талашкан-тепе I — крепость или цитадель большого поселения.

В статье Т. С. Сагдуллаева и Э. Хакимова об археологическом изучении городища Кызыл-тепе говорится, что комплекс этого городища в Миршадинском оазисе сложился как продолжение местной оседлоземледельческой культуры, восходящей к эпохе бронзы. Считая IX—VIII вв. до н. э. началом заселения Кызыл-тепе, авторы относят расцвет городища к VII—VI вв. до н. э. Замирание жизни приходится здесь на середину I тыс. до н. э., что предположительно связывается с перемещением орошаемых площадей (по аналогии с Талашкан-тепе I, Бандыхан-тепе II, Газимулла-тепе в Шерабадском

² Л. М. Рутковская, Античная керамика древнего Мерва, «Труды ЮТАКЭ», т. XI, Ашхабад, 1962, стр. 41.

³ М. И. Филианович, Сырцовые кирпичи с клеймами древнего Мерва, «Изв. АН ТуркмССР, сер. обществ. наук», 1961, № 1, стр. 39.

⁴ Г. А. Пугаченкова, Коропластика древнего Мерва, «Труды ЮТАКЭ», т. XI, Ашхабад, 1962, стр. 117.

⁵ М. Е. Массон, Из работ ЮТАКЭ в 1962 г., «Изв. АН ТуркмССР, сер. обществ. наук», 1963, № 3; Г. А. Кошеленко, Культура Парфии, М., 1966, стр. 96.

⁶ В. М. Массон, Денежное хозяйство древней Средней Азии по нумизматическим данным, ВДИ, 1955, № 2.

и Бандыханском оазисах). На основе проведенного исследования авторы приходят к выводу, что Кызыл-тепе — городской центр Миршадинского оазиса, подчинивший себе ряд мелких поселений.

Результатам стратегического исследования цитадели древнего Термеза посвящена публикация *В. А. Козловского* и *Е. Г. Некрасовой*. Авторы отмечают, что в результате шурфовки выявлено 11 культурных слоев: 2 греко-бактрийских (мощностью 1 м), 1 раннекушанский (0,4—0,5 м), 4 кушанских (2,5 м) и 4 средневековых слоя (3 м). Данный шурф, считают авторы, не только подтвердил вывод М. Е. Массона о начале существования города в греко-бактрийский период, но и дал возможность проследить культурные наслоения, сложившиеся на протяжении двух тысяч лет. Интересно, что период нашествия кочевников приходится на раннекушанский слой. В этот период заметна преемственность форм керамики, появляются новые виды сероглиняной и штампованной посуды. Период наиболее активной жизни (на основе керамического материала) падает на кушанский период: в это время керамические изделия наиболее многочисленны и разнообразны. Особого интереса, на наш взгляд, заслуживает сооружение, обнаруженное при шурфовке, которое авторы считают отстойником или фильтром для очистки вод Амударьи. Схема этого сооружения, к сожалению, в статье не приводится.

Новые материалы об исследовании буддийского культового центра Кара-тепе в Старом Термезе в 1972—1973 гг. содержатся в статье *Б. Я. Ставиского*. Кара-тепе — самый крупный из всех известных буддийских памятников, датируемых IV—II вв. до н. э., в Средней Азии. Первоначально его считали буддийским пещерным монастырем, аналогичным известным афганским и восточнотуркестанским памятникам. Однако, как подчеркивает автор, по мере исследования стал очевидным тот факт, что планировка и устройство данного памятника позволяют считать его «своеобразным культовым центром». Важно исследование комплекса *В*, в частности двора, в архитектуре которого, как считает автор, использованы не только местные, античные и индийские традиции, но и видно западноиранское историко-культурное влияние.

В статье *Л. И. Альбаума* «Исследование Фаяз-тепе в 1973 г.» говорится о продолжающихся раскопках буддийского монастырского комплекса Фаяз-тепе. Термезский археологический отряд исследовал хозяйственную часть храма, где был открыт небольшой бассейн для воды. Интересно украшение водоема в виде головы льва, позволяющее высказать предположение о ритуальном назначении сооружения. Сообщение *К. С. Сабирова* касается вопросов фортификации Зар-тепе. Благодаря произведенному разрезу оборонительной стены были выявлены четыре строительных периода существования оборонительных сооружений. Расцвет Зар-тепе согласно предложенной схеме приходится на второй период, когда мощность городских стен достигает 9 м. Отметим также интересное наблюдение автора о сходстве фортификационных систем кушанской Бактрии с маргианскими.

Весной 1973 г. в северо-западной части городища Зар-тепе был выявлен комплекс жилых помещений. Анализ результатов раскопок этого комплекса посвящена статья *В. А. Завьялова* и *В. И. Осипова*. Время обживания этого шестикомнатного дома по керамическому и нумизматическому материалам определяется авторами IV—II вв. до н. э. Заметим, однако, что весьма спорно мнение авторов об использовании жилых помещений в качестве ткацких мастерских (стр. 57) — находки пряслиц здесь единичны.

В статье *В. Н. Пилипко* «Раскопки святилища позднекушанского времени на городище Зар-тепе» сообщается о результатах работ в северо-западной части внешней стены исследуемого городища. В верхних слоях разреза обнаружена часть помещения, в углах выемок которого находились два камня с вмонтированным в них бронзовыми «чашами», наличие которых автор связывает с возниканием священного огня или ритуальными винокурениями (стр. 67), высказывая предположение о синкретизме местных (маздеистских) и буддийских верований. Интересна находка в этом помещении обломков позолоченной статуи Будды. Таким образом, налицо домашнее буддийское святилище, которое имеет аналогии с пещерными сооружениями около Айваджа.

Ш. Р. Пидяев в своей публикации «Мирзанкул-тепе — памятник раннекушанского времени в Северной Бактрии» сообщает, что нумизматические данные и аналогии ке-

рамике Мирзанкул-тепе позволяют датировать этот памятник I в. до н. э.— I в. н. э. Находки многочисленных терракотовых статуэток свидетельствуют о высоком уровне культурной жизни на Мирзанкул-тепе. Подробное сообщение автора о раскопках этого памятника дает возможность определить характер комплекса в целом. Вместе с тем отметим, что при характеристике некрополя, расположенного к северо-востоку от поселения, необходимо несколько более подробное описание приблизительной ориентировки костяков, их сохранности, сопровождающего их материала. В сообщении *Е. Г. Некрасовой* приводится характеристика керамического материала из шурфов нескольких поселений Шерабадского оазиса Сурхандарьинской области и делается попытка сопоставления с керамическими формами других памятников этого времени (Дальверзин-тепе, Халчаян и др.). Это сообщение стало продолжением опубликованной в первом выпуске «Древней Бактрии» (Л., 1974) статьи автора «К вопросу об унификации терминологии древней керамики Северной Бактрии», где предлагается схема систематизации керамики кушанского времени.

В статье *Г. А. Пугаченковой* сообщается об исследованиях Узбекистанской искусствоведческой экспедиции на античных памятниках Бактрии (Дальверзин-тепе, Куль-тепе) и Согда (Уираман-тепе). Автор подчеркивает, что как в Бактрии, так и в Кангуйском Согде города правильного прямоугольного плана обнесены мощными крепостными стенами, причем приемы строительной техники, массовый керамический материал в этих культурно-исторических областях имеет много общего (стр. 93). Наряду с этим *Г. А. Пугаченкова* отмечает иной характер профилировки и типов ангобированных покрытий согдийских сосудов по сравнению с греко- и кушано-бактрийскими, а также различие в приемах строительной техники этих двух областей. Для исследования памятников ахеменидского и античного времени важна работа, проведенная бактрийской экспедицией в Сурхандарьинской области, материалы маршрутных обследований которой опубликованы *Э. В. Ртвеладзе*. В ходе исследований Узбекистанской искусствоведческой экспедиции выявлены еще два новых ирригационных района — Приамударьинский с центром в Термезе и Верхнесурхандарьинский. Публикация *Б. А. Тургунова* «Малоизвестные кушанские памятники Северной Бактрии» дополнительно освещает результаты исследований этой же экспедиции. Благодаря находке уникальной для Средней Азии головки мраморного маскарона (поселение Шахри-Гульгуль) удалось определить новый пункт проникновения на территорию Северной Бактрии произведений римского искусства⁷.

Публикация греко-бактрийских монет из окрестностей Кабалы — древней столицы Кавказской Албании, осуществленная *С. А. Дадашевой*, позволяет расширить не только круг монет, введенных в научный оборот, но и сделать (хотя бы предварительное) заключение о причинах распространения этих монет на территории Кавказской Албании. *С. С. Миняев* в своей статье связывает обнаружение в сюннских памятниках Забайкалья некоторых изделий, отличных по химическому составу от традиционных, с существованием определенных взаимосвязей этого региона Забайкалья с Северной Бактрией в кушанское время, основываясь на том, что данные сплавы не характерны для сюннских изделий и изготовлены в какой-то горнометаллургической области Северной Бактрии.

Благодаря детальному исследованию гипсового слоя трех фрагментов различных скульптур из буддийского святилища на Дальверзин-тепе *Е. Ф. Федорович* и *С. В. Левушкина* высказывают интересное предположение о том, что гипс всех трех фрагментов происходит из одного места — района Шерабад-Келифской гряды. О новых материалах для реставрации костных остатков, использованных при исследовании черепов из науса Дальверзин-тепе, говорится в сообщении *Н. П. Сотниковой*. Статья *А. Валиева* посвящена вопросам формирования особого природного комплекса, созданного руками человека в Сурхандарьинской котловине. Сборник завершает развернутый обзор *Г. А. Кошеленко* и *Р. М. Мунчаева* по материалам раскопок городища Ай-Ханум

⁷ Этого же мнения придерживается *Г. А. Пугаченкова*, опубликовавшая данный маскарон («История и культура античного мира», М., «Наука», 1977, стр. 183—185).

в Афганистане⁸. Этот памятник начал исследоваться с 1964 г. французскими археологами и представляет собой остатки греко-бактрийского города.

В заключение хотелось бы отметить, что ряд мелких недочетов — не совсем точное изложение надписи из Сурх-Котала (стр. 45), несколько искаженная публикация греческой легенды на греко-бактрийской монете (стр. 107), погрешности в масштабе плана (стр. 48), неопределенное указание на ориентацию поселения (стр. 20) — в целом не снижают научной ценности сборника. Подводя итоги, следует сказать также, что данный сборник полностью выполняет задачу, намеченную при выходе в свет первого выпуска, — оперативно информировать специалистов о новейших результатах археологических исследований на юге Узбекистана. Отметим, что составители данного выпуска учли критические замечания и пожелания, высказанные в адрес первого выпуска «Бактрийских древностей». Увеличение авторского коллектива, широта проблематики, высокая информативность предложенных материалов и сообщений, успешные попытки обобщения нового материала — все это позволяет высоко оценить рецензируемый сборник. Надеемся, что ознакомление специалистов с результатами проведенных работ будет продолжено в следующих выпусках «Бактрийских древностей».

Н. М. Асапина, С. В. Новиков

⁸ Fouilles d'Ai Khanoum, I (Campaques, 1965, 1966, 1967, 1968). Sous la direction de P. Bernard, P., 1973.

Г. М. БОНГАРД-ЛЕВИН, Индия в эпоху Маурьев, М., 1973

Перу Г. М. Бонгард-Левина принадлежит целый ряд работ, посвященных истории древней Индии. Его книга «Индия в эпоху Маурьев» — это исследование, в котором профессиональная эрудиция удачно сочетается с образным стилем изложения и которое обнаруживает замечательную осведомленность автора в специальной литературе по теме.

Вводная глава об источниках и четыре больших главы о политической истории, о проблемах социального и экономического развития, о системе управления и развитии идеологии охватывают практически все, что известно и изучено на сегодняшний день по эпохе Маурьев. Таким образом, данная книга по существу полностью информирует нас о современном состоянии и степени изученности проблемы. В заслугу автора следует отнести то, что он не дает готовое решение всех спорных проблем, которыми изобилует названная эпоха и по сей день, но указывает на неразрешенные вопросы. Благодаря такому подходу он знакомит читателя со всей сложностью, которую скрывает в себе изучение этой удаленной от нас эпохи, документированной к тому же очень малочисленными источниками.

Г. М. Бонгард-Левин посвятил свою книгу периоду Маурьев, показав его большое значение для истории древней Индии. Автор не ограничивается изображением политического и экономического развития, но исследует также культуру и идеологию общества. Тем самым он создает широкое представление о факторах, сделавших эпоху Маурьев апогеем развития древневосточного классового общества в Индии, для которого характерно повышение уровня производительных сил благодаря массовому применению железа для производства орудий производства, ускорение культурной консолидации субконтинента с внедрением новых принципов управления и расширением торговых связей, возникновение и последующее распространение религиозных реформаторских движений Будды и Махавиры, направленных против веддийской ортодоксальности; создание индуизма как синтез арийских и доарийских религиозных учений и культов и еще многое другое. Следует отметить как несомненно удачный момент то,

что автор трактует понятие «эпоха Маурьев» хронологически относительно широко — примерно от 500 г. до н. э. до рубежа нашей эры. Это позволило ему включить в свое изложение как предпосылки, так и последствия исторического развития общества данного периода, и, следовательно, избежать статичности картины. Вместе с тем (как об этом будет сказано подробнее ниже) такой подход таит в себе и известную опасность.

Во многих случаях решение неясных проблем строится автором на основе собственных исследований, несомненно способствующих более ясному пониманию эпохи Маурьев. Это следует сказать, например, о разработке им вопроса о племенной аристократии, составлявшей долгое время оппозицию центристским тенденциям Нандов и Маурьев, но в конце концов, несмотря на свою демократическую структуру, вынужденную им подчиниться, или об исследовании системы управления при Ашоке, распространенной буддизма и т. д. Особенно ценным представляется обзор высказываний о древней Индии античных авторов, таких, как Мегасфен, Страбон, Арриан, Диодор и другие. Читатель сможет убедиться, что эти источники, часто считающиеся мало значительными, при правильной интерпретации и в сравнении с индийским материалом способны внести известные коррективы в существующие ныне представления. Но и там, где автор не предлагает сколько-нибудь значительных собственных изысканий (как, например, в отношении индуизма), он все равно старается, стремясь к полноте картины, дать обзор современного состояния исследования проблем (заметим, что при обилии имеющихся и использованных в книге публикаций это представляет уже само по себе огромную работу!) и, таким образом, предложить читателю в известной степени квинтэссенцию существующих точек зрения. Однако здесь стоит пожалеть об отсутствии того, что впечатляет в прочих главах и что подкупает, к примеру, в работах по истории религии Я. Гонда или В. Рубена, а именно прямых отсылок к текстам при обсуждении новых точек зрения. Такой подход автора характерен особенно в двух случаях (каковыми мы и ограничимся): при спорном, хотя и несомненно интересном выводе о культе Нараяны (стр. 285) или Санкаршаны-Баладевы (стр. 286—287). Напротив, при определении уровня развития религиозных течений и явлений (например, в исследовании синкретизма Санкаршаны с Васудевой — стр. 287) автор использует большой эпиграфический материал, что делает эту часть работы особенно интересной. Удачно также изложение проблем раннего буддизма.

В главах, посвященных проблемам социально-экономического развития, следует особо отметить как положительный момент то, что вопросы, имеющие для дискуссии о характере общественной формации в древней Индии основополагающее значение (формы рабской зависимости, деревенские общины, имущественные отношения), излагаются подробно и непредвзято, что не мешает, однако, автору дать собственную оценку проблемы. В этом отношении книга сама по себе представляет важный вклад в дискуссию. Благодаря полноте цитат и примеров читатель оказывается в состоянии в известной мере сам интерпретировать свидетельства источников, т. е. выработать свое мнение и вместе с тем оценить мнение автора. Следует также отметить, что в противоположность многим другим работам в рецензируемой не только описываются социальные и экономические институты и общественные отношения, но и по мере надобности обрисовываются, так сказать, «материальный фон» и географо-биологическая среда общества. Поэтому книга становится своеобразным справочником, например, по состоянию производящего хозяйства, земледелия вообще, по состоянию торговых путей и связей, по производству ремесленной продукции и товаров и т. д.

Особенно обстоятельно разбирает Г. М. Бонгард-Левин имущественные отношения, прежде всего земельную собственность, базируясь на работах, опубликованных им ранее в ВДИ. Если в частностях и может быть высказана иная точка зрения, то следует целиком присоединиться к основному выводу автора, выраженному на стр. 118 сл., о том, что земельная собственность в Индии отличается разнообразными формами и в своем окончательном выражении как собственность частная лимитируется различными факторами, так что «одна и та же земля может стать объектом собственности различных владельцев, хотя права одного из них и были ограничены» (стр. 119). Меньше, чем изложение имущественных отношений, удовлетворяет глава о формах

личной зависимости; последняя здесь, к сожалению, все еще определяется термином «рабство», хотя несомненно, что в ряде аспектов он не соответствует содержанию этого понятия. Несмотря на множество данных и фактов, приводимых автором для иллюстрации отношений зависимости, их специфика, — например, ярко выраженные патриархальные отношения между хозяином и зависимым (*svāmi — dāsa*), с одной стороны, и главой семьи и работником (*gr̥hapati — karmakāra*), с другой, не становится достаточно ясной, хотя, к счастью, автор избегает определять *karmakāra* как «полусвободного/полурабского зависимого» и представляет его в качестве «потенциального раба», как это сделано, например, в книге «Древняя Индия» (М., 1969 г.). Чтобы лучше понять своеобразие, отличавшее отношения *dāsa* и *karmakāra* от форм зависимости в других древневосточных и античных государствах, необходимо рассмотреть не только экономико-юридическую, но и социальную сторону вопроса. Причину относительно незначительной роли рабства в производстве следует искать, вероятно, не столько в неразвитости самого этого института, сколько в том, что рабство в широких масштабах в силу географических условий Индии здесь не было необходимо. Индия не была вынуждена, как Греция и Рим, для сохранения своего экономического базиса производить в большом объеме товары на экспорт, так что здесь в отличие от античных государств товарное производство не функционировало преимущественно на основе рабского труда. Таким образом, в Индии отсутствовал значительный стимул для развития выраженных форм рабства.

С большой четкостью в книге анализируется роль деревенской общины, определявшей характер древнеиндийского общества. Автор разбираются как социальная структура, так и соотношение земледелия и ремесла внутри общины, хотя некоторые выводы требуют более точного разграничения. Так, кажется не совсем убедительным положение о том, что изоляция деревень исчезала в наиболее развитых областях, в подтверждение чему приводится факт возникновения специализированных деревень (*va-dhākigāma, kammāragāma*) (стр. 126). Такие деревни, вопреки мнению автора, возникают не благодаря внедрению в них товарной продукции, но как придаток торговых городов. Точно так же не этими, но внутренними причинами следует объяснить дифференциацию внутри аграрных общин, в результате которой в общине возникает верхушечная прослойка, имевшая возможность эксплуатировать остальных общинников. Несмотря на подобные частности, которые при современном состоянии разработки источников, очевидно, еще долгое время останутся предметом дискуссии, именно исследование проблемы деревенской общины составляет один из важных разделов рецензируемой книги.

Естественно, в такой содержательной работе всегда находятся места, составляющие мишень для критики, однако в книге таких не много, поэтому мы не будем на них подробно останавливаться. Я хочу коснуться лишь принципиальных моментов проблемного характера. Очевидно, в связи с тем, что автор понимает эпоху Маурьев относительно широко, он привлекает для иллюстрации отношений этого периода более поздние источники, например, комментарии Буддхагхоши к буддийским текстам (IV—V вв. н. э.) или Джаймини, которого Г. М. Бонгард-Левин сам датирует IV—V вв. Подобно этому для изложения имущественных отношений наряду с источниками действительно периода Маурьев («Артхашастра» Каутильи, буддийские тексты и т. д.) привлекаются также надписи Сатаваханов, которые ни по времени, ни по ареалу непосредственно не связаны с эпохой Маурьев в узком смысле. Такой подход выглядит в известной степени рискованным, поскольку можно предположить, что именно в эпоху, следовавшую за временем Маурьев, в различных областях Индии (прежде всего в Декане и на северо-западе) развитие протекало по-разному как в отношении политическом, так и социально-экономическом. В противном случае невозможно было бы объяснить создание феодальных отношений только в отдельных областях или различия в документах о дарении земли, заметные уже в эпоху Гупт. Здесь по этим причинам следовало бы применить более строгий отбор источников. Осторожность должна быть рекомендована и при использовании явно невероятных цифровых данных, на неправдоподобность которых в одних случаях автор указывает, в других же рассматривает их

как реальные. Так, плуг с впряженными в него 24 волами (место, впрочем, взято из Брахман, датируемых IX в. до н. э.) я бы отнесла вместе с В. Рау к области фантазии жрецов, а не рассматривала бы как свидетельство особо тщательных полевых работ (стр. 86). Подобно этому в названных (на стр. 108—109) 500 и соответственно 1000 карриша скорее следует видеть стереотипные цифры буддистов, чем фактическую меру земельного надела брахмана. Однако в книге число таких «погрешностей» немногочисленно, и в целом рецензируемая монография представляет собой значительный вклад в изучение эпохи Маурьев — этого периода расцвета древнеиндийского классового общества.

М. Шетелих

НОВЫЙ ЖУРНАЛ ПО ИСТОРИИ АНТИЧНОГО МИРА

С 1976 г. начал издаваться новый журнал, посвященный истории античного мира, — *American Journal of Ancient History*. Главным редактором его является известный американский антиковед Э. Бэдиэн. Кроме него в состав редколлегии входят: Ф. Дж. Фрост (University of California at Santa Barbara), Э. С. Грюен (University of California at Berkeley), Х. Хабихт (Institute for advanced Study, Princeton), Р. Мак Маллен (Yale University), М. Ф. Уайт (University of Toronto). Секретарь редколлегии — Л. П. Филлмор.

Объясняя необходимость появления нового издания, Э. Бэдиэн в «Предупреждении» (стр. 1), напечатанном в первом номере, отмечает, что, несмотря на обилие антиковедных журналов, выходящих в США, издания, специально посвященного историческим проблемам, среди них нет и это создает определенные затруднения для историков-антиковедов. По утверждению главного редактора данный журнал делается историками и для историков. Единственное учреждение, оказывающее ему помощь, — исторический факультет Гарвардского университета. Как указывается в «Предупреждении» (стр. 1), несколько необычное положение — независимость от учреждений и фондов — хотя и порождает некоторые трудности, но в то же время имеет и определенные преимущества.

Редколлегия подчеркивает, что она будет стремиться публиковать статьи, ориентируясь только на их качество, без учета предыдущих заслуг их авторов. Еще одна черта нового издания — отсутствие критического отдела, в нем не будут публиковаться ни рецензии, ни обзоры. Планируемая периодичность — три номера в год. В настоящее время из печати вышел первый том (№ 1—3) журнала.

Цель данного обзора — кратко изложить содержание статей, содержащихся в первом томе, с тем, чтобы читатели «Вестника древней истории» смогли ознакомиться с характером нового издания. Не стремясь к исчерпывающему анализу работ, посвященных различным проблемам истории античного общества, мы тем не менее позволим себе высказать и критические замечания относительно некоторых из них, а также постараемся выяснить, в какой мере программа, намеченная редколлекцией, нашла воплощение в первых трех выпусках.

В каждом номере публикуются обычно 2—3 статьи довольно значительного объема и несколько мелких заметок по отдельным частным вопросам.

Первый номер содержит две большие статьи и одну заметку. В статье Х. Р. Роулингса III «Антиох Великий и Родос в 197—191 гг. до н. э.» (стр. 2—28) восстанавливаются перипетии дипломатической и военной борьбы в Малой Азии в начале II в. до н. э. Автор доказывает, что в указанные годы между Антиохом III и Родосом существовал тесный союз, порожденный общностью интересов. Победоносное окончание «восточного похода» привело к резкому возрастанию престижа Антиоха III в Малой Азии.

Воспользовавшись этим, селевкидский монарх стремится осуществить давние цели династии: упрочить и расширить свои владения в Малой Азии и в дальнейшем переправиться в Европу. В числе его противников в 204—197 гг. выступает не только Пергам, но и Родос. Но после разгрома Филиппа V при Киноскефалах римлянами Антиох и Родос заключают союз с целью раздела македонских владений в Малой Азии. Союз оказался выгодным для обеих сторон, он помог им установить контроль не только над македонскими, но и над птолемеевскими владениями. Весь период 197—191 гг. проходит под знаком тесного сотрудничества двух государств. Родос не мешает действиям Антиоха III и в Греции, и только после разгрома селевкидской армии и флота в Греции родосцы присоединяются к римлянам. Переход на сторону Рима дал Родосу новые значительные приращения территории. Родос был вознагражден Римом после окончательной победы над Антиохом более щедро, чем другие римские союзники.

Статья Э. С. Груена носит название «Классовые конфликты в период Третьей Македонской войны» (стр. 29—60). Считая четкую дифференциацию между богатыми и бедными постоянной чертой древнегреческого общества, автор указывает, что наиболее яркое выражение конфликты между этими группами получали в критических ситуациях — особенно в военные годы. Такую роль сыграла и Третья Македонская война, в которую оказались втянутыми многие греческие государства. В связи с этой войной (как и вообще в связи с политикой Рима в Греции) исследователи уже неоднократно ставили три вопроса: 1) определялось ли отношение к Риму классовой позицией? 2) были ли классовые конфликты порождены или стимулированы приходом римлян? 3) проводили ли римляне политику поддержки определенных политических слоев в Греции? Э. С. Груен оговаривает, что в одной статье, конечно, не могут быть найдены ответы на все эти вопросы, но лишь только на некоторые из них. Выбор в качестве объекта исследования Третьей Македонской войны объясняется состоянием источников — именно для этого периода имеется наибольшее количество свидетельств о внутренней борьбе в греческих государствах.

Наиболее распространено в науке (в связи с поднятыми вопросами) следующее решение: Рим стоял на стороне высших классов Греции, богатых и знатных, которые, в свою очередь, стремились к перестройке своих государств с тем, чтобы уподобить структуры их социальным порядкам, существовавшим в Риме. Поэтому в ходе войны аристократические слои были на стороне Рима, массы же обращали свои взоры в сторону Персея (Г. Де Санктис, Т. Франк, М. Олло, Э. Вилль, Р. М. Эррингтон, Р. Вернер, Б. Форт). Некоторая модификация этой системы взглядов наблюдается у Б. Низе, А. Фукса, И. Дейнингера, которые согласны с вышеупомянутыми исследователями относительно низов, но считают, что не вся знать была на стороне римлян. Однако существует и прямо противоположное мнение: Риму была чужда греческая олигархия, он в это время поддерживал демагогов, выступал в защиту охлократии (А. Пассерини, М. Ростовцев, Л. Радица). Наконец, есть и третье течение — прагматическое, как его называет автор (П. Мелони, Дж. Брискоу), представители которого считают, что классовая принадлежность сама по себе не могла определять отношение греков к внешним силам. Но в то же время Персей в конкретных условиях Третьей Македонской войны смог использовать в своих целях ту «экономическую несправедливость», которая существовала в Греции, и неожиданно это обстоятельство сыграло важную роль в войне. Позиция же Рима диктовалась отнюдь не его приверженностью к высшим слоям, Рим в различных государствах поддерживал аристократов или демагогов, руководствуясь исключительно сложившейся политической ситуацией и своими собственными интересами.

Рассмотрев ход внутренних конфликтов в годы войны (и в ряде случаев — в годы, непосредственно предшествующие ей) в Ахейском и Этолийском союзах, Фессалии, Эпире, Акарнании, Беотии, автор приходит к выводу, что ни в одном из этих государств отношение к Риму или Македонии не определялось классовой позицией различных слоев. У Греции были собственные проблемы: нестабильность экономической ситуации, растущий разрыв между богатством и бедностью, отсутствие соответствия между заработной платой и ценами, уменьшение населения, периодические кризисы в снабжении

продовольствием. Греция отнюдь не стремилась к войне, и когда война началась, вряд ли где-либо в Греции ее приветствовали. Выбор различными государствами позиции в борьбе между Римом и Македонией целиком зависел от местных условий, от конкретной ситуации. Фессалия стремилась к независимости от Македонии, и основная часть фессалийцев, естественно, перешла на сторону Рима; в Беотии, напротив, существование старых связей с Македонией и старая вражда к Риму привели к тому, что некоторые города отчаянно сопротивлялись римлянам. Война обострила старые конфликты (не имеющие связи с отношениями этих государств к Риму или Македонии) в Ахейском союзе, Беотии, Эпире, а также региональное соперничество в Эпирской и Беотийской конфедерациях. Но ни один из этих конфликтов не был порожден войной. Практически нигде не было заметно стремление присоединиться к какой-либо из воюющих сторон, преобладало стремление к миру, к отстранению от борьбы, желание сохранить (насколько это было возможно) автономию в борьбе этих «суперсил». Хотя большинство правительств объявило о поддержке Рима, только немногие из них оказали ему действительную помощь. В целом греки не считали эту войну своей собственной войной, и никто не хотел умирать за чужое дело. Доминирующим мотивом было стремление выжить, а отнюдь не классовое сознание.

Бесспорно, эта работа представляет значительный интерес, и основные выводы автора кажутся достаточно обоснованными. Статья Э. С. Груена находится в русле того потока современной литературы по антиковедению, главной чертой которого является стремление полностью отказаться от всякой модернизации древних обществ и протекавших в них процессов. Однако по поводу самой статьи могут быть сделаны и некоторые замечания. Первое из них — это определенная беззаботность автора относительно ключевых понятий в проводимом им исследовании. Что такое класс и что такое классовая борьба — этим вопросом он даже не задается. Определять классы способом противопоставления: бедные — богатые — слишком упрощенно. К числу недостатков надо также отнести отсутствие у Э. С. Груена исторической перспективы. Увлеченный исследованием процессов, которые протекали в Греции в годы, непосредственно предшествующие войне, и во время войны, он не видит исторического процесса в целом. Конечно, в ходе войны для римских руководителей в первую очередь были важны политические и военные союзники и они опирались на них, не обращая в данный момент особого внимания на их политические позиции. Самый яркий пример подобного подхода относится, правда, к несколько более раннему времени, но он настолько показателен, что мы считаем правомерным использовать его в данном контексте. Мы имеем в виду достаточно длительный союз между Римом и Набисом, наиболее радикальным реформатором в Греции эллинистического времени. Бесспорно, что определять римскую политику в Греции, опираясь на тезис о «классовой солидарности», совершенно неверно. Римляне думали только о своих выгодах, проблема поддержания господства олигархических кругов их не интересовала. Внутренняя борьба в Греции была для них лишь удобным обстоятельством, которое они использовали для достижения своих целей.

Но следует взглянуть на проблему и с другой стороны, с учетом более далекой исторической перспективы. Когда Рим одерживает победу, следующая цель римской политики — держать под контролем и эксплуатировать завоеванные территории. Но на кого можно опереться в деле сохранения «римского порядка»? Естественно, не на радикальную демократию, цели которой слишком противоположны римским. Единственной надежной опорой оказывается старая рабовладельческая верхушка. Общий ход событий толкает Рим и эти слои в греческих государствах на союз, существование которого определяется не «классовым сознанием», а взаимной необходимостью.

При таком рассмотрении, с учетом исторической перспективы стали бы заметны и некоторые истоки позиций ряда политических группировок, тем более что греческий мир уже имел исторический опыт отношений с Римом. В силу всего вышеизложенного концепция Э. С. Груена кажется несколько односторонней, и более правильными представляются взгляды Дж. Брискоу, на выводы которого мы опирались для обрисовки общей ситуации, хотя конкретной темой его исследования был несколько более

ранный период¹. В связи со своей исходной позицией Э. С. Груен, как кажется, иногда несколько насильственно обращается с текстом Полибия и Тита Ливия. В частности, он считает, что термины *οἱ πολλοί* и *οἱ ὄχλοι* у Полибия и *multitudo* у Ливия всегда имеют значение только «большинство» и никогда не несут никакого социального оттенка. Кроме того, вызывает возражение его утверждение, что политика уничтожения долгов была в интересах только имущих.

В маленькой заметке В. Р. Коннора, завершающей первый номер, «Никий — критянин?» (стр. 61—64) доказывается необходимость небольшого изменения в чтении текста Фукидида (II, 85, 4—6). В результате вместо Никий-критянина появится известный афинский военный деятель Никий. Тем самым исчезнет трудность в истолковании текста, ибо при общепринятом чтении получается, что во главе афинской эскадры стоял не афинянин, а критянин — проксен Афин, что в то время весьма маловероятно.

Во втором номере 1976 г. опубликованы статьи Ф. Дж. Фроста «Племенная политика и гражданское государство» (стр. 66—75), С. Треггиари «Женская работа» (стр. 76—104) и Э. Бэдиэна «Рим, Афины и Митридат» (стр. 105—128).

В начале своей статьи Ф. Дж. Фрост утверждает, что, с точки зрения древнегреческих теоретиков, никакой разницы в конституции Афин в начале и конце V в. до н. э. не было, но в начале этого века Афины управлялись мудрой и доблестной аристократией, в конце же века у власти находилась радикальная демократия: в народном собрании, наполненном поденщиками и моряками, задавали тон торговцы, изо дня в день принимались законы, разрушавшие конституцию. Часто было даже просто опасно принадлежать к знатной фамилии. Современные историки, в общем, согласны с этой картиной, добавляя к ней только свои суждения о сущности демократии и аристократии. При этом и древние и современные авторы видят свою основную задачу в том, чтобы объяснить изменения «политического поведения», так как конституционные изменения в период от Клисфена до Клеона были минимальными. Какими же причинами объясняется это разительное изменение политического климата? С точки зрения Ф. Дж. Фроста, основная причина — появление Афинского морского союза. Именно создание его — это та резкая грань, которая разделяет два состояния афинского общества. Афинское общество до 480 г. до н. э., по мнению автора, — это сочетание жестко организованных родственных групп: генос, фратрия, фила. Основным элементом была фратрия, для членов которой ее авторитет был важнее, чем авторитет государства в целом. Само государство воспринималось только через посредство фратрии. Это было одно из типичных «традиционных обществ», основу которых составляют системы гентильных групп и земельная собственность. Аттика в это время — в основном сельскохозяйственная страна. Земля была неотчуждаемой, что определяло в значительной мере стабильность всей системы.

Государственная система порождалась этой структурой общества. Власть руководителей фратрий и фил по своему характеру была аналогична власти отца в семье. Лидерство базировалось на «интуитивном» уважении к аристократии по рождению. Роль аристократии определялась отчасти тем обстоятельством, что именно ей принадлежали самые крупные земельные участки, отчасти же самой традицией, согласно которой аристократические фамилии происходили от героев. Создание буле и коллегии архонтов в VI в. до н. э. явилось результатом «интуитивного» стремления к стабильной форме управления, стало регулятором взаимоотношений знати в борьбе за лидерство. Политическая активность — это прежде всего спор за «почет». В отличие от многих других греческих государств афинская аристократия сохранилась вплоть до IV в. до н. э. Она создала свой кодекс поведения, который предохранял Афины от гражданских смут, столь обычных в других государствах Греции.

Реформы Клисфена уничтожили политические и военные функции старых фил и передали их десяти новым, искусственно созданным филам. Но нет никаких основа-

¹ J. V r i s c o e, *Rome and Class Struggle in the Greek States 200—146 B. C.*, «Studies in Ancient Society», ed. by M. I. Finley, London — Boston, 1974, стр. 53—73.

ний считать (как это делали древние и современные авторы), что цель Клисфена заключалась в демократическом устройстве государства. Созданная система не означала кардинального разрыва с прошлым. В конце VI в. до н. э. полис как политическая форма уже существовал, но сознание его гражданства оставалось на уровне племенного сознания.

Решительные изменения происходят только после создания Афинского морского союза, существование которого оказало влияние на все стороны жизни населения Аттики. Для экономики решающими оказались создание флота и грандиозное строительство в Афинах. Необходимая для этого рабочая сила поступала из сельских местностей. Происходили значительные изменения и в других отношениях. Резко возросло число афинских граждан (также недавних земледельцев), вовлеченных в активную каждодневную политическую деятельность, связанную как с собственно афинскими, так и с общесоюзными делами. В результате племенное сознание изживается и вырабатывается новое гражданское сознание, которое достигло своей зрелости к моменту начала Пелопоннесской войны.

Все это привело к решительному изменению в афинской политике. Ранее только узкий круг аристократов осуществлял руководство делами Афин, теперь же к активной политической деятельности пришли более широкие круги. В старом традиционном обществе строгая иерархия происхождения определяла статус человека, в новом, гражданском государстве все люди стали потенциально равными, рождался и новый стиль «политического поведения». Рядовые граждане постепенно приобретали политический опыт, и завершился этот процесс тогда, когда представители рядовых фамилий стали занимать самые высокие посты в государстве.

Картина эволюции афинского общества, нарисованная Ф. Дж. Фростом, вряд ли будет принята исследователями. При подобном подходе, несмотря на отдельные удачные наблюдения, остаются необъясненными самые основные проблемы политического и конституционного развития Афин. Можно согласиться с автором, что со времени реформ Клисфена никаких серьезных изменений в конституции Афин не произошло и что именно его конституция обеспечила господство демократии в Афинах, но, по взглядам Ф. Дж. Фроста, сами эти реформы не были подготовлены какими-либо общественными движениями в Афинах. В чем же, в таком случае, причина появления этой конституции? Почему в «традиционном обществе», обществе с безусловным господством аристократии, появилась эта демократическая конституция? На эти вопросы концепция Ф. Дж. Фроста ответа не дает и дать не может. Автор проходит мимо свидетельств о политической борьбе в Афинах вокруг вопросов о конституционном устройстве, точно так же он опускает и все свидетельства о связи экономических и конституционных аспектов в этой борьбе. Но ведь совершенно не случайным было то, что в реформах Солона соединились меры по экономическому освобождению закабаленного крестьянства с мерами по усилению политического влияния тех групп гражданства, которые, обладая определенной собственностью, не принадлежали к истинной знати.

В истоке всей этой концепции лежит недооценка экономического уровня развития афинского общества в период до греко-персидских войн. Вряд ли справедливо высказываемое автором мнение относительно безусловного господства сельского хозяйства в экономике Афин. Многочисленные свидетельства опровергают это утверждение. К числу их относятся: развитие монетарной экономики, широкое распространение по всей Элладе произведений афинского керамического ремесла с середины VI в. до н. э. и т. д.² Рисуемой идиллическими красками картине жизни афинского общества под руководством аристократии противостоят свидетельства об ожесточенной внутренней борьбе в Афинах по крайней мере с эпохи Солона. Наконец, нельзя безоговорочно ут-

² M. I. Finley, *Early Greece: the Bronze and Archaic ages*, L., 1970, стр. 121—129; A. French, *The Growth of the Athenian Economy*, L., 1964; *European Economic History. Vol. I, The Ancient World*, by W. I. Davison, J. E. Harper, N. Y., 1972, стр. 91 сл.

верждать, как это делает автор, что земля была неотчуждаема. Имеются сильные аргументы против этого утверждения³.

Работа С. Треггиари посвящена женскому рабскому труду в Риме — проблеме, не привлекавшей до сего времени достаточного внимания. Обычно исследователи упоминали лишь о наиболее известных женщинах-рабынях — императорских наложницах, одним словом, о тех женщинах, которые выделялись из общей массы рабов и оказывали влияние на жизнь высших классов. В своей статье автор стремится собрать материал о более широком круге женщин-рабынь, занятых в «аппарате» высшего слоя рабовладельцев. Территориальные рамки статьи — Рим, хронологические — время от Августа до начала II в. н. э. Основной материал дают надгробные надписи, найденные в колумбариях известных римских фамилий. Материал сгруппирован по профессиям. Несомненно, работа С. Треггиари заслуживает внимания как определенная сводка тех материалов, которые ранее никогда не анализировались вместе.

Статья Э. Бэдиэна «Рим, Афины и Митридат» касается некоторых моментов политической истории Афин в I в. до н. э. Автор указывает, что для этого периода все еще наиболее полным и детальным исследованием остается работа В. Фергюсона «Эллинистические Афины». Однако в основной концепции В. Фергюсона слишком ясно заметны черты, характерные для науки того времени. Интерпретация политической и социальной истории базируется на нескольких простых принципах. Одним из них, в частности, является положение о борьбе «олигархической» и «демократической» партий, которое с одинаковым успехом применялось для объяснения событий как V в. до н. э., так и I в. до н. э. В сущности, это было перенесением в древность явления, характерного для нового времени, — борьбы между старой аристократией и новым торговым классом.

В соответствии с таким подходом к истории В. Фергюсон открыл «олигархическую революцию» в Афинах около 103/2 гг. до н. э. При этом появилось странное объяснение — старая аристократия, вытесняемая олигархически настроенными нувориями, становится (это совершенно неожиданно) борцом за традиционную демократию. Эта точка зрения превалирует до сих пор в литературе. Э. Бэдиэн очень основательно доказывает, что никакого сконструированного В. Фергюсоном (на базе неправильно понятых источников) олигархического переворота в действительности не было, как не было и порожденной им олигархической конституции.

В третьем номере содержатся статьи: К. Р. Уолтерса «„Конституция предков“ и афинская историография IV в. до н. э.» (стр. 129—144), Э. Кэшер «Отношение евреев к александрийскому гимнасию в I в. н. э.» (стр. 148—161) и Э. Б. Босворта «Равные отношения между Этолией и Македонией» (стр. 164—181), а также мелкие заметки: Д. Дауба «Марциал, отец трех» (стр. 145—147), Д. Р. Шэклтона Бэйли «Смешение Лициниев Крассов» (стр. 162—163), Р. Э. Мойси «Дата Стратона из сидонского декрета» (стр. 182—189) и Р. Дж. Роулэнда «Коллеги Нерона-консула: заметка» (стр. 190—191).

В статье К. Р. Уолтерса проводятся следующие идеи. Согласно широко распространенному мнению, олигархи в Афинах и в 411 и 404 гг. выдвигали политическую программу возвращения к «конституции предков», т. е. к более олигархической конституции, чем та, которая действовала в Афинах. Однако автор считает это мнение совершенно неправильным. Сама концепция «конституции предков» стала возможной только после кодификации афинских законов в 403/2 гг. Ключевой термин *πάτριος πολιτεία* в источниках, имеющих отношение к этой проблеме, означает скорее «традиционная и применяемая в настоящее время», чем «традиционная и не применяемая долгое время». Только в IV в. до н. э. благодаря ошибке аттидографа Андротиона установилось неправильное толкование этого понятия. Андротион рассматривал историю Афин как серию дискретных политий, которые становились все более демократическими, и в этой связи он рисовал Ферамена как человека, который хотел вернуть Афины к более раннему, более олигархическому состоянию и поэтому предложил возвращение к «кон-

³ M. I. Finley, *The Alienability of Land in Ancient Greece*, в кн. M. I. Finley, *The Use and Abuse of History*, L., 1975, стр. 150—153.

ституции предков». Эта интерпретация, неправильная в своей сути, была воспринята Аристотелем, а от него — современными исследователями.

Подобная концепция не кажется убедительной, поскольку автор смешивает воедино реальный процесс конституционного развития и те лозунги, которые выдвигали борющиеся политические группировки. Эти лозунги часто имели под собой весьма малые реальные исторические обоснования. Отметим, например, что Солона-законодателя использовали в целях пропаганды как олигархи⁴, так и демократы⁵. Обращение к идее «конституции предков» отнюдь не требовало твердого обоснования историческими фактами, особенно (как это неоднократно подчеркивает сам автор) при довольно слабом знакомстве широких кругов афинян конца V в. до н. э. со своим прошлым. Отметим также, что выдвижение подобной радикальной концепции, отвергающей все предшествующие взгляды, требует критического рассмотрения их, чего в статье не сделано. Однако в работах, посвященных этой проблеме, имеются некоторые аргументы, достаточно серьезно подкрепляющие общепринятые позиции. В качестве примера сошлемся на мысли, которые развивает М. Финли в связи со свидетельством Аристотеля (Ath. pol. 29, 3) относительно предложения Клитофонта. М. Финли⁶ связывает это предложение со свидетельствами о конституционной позиции учителя Клитофонта софиста Фрасимаха. Тем самым М. Финли достаточно твердо подкрепляет мысль о том, что лозунгом олигархов 411 г. до н. э. было возвращение к конституции предков.

Статья Э. Кэшера, носящая название «Отношение евреев к Александрийскому гимнасию в I в. н. э.», построена главным образом на анализе известного письма императора Клавдия Александрийцам. Автор доказывает, что на основании этого письма нельзя делать вывод (который обычно делают исследователи) о том, что евреи Александрии стремились проникнуть в гимнасий, чтобы войти в состав Александрийского гражданства. По мнению Э. Кэшера, евреи представляли собой организованное единство — политическое и добивались уравнивания в правах ее с Александрийским гражданством.

В статье Э. Б. Босворта исследуется проблема взаимоотношений между Македонией и Этолией. Обычно считается, что этолийцы были верными союзниками Македонии. Филипп привлек к себе этолийцев обещанием передать им Навпакт — традиционный объект их притязаний. После победы при Херонее Филипп занял Навпакт и передал его этолийцам. Однако после смерти Филиппа происходит резкое изменение позиции Этолии, которая становится открытым врагом Александра.

При такой интерпретации событий, считает автор, совершенно невозможно понять причину изменения политики Этолии. Путем скрупулезного анализа источников Э. Б. Босворт пытается выявить причины столь резкого поворота в политике этолийцев. Картина, которую рисует автор, в нескольких важных пунктах отличается от обычной. Он стремится доказать, что в последние годы жизни Филиппа койнон этолийцев был разделен на три традиционных племени, каждое из которых обладало формальной автономией и собственным правительством. Это разрушение федеральной структуры Филипп провел, чтобы ослабить слишком усилившегося и ставшего слишком самостоятельным союзника. Поводом же послужили события, связанные с Навпактом. Как считает автор, Филипп в действительности только пообещал, но не передал Навпакт этолийцам. Цель Филиппа в эти годы — умиротворить бывших противников, и поэтому им было подтверждено право ахейцев на Навпакт, что вызвало резкое недовольство этолийцев. Этолия, вопреки желанию Филиппа, захватила Навпакт, что и привело к репрессивным мерам македонского царя. Навпакт был взят им штурмом, а койнон этолийцев — распушен.

Та реконструкция событий, которую предлагает Э. Б. Босворт, кажется весьма убедительной, хотя она базируется и на нескольких допущениях. Она дает непроти-

⁴ E. R u s c h e n b u s c h, Πάτριος πολιτεία. Thesaurus, Drakon, Solon und Kleisthenes im Publizistik und Geschichtsschreibung des 5. und 4. Jahrhunderts v. Chr., «Historia», Hft. 7, 1958, стр. 400 слл.

⁵ А. И. Д о в а т у р, Политика и политии Аристотеля, М.—Л., 1965, стр. 125.

⁶ M. F i n l e y, The Ancestral constitution, Camb., 1971, стр. 5—6.

воречивое объяснение изменения политики этоллийцев в последние годы царствования Филиппа и в начале царствования Александра. Статья способствует прояснению общей ситуации в этот критический период истории Греции, в частности, помогает понять тот факт, что борьба различных государств Эллады с Македонией определялась каждый раз конкретными материальными причинами, а не абстрактной любовью к свободе.

В заметке Д. Дауба рассматриваются некоторые вопросы относительно тех преимуществ, которые римские законы предоставляли гражданам, имеющим не менее трех детей. В маленькой статье Д. Р. Шэклтона Бэйли доказывается, что под командой Метелла Сципиона в 46 г. до н. э. было не два Лициния Красса, а один. Р. Дж. Роузлэнд обращает внимание на то, кого именно Нерон выбирал в качестве коллег по консульству в первые годы своей власти. Имена его коллег совпадали с именами коллег Августа-консула. Тем самым Нерон хотел продемонстрировать не только свое желание сотрудничать с Сенатом, но и то, что он избрал в качестве образца для себя принципат Августа.

Подводя некоторые итоги, можно сказать, что новый журнал несомненно вызовет интерес всех исследователей истории античного мира. Уже на основании первых номеров можно достаточно отчетливо увидеть ту общую тенденцию, которая объединяет большинство статей и которая, видимо, представляет собой нечто вроде программы редколлегии журнала — решительная и беспощадная борьба со всеми проявлениями модернизации как общих концепций, так и конкретных толкований истории античного мира. Нельзя не приветствовать эту тенденцию, столь явственно заметную в современном западном антиковедении. Но при всем том нельзя не видеть, что эта тенденция иногда приобретает формы, вызывающие самые серьезные опасения. Историк не может не обобщать. Писать «все, как было» (в духе Ранке) — подобный подход в наше время не может удовлетворить ни одного мыслящего исследователя. Явление, чтобы быть понятным, должно сопоставляться с иными явлениями того же порядка и именно здесь лежит основная трудность исторической интерпретации: где искать тот класс явлений, с каким должно быть сопоставлено то конкретное явление, исследованием которого занят ученый в данный момент. Ученые, принадлежавшие модернизаторскому направлению, сопоставляли факты, явления и процессы, протекавшие в античном обществе, с фактами, явлениями и процессами, характерными для капиталистического общества. Этот подход заводил антиковедение в тупик, и реакцией на него стало появление современного «антимодернистского» направления. Но исследователи, принадлежащие к нему, точно так же нуждаются в «моделях» для сравнения и некоторые из них в поисках таких «моделей» обращаются к так называемым «традиционным» обществам. Правильно ли это? Однако само это понятие — искусственно, оно, в сущности, весьма произвольно объединяет различные по социальной структуре общества: первобытные, рабовладельческие, феодальные. Единого «традиционного» общества нет, и искусственно сконструированная модель его — не более чем артефакт, который не может помочь исследователю, особенно исследователю античности. Та неудача, которую потерпел Ф. Дж. Фрост в своем исследовании структуры афинского государства и афинского общества, — яркий пример бесплодности подобного пути.

Л. П. Маринович, Г. А. Кошеленко

РАБОТЫ К. Д. УАЙТА О СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ЖИЗНИ ДРЕВНИХ РИМЛЯН

Приступая к рассмотрению вышедших в последнее десятилетие работ К. Д. Уайта, уместно было бы вспомнить о том, что до их появления было сделано в западноевропейской науке по истории италийского сельского хозяйства и италийской агрикультуры.

Начало работе в этой области положил двести лет назад Адам Диксон: его книга «Сельское хозяйство древних»¹ дала полный обзор италийского полевого хозяйства (других областей Диксон не касался). Был он хозяином-практиком и в богатый и пестрый мир сельскохозяйственных интересов окунулся рано: отец его имел в Шотландии большую ферму, где Адам вырос и работал еще школьником. Советы древних он расценивал с точки зрения пригодности в хозяйстве и никогда не упускал из виду цели своей работы: рассказать землякам о хозяйстве древней Италии, чтобы они смогли поучиться и перенять то, что подойдет и для Шотландии. Он проверял на опыте советы латинских агрономов, производил рядовой посев и мотыжил хлеба по рецептам Колумеллы и Плиния, первым задумался над тем, как обрабатывали землю в древней Италии и не только перевел относящиеся сюда тексты, но и постарался их объяснить, первым обратил внимание на разную технику пахоты при посеве *in liga* и *sub sulco*. Не располагая ни нумизматическим, ни археологическим материалом, вошедшим в обиход научного исследования только со второй половины XIX в., он на основании текстов и здравого смысла заявил о разнообразии форм италийского рала. Отмечая вариации любого хозяйственного предписания у древних, он всегда объяснял их природными условиями, которые имелись в виду: разной почвой, разным местоположением поля, разным климатом. Многие в его книге устарело, о многом знаем мы теперь больше и судим вернее, но для своего времени книга Диксона была ценнейшим исследованием, проложившим дорогу для дальнейших работ; история италийского сельского хозяйства должна неизменно чтить его как своего зачинателя и основоположника.

В 1859 г. в Готе вышла книга, имеющая прямое отношение к истории сельского хозяйства в античности: «Ботаника древних греков и римлян»². Автор ее, Отмар Ленц, был превосходным знатоком древних языков и естествознания. Его «Ботаника» распадается на две части: в первой дается систематический обзор разных отраслей сельского хозяйства (поле, луг, сад, огород, цветник, лес), а во второй — обзор всех растений, упоминаемых древними. Если современному ботанику, филологу или историку понадобится узнать, что было известно в древности о маслине, смоковнице или гранатнике, о пшенице, просе и ячмене, о спарже, маке и горлянке, о розах и левкоях, ему всегда полезно обратиться к этому справочнику, значение которого не умаляют статьи из RE, ибо вместо голых ссылок Словаря Ленц приводит тексты, относящиеся к данному растению, — правда, в переводе, но переводы его точны и литературны. В некоторых случаях Ленц прибавляет к этим переводам комментарий, до сих пор сохранивший свою ценность.

Одновременно с его книгой вышел пятитомник А. Магерштедта «Картины римского сельского хозяйства»³. Магерштедт не ставил себе целью написать историю италийского сельского хозяйства, он только собрал огромный материал по всем хозяйственным отраслям: тут и полеводство, и виноградарство, и садоводство, и огород, и птичник, и скотный двор. Об исторической перспективе Магерштедт не имел никакого понятия: Плиний, пророк Иосия, «Геопоники» и Гомер стояли у него рядом. Сам он был сельским хозяином и задачей себе поставил «изложить главные по-

¹ A. Dickson, *The Husbandry of the Ancients*, Edinburgh, 1750.

² O. Lenz, *Botanik der alten Griechen und Römer*, Gotha, 1859.

³ A. F. Maerstedt, *Bilder aus der Römischen Landwirtschaft*, Sondershausen, 1859—1862.

ложения древности, правильные и ошибочные» («Предисловие» к 5-му тому), но не рассмотрел эти «главные положения» с точки зрения современной ему сельскохозяйственной науки и практики, как это сделал в свое время Диксон. Иногда он удачно сопоставляет тексты и дает цельную картину работы на каком-либо участке, например, в посевном отделении питомника, иногда высказывает остроумные догадки (связь «кривой палочки с пилкой на конце», которой убирали хлеб в Пицене, и галльской жатки, изображение которой можно видеть на недавно найденных рельефах)⁴. Современники Магерштедта, интересовавшиеся жизнью древней Италии, могли узнать многое из его книг; прилежание, с которым скромный зондерстаузенский пастор собирал нужный ему материал (а был он великий эрудит, располагал огромным количеством сведений, превосходно знал не только писателей-агрономов, но всю античную литературу), заслуживает большого уважения, но книги его безнадежно устарели.

После работы Магерштедта в изучении итальянского сельского хозяйства наступило затишье, прерванное только в 90-х годах появлением Словаря Паули — Виссова, в котором имеются статьи, касающиеся всех сельскохозяйственных областей — и полеводства, и разведения садовых и огородных культур, и животноводства. Не забыты пасека и птичий двор. Статьи эти бывают лучше и хуже, ярче или бесцветнее, но общий характер их одинаков, и это позволяет рассматривать их как нечто единое.

Достоинств у них много: материал собран с полнотой часто исчерпывающей, библиография да т работы наиболее важные. Интересны и полезны параллели из современного сельскохозяйственного быта Италии, которые приведены в ряде статей. Хуже обстоит дело с иллюстративным материалом: он указан не всегда и редко полнотой, встречаются кое-где ошибки, их, правда, мало и они почти никогда не бывают грубыми. Существенный недостаток этих статей в другом: ни тип хозяйства, ни полевые работы, о которых говорится, не приурочены ни к определенному месту, ни к определенному времени. Отсутствует историческая перспектива: Гесиод, Плиний, Феокрит, Катон и «Геопоники» стоят рядом, как стояли некогда у Магерштедта. Сельскохозяйственные работы даны как нечто сразу возникшее и в неизменяемой форме застывшее, а ведь техника их изменялась и совершенствовалась. По поводу этих работ возникали споры и разногласия — вся эта живая жизнь в статьях Словаря целиком отсутствует.

Глава о сельском хозяйстве в книге Г. Блюмнера о римском быте⁵ написана в том же тоне рассказа, не считающегося ни с хронологией, ни с географией. К Блюмнеру можно обращаться за справками о старой литературе, но к изложению его следует относиться с большой осторожностью, так как пропусков и ошибок у него достаточно.

Пятьдесят лет назад вышла книга Р. Бийяра «Сельское хозяйство в древности по „Георгикам“ Вергилия»⁶. Это хороший агрономический комментарий к «Георгикам»: Бийяр разбирает советы Вергилия с точки зрения современной агрономии; интересно и поучительно видеть, как часто подтверждает она правильность решений, к которым приходил итальянский хозяин. Реальный комментарий Бийяра заставляет особенно оценить язык «Георгик»: читатель начинает понимать, почему, говоря о комьях земли, которые пахарь подвергает действию солнца и мороза, Вергилий употребляет слово *excoquere*, почему, говоря о хлебах, которым грозит полегание, он пользуется такими выражениями, как *gravidae aristae*, *luxuries*, *tenera herba*. Очень хороши главы «Фауна „Георгик“» и «Флора „Георгик“»: это зоологический и ботанический словарь к «Георгикам», часто превращающийся в развернутый комментарий. Книга богато иллюстрирована: прекрасные снимки с древних монет, резных

⁴ Académie Royale de Belgique. Bulletin de la classe des Lettres, 1959, табл. VII.

⁵ H. B l ü m n e r, Die römische Privataltertümer, München, 1911, стр. 533—589.

⁶ R. B i l l a r d, L'agriculture dans l'antiquité d'après les Géorgiques de Virgile, P., 1928.

камней и медальонов знакомят читателя с животным и растительным миром древности. Плохо у Бийяра с сельскохозяйственными реалиями. Страницы, посвященные италийскому ралу, пахоте и жатве в древней Италии, полны грубейших ошибок. Представить как иллюстрацию к ралу Вергилия фантастический «плуг из Магнезии» можно было только по легкомыслию или совершенной неосведомленности. Техника италийской пахоты не понята, как не понята и техника жатвы; в перечне уборочных орудий есть пропуски. Поверхностны главы о животноводстве, ничего не сказано о разных его типах и о хозяйственном значении разных животных (вола, лошади, мула). Не названы районы наибольшего развития животноводства. Для Бийяра вообще не существует отдельных областей Италии с их особым, для них только характерным сельскохозяйственным аспектом: все они сливаются у него в одну абстрактную величину, называемую Италией. В его книге сконцентрировались все недочеты, свойственные книгам и статьям его предшественников: отсутствие исторической перспективы, невнимание к специфическим особенностям разных областей, обуславливающим характер их хозяйства, и как следствие этого плохой (иногда вовсе отсутствующий) учет почвенных и климатических особенностей, смутное, часто неверное, а порой и фантастическое представление о сельскохозяйственных орудиях.

Работы К. Д. Уайта, посвященные сельскому производству и сельскому быту древней Италии, открывают новый этап в изучении реалий италийского хозяйства (социальных проблем, связанных с темой, он касается лишь попутно).

В первой своей книге о сельскохозяйственных орудиях древней Италии⁷ Уайт дал точное описание их формы и работы, положив конец безответственным домыслам по этому поводу. Его вторая книга «Римское сельское хозяйство»⁸, о которой и пойдет речь ниже, зачеркнула традицию изображать италийское хозяйство как нечто единое и одинаковое от долины По до Апулии и Бруттия. После краткого обзора геологического строения Италии, ее разнообразных почв и особенностей ее климата автор переходит к характеристике сельского хозяйства по отдельным областям: долина р. По, Этрурия, Пизен, Умбрия, Самний, Лация, Кампания, Апулия и Калабрия, Лукания и Бруттий. Опираясь на данные источников, Уайт производит районирование этих областей: в Этрурии, например, на пологих холмах ее северной и центральной части занимались виноградарством, на прибрежной равнине с ее аллювиальной почвой — хлебопашеством (прекрасная пшеница в окрестностях Пизы и Цере), так же как и в долине от Арретия до Клузия (нынешняя Val di Chiana). В Апулии автор выделил три района, разных по своему хозяйству: 1) террасированную береговую зону, где занимались разведением винограда и плодовых засухоустойчивых деревьев: масличных, фиговых и миндальных; здесь же на побережье паслись овечьи отары — Апулия славилась прекрасной шерстью; в северо-восточном углу ее издавна занимались разведением породистых лошадей; 2) Tavoliere di Puglia: обширную плодородную равнину вокруг Фоджии, где превосходную пшеницу выращивали владельцы небольших участков. Аэрофотосъемки и раскопки обнаружили здесь остатки значительного числа маленьких усадеб, датируемых концом II в. до н. э.: земельный закон Т. Гракха был, видимо, здесь проведен в жизнь; 3) центральное плато, безводное и пустынное («пустыней» и называл эту часть Апулии Сенека — Ер. 87, 8). В Кампании земли вокруг Капуи принадлежали мелким хозяевам — хлеборобам (превосходная пшеница и просо); виноградниками под Сорренто и на агег Falernus владели крупные землевладельцы, отправлявшие на рынок вина высших марок; Везувий был окружен, судя по археологическим данным, усадьбами небольшого размера. Очень интересна характеристика Лациев: «Старого Лация» (Latium Vetus), опустелого и заброшенного, и «Добавленного Лация» (Latium Adiectum), цветущей округи, примыкавшей к Кампании. К этой главе дана, в качестве добав-

⁷ K. D. White, *Agricultural Implements of the Roman World*, Camb., 1967. Рец. ВДИ, 1969, № 2.

⁸ K. D. White, *Roman Farming*, L., 1970, 536 стр.

ления, прекрасная таблица, содержащая подробную сельскохозяйственную характеристику перечисленных округов Италии и их районов⁹.

Уайт рассказал о всех хозяйственных отраслях: хлебопашестве, виноградарстве садоводстве, животноводстве. Главы от 3-й по 8-ю включительно посвящены полевому хозяйству (почва, поддержание почвенного плодородия, севообороты, удобрения, дренаж и орошение, обработка нивы — от пахоты до жатвы — молотья, способы хранения зерна). Ничего нового — и все по-новому. Каждая работа получает смысл и значение, будучи обусловлена природными особенностями и свойствами поля, на котором она производится. В связи с этим автор указывает на огромный опыт, накопленный поколениями сельских хозяев. Не располагая никакими научными сведениями о жизни и питании растений, италиец из опыта знал, что хорошая обработка земли имеет первостепенное значение и что она должна соответствовать характеру почвы и природе высеваемого растения. Он знал сроки полевых работ и умело варьировал их в зависимости от климата и погоды. Ему было известно, что надо сменять одни посевы другими, чтобы не истощалась почва. Автор называет несколько принятых севооборотов: различные комбинации свидетельствуют о множестве опытов, произведенных на разных почвах.

Наличие комбинированных культур (маслины и между ними посев зерновых или бобовых), стремление не давать земле отдыха, используя ее то под один, то под другой посев, ставили серьезную задачу: все время восстанавливать почвенное плодородие, т. е. как следует удобрять землю. Хорошо, если был навоз от скота: в нем имеются в разных количествах и пропорциях и минеральные и разложившиеся органические вещества, необходимые для жизни растения. Природные условия Италии, однако, позволяли держать в усадьбе только необходимое для работ число животных. Добавкой к навозу от них служил помет от домашней птицы и навоз от овчарни, где ночевало маленькое овечье стадо¹⁰. Этого было мало; поэтому такую роль получило зеленое удобрение, обогащающее землю азотом. Катон знал в качестве такового только три растения; ко времени Колумеллы их было известно уже семь. Улучшается способ их заделки: современники Колумеллы знают, в какое время на какой почве запахивать лупин и как обращаться с викой и бобами, чтобы они «удобряли землю и помогали ей». Пользуются минеральными удобрениями: золой, известью; создают почвенный горизонт, т. е. смешивают разную землю, кладут на гравистую почву

⁹ Вот, например, таблица для Пицены и Умбрии:

а) Побережье Агера	Анкона, Фирмум	лучше для садов, чем для хлеба (Strabo, V, 4, 2)	эммер (Plin., N. h. XVIII, 100)	урожайные виноградники в Агере (Col. III, 3, 2) хорошие маслины (Plin., N. h. XXV, 16); груши (XV, 55) маслины, прославленные Марциалом (I, 43, 8; V, 78, 19) и др.	пиценские вина (Liv., XXII, 9, 3; Strabo, V, 4, 2) вина из Умбрии (Strabo, V, 2, 10)
б) холмистая часть	Мевания	плодородная обширная равнина	эммер (Strabo, V, 2, 10)	Мевания знаменита своим скотом (Col., VI, 1, 2) Сыр (Mart., I, 43, 7)	торговля шерстью надписи о centonarii из Сентина Мевания и Урбина
	Сарцина			«богата молоком» (Sil. Ital., VIII, 461).	
	Фавенция		«лен, предпочитаемый за свою белизну» (Plin., N. h. XIX, 9)	урожайные виноградники (Col., III, 3, 2)	овцы (Varr., R. г. II, 9, 6)

¹⁰ На основании практики и наблюдения италиец правильно расклассифицировал разный навоз: а) на первом месте птичий помет, в котором азота, фосфора и калия, т. е. как раз веществ, необходимых растению, больше, чем в других видах навоза; б) овечьих и козий навоз, содержащий большой процент азота, столь необходимого для почв Средиземноморья, азотом бедных; в) коровий и лошадиный: в коровьем меньше азота и фосфора, чем в овечьем, а в лошадином мало фосфору.

мергель, а гравий на плотную глинистую. Приготавливают компосты; состав компоста у Колумеллы мало отличается от современного. Виноградные лозы и плодовые деревья поливают питательными умело составленными смесями из свиного навоза, человеческой мочи и оливкового отстоя. Совершенствуются способы хранения навоза: у Варрона навозные кучи только прикрывались со всех сторон ветвями для защиты от солнечных лучей; навозохранилища Колумеллы с зацементированным дном удовлетворили бы современного агронома.

Подробно останавливается Уайт на дренажных и оросительных работах. Катон только прокапывал поперек холмистого склона сточные каналы: принимая в себя потоки воды от осенних ливней, они спасали хлебные нивы, находившиеся внизу, от затопления. Ко времени Колумеллы техника дренажа достигла высокого уровня: тяжелые глинистые почвы дренировали с помощью особых, широких сверху и суживающихся к низу канав (такая форма предохраняла от размыва водой); легкие и рыхлые — с помощью подземных каналов, которые засыпали до поверхности глыбками камнями или гравием, а затем выкопанной землей. С помощью дренажа заболоченные и топкие места превращали в пригодные для обработки. Что касается ирригации, то в ней нуждались и огороды; овощи требуют много воды, как и виноградные лозы и фруктовые деревья: молоденьким растениям в питомнике нужна регулярная и щедрая поливка, пока их корневая система не разовьется настолько, чтобы переносить засуху. Императорские указы и муниципальные постановления свидетельствуют о том, как заботливо ограждается право каждого хозяина на речную воду. Она распределяется между владельцами отдельных участков с помощью каналов — больших и меньших: владелец большего участка имеет право на большее количество воды; определены для каждого часа, когда он может пускать воду на свое поле. На участки, находившиеся более или менее высоко над уровнем реки, воду поднимали с помощью примитивного сооружения, в точности напоминающего наш украинский «журавль». Поэтому хорошо оросить высоколежащие участки итальяскому хозяину не удавалось.

Вся эта работа ума — размышление, наблюдение, постановка опытов — имела одну цель: повысить доходность хозяйства. Используя разные виды удобрения, чередуя разные посевы, хозяин добивается того, что может не оставлять свою землю под паром, и засеивает ее круглый год. Его забота о своей земле диктуется желанием прироста, но она целиком соответствует требованиям государства: Италия всегда жила и должна была жить своим хлебом — привозного хватало только на Рим и на армию. «Никогда итальянский земледелец не страдал от конкуренции с заморским зерном» (стр. 66).

В условиях Средиземноморья с его субтропической температурой, зимними дождями и длительным засушливым летом необходимо вести хозяйство так, чтобы обеспечить хороший урожай и при малом количестве влаги, поэтому: 1) высевают растения, у которых период роста приходится на дождливый сезон; 2) тщательно уничтожают сорняки, чтобы они не вытягивали влагу из почвы; 3) собирают и хранят дождевую воду для поливки в случае необходимости. Указав на эти основные установки, Уайт переходит к подробному описанию всех полевых работ от пахоты до жатвы. Ценность этих описаний в том, что это не только пересказ Колумеллы, Плиния и др., но и объяснения смысла каждой работы: навоз под озимое вывозят перед севом и немедленно запахивают, потому что под действием солнечных лучей он теряет свою силу. Мотыжение посевов необходимо потому, что оно задерживает влагу в почве и не позволяет ей слишком нагреваться. Засеивают ниву тщательно отобранном, самым лучшим зерном, чтобы посевы не вырождались. Разная техника жатвы объясняется различным использованием соломы: в Северной Италии, где не было недостатка в сене и вообще в кормах, ее срезали при земле и пользовались как кровельным материалом; в Центральной и Южной Италии кормов не хватало, поэтому солому срезали до половины: после молотбы она шла и в корм и на подстилку. Рассказ о способах молотбы (вымолачивают хлеб цепами, гоняют по току крупный рогатый скот и лошадей, пользуются «молотилками»: «трибулой», «пунийской повозкой»), автор, отмечает достоинства и недостатки каждого из этих способов. Что касается устройства

зернохранилищ и хлебных амбаров, то эффективных средств для борьбы с вредителями, заводившимися в зерне, италиец не нашел.

В 9-й главе изложены сведения об уходе за маслинами, виноградными лозами и фруктовыми деревьями. Уайт следует в своем рассказе главным образом Колумелле и Плинию, ставя, по своему обыкновению, уход за растениями в связь с климатическими и почвенными особенностями и показывая рост знаний и опыта у хозяина. Катон знал только семь сортов лоз, Колумелла знает их 63; 2-я глава 3-й книги его «Сельского хозяйства» свидетельствует о том, какой долгий путь прошел виноградарь, пока узнал, какую почву, какой климат и какой способ посадки требуют разные лозы. Выводят новые сорта лоз и фруктовых деревьев¹¹, учатся акклиматизации лучших сортов винограда. Колумелла настаивает на необходимости длительного терпеливого опыта при выборе саженцев и подходящей почвы. Догматические предписания прежних хозяев (Сазерна, Скрофа) подчеркнуты: советы Колумеллы гибки и обусловлены особенностями климата, ветрами, обычными для данной местности, характером почвы. В садах и виноградниках Италии I в. н. э. идет энергичная творческая работа. Особо следует отметить подчеркнутое утверждение Уайта: Италия была (и остается) страной комбинированных культур — виноградарство и маслиноводство никогда не вытесняли зерновых, которые сеяли и в *arbustum* и между рядами масличных деревьев.

Обращаясь к расчетам Колумеллы, которыми он стремится доказать, как выгодно заниматься виноградарством, Уайт утверждает, что, несмотря на недочеты в его вычислениях (он не подсчитал расходов на устройство виноградной давяльни, на приобретение рабов, работающих в винограднике — виноградарь, купленный за 8 000, специалист и мастер своего дела, только руководил обработкой виноградника, но земли сам не копал, — на покупку свежих кольев взамен подгнивших и т. д.), Колумелла был прав, настаивая на высокой доходности виноградарства. И в его время оно отнюдь не было в упадке, о чем свидетельствует хотя бы наличие людей, охотно плативших Колумелле двойную цену за его отличные саженцы, а также записка Плиния о выведении новых виноградных сортов.

В главе о животноводстве Уайт рассказал обо всех домашних животных, с которыми имел дело итальянский хозяин. Так как Италия была бедна кормами (к концу июня трава, за исключением некоторых районов, выгорала), то в усадьбе держали только рабочий скот. Скотоводство в широких масштабах могло быть только кочевое: животных перегоняли с зимних пастбищ на летние и обратно. Не всякие пастбища, однако, подходили для любого скота. Для породистых лошадей требовались обширные пастбищные пространства с мягкой травой и обилием воды: область древних Венетов, Северная Апулия с прекрасными зимними пастбищами в озерных долинах между Апеннинскими горами и горой Гаргано и летними по склонам Апеннин, горные пастбища около Реате в Сабинии — вот те места, где можно было заниматься коневодством. Стада крупного рогатого скота пасли зимой по побережью Лукании и Бруттия, а летом на лесистых склонах Калабрии. Овцам нужны были горные пастбища и сухой, с редкими дождями, климат. Центрами овцеводства и были на юге — восточные засушливые районы Апулии, Восточная Лукания (долина р. Кратис), а на севере — засушливые округа между Пармой и Мутиной и около Альтина. Тысячные овечьи отары круглый год находились на подножном корму: зимовали на юге Италии, а на лето их перегоняли на горные пастбища в Сабинии. Свиной держали в каждом хозяйстве (свинина и свиное сало были любимыми кушаньями итальянцев), целые стада их разводили в долине р. По, богатой дубовыми лесами.

¹¹ Удивительно, что такой знаток итальянского хозяйства, как Уайт, повторил частую ошибку pomologists относительно вишни: Италия с давних пор знала и *Prunus cerasus* и *Prunus avium* L. Лукулл привез с Понта какой-то сорт вишни, неизвестный в Италии. Персики в I в. н. э. тоже не были в Италии новинкой. Превосходное знакомство Плиния с персиками и широкое употребление их в быту заставляют предполагать давнее знакомство Рима с этим плодом.

Автор подробно остановился на хозяйственном значении разных животных. Лошади не имели никакого: их выращивали только для цирковых ристаний, и эти рысаки не годились ни для хозяйственных потреб, ни для военной службы: показательно, что Колумелла не упоминает о лошадях для конницы; в армии Цезаря конную службу несли галлы и германцы; во времена Поздней Империи в войсках местных лошадей нет. Важное место и в частном хозяйстве, и в хозяйственной жизни всей страны получили ослы и мулы. Осел работал на мельнице (сколько зерна надо было перемолоть для одного Рима!), ходил под вьюками (караваны осликов, навьюченных маслом, вином и хлебом, у Варрона — II, 6, 5), пахал легкую почву. Еще важнее роль мулов: они ходили под седлами и верным шагом пробивались по горным дорогам и опасным тропинкам, таскали вьюки, перевозили тяжести; путешественников по Италии везли повозки, запряженные мулами. Пахали они и землю, если она не была очень тяжелой.

Крупный рогатый скот разводили в большом количестве и не только затем, чтобы иметь красивых животных для жертвоприношений и сильную рабочую скотину: автор почему-то вовсе не упоминает о большом спросе на кожу бычачью и коровью: она требовалась и для армии (из нее делали панцири и пояса, ею покрывали палатки), и для гражданского населения, которое, за исключением рабов и последних бедняков, носивших деревянные башмаки, ходило в кожаной обуви.

Овца «из мелкого скота животное — по своей полезности первое», по словам Колумеллы (VII, 2, 1). Вся Италия, от сенатора до раба, одевалась в шерстяную одежду; овечье молоко и овечий сыр были существенными продуктами питания «не только для селян, но и для людей с изысканным вкусом» (там же). Были округа, специализировавшиеся на изготовлении сыров и поставлявшие их на городские рынки. Автор отмечает недостатки в описаниях экстерьера овцы и у Варрона и у Колумеллы (стр. 302) и считает невозможным определить ее породу. Несколько противореча себе, он говорит, что баран Колумеллы (VII, 3, 3—4) — это меринос (стр. 399). Для определения, по крайней мере, одной, наиболее распространенной в Италии породы мы, кроме литературных источников, располагаем иллюстративным материалом: овца с *Aga Rasis* и так называемого фонтана Гримани (эпоха Клавдиев) и баран с Луврского мрамора (*suovetaurilia*). Изображения эти тождественны, соответствуют описанию Варрона (Колумелла повторил его) и могут дать специалисту достаточно материала для характеристики породы, наиболее распространенной в Италии в конце республики и в первом веке империи. Не обратил Уайт должного внимания на то, что овцеводы Северной Италии уже в I в. до н. э. стремились вывести породу овец с лучшей шерстью путем скрещивания местных «галльских» овец с южными греческими (Varr., R. r. II, 9, 6).

Рассматривая промышленное птицеводство (и сравнивая Варрона с Колумеллой), Уайт не дал общей картины его изменения и не отметил, как птицевод I в. н. э. освобождается от влияния греческих авторитетов и приспособляет свою «птицеферму» к местным итальянским условиям.

Еще в начале своей книги автор определил основные черты итальянского хозяйства: а) неизменное стремление к хозяйственной автаркии, «объясняемое историческими условиями и географией страны: «вся книга Катона проникнута духом автаркии» (стр. 51); б) в связи с этим «многоплановость» хозяйства: наличие нескольких отраслей и комбинированных культур (посадка и посевы одновременно на одном и том же участке). Тут автор расходится с другими западными учеными (например, с Тенни Франком), которые настаивали на преобладании, — по крайней мере, в I в. н. э. — «специализированных хозяйств», и оказывается единомышленником наших историков. В 11-й главе он говорит о рабочей силе, занятой в хозяйстве, и об управлении им. Он рассматривает положение свободных рабочих, нанимаемых на такие работы, как жатва, сенокос, сбор маслин, и находит, что оно было хуже, чем положение рабов, потому что в те дни, когда работу приходилось прерывать по причине неурожая, наемник не получал платы; больного раба хозяин лечил, заболевший рабочий был предоставлен самому себе. Автор упоминает объединения сельскохозяйственных рабочих,

приводя в качестве примера помпейских *vindemitores*. Нет, однако, основания считать их «искусными рабочими»: в винограднике круглый год работали рабы, таких знатоков виноградарства, как упоминаемые у Плиния (XIV, 48—50) Сфенел и Эгнал, было не так много, чтобы им создать целую ассоциацию. Те сборщики маслин, с которыми имел дело Катон (144), или жнецы, которых набирал дед императора Веспасиана (Suet., *Vesp.* 1, 3), представляли собой не прочные союзы, но артели, составившиеся на время сезонных работ и распадавшиеся по их окончании. *Vindemitores* были, вероятно, собственниками небольших виноградников.

Подробно останавливается Уайт на жизни сельских рабов, которая проходила почти в постоянной работе и была неизмеримо тяжелее жизни городских рабов и ремесленников, и приходит к заключению, что если у сельского раба и был пекулий, то ему не было смысла выкупаться на свободу: в городе для отпущенника (чаще всего искусного мастера) было много возможностей устроиться. Что было делать в деревне вышедшему на волю рабу, знакомому только с сельской работой?

Переходя к персоналу распорядителей, Уайт называет виллика, прокуратора, *actores*. Между вилликом и рабочей силой стоят *custos*, *epistates*, *monitor*, *oregum magistri*. Число их меняется в зависимости от размеров работы, и обязанности их не легко определить, потому что наши авторы часто употребляют тот же термин в разных смыслах (стр. 353), а одну и ту же должность обозначают разными названиями, например, Колумелла называет актором иногда виллика, иногда старшего пастуха. Оставим в стороне таинственного эпистата, упомянутого только у Катона (56), причем круг его обязанностей совершенно неизвестен, и «сторожа» (*custos*), который у Катона следит за изготовлением масла (66 и 67) и сбором маслин (144); у Колумеллы этим именем назван птичник, приставленный к куриному стаду (VIII, 5, 3). *Monitor* и *oregum magister* обозначали одного и того же человека, отнюдь не принадлежавшего к администрации имения: это просто старший рабочий, который в силу своей опытности и своего возраста руководит работой, помогает и учит. Трудно представить, чтобы расчетливый и здравомысленный хозяин согласился терпеть в персонале своего имения около 30% бездельников-надзирателей.

Что касается производительности рабского труда, то по современным расчетам обработка виноградника в долине Роны (по природным условиям и методам обработки его можно сравнивать с виноградником Катона и Колумеллы) потребовала бы на югер 66 человеко-дней; Колумелла клал, по вычислениям Уайта, на югер 63 человеко-дня, Катон — 50 дней. «Уроки» рабу-виноградарю, по сравнению с современным стандартом, не были чрезмерными (стр. 373). Работа пахаря у Колумеллы была на 25% продуктивнее работы пахаря под Кордовой, пахавшего тоже деревянным ралом и выполнявшего остальные работы тоже вручную (стр. 371). Уайт, однако, тут же правильно замечает, что нормы Колумеллы отражают не столько реальную действительность, сколько его собственные желания. Тут уместно вспомнить выводы Макконена¹²: он берет нормы изготовления кольев у Колумеллы (XI, 2, 12—13) и у Плиния (у последнего они вдвое меньше — XVIII, 233) и сравнивает их с нормой работы современного финского рабочего, работающего нынешними ручными инструментами. Это сравнение заставляет его признать, что расчеты Плиния реальнее и правильнее. По-видимому, для определения эффективности рабского труда нельзя пользоваться «сплеча и без оглядки» нормами Колумеллы.

Уайт считает, что сельское хозяйство в первом веке Империи скорее в упадке и во всяком случае не улучшается. Причину этого он видит: 1) в отсутствии хозяина, который не рассчитывает на верный доход с имения и потому им особенно не занимается; 2) в отсутствии умения и распорядительности у виллика, который не хочет лишнего беспокойства и потому не вводит никаких новшеств и только поддерживает хозяйство на том уровне, на каком его легко было удержать. Автор настаивает на том, что недостатка в сельскохозяйственных рабах в первые два века Империи (стр. 367) не

¹² O. Makkonen, *Ancient Forestry*, part II, Helsinki, 1969, стр. 21 сл.

было. Был, однако, недостаток в наемных рабочих¹³, без которых хозяйство не могло обойтись уже со времен Катона и которые современникам Колумеллы и Плиния обходились дорого. И если вилик оказался бы даже энтузиастом своего дела, деятельно желавшим усовершенствований, то ему пришлось бы натолкнуться на пассивное сопротивление рабов, на которых все эти усовершенствования ложились только лишним бременем.

Очень интересны страницы, посвященные крестьянскому хозяйству (стр. 355 сл.). Уайт вновь поднял старый вопрос, могла ли семья в 3—4 человека прожить на участке в 7—8 юг. (1 $\frac{3}{4}$ га — 2 га). Момзен считал, что наделы от 2—4 до 7 юг. — выдумка и что обеспечить прожиточный минимум такой семье мог участок самое меньшее в 20 юг. Ошибка его в том, что он представлял эти 20 юг. как хлебную ниву, оставаемую каждый второй год под паром. Таких хозяйств не было в древней Италии, как нет и в нынешней. Итальянские ученые, которые, по словам Уайта, «понимают экономику мелкого хозяйства», утверждают, что семиюгерного участка, обрабатываемого вручную, достаточно (при наличии общественного выгона) для семьи в 4—5 человек (стр. 346 и 513, прим. 19—21).

В 12-й главе Уайт обращается к анализу хозяйства Катона, Варрона и Колумеллы; определить доходность Катонина оливняка и виноградника можно только предположительно, так как неизвестными остаются расходы на оборудование того и другого, цены на землю, на рабов и т. д.¹⁴

Переходя к Варрону, Уайт обращает особое внимание на его совет хозяину заводить торговые сношения с соседними имениями: продавать соседям свои излишки и покупать у них то, в чем у себя нехватки (I, 16, 3). «Катону и в голову не приходила мысль о том, как выгодны такие торговые связи с соседями» (стр. 396). Может быть, Катону просто было выгоднее торговать с соседним «крепким городом»?

Ссылаясь дальше на ту же главу, Уайт правильно указывает на то, что Катон говорил о небольших имениях, хозяева которых предпочитали обращаться к нужным им ремесленникам в соседний город, но упоминает также и большие поместья, где содержится целый штат разных ремесленников. Странно, что автор не воспользовался ссылкой Варрона на Сазерну и не прикрепил эти последние территориально — к долине р. По. Внимательно отметив все усовершенствования в сельском хозяйстве, введенные за время после Катона, автор особенно настаивает на многоплановости хозяйств, которые имеет в виду Варрон, и подчеркивает развитие полевого хозяйства, обусловленное экономикой всей страны.

Колумелла, так же как и его предшественники, считал идеальным хозяйство, включающее все хозяйственные статьи: пахотную землю, масличник, виноградник, пастбище, небольшой лес. Он обращался не к крупным землевладельцам, а к хозяевам имений средней величины. В его книге мы видим итальянскую агрикультуру в момент ее полного развития, а итальянское хозяйство в момент наивысшей его интенсификации: обязательное соединение на одном и том же участке посевов и посадок, умелое использование разных удобрений, чередование бобовых и зерновых, позволяющее засеивать землю, не давая ей отдыха. Колумелла — первый — потребовал от виллика знания всех сельскохозяйственных работ, сделал его ответственным за отбор и обучение тех, кто определен к такой-то и такой-то работе. Нормы «уроков» для всех сельскохозяйственных работ впервые систематически даны Колумеллой.

¹³ P l i n ., N. h. XV, 11 и 13; C o l ., II, 2, 13; III, 15, 5; III, 21, 11; Уайт ссылается на C o l ., IV и P l i n ., N. h. XVIII, 300.

¹⁴ И Уайт и еще некоторые ученые (см. M. W e b e r, *Römische Agrargeschichte*, стр. 220 сл.; H. D o h r, *Die italischen Gutshöfe nach der Schriften Catos und Varro*, Köln, 1965) решили, что только часть масличника была засажена деревьями и только часть стокерного виноградника — лозами; остальное пространство, величину которого каждый определяет по-разному, занято было посевами, пастбищем, огородом и т. д. Естественное недоверие к таким произвольным расчетам этот разнобой в цифрах еще увеличивает. Может быть правильнее послушно принять цифры Катона: все 240 юг. под оливняком, все 100 юг. под лозами. Это были главные культуры, и на них сосредоточено все внимание автора; при той хозяйственной автаркии, которую подчеркивает Уайт, само собой разумеется, что в хозяйстве имелись и хлебная нива и огород.

В конце книги Уайт ставит вопрос о «прогессе и ограниченном использовании техники». Использование таких «машин», как галльская жатка, зависело от характера места, обработки нивы и употребления соломы: там, где сеяли в гребни (*in liga*), где дорожили зерном и нуждались в соломе, работать этой жаткой было невозможно. Молотили цепами, но уже Катон пользовался молотильной доской (трибула), а Варрон упоминает значительно усовершенствованную «пунийскую повозочку»: все опять таки зависело от качества хлеба, способа, каким он был сжат, наличия рабочих рук. Уайт считает внедрение новых методов работы в сельском хозяйстве процессом крайне медленным: новшества никогда не идут снизу, от крестьян, занятых тяжелой борьбой за существование (стр. 451). Инициативы надо ожидать сверху, от богатого землевладельца, но если земля для него не источник дохода и сельское хозяйство только средство обеспечить себе положение в обществе, то зачем стремиться к улучшениям и повышению доходности? (стр. 453—454).

Были, однако, люди, которые стремились именно к этому, добивались высокой урожайности и вводили всевозможные улучшения. Уайт и сам неоднократно говорил об этом. Вряд ли можно говорить о «неизменных методах обработки» (стр. 452) после его же рассказа о севооборотах, широком использовании зеленого удобрения и пр. Все эти усовершенствования вводили землевладельцы средней руки типа Колумеллы, жившие в своих усадьбах, любившие сельское хозяйство и зависевшие от доходности своей земли.

Особо надо упомянуть «Приложения» — таблицы, представляющие собой сводки документальных сведений по поводу того или другого вопроса, например «О термине *gestibilis*» (стр. 192): все тексты из Катона, Варрона, Колумеллы и Плиния (с добавкой из Феста), где это слово употреблено, с точным переводом. В таком же стиле составлены: «Почвы и посевы»; «Какая почва для какого растения годится» (102—107); «Посев кормовых и кормовые рационы у Катона и Колумеллы» (207—223) не только с переводом, но и с великолепным комментарием; список плодовых деревьев (263—267); термины, обозначающие работников усадьбы и «управленческий аппарат» (377—383) и др. Книга снабжена прекрасно подобранными иллюстрациями.

* * *

Вторая книга Уайта, на которой предстоит здесь остановиться подробно — «Сельскохозяйственное оборудование в римском мире»¹⁵, — вышла в свет в 1975 г. и дополняет собой его первую книгу о сельскохозяйственном инвентаре¹⁶, посвященную орудиям работы (лопаты, мотыги, серпы, ножи, рала и т. д.): она содержит главным образом описание хозяйственной и домашней утвари. Только в первой части автор занят материалом, которому не нашлось места в первой книге: орудиями, которыми убивают землю¹⁷, «приданым для виноградника» (колья, ярма), изгородями. Затем идут канаты, веревки, сети, измерительные инструменты, приспособления для зачерпывания и вытаскивания воды. Вторая часть посвящена всему, что плели из древесных и кустарниковых веток, из тростника и спарта; третья — посуде: глиняной, деревянной, металлической и кожаной; четвертая — «смесь» (палка, пастуший посох, стрекало).

Метод работы автора — тот же, что и в первой книге: приведены все тексты из латинских авторов, где упоминается предмет, дан перевод их, затем идет «обсуждение»: из чего он сделан, для чего предназначен, как им работали или пользовались, потом перечисляются сохранившиеся экземпляры и указаны места, где они находятся.

Уайт в этой работе является «первооткрывателем». Если в книге о сельскохозяйственных орудиях он мог использовать труды своих предшественников (например, Одрикура, Гоу и Лезера о ралах, Колендо и Мертенса о жатве и «жатвенной машине»),

¹⁵ K. D. White, *Farm Equipment of the Roman World*, Cambr., 1975.

¹⁶ См. прим. 7.

¹⁷ Сюда же, совсем не к месту, попали мельницы и ступки, в которых обталкивали зерно.

то здесь он начинал «с пустого места»: сомнительно, чтобы книги, перечисленные в библиографическом указателе (стр. 241—242), оказали ему большую помощь (кроме работы Морица о мельницах, Драхмана о трапетах и прессах для маслин и последних работ о римской посуде, упомянутых на стр. 108). Уайт сам говорит о том, как мало и плохо разработан материал об утвари, использовавшейся в сельском хозяйстве, не скрывая при этом, что бывает очень трудно определить и форму и назначение некоторых предметов: в литературных источниках исчерпывающих сведений нет, о точности терминологии авторы не заботятся и называют иногда один и тот же предмет разными именами, а сходные, но все-таки различные, одним и тем же. Между тем точное определение предмета, его формы и назначения, дало бы многое для понимания текста: в тех случаях, когда речь идет о реконструкции «машин», например винтового пресса или трапета, точное обозначение составных частей необходимо; отсутствие этой точности объясняет многочисленные ошибки в переводах Витрувия и Плиния. Только при точном определении предметов возможно уяснить себе те инвентарные списки, которые так много дают для понимания экономической истории древней Италии (Катон, Палладий, надписи — например храмовые инвентари, кодексы законов, эдикт Диоклетяна о ценах). Надо отдать должное Уайту: привлекая все имеющиеся в нашем распоряжении источники, тщательно их сопоставляя и в них вдумываясь, он многое определил и описал с такой точностью, что перекладывать и дополнять его придется только в том случае, если появится новый материал.

В первой главе первой части речь идет о катках и трамбовках, о ступках и мельницах. Со свойственной автору способностью видеть за обобщающими названиями конкретные предметы он определил разные типы катка (*cylindrus*): тяжелый обтесанный в виде цилиндра камень, которым уплотняли и уравнивали поверхность тока, и другой, гораздо меньший, которым садовники приминали землю на грядках, где были посеяны очень мелкие семена. Так делается и сейчас, и автор не упустил случая показать осведомленность древних в огородничестве: Колумелла советует прикатывать землю именно после посева базилика: крохотные семена его следует прикрыть тонким слоем земли, но плотно прикатать землю, иначе семена начинают гнить (*Col.*, X, 318—21; XI, 3, 34). В разделе о ступках Уайт перечислил все операции, для которых они требовались, и разные их типы: зерно для крупы обталкивали длинным, тяжелым пестом (*pilum ligneum*) в узкой высокой ступе, выдолбленной из древесного ствола (*pila lignea=fistula*); тесто вымешивали в похожей на модий глиняной «макитре» — *mortarium* (*Sato*, 74). У врачей были маленькие ступки для растирания лекарственных снадобий. Заслуживает внимания комментарий к очень трудному месту Плиния (XVIII, 97), где упоминается *fistula serrata* (ею пользовались в Этрурии): это ступка с вырезами на дне, которые напоминают зубцы пилы и расходятся концентрическими кругами. Непонятно, почему в число ступок автор включил трапет (внешняя форма вряд ли давала на это право), тем более, что он подробно занялся трапетом в *Appendix A* (стр. 225 сл.).

Вторая глава — «Подпорки в винограднике» (стр. 19—23) — особенно важна, так как здесь впервые дается точная терминология для разного вида подпорок.

Глава об изгородах (стр. 24—28) представляет собой хороший комментарий к соответствующим главам Варрона (*R. r.* I, 14) и Колумеллы (I, 6, 4; IX, 1, 3—4; XI, 3, 4 сл.). Интересен подсчет, произведенный Уайтом для изгороди, окружающей пространство в 10 югеров (около 2,5 га) и состоящей из столбов, поставленных один от другого на расстоянии 8 футов, просверленных — каждый в трех местах — и соединенных жердями, пропущенными в эти дыры. Для такой изгороди потребовалось бы 2700 столбов, в них надлежало проделать больше 8000 дыр. Естественно отрицательное отношение Колумеллы к изгородям такого типа.

Странно, что автор обошел молчанием каменные стены, о которых, как о новшестве, говорит Варрон (*R. r.* I, 14, 4); Плиний рассказывает о технике их возведения (XXXV, 169).

Большого внимания заслуживает отдел о веревках, канатах и об их изготовлении (стр. 29—38): ни одно хозяйство не может обойтись без веревок большей или меньшей

шолщины, и нет ни одной области в сельском хозяйстве, которая была бы так мало известна даже тем, кто занимается итальянским сельским хозяйством. Перечислив материалы для изготовления веревки (конопля, лен, камыш, спарт) и рассказав о технике производства ее, автор переходит к разным их видам и уточнению терминологии: *funiculus* — канат, *funiculus* — веревка; *linea*: 1) шнур и 2) отвес; *logum* — ремень; *gestis* — веревка.

Вторую часть (корзинки и плетенки) предваряет краткое сообщение о способах, какими перевозили в Италии грузы. Тяжелые четырехколесные телеги здесь не годились уже в силу рельефа страны: с холмистых склонов, покрытых нивами и виноградниками, вино и хлеб можно было спускать вниз только на людских спинах или на вьючных животных. Тяжести и перевозили, главным образом, на них. В маслиннике Катона навоз в корзинках развозили ослы (10, 1). О караванах ослов, навьюченных зерном, вином и маслом, говорит Варрон (Р. г. II, 6, 5). Какого вида были эти корзинки и вьюки, из чего они делались? Автор делит эти «вместилища» на «твердые», т. е. изготовленные из прутьев, и «мягкие»: из веревок, камыша, спарта, пальмовых листьев. Бесцветная «корзина» предстает в виде одиннадцати предметов разной формы и разного назначения. Если мы вспомним, что и переводы и большинство наиболее употребительных словарей называют «корзиной» и *corbis*, корзину, куда жнец бросал срезанные пучки колосьев, и *canistrum*, корзинку, в которой подавали на стол хлеб и фрукты, и ситца, бочку, глиняную или сплетенную из прутьев, пальмовых листьев или спарта, куда ссыпалось зерно, и *scigrea* или *sigrea*, плетеный из прутьев короб, в котором обычно возили навоз, то ясным станет значение этой конкретизации. Особо следует отметить страницы, посвященные телегам (так как боковые стороны телег часто бывали сплетены из прутьев, то это дало автору повод остановиться вообще на устройстве итальянских телег — стр. 81) и ульям, чья конусообразная форма, а также материал, употребляемый для их изготовления (прутья, древесная кора, ферула), так необычны для современного читателя латинских авторов.

В отделе о «мягких вместилищах» (стр. 88—104) Уайт рассказал о *fiscus*, мягкой кошелке из пальмовых листьев или спарта, в которой ставили под пресс маслины, виноградные гроздья, а также свежий творог (чтобы получить сыр, требовалось предварительно удалить из творога всю сыворотку); о *saccus*, мешке для зерна или муки из грубого холста или ткани из козьей или верблюжьей шерсти; *clitellae* — вьюках, *colum* — цедилке (не совсем понятно, почему в этот отдел попали *capistrum* — кожаный недоуздок — и сита). На цедилках автор задержался ввиду того, что этим названием обозначались предметы разного назначения: 1) *cola prelogum* Вергилия (Georg. II, 241) = *cola vitilla* у Катона (11, 2): с помощью этих цедилок удаляли из только что выжатого виноградного сока кожицу, нераздавленные ягоды и вообще все, что попало в корыто, где давили виноград; — плели их из прутьев; 2) цедилка из камыша или спарта: ею снимали «цветок» (*florum* — плесень, которая появляется иногда на вине и которую надо немедленно удалить, иначе вино закиснет) с вина, как и пену с кипящего муста, увариваемого до $\frac{2}{3}$ или $\frac{1}{3}$ прежнего количества: получался густой, очень сладкий напиток — дефрут или сапа; 3) *colum nivarium*, куда клали снег и через него процеживали для охлаждения вино. Только очень хорошие вина могли, по словам автора, сохранить свои качества после такой операции; вина похуже процеживали через полотняный мешочек, чтобы удалить всякие попавшие туда предметы.

Уайт, как уже было указано, неизменно называет имеющиеся изображения упоминаемых им предметов, причем всегда указывает на ошибки и неточности, встречающиеся в словарях Рича¹⁸ и Дарамбера¹⁹, т. е. в тех, которыми чаще всего пользуются. Поправки Уайта столь убедительны, что становится очевидной необходимость сверять статьи этих словарей с его книгой.

¹⁸ A. R i c h, A Dictionary of Roman and Greek Antiquities, L., 1874.

¹⁹ D a r e m b e r g — S a g l i o, Dictionnaire des antiquités grecques et romaines, P., 1877—1901.

Предметы из глины, камня, металла, дерева и кожи, которыми занят автор в третьем отделе (стр. 105—204), чрезвычайно разнообразны и по форме, и по величине, и по материалу, а также по своему употреблению. Установить эту форму и величину бывает иногда очень трудно, потому что терминология у древних авторов не точна и часто они употребляют названия общие, а не определяющие именно этот предмет («сосуд», «кувшин», а не *hydria* или *lagoena*). Кроме того, часто одна и та же вещь служит для нужд разных. К этому следует добавить, что глиняную посуду рассматривали, главным образом, с точки зрения эстетической, мало обращая внимания на ее использование в быту и не заботясь о классификации всех этих горшков и мисок.

Так как большая часть предметов, о которых пойдет речь, связаны с виноделием и приготовлением оливкового масла, то лишь ясное понимание этих операций поможет точному определению того или иного сосуда, того или иного орудия. Поэтому их характеристику Уайт предваряет очерком работы винодела и винооторговца — от виноградного сбора до розничной продажи, ясным, кратким и живо написанным. Привлекши свидетельства литературные, изобразительные, археологические, автор увязал все работы с теми предметами, которыми при этих работах пользуются. Виноградарь особым ножом срезает гроздь и кладет их в корзинку — *qualus vindemiatorius* (Dig. XXX, 7, 8) или просто *corbula* (Varr., R. r. I, 15); наполнив ее, он пересып виноград в другую большую корзину *qualus exceptorius*. Эти корзины осел подвозит к большому каменному корыту правильной прямоугольной формы (*fogus*), где виноград, прежде чем отправить его под пресс, дают ногами. Сок сливается по трубам в ниже стоящие глиняные чаны (*labra*), а раздавленную массу, в которой остается еще много сока, накладывают в кошелки (*fisci*) и отправляют под пресс. Выжатый сок (*mustum*) разливают в погребе в глиняную посуду разной вместимости (жаль, что к описанию винного погреба на вилле № 13 под Боскореале не приложено плана: не у всякого читателя окажется под рукой «Roman Farming» Уайта, куда за этим планом рекомендуется обратиться).

Покупатель мог приобрести вино у хозяина виноградника прямо из его винного погреба: вино наливали в *culleus* — мех из бычьей шкуры, который водружали для перевозки на высокую платформу. Уайт подробно останавливается на торговле вином, оптовой и розничной. Литературные источники тут почти ничего не дают, зато изобразительные очень много. (Автор впервые правильно истолковал рельеф из *Ince Blundell Hall* — превосходную иллюстрацию к продаже вина прямо из погреба). Тарой при перевозках на дальнее расстояние служили амфоры, а в северных провинциях деревянные бочки (*cupae*); сохранилось несколько их экземпляров. Живое представлено о таких перевозках дает табл. 9 b: большая баржа нагружена банками и амфорами, которые для предохранения от всяких толчков и ударов одеты в крепкую плетенку, по всей видимости, из веревок. Вино, которое отправляли в относительно небольшом количестве и на близкое расстояние, везли, как уже говорилось, в *culleus* — обильная вместимость его равнялась 20 амфорам (около 635 л.)

За вводными страницами отдела (112—117 стр.) следует 40 параграфов, озаглавленных — каждый — названием того сосуда, о котором идет речь. Эти параграфы, так же как и предыдущие, представляют собой маленькие исследования и открытия, освещающие многие стороны бытовой и хозяйственной жизни Рима. Не перестаешь удивляться терпеливой настойчивости и скрупулезной тщательности, с которой автор подбирает каждую крупицу сведений, хоть как-то объясняющих эти плетенки, тазы и миски. Лингвистика и археология, изобразительные искусства и литература, сборники законов и надписи, этимологии Исидора, глоссарии и работы громатики — использовано все, чтобы представить боченок или горшок в их подлинном виде и хозяйственном значении. По поводу каждой вещи Уайт уясняет настоящий розыск, значение которого читатель сможет уяснить, когда, узнав по словарю (хотя бы Георгеса), что *anepum* и *cortina* — это «котел», и справившись с изображениями этих котлов в словаре Дарамбера, постарается не просто прочесть у Катона и Колумеллы об очистке масла от отстоя (*amurca*), а понять эту работу. Оказывается, что *anepum* и *cortina* действительно котлы, но разной формы. В *anepum* кипятили воду и виноградный сок, красили овечью

шерсть. Cortina — котел совсем иной формы, которую Уайт определил на основании Варрона (L. 1. 7, 48): большая полукруглая посуда, широко открытая, в ней тоже кипятили воду и виноградный сок, но пользовались ею и для других нужд: разогревали смолу для осмаливания винных доливов (табл. 15 с хорошо объясняет эту работу): *alenum* тут по своей форме не годился, как не годился и при очистке масла, для которой употребляли свинцовые *cortinae*. Автор объясняет технику этой работы: «кортину» ставили на дно чана, куда из-под пресса лилось масло, и «разливатель» (*scapulator*) черпаком осторожно переливал масло в другой чан, оставляя почти весь отстой на дне «кортины». (Попутно Уайт исправил ошибку в английском переводе Катона, вышедшем в Loeb Classical Library.)

Читая «Обсуждения» Уайта о таких, казалось бы, известных предметах, как долии, амфора, модий, видишь, сколько конкретных подробностей им добавлено. Он объяснил грушевидную форму долии: виноградный сок во время брожения (его сразу разливали по долям из *lacus torcularius* — огромного чана, куда он стекал из-под пресса) требует простора: иногда он разрывает сосуд, в котором находится (Varr., R. r. I, 13, 6). Во избежание этого долии не закрывают крышкой, пока вино не перебродит, и не доливают до краев. Крышки были двух видов: *operculum*, плотно входившие в горловину долии, и *tectorium* «шапочка»: надета поверх *operculum*, она покрывала долии как бы крышей. Вместимость долии были разные: от 10—15 амфор и до 65. Из слов Колумеллы следует, что наиболее употребительны были долии, вмещавшие 30 амфор; такие именно и были найдены *in situ* в погребе одной из вилл под Боскореале. Об изготовлении доливов автор рассказывает, ссылаясь на «Геопоники» (VI, 3, 4 «Из Анатолия»). Как ни консервативны приемы ремесленной техники, но можно ли считать компиляцию IX в. н. э. надежным свидетельством и для времени Катона и Колумеллы?

Из винной посуды всем наиболее знакома амфора: ее упоминают не только латинские авторы, но и русские поэты. По обычному представлению это высокий узкий сосуд с двумя ручками. Такая форма, оказывается, была отнюдь не единственной. В лагере преторианцев найдены амфоры, значительно отклонявшиеся от этого стандарта. К концу II в. н. э. тонкую стройную амфору августовского времени вытеснила круглая. Уайт сообщает интересные подробности об изготовлении амфор: делали их на гончарном колесе, лепили и руками, накладывая глину на плотный веревочный каркас. Часто верхнюю половину и нижнюю изготавливали отдельно и потом соединяли: на некоторых амфорах ясно видны следы пальцев гончара, скреплявшего вместе обе половины. Амфоры служили не только для вина и масла, как обычно думают: в них насыпали муку, маслины, свежие и соленые, наливали в них мед и разные сорта гарума. Под Туринном (*Augusta Taurinorum*) было найдено огромное количество амфор с превосходной гончарной глиной.

Интересное объяснение Уайта, почему около эмпория под Авентином возникла огромная гора черепков, известная под именем *Monte Testaccio*: амфоры и долии из-под вина можно было использовать неоднократно (Катон сообщает, как починить треснувший долии: *De agr.* 39), но посуда из-под масла ни для чего больше не годилась, и тысячи амфор, в которых его привозили из Испании, выбрасывались за ненадобностью.

К сосудам, куда наливали вино, относятся *ogcae* и *seriae*, форма и назначение которых впервые точно определены автором. *Ogca* — сосуд сферической формы (определить ее позволил текст Феста); именно такой найден был в Помпеях; диаметр его около 1,5 м, высота несколько больше. *Seria* меньше долии и отличается от него формой: это сосуд с прямыми стенками, куда сливали уже перебродившее вино. Громатики упоминают его как межевой знак. Большого внимания заслуживает § 20: «*linter*». Автор отменил неверные толкования этого слова и указал неоспоримо, опираясь на Тибулла (I, 5, 32—24) и «Георгики» (I, 262), что это было небольшое удобоносимое корыто, в котором давили виноград. Объяснение это сопровождается важным примечанием: не надо думать, что виноградарством занимались только в рабовладельческих поместьях и вели его с расчетом на крупную торговлю. Вино входит обязательным ингредиентом в пищевой режим южных стран, и крестьянин на своих немногих югерах сажал, ко-

нечно, несколько лоз, чтобы иметь вино для себя и своей семьи. Давил он виноград ногами в корыте, выдолбленном из дерева — *linter*, и обходился без всякого, самого примитивного пресса, как обходится без него и сейчас во многих местах.

Читая выписки из различных источников, пользуясь которыми Уайт строил свои «обсуждения», видишь, сквозь какую чащу недомолвок, противоречий, небрежного употребления терминов ему приходилось пробираться, чтобы дать точное описание того или иного предмета. Неудача постигает его крайне редко, и он ее открыто признает, как в случае с *passiterna*: это название Уайт ставит в связь с *nares* «ноздри», но за отсутствием ясных свидетельств «вынужден признать, что о форме „насситерны“ мы ничего не знаем; можно сделать некоторые о ней заключения, исходя из этимологии». А так как писатели-агрономы неоднократно говорят об *ingratia* — поливке огородных грядок и саженцев в школке тонкими струйками, то, приняв во внимание один средневековый образец, Уайт представляет себе эту итальянскую лейку так: сосуд в виде графина с дырой в дне и маленьким отверстием вверху; садовник опускал сосуд в воду, заткнув нижнюю дыру пальцем, а затем, открыв ее, начинал поливку. Надо признать, что такая лейка была бы крайне неудобна хотя бы уже потому, что вода из нее шла бы одной струей. Нельзя ли предположить, памятуя о связи с «ноздрями», сосуд, одна сторона которого была вся в мелких отверстиях, «ноздрях»: зачерпнув воды, садовник закрывал ладонью «ноздри» и, открыв их у грядки, поливал растения ее множеством мелких струек.

Нет ни одной страницы в этой книге, которая не обогатила бы читателя сведениями, не осветила бы новым светом то, что казалось известным и вполне ясным. Вот, например, *mulstrum*: перевод этого слова «подойник» правилен, но итальянский подойник совсем не похож на наш: это широкая плоская миска. Не похож на наш и самый процесс доения молока: пастух (доили обычно мужчины) садился не сбоку козы или коровы, а сзади нее. Иллюстрация (табл. 11 *b*) превосходно дополняет объяснение автора. *Mulstrum* называлось и ведро с крышкой, в котором молоко отправляли на рынок. Слово *olla* встречается у многих латинских авторов, что оно означает «горшок», читателям известно. Уайт рассказал, из чего он делался (глина, бронза), какой величины бывал, в каких случаях употреблялся: пустое имя не только наполнилось реальным содержанием, автор провел перед читателем ряд бытовых живых сценок.

Следует отметить неукоснительное стремление автора показать любой предмет в его разнообразном использовании (*olla*, *labrum*, *cupa*) и объяснить разницу, иногда весьма незначительную, между предметами, обозначаемыми в переводе одним и тем же словом: *culleus* и *uter* = мех, но *culleus* сделан из цельной бычачьей шкуры; *uter* — мех гораздо меньшего размера, обычно козий; *situla* и *hama* = ведра, но *situla* — тяжелое, часто бронзовое ведро, *hama* (употреблявшееся, между прочим, при тушении пожаров) — легкое, деревянное.

К книге приложено два «Дополнения». Appendix A объясняет, как изготовлялось оливковое масло, но его можно было бы озаглавить «От сбора маслины до пресса»: срезки маслин, удаление косточек, «машин», с помощью которых это делается, — *mola olearia*, *trapeum*, *canalis et solea*, *tudicula*, — прессование полученной массы и разные виды пресса. Appendix B содержит ботаническое описание деревьев, кустов и трав, дававших материал для изготовления разных корзинок, кошелок, свясел и веревок.

Почти все параграфы Уайт снабдил справками о том, в каких новых книгах можно найти изображение того предмета, о котором идет речь. Это очень ценно, так как словарь Дарамбера ссылается на работы старее, и не всегда эти указания верны. Прекрасно подобраны иллюстрации, поясняющие текст.

Приступая к этой книге, автор ставил себе скромную задачу: возможно точнее определить и описать предметы, наиболее употребительные в хозяйственном обиходе и домашнем быту, но, говоря словами Гейне, перо автора сделало больше, чем он хотел. Все эти горшки и миски, котлы и корзины не только обрели конкретную форму: они стали на свое место в картине повседневной жизни, хозяйственной и домашней, ожили в ней и оживили ее. Мы увидели крестьянина, выжимающего в деревянном корыте свой скромный урожай винограда, и богатого хозяина, продающего оптовому покупателю вино

из своего погреба, маслодела, озабоченного тем, чтобы отстой не попал в масло, работников, плетущих корзины и обрушивающих крупу, хозяйку у очага. Важные операции хозяйственной деятельности и бытовые мелочи нашли место в его труде. Автор написал еще одну очень нужную книгу о трудовой жизни древней сельской Италии.

М. Е. Сергеевко

P. R. C. WEAVER, Familia Caesaris. A Social Study of the Emperor's Freedman and Slaves, Cambridge University Press, 1972, 330 стр.

Рассматриваемая книга уже не может быть названа новой. Она достаточно широко вошла в научный оборот и за рубежом, где появилось немало рецензий на нее, — по обыкновению, кратких ¹, и в отечественной литературе, где ссылки на нее тоже стали обычны ². Думается все же, что книга Вивера, принадлежащая к важному для современной науки направлению, заслуживает и более подробного разбора.

В текущей литературе об античном рабстве ³ конкретные исследования все явственнее преобладают над априорными рассуждениями. И небезынтересно, что несколько недавних книг оказались посвящены одному и тому же — будто бы периферийному для «рабской» проблематики — вопросу. В них исследуется стоявшая в стороне от производительного труда группа, чей жизненный уровень и социально-бытовой престиж были парадоксально высоки для ее сословного статуса. Это — рабы и отпущенники императора, занятые в дворцовой и особенно в административной службе.

Одновременное обращение нескольких исследователей к давно не изучавшемуся столь интенсивно материалу вряд ли случайно. Видимо, материал этот открывает какие-то новые аспекты и для более широких проблем. С этого, собственно, и начинается введение к своей книге ее автор — профессор Тасманийского университета П. Вивер, выполнивший и опубликовавший свой труд в Англии.

Его исходными положениями можно, пожалуй, считать три тезиса (стр. 1): 1) «В изучении социальной структуры римского мира I и II вв. нет ничего более важного или более сложного, чем классы рабов и освобожденных рабов»; 2) «В раннеимперский период уровень социальной мобильности был достаточен, чтобы не дать насилию и социальной неудовлетворенности сломать структуру общества»; 3) «Социальная лестница внутри самих упомянутых классов и длинна, и сложна».

Итак, исследуемая группа как раз и избрана автором ввиду «исключительно высокого статуса и мобильности», которые служили «побуждающим примером» для прочих (стр. 2). Изучение этой группы имеет и другую сторону: «Основная часть имперской гражданской администрации состояла из лиц, чей ранг был ниже всаднического, и которые почти все были императорскими отпущенниками и рабами» (там же). Отсюда — вторая проблема, занимающая автора книги: административная и социальная история этих уровней гражданской службы.

В дальнейшем изложении мы предполагаем пройти вслед за автором по исследуемому им материалу, останавливаясь на существенных, с нашей точки зрения, выводах,

¹ P. Grimal, REL, 51 (1973), P., 1974, стр. 433—436; H. Chantaine, «Historische Zeitschrift», 220 (1975), Ht. 2, стр. 399—400; J. H. D'Arms, AJPh, 96 (1975), № 3, стр. 335—339; H. Castritius, «Byzantinische Zeitschrift», 68 (1975), Ht. 2, стр. 428—429 и др.

² См., например, Е. М. Штаерман, В. М. Смирин, Н. Н. Белова, Ю. К. Колосовская, Рабство в западных провинциях Римской империи в I—III вв., М., 1977, стр. 57 слл., 121, 191 слл.; Л. П. Маринович, Е. С. Голубцова, И. Ш. Шифман, А. И. Павловская, Рабство в восточных провинциях Римской империи в I—III вв., М., 1977, стр. 62.

³ «Всякий знает, — пишет П. Грималь в рецензии на книгу Вивера (стр. 433), — что проблемы, касающиеся античного рабства, — на очереди дня».

а также обращая внимание на применяемую им методику — ее сильные стороны и ее слабости.

Но прежде всего — оговорка, важная для читателя, хотя и малозаметная в книге («Приложение I» — стр. 299 сл.): термин «familia Caesaris», прилагаемый Вивером к изучаемой группе и вынесенный им в заголовок книги, в употребляемом автором значении неизвестен древности. Он представляет собой изобретение исследователя и при всей естественности звучания, при всем удобстве для пользования, может употребляться только условно⁴. Как показывает сам автор, выражение «familia Caesaris» встречается в источниках изредка (Frontin., De aqu. 116 сл.; CIL, III, 7380 = Dessau, 5682) и всегда в смысле ином, чем тот, который предложен читателю книги. Как и «familia publica» (и вообще «familia»), оно прилагается лишь к *отдельному коллективу* — рабской «команде» или «штату» какой-нибудь конкретной хозяйственной или административной и т. п. единицы. Причисление отпущенников к фамилии (строго говоря, обнимающей только лиц in manu и in potestate: жену, детей, рабов) — тоже расширительное понимание термина, но (и это оговаривается автором) *свойственное самой древности*⁵.

Таким образом, в дальнейшем изложении «familia Caesaris» (для краткости — FC) — *условное* обозначение всей совокупности императорских рабов и отпущенников, занятых в дворцовых, и в административных (рассеянных по Империи) службах. Сюда не попадают «рабы, трудившиеся в императорских рудниках и каменоломнях, как и в имениях», потому что, по утверждению Вивера, эти рабы (очень низкого статуса), за редчайшими исключениями, «не носили указаний на статус императорского раба» (стр. 5).

FC (в том смысле, какой вкладывает в это обозначение Вивер) охватывает собой прежде всего рабов, которые находились во владении императора как его личная собственность или как часть patrimonium, переходившего к его преемникам. Сюда же включаются и отпущенники императора, связанные с ним формальнообязательственными отношениями отпущенника и патрона; но и права патрона наследовались императором-преемником⁶ (отсюда преемственность в рабско-отпущеннической службе — отдельные карьеры прослеживаются на протяжении нескольких правлений: самая долгая — от Тиберия до Домициана) (стр. 2).

Эту особенность FC, как и некоторые другие (хотя бы невозможность четкого различения между функциями «домашними» и административными), автор, видимо справедливо, связывает с «самим положением императора в ситуации социальных и политических перемен» (стр. 5). Он отмечает «двусмысленное положение» императорского патримония как собственности «более, чем личной, и менее, чем государственной, — привязанной к императорскому званию» (там же). «А что сказать, — спрашивает он далее, — о термине „фиск“ (Dig. 43, 8, 2, 4: res enim fiscales quasi propriae et privatae principis sunt), о его роли в финансовой структуре Империи?» (стр. 6).

Итак, FC, по меткому замечанию Вивера, представляла собой «частный штат императора, явившийся для выполнения публичных или полупубличных функций» (стр. 5), что ломает традиционные категории, приложимые к фамилии частного лица и позволяет говорить о чем-то вроде ordo libertorum et servorum principis. Это наблюдение (не развиваемое автором далее) выглядит очень существенным: развитие частной фамилии в государственный институт и в quasi-ordo представляет собой, как нам кажется, закономерное (хотя и парадоксальное) развитие рабовладельческого общества и государства, которое, выйдя за пределы, регулируемые институтами гражданской

⁴ Неантичное происхождение термина «familia Caesaris» в его виверовском употреблении подчеркнуто в рецензии Грималья (стр. 434).

⁵ См. стр. 299. В надписях отпущенники часто предстают как часть фамилии (особенно в надписях фамильных коллегий и из колумбариев, хотя есть и более строгая формула «liberti et familia»).

⁶ О наследовании собственности на рабов и прав патрона императором-преемником подробней см. G. Boulvert, Domestique et fonctionnaire sous le Haut-Empire romain. La condition de l'affranchi et de l'esclave du prince, P., 1974 (в особенности стр. 53 сл. — о наследовании патримония и патронатных прав Юлиев—Клавдиев Флавиями, которые не состояли с ними даже в формальном родстве).

общины, утилизирует для нужд государственного управления не только военную, но и частную фамильную⁷ организацию, исподволь подменяя принципы гражданскообщинные частнорабовладельческими. (Начало этого процесса можно проследить и для республиканского времени — вспомним отпущенников Суллы или Секста Помпея.)

Вивер определяет «наиболее важное функциональное разделение» внутри FC: «штат, занятый в личном обслуживании императора как крупнейшего из магнатов» и «штат помощников императора в его магистратских должностях, хотя с широкой и нечетко очерченной сферой компетенции» (стр. 5). Карьера одних и тех же рабов и отпущенников могла включать (хотя редко — больше на раннем этапе развития FC, см. стр. 274 сл.) должности из обеих групп.

Обращаясь к вопросам методики исследования, Вивер отмечает, что избранная им социальная группа удобна для изучения. Возможность персональной и хронологической идентификации резко выделяет эту группу среди прочих. Обилие материала (свыше 3 тыс. надписей) допускает квазистатистическую обработку. Надписи (надгробные, посвятельные, официальные) позволяют идентифицировать около 4 тыс. императорских рабов и отпущенников. Многие надписи дают информацию, хоть и скудную, о женах, семейных связях, возрасте, о занятиях и должностях, о членстве в коллегиях, благотворительности, почестях и т. п. Распределение материала по Империи неравномерно: около 75% надписей — из Рима, около 80% — из Рима и Италии; провинции (кроме Африки и отдельных центров) представлены хуже — особенно грекоязычные (кроме Малой Азии), греческие надписи составляют около 5% (до 200). Обработка материала в книге «более статистическая, нежели просопографическая — исключение: отпущенники высших рангов» (стр. 8—9).

Столь же кратка характеристика литературных источников: римские авторы, говоря о FC, высказывают предубежденность, тягу к сенсационным подробностям, к повторениям и т. п. Уровень контроля над *famuli* становится критерием для оценки императора классовым сознанием современников. Юридические источники (много говорящие о рабах вообще) для FC касаются больше позднейшего времени (с III в.). Наконец, археологические данные важны для датировки немногих надписей, найденных *in situ*.

Историографический обзор в книге предельно сжат. Литература вопроса до 1963 г. очень бедна. Работа Г. Шантрена⁸ охарактеризована как исчерпывающее исследование вопросов номенклатуры; Ж. Бульвера⁹ — как исследование вопросов административных, юридических и социальных. Как перспективные для дальнейшей разработки отмечены вопросы карьеры и семейной жизни (стр. 12—14).

Итак, общие вопросы, связанные с темой, вынесены автором во «Введение». Собственно книга состоит из трех частей, прихотливо объединенных под одним переплетом: внешне — общностью предмета и подхода к материалу, внутренне — интересом к социальным аспектам проблемы.

Первая часть — «Номенклатура и хронология» — посвящена формальным моментам, отразившим историю FC. Во вводных замечаниях автор предостерегает от «опасного и ложного» пути попыток рассматривать историю FC от императора к императору¹⁰. Это обосновывается как методически — относительно датировок для основной массы надписей (точность — до двух десятилетий), — так и соображениями более общими. Влияние отдельных императоров на общее развитие FC, полагает автор,

⁷ «Общественные» рабы (*servi publici*) использовались в этих целях издавна. Статус их всегда был выше статуса частного раба.

⁸ H. S h a n t r a i n e, *Freigelassene und Sklaven im Dienst der römischen Kaiser: Studien zu ihren Nomenklatur*, Wiesbaden, 1967.

⁹ G. B o u l v e r t, *Esclaves et affranchis impériaux sous le Haut-Empire romain. Rôle politique et administratif*, Napoli, 1970. Вивер ссылается также на малотиражное издание второй части исследования Бульвера, опубликованной затем отдельной книгой (см. выше, прим. 5).

¹⁰ Весьма фундированной попыткой такого рода занята значительная часть книги: B o u l v e r t, *Esclaves...* (гл. I—V, стр. 22—232).

прослеживается лишь в самых узких пределах. Мы чаще чувствуем общее развитие, чем улавливаем драматические повороты политики в отдельных решениях (стр. 17).

В вопросе о датирующих критериях автор исходит прежде всего из текста надписей — он настаивает на ненадежности (до неприменимости — по крайней мере для I—III вв.) датировок обычного, например в CIL типа («хорошие буквы середины или конца I в.» и т. п.)¹¹ и очень ограниченную применимость археологических критериев (указывая на опасность замкнутого круга: датировку археологических комплексов по косвенным эпиграфическим данным) (стр. 18).

Первая глава «Датированные надписи» (стр. 20—23) уделена этим немногочисленным памятникам, опорным для исследования вторичных датирующих критериев. Надписи, датируемые определенным годом (по консулам, трибунскому году императора и т. п.), редки (менее 1% отпущеннических, менее 0,3% рабских), хронологическое распределение их неравномерно (половина — после 161 г.). Надписи, датируемые определенным правлением, более многочисленны. Это: метки на свинцовых трубах и клейма на керамических изделиях; посвящения с упоминанием императора или его родственников (большинство — поздние); надписи членов FC, включающих имя императора в свою номенклатуру (большинство — рабские надгробия I в.); надписи, датируемые именами должностных лиц (сенаторов и всадников). Сводный список датированных надписей дан в «Приложении II».

В главе 2 «Nōmina et graepōmina» (стр. 24—41) исследуются возможности и пределы использования этого основного датирующего признака. Но, не говоря уже о дополнительных трудностях¹², само по себе императорское помен отпущенника (в сочетании с граепомен) дает только верхний хронологический предел — *terminus post quem* (скажем, для M. Ulpius — 98 г.). Для примерного установления нижней хронологической границы Вивер применяет один из своих излюбленных приемов — широкое обследование надгробий с указанием на возраст погребенного. Большинство отпущенников переживало отпущившего их императора в среднем на столько, сколько сам отпущенник жил после 35—40 лет (датированные надписи дают предел в 40 лет, чаще — около 20). Более того, для отпущенников, занимавших высокий пост, предоставлявшийся почти всегда лишь спустя сколько-то лет после *манумиссии*, — почти правило: они отпущены при предшествующем императоре.

Специально останавливается автор на вопросе об опущении помен (стр. 38—40). В документальных и «общественных» надписях императорские отпущенники отнюдь не стремятся указывать свое полное имя: так, около 60% всех прокураторов-отпущенников опускают помен (и граепомен). Обыкновение это бытовало всегда — хронологические тенденции здесь неразличимы. Иногда помен восстанавлимо из контекста надписи, но распространенный способ его восстановления при помощи простой подстановки помен вдовы или детей автор отвергает как дезориентирующий (что убедительно обосновывается подсчетами).

В 3-й главе «Указание на статус» (стр. 42—86) рассматривается эта часть номенклатуры, принимающая в FC различные формы, которые могут быть прослежены хронологически, давая новый датирующий критерий¹³.

Распространенная (т. е. включающая имя императора) форма указания на статус встречается у отпущенников почти исключительно в Юлиев-Клавдиев период. Ее исчезновением отмечается изменение самосознания императорских отпущенников, среди которых «росло ощущение принадлежности не отдельному императору, но все более институционализирующейся FC» (стр. 45) параллельно переходу от патримонической к более отчетливо бюрократической фазе административного развития. У рабов (бывших всегда в собственности правящего императора) распространенная форма указания

¹¹ Один из рецензентов (D'Agost, ук. соч., стр. 338—339) считает это мнение слишком скептическим и жалеет об отсутствии в книге фотографий надписей.

¹² Отпущенники (к примеру) Клавдия и Нерона не различимы по помен (как и отпущенники троих Флавиев). Некоторые императорские *nomina* III в. не различаются от ранних (ср. C. Iulius Maximinus и др.).

¹³ Ср. также Chantaine, ук. соч., стр. 140—242.

на статус сохранялась дольше — до Траяна (стр. 46). Отпущенники августы (*Augustae liberti*) сохраняли эту форму всегда (стр. 47).

Касаясь различия в употреблении обозначений «*Caesaris*» и «*Augusti*» (стр. 48—54) применительно к рабам и отпущенникам, Вивер поясняет¹⁴, что *Caesar* — фамильное имя, характеризующее положение императора как *paterfamilias*, *Augustus* же — почетное прозвище, выражающее его официальное положение в гражданской общине (членами которой становились отпущенники). Но различие между этими обозначениями не было абсолютным и неизменным. В надписях форма «*Caes. l.*» (как и «*Caesaris Augusti l.*») указывает на раннюю дату (не так в литературных источниках: Тацит постоянно пишет «*libertus Caesaris*»); «*Aug. lib.*» — господствующая форма от Веспасиана до начала правления Марка Аврелия. У рабов иначе: соотношение форм «*Caes.*» и «*Aug.*» изменится от подавляющего преобладания первой до приблизительного равенства во II в.; после 161 г. появляется форма «*Augg. Caess.*», затем формы с «*Caes.*» встречаются все реже, исчезая после 182 г. (что, видимо, связано с появлением различия между титулами августа и цезаря в императорском доме). Вивер специально подчеркивает, что указание «*seg.*» или «*vegn.*» могло опускаться: в этих случаях обозначение «*Caes.*», следующее за личным именем, всегда указывает на рабский статус, а не относится к названию упоминаемой далее должности.

Затем (стр. 54—57) Вивер указывает на датирующее значение форм с «*n(ostri)*». Это обозначение, относящееся к неформальной номенклатуре, было обычным и для частных рабов с I в., и во всякого рода обращениях к императору. Формы с «*n.*», появившись в FC со времени Веспасиана, ко времени Траяна становятся нормой. Очень существенным кажется нам наблюдение автора, что форма «*n(ostri)*» не имеет греческой параллели и в греческом тексте билингв опускается (надо думать, она отражала представления, связанные именно с римской фамилией). Из рабской номенклатуры эта форма проникла и в отпущенническую, где встречается, правда, редко и больше в провинциях.

Пространный раздел главы (стр. 58—75) уделен случаям, когда отпущенники и рабы указывают на двоих или троих лиц императорского звания как на патронов или господ. Главный предмет исследования (и полемики) — те, не столь уж многочисленные, *Augg. liberti*, чьи надписи явно датируются временем до 161 г.¹⁵ Шантрен и Бульвер думают, что здесь подразумеваются сменявшие друг друга императоры, видя в этом влияние служебной номенклатуры. Вивер связывает эту группу надписей с манумиссиями рабов, находившихся в совместном владении августа и августы. Его понимание (основанное на логических доводах и счетно-логическом анализе) не требует выхода за пределы анализа личной номенклатуры, в которой указание на статус есть регулярная часть имени собственного и указывает: у раба на его нынешнее отношение к господину, у отпущенника на прошлый уже факт манумиссии¹⁶.

Касаясь датирующего значения сокращений в указании на статус (стр. 72—74), Вивер устанавливает тенденцию (характерную только для FC) к переходу от «*l.*» к «*lib.*»: вторая из этих форм употреблялась всегда, но первая может служить очень вероятным указанием на дату до Антонина Пия и вероятным — до Адриана. В указании на рабский статус сокращения датирующих критериев не дают. Далее автор переходит к положению указания на статус в номенклатуре (стр. 76—78). У рабов (и отпущенников при опущении *noмен*) оно ставилось после личного имени. В полном имени отпущенника нормальное место для указания на статус было между *noмен* и *coгномен*, но оно могло ставиться и после *coгномен* (особенно при опущении *praenomen*, входившем в обычай со времени Элиев).

Итак, в развитии отпущеннической номенклатуры время Юлиев—Клавдиев, по Виверу, характеризуется значительными вариациями, особенно в указании на статус;

¹⁴ Со ссылкой на M. Van G, *Caesaris servus*, «*Hermes*», 54 (1919), стр. 174 слл.

¹⁵ После 161 г. такие надписи явно указывают на периоды двойного (или тройного) правления.

¹⁶ Г. Шантрен ограничился в ответ замечанием, что остается при прежнем мнении («*Historische Zeitschrift*», 220, стр. 400).

время от Веспасиана до Антонина Пия — общепринятостью обозначения «Aug. lib.» и строгим порядком: *graeponem*, *ponem*, указание на статус, *cognomen*; со времени Марка Аврелия традиционный порядок все более изменяется, *graeponem* опускается, *ponem* сокращается. В развитии рабской номенклатуры фазы менее различимы: при Юлиях — Клавдиях — простое «Caes.», чаще, чем с «ser.»; при Флавиях форма «Caes. (n.) ser.» господствует; формы с «Aug.» появляются в I в.; «Aug. n.» появляется не ранее Адриана, обычно в сочетании с «*vetna*» (тоже частым после Адриана); с Марка Аврелия форма *Aug(g). n(n).* — с «*vetna*» или без него — вытесняет прочие (стр. 78). Статусная номенклатура варьировалась не только хронологически, но и по регионам (особенно много отличий дает африканский материал).

В заключение главы (стр. 81 сл.) Вивер обращается к вопросу о надписях, где лица с императорскими *nomina* не указывают свой статус. Несмотря на известные нам (по разным надписям тех же самых отпущенников) случаи опущения указания на статус в FC, большинство надписей названного рода, по Виверу, не должно приписываться императорским отпущенникам, по крайней мере без дополнительных доказательств¹⁷. Ведь и тенденция указывать статус была очень сильна, и лиц с императорскими *nomina* известно слишком много, и *nomina* эти могли приобретаться разными путями. Рассматриваемый вопрос подводит автора к более общему — об опущении части римского имени вообще. Часто, подчеркивает Вивер, оно произвольно, и заключать от него к статусу рискованно. Разбор статьи Л. Р. Тейлор, пытавшийся определить долю лиц отпущеннического происхождения в римских эпитафиях времен Империи¹⁸, позволяет Виверу заключить, что работа Тейлор указывает на проблемы и широту нерешенных вопросов, что общие ее заключения, очевидно, верны, но чего ее статья не дает, — это какою-нибудь правилами для интерпретации статуса того или иного лица (стр. 83—86).

Главой 4 «*Cognomina* и *agnomina*» (стр. 87—92) завершается разбор вопросов номенклатуры. Первый ее раздел «*Cognomina*» открывается общим положением: «С середины I в. н. э. *cognomen* вытесняет *graeponem* в качестве личного имени как для отпущенников, так и для свободнорожденных», причем эта перемена произошла значительно раньше у отпущенников, сохранивших свое рабское имя как *cognomen*. Это наблюдение представляется нам очень существенным: ведь речь идет об общем изменении значения элементов римского имени под влиянием рабско-отпущеннической ономастики.

Конкретное обследование личных имен в FC не позволяет выявить для них никаких специфических черт или характерных признаков. Греческие имена, в которых обычно видят свидетельство рабского происхождения, действительно изобилуют у членов FC, но равным образом и у их свободнорожденных жен и детей и не дают никаких хронологических указаний. Латинские *cognomina*, обычно рассматриваемые как свойственные свободнорожденным (*Marcus*, *Rufus*, *Verus* и др.) — все иллюстрируются более, чем одним примером в FC, а во II — начале III в. появляются и настоящие *nomina*, употребляемые в FC как *cognomina*. «Личные *cognomina*» прокураторов-всадников в середине — конце II в. приближаются к рабско-отпущенническим из FC, а почти все «всаднические» *cognomina* (*Celer*, *Sabinus*, *Saturninus* и др.) становятся обычными и в FC. По наблюдениям Вивера, к концу II в. всякое социальное значение личных имен утрачивается: «Барьеры между личной номенклатурой высших классов и рабского и отпущеннического классов, которые еще ощущались в какой-то мере в начале и середине I в., разрушились в ходе II в.» (стр. 90). В этом автор видит «симптом взаимопроникновения классов в обществе Римской империи», и если он выявился отчетливее в личной номенклатуре FC, сравнительно с другими рабскими и отпущенническими группами, то в этом сказалась ее роль (как элемента «исключительно высокой социальной мобильности») в «изменении социальной структуры Ранней империи» (там же).

¹⁷ Как это делали даже авторитетные исследователи (В. М. Рамзей и др.) — см. рец. кн., стр. 81, прим. 1.

¹⁸ L. R. Taylor, *Freedmen and Freeborn in the Epitaphs of Imperial Rome*, *AJPh*, 82 (1961), стр. 113 слл.

Думается, что вывод автора о взаимопроникновении «классов» (и даже, пользуясь менее обязывающим термином, — социальных групп) несколько поспешен (ср. хотя бы ниже о гл. 11). «Исключительно высокая социальная мобильность» членов FC, на наш взгляд, — тоже преувеличение (и именно для II в.) (об этом также см. ниже). Тем не менее скромные ономастические наблюдения Вивера, видимо, действительно отражают симптоматичные сдвиги, пусть еще не в самом социальном строе Империи, но, если можно так выразиться, в его неосознанном восприятии общественным сознанием.

Что до краткого раздела об *agnomina* (стр. 90—92), то он посвящен специальному вопросу об *agnomina* на *-ianus*, специфичных для FC (указывают на один из источников ее пополнения) и существенных для хронологии. Образованные от хорошо известных имен (в том числе — от имен императорских отпущенников — *Acteanus*, *Eraphroditianus* и т. п.), они дают *terminus post quem*. Время бытования подобных *agnomina* — до Траяна включительно, но исчезновение их не означает, что поступление рабов в FC из других фамилий прекратилось.

Итак, I часть книги Вивера содержит очень богатый вспомогательный материал, но также и указывает на отражение общих тенденций исторического и социального развития в таком специфическом явлении, как личная номенклатура.

Вторая часть книги озаглавлена «Семейный круг». В римском обществе, утверждает автор, «собственно семья» всегда составляла основную социальную ячейку на любом — вплоть до рабского — социальном уровне. Власть господина, конечно, представляла потенциальную угрозу рабской семье, но произвол господина все больше ограничивался законодательством и он сам все больше понуждался собственными экономическими интересами сообразовываться с домашним законом собственной фамилии, а это означало признание права раба на пекулий с главной целью выкупа на волю и признание семейных связей в среде рабов. «Здесь мы займемся, — обещает Вивер, — нормальной социальной жизнью семейной ячейки и ее функционированием внутри императорской фамилии как целого» (стр. 95). В действительности круг рассматриваемых вопросов гораздо более узок — он почти исчерпывается вопросами статуса членов семьи лиц из FC.

Исходный пункт исследования — сопоставление возраста отпуска на волю и брачного возраста в FC. Возрасту манумиссии посвящена глава 5 (стр. 97—104). Автор заключает, что императорские рабы отнюдь не были привилегированными в отношении ранней манумиссии (что компенсировалось их высоким статусом). Средний возраст манумиссии приходился определенно на 30—40 (а возможно — на 30—35) лет, что отвечало закону Элия—Сенция (и предполагало возможность скопить нужную сумму денег для выкупа). Ранняя (до 30 лет) манумиссия была более частой для женщин и для рабов членов императорской семьи. Далее (в главе 6, стр. 105—111) рассматривается брачный возраст. Хотя рабский брак юридически был лишь «сожителем» (*contubernium*), «терминология законного брака ... столь постоянно использовалась ... в надписях и даже в самих юридических текстах, что можно говорить просто о рабском браке» (стр. 105). Возраст вступления в брак (вычисляемый по надписям, где указаны возраст умершего и число лет, прожитых им в браке) в FC составлял: для мужчин 18—30 лет (в среднем 22 года), для женщины 12 лет — 32 года (в среднем 19 лет). По тем же надписям Вивер судит и о продолжительности браков: для отпущенников — около половины браков — 30 лет, для рабов — около половины браков — 20 лет. (Однако в надписях, как отмечает и автор, цифры указываются именно для долгих браков.) Вывод автора: в большинстве императорские отпущенники женились еще рабами — в среднем за 8—10 лет до манумиссии (дети при *contubernium* следовали статусу матери).

Обрабатываемые данные сами по себе показательны, но как исходный пункт для дальнейших расчетов приведенный вывод уязвим, потому что за ним стоит допущение: он действителен лишь для первых браков, оказавшихся продолжительными. Недаром автор оговаривает, что случаи повторного брака «не должны были» быть обычными и что прямых указаний на них мало (стр. 110). Но и развод и повторный брак были у римлян обычны, и вряд ли брак тридцатилетней женщины (ср. вышеприведенные цифры) бывал первым. Автор сам приводит (стр. 131, прим. 5) пример (CIL, VI, 8957)

императорской отпущенницы, которая умерла 27 лет, сменив троих мужей (двое, — видимо, императорские отпущенники, третий — императорский раб). Пример приведен в ином контексте, но нельзя не видеть в нем конкретного факта, противостоящего голым цифрам. Автор и сам (стр. 153) прямо называет повторный брак в числе «расстраивающих» расчеты факторов.

Основной вопрос следующей главы (глава 7 «Статус жен», стр. 112—136) — о пропорции жен свободнорожденных и рабского происхождения; дополнительный — о хронологических, географических и «должностных» вариациях основной модели.

Исследованию имен жен рабов (стр. 112—122) предпосылается допущение: жены без попен при отсутствии других указаний считаются рабынями (правда, автор специально обосновывает применимость этого допущения именно для FC). Результат обследования «поразителен и важен»: лишь 23% жен императорских рабов могли иметь рабский статус в момент постановки надписи: от 17% в Риме до 46% в Африке (контрольная группа вне FC — 50%). Модель изменяется и хронологически (для первой половины I в. процент жен с указанием на рабский и отпущеннический статус выше), но ни должность, ни характер службы, ни возраст на модель существенно не влияют. Кто же были жены с *popina* — отпущенницы или свободнорожденные?

Для решения этого вопроса автор переходит к другой группе — женам императорских отпущенников (чтобы сопоставить их с женами рабов). Здесь «меняется метод»: на первый план выдвигаются общие цифры по группам и «процентная статистика» (стр. 122), а также делается «дальнейшее допущение», основанное на разности средних возрастов *манумиссии* и брака в FC. Автор принимает, что из женщин с попен, состоявших в браке с императорским рабом, отпущенницы составляли не более трети, так как иначе пришлось бы считать брак раба и отпущенницы нормой, что-де не сходится с «цифрами возрастов» (стр. 123). Эта произвольно (по словам самого автора) устанавливаемая пропорция, ниже именуется «формулой одной трети» и принимается за некую реальность. Но ведь, во-первых, средний возраст *манумиссии* для женщин в FC автором не устанавливается, и он явно был ниже, чем для мужчин (см. стр. 101—102); во-вторых, механическое применение этой «формулы» (на стр. 134 и др.) к женщинам с неимператорскими *popina* лишено даже тени оправдания; в-третьих, надежда на то, что возможное занижение цифры отпущенниц в одном допущении «выровняется» возможным завышением цифры рабынь в другом (стр. 123), очень шатка — и там и тут мы имеем дело с неизвестными величинами.

Итак, выкладки Вивера порой выглядят ненадежными, порой же, напротив, очень эффектными, хотя и здесь иной раз трудно судить, чего в них больше — остроумия или доказательности. Не вдаваясь в детали, приведем некоторые основные цифры. Для императорских отпущенников жены нерабского статуса составляют в целом 95%, (из них *incertae* — 85%; процент отпущенниц с указанием на статус падает с 30% при Юлиях до общей цифры 6%¹⁹). Жены с императорскими *popina* составляли при Юлиях 68% при общей цифре 53%. Автор исследует также «хронологическое» соотношение между императорскими *popina* супругов (по трем типам: *popina* одинаковые, попен жены — более позднее, попен жены — более раннее). Все это приводит автора к выводу об изменении брачной модели в FC: при Юлиях она была близка к модели, характерной для типичной большой (частной) фамилии, с Клавдиев «рабы императорской службы принимают статус, если не функции, *servi publici* [общественных рабов]» (стр. 133). Не потому ли повышается их социальное положение? Не отсюда ли «браки со свободнорожденными — дочерьми и внучками преуспевающих императорских отпущенников или — из влиятельных провинциальных или италийских муниципальных семейств, возрастающие в числе до начала III в.» (там же)?

Последнее предположение автора не только не находит развития в его изложении, но и противоречит его утверждению о наибольшем числе свободнорожденных жен у членов FC именно в Риме, а не в Италии и тем более не в провинциях (см. стр. 135 сл.). Мы же, находя достаточно выразительными те цифры, которые извлекаются автором

¹⁹ Для *Augustarum liberti* — 38% при 58% *incertae*.

непосредственно из материала, позволим себе высказать ряд сомнений, связанных с чрезмерным, на наш взгляд, увлечением автора усложненными выкладками.

Укажем на три (может быть, уже походя затрагивавшихся) вопроса.

1. О применимости квази-математической логики, в частности рассуждений от противного. Думается, такая логика в нашем случае очень опасна. Ведь в теореме, где такие рассуждения применимы, все данные полагаются известными, мы же имеем дело с материалом, где неизвестного заведомо много, а мера его сама заведомо неизвестна. Мы и в рецензируемой книге находим пример (на стр. 153), когда из-за неучитываемых факторов реальные цифры (детей с попом отца и с попом матери) оказываются *обратны* логически выведенным.

2. Об отрыве цифр от фактов. Делая допущение за допущением, мы рискуем где-то оторваться от всякой реальности. Где та грань, за которой мы начинаем «подсчитывать» только собственные допущения, вымерять только ход собственных мыслей? Видимо, выкладки нуждаются в проверке. Чем? При возможности — цифрами, извлекаемыми прямо из материала, но чаще просто непосредственным ощущением, интуицией исследователя. Так не логичнее ли во многих случаях вообще отказываться от количественной меры, удовлетворяясь установлением общей тенденции?

3. Наиболее серьезен, однако, вопрос — о конкретном (не количественном) содержании цифрового материала. *Какая вообще реальность в нем отразилась?* Для скрупулезно рассматриваемых автором цифр, по нашему разумению, важнее всего далекий от вычислений вопрос: всегда ли с разницей юридических статусов была сопряжена принадлежность к разным социальным группам? Всегда ли женитьба на свободнорожденной была для императорского раба выражением его «социальной мобильности»?

Поясним свою мысль тремя примерами (заимствованы со стр. 141 рецензируемой книги): CIL, VI, 18290 = 34114: Аполлоний, раб Домициана, женат на Флавии Палладе — их восьмимесячная дочь Флавия Атенаида — свободнорожденная; IRO, A, 251: императорский раб Трофим женат на Клавдии Тихе, их 15-летняя дочь Клавдия Сатурнина — свободнорожденная в брачном возрасте; CIL, VI, 33781: некий императорский раб женат на Цезии Терции, их дочь Цезия К[...], свободнорожденная, уже замужем за императорским рабом. Вот на трех примерах замкнулся перед нами жизненный путь «свободнорожденной» дочери императорского раба (даже не отпущенного еще на волю), которая вышла замуж за такого же императорского раба, как и ее отец. Этот путь повторят потом ее дочери, как показывает проделанный опять-таки самим Вивером анализ случаев повторения редких *nomina* в надписях, упоминающих жен императорских рабов и отпущенников (стр. 141—142 с прим. 1). Но не означает ли все это, что многие браки императорских рабов с женщинами, формально свободнорожденными, были по существу браками внутри *одной* социальной группы. Видимо, FC (в виверовском значении этого термина), взятая как социальная группа (с учетом семейных связей), включала в себя прослойку формально свободнорожденных женщин. Эта прослойка, как мы видели, «самовоспроизводилась» из поколения в поколение, но в какой-то мере, конечно, и пополнялась со стороны и, уж конечно, вела откуда-то свое начало. Для первых поколений *ingenuae* с императорскими *nomina* естественно предположить, как и делает автор (стр. 133²⁰), происхождение от императорских отпущенников. Что касается *ingenuae* с неимператорскими *nomina*, то, поскольку процент их, по авторским выкладкам (стр. 135), более чем вдвое высок в самом Риме, остается выводиться их из каких-то столичных слоев, заинтересованных в связях с FC.

Предлагаемый поворот взгляда на отраженную в виверовских цифрах реальность меняет, кажется нам, и представление о «социальной мобильности» FC: складывающаяся модель при ее «межстатусности» (которая может, конечно, свидетельствовать о высоком социальном престиже FC) достаточно малоподвижна. Итак, те же данные, извлекаемые Вивером из материала, могут, если отвлечься от магии выкладок, сложиться в несколько иную картину.

²⁰ Ср. также Chantaine, ук. соч., стр. 110.

Теперь, попытавшись на миг заглянуть за завесу, скрывающую от нас свободно-рожденных жен членов FC, вернемся к выкладкам и выводам Вивера. Предлагаемые им итоговые цифры таковы: для императорских отпущенников и императорских рабов из Рима: свободнорожденные жены — 64%, отпущенницы и рабыни — 36% (в том числе рабыни — 5%); для императорских рабов вне Рима: свободнорожденные — 42%, отпущенницы и рабыни — 58% (рабыни — 39%). По мнению автора, анализ в основном надежен и может быть подтвержден анализом статуса детей.

Статусу детей и посвящена глава 8 (стр. 137—161). Излагать ее здесь подробно нет необходимости, тем более, что методика автора в этой части исследования уже достаточно ясна. Имя и статус детей, как правило, могут быть объяснены из номенклатуры родителей (подтверждая их статус). Из попутных наблюдений упомянем одно — об упоминании указания на статус в FC. Оно употребляется регулярно в соединении с указанием на должность и случайно в иных контекстах (у женщин употребляется в половине случаев, у детей до 13 лет — того меньше) (стр. 139—140). Но в конце занимающего пространную главу анализа выявляется и существенная «аномалия»: известное число жен с *nomina* (даже неимператорскими) имеет детей-рабов (или отпущенников). Процент их колеблется, но достаточно заметен, чтобы не считать это случайным явлением. «Рассматриваемые случаи приходятся на время от Юлиев до Аврелиев, хотя большинство — на II в.» (стр. 160). Объяснений предыдущими браками, разделом фамилий и т. п., по мнению автора, недостаточно. Он ищет объяснения в действии *senatusconsultum Claudianum*.

Этому постановлению сената и уделена следующая (9-я) глава «S. c. Claudianum и familia Caesaris» (стр. 162—169). Указанный сенатусконсулт (урезывавший статус женщин, сожительствовавших с рабами — до отпущеннического или рабского), как выясняется, сам еще требует исследования, и автор обращается к источникам в поисках юридических и хронологических деталей. В частности, он, вопреки установившемуся мнению, заключает, что при Адриане отменен был не сам сенатусконсулт, но лишь пункт, допускавший договоренность между свободной женщиной и господином ее сожителя-раба о рабском статусе для ее детей. По Виверу, Клавдианский сенатусконсулт скорей имел целью регулирование прав собственности на жен и детей рабов, чем предотвращение смешанных браков (стр. 164). Под его действие подпадала большая часть жен императорских рабов (для прочих рабов смешанный брак был исключением). Автор идет и дальше, полагая, что одной из целей сенатусконсульта было именно «регулирование статуса жен и детей» *внутри FC* (стр. 167 сл.).

Все это (в сочетании с упоминавшейся «аномалией») приводит автора к мысли о том, что Клавдианский сенатусконсулт урезал права всех жен императорских рабов до юридического статуса *Caesaris servae* и всех детей этих жен — до статуса *Caesaris verbae*, причем они «по большей части, кажется, сохраняли свое первоначальное *nomina* и не пользовались указанием на статус» (стр. 168), которое употреблялось взрослыми мужчинами как знак службы, рекрутирование же для службы было избирательным.

Направление поисков автора можно понять²¹, но все-таки обратимся опять к конкретным примерам и спросим, есть ли реальная разница между статусами, скажем, 5-летнего *Theon verba Aug. n.*, сына Веттии Вериллы (отец — императорский отпущенник) (CIL, VI, 9042, цит. на стр. 156) и 4-летнего П. Элия Кариссима, сына Элии Мелитены (отец — императорский раб) (IX, 4782, цит. на стр. 141). Если такая разница есть, то она остается неразъясненной, если же ее нет, то не обесценена ли вся ювелирная работа автора на протяжении нескольких глав («подтверждение статуса матерей статусом детей» и т. п.)? Так или иначе, долго и тщательно вывязывавшееся счетно-логическое кружево вдруг обрывается, предоставляя нам довольствоваться просто догадками.

²¹ На том же пути ищет объяснения указанной «аномалии» и Бульвер (*Domesticque...*, стр. 308—310). Грималь согласен с Вивером, что Клавдианский сенатусконсулт был порожден положением в FC, «но ведь известно, — добавляет, он — что сенатусконсулт вскоре был отменен» (ук. рец., стр. 435). Не вполне убедительными считает соображения Вивера о Клавдианском сенатусконсульте и Д'Армс (ук. рец., стр. 337).

10-я глава «Женщины в familia Caesaris» (стр. 170—178) фактически завершает вторую часть книги. Рассмотрение предмета начинается с вопроса о соотношении полов в FC. В нормальной социальной группе оно бывает примерно равным — в римском обществе — с поправкой на некоторое преобладание мужчин. Действительно, для всех (вне зависимости от статуса) детей из FC оно составит 60/40%. Но для членов FC, имеющих указание на статус, процент женщин падает до 17% для провинций в I в. и 3—4% для Рима во II в. Это связано и с возрастанием процента свободнорожденных жен (хотя прямой зависимости нет), и с формализацией (в FC) «статусной номенклатуры», превращавшейся в часть служебной. Женщины не имели доли в службах, кроме «домашних», и значительная часть женщин, видимо, просто не указывала на свой статус.

Рассматривая брачную модель женщин из FC, автор отмечает небольшой (около 10%) процент свободнорожденных мужей и вообще браков вне FC. Все изложение главы подводит к вопросу о матерях Caesaris verpagum, но он решается, однако, не «статистической» (согласно которой процент verpae в FC должен бы падать, чего не наблюдается), а опять-таки простой догадкой. Автор «принужден заключить» (стр. 178), что император мог набирать в FC — в качестве рабов — любых детей, рожденных от императорских рабов, невзирая на номенклатуру и первоначальный статус их жен, в том числе и свободнорожденных (принимаемых, таким образом, за *servae Claudianae*). Набор этот был избирательным, и «дочери императорских рабов, имевших жен из свободнорожденных, не рекрутировались в FC» (там же).

Еще раз обратимся от общего умозаключения к единичному примеру (CIL, VI, 6189, цит. на стр. 156): 7-летнюю Нику, дочь императорского отпущенника и некоей Плодии Венусты, автор признает рабыней — как не имеющую *poenae* (согласно принятым им в исследовании критериям). Она явно не «рекрутирована в императорскую службу». Что же все-таки можем мы сказать о ее статусе? Между генерализующими конъектурами автора и детально разработанной им для статистики системой критериев (пусть даже условных) остается разрыв.

Своеобразным приложением ко II части книги служит глава 11 «Брачная модель рабов и отпущенников вне familia Caesaris» (стр. 179—195). На примере «произвольно выбранной», но однородной «контрольной группы» (из Рима I — начала II в.) автор заключает, что, в отличие от FC, «рабы и отпущенники вообще в подавляющем большинстве вступали в брак с женщинами их собственного статуса и происхождения» (процент свободнорожденных жен у рабов ничтожен, у отпущенников более заметен, но не выше 15%); женщины несвободного происхождения (тоже в противоположность FC) вступали в брак с лицами более высокого статуса гораздо чаще, чем мужчины. Противопоставление основных «брачных моделей» выглядит убедительно, хотя в отдельных допущениях и рассуждениях кое на что можно было бы возразить.

Сам автор, впрочем, отдает себе отчет в относительной ценности предлагаемых им выкладок: «Никакого притязания на точность у вышеприведенных цифр нет. Этот очерк — прежде всего упражнение в методе: цифры лишь иллюстрируют основные черты брачной модели определенной группы...» и т. д. (стр. 195). Думается, что эти слова приложимы и ко всей II части книги. Больше того, вспоминая, как сам автор писал о работе Л. Р. Тейлор (ср. выше), можно сказать, что знакомство с собранными им данными позволяет исследователю увидеть некие контуры общей картины, но детали часто остаются неясными.

Третья часть книги — «Имперская служба» — чрезвычайно существенна. В ней обосновывается само существование (и дается характеристика) рабско-отпущеннического *cursus*'a («продвижения», «карьеры»). К сходным выводам, как известно, пришел Ж. Бульвер, двигавшийся, так сказать, с другой стороны²². Но недавно идея *cursus*'a в FC, утвердившаяся было в литературе, была вновь оспорена — и именно на основании

²² В о u l v e r t, *Domestique...*, стр. 119—180. Для Бульвера исходным пунктом было установление высших постов, затем он двигался «вниз», следуя иерархии рангов всадников, которым были подчинены отпущенники.

критики методов Бульвера²³. Тем большего внимания заслуживает сам подход Вивера к источнику.

Оговорим, что при изложении третьей части книги мы слегка отклонимся от строго соблюдавшегося до сих пор следования главам и позволим себе несколько изменить авторский порядок изложения (несомненно имеющий свою внутреннюю логику).

Начнем с общих положений автора. В главе 15 «Служебная иерархия. Несколько замечаний о методе» (стр. 224—226) он подчеркивает разницу между отражением в надписях карьеры всаднической и рабско-отпущеннической, для которой указывается только самый старший пост, или несколько старших²⁴. При таких условиях особое значение приобретают цифровые данные надписей о «возрастных рубежах» для разного рода должностей. Эти-то данные и предоставляют автору ряд опорных пунктов. Так, если эпитафии отпущенников-прокураторов дают средний возраст смерти — 75 лет, то ясно, что должность эта приходилась на пожилую возраст, а значит была итогом долгой службы. Если средний возраст смерти для диспенсатора (кассир-распорядитель — высшая рабская должность) в Риме и Италии — 30—37 лет, то, видимо, должность эту получали не в первой молодости (т. е. по приобретении служебного опыта), но, как правило, и не оставались в ней до старости. Если лица, умершие в каких-то вспомогательных должностях, скончались молодыми (иногда до 20 лет), то, видимо, не умри они рано, их карьера продолжилась бы (пример из гл. 17, стр. 238). Цифры возрастов позволяют проследить и локальные вариации (в провинциях продвижение было замедлено).

Вытекающий из такого подхода к эпиграфическим данным взгляд автора на рабско-отпущенническую карьеру находит поддержку и в литературном источнике — письме Фронтон Марку Аврелию в пользу императорского отпущенника Аридела, который «домогаются ныне прокураторской должности, сообразно порядку, своему месту и положенному времени» (*petit nunc procuracionem ex forma suo loco ac iusto tempore* — цит. на стр. 269, гл. 21)²⁵.

Именно исходя из этих оснований на тесном контакте с источниками (а не только из априорного представления о том, что «никакая бюрократия не может... функционировать без упорядоченности и возможностей для продвижения на ее нижних, как и верхних уровнях» — стр. 224) посылки, автор отмечает, что взгляд на нижние уровни императорской администрации как на статичный субстрат (при энергичном движении всадников от поста к посту) не вполне верен.

Упорядоченное продвижение, по Виверу, существовало лишь в административных службах ФС. Он уделяет несколько страниц иным группам императорских рабов и отпущенников, из этой карьеры исключенных. Это «проводчатые», сторожа, посыльные и т. п., которые перечислены в главе 16 «Субканцелярские ранги» (стр. 227—230). Переход из «субканцелярских» служб в канцелярские был крайне редок²⁶. О признанных ступенях продвижения в «субканцелярских» и дворцовых службах говорить не приходится, кроме продвижения в *praepositi*, *optiones* и т. п. (термины, говорящие о построении этих служб по военному образцу). Конечно, в дворцовых службах посты,

²³ G. P. Burton, *Slaves, Freedmen and Monarchy*, JRS, 67 (1977), стр. 162—166. Автор оспаривает существование фиксированного рабско-отпущеннического *cursum*'а, основываясь на неограниченности прав императора в назначениях и смещениях, и считает, что рабы и отпущенники императора всегда действовали как его личные агенты, а сама эта деятельность была «продолжением домоправительской». Многие из замечаний Бартона, касающихся методики исследования, существенны, но трудно понять, почему он избегает полемики с более гибким в своих методах Вивером (хотя при случае его цитирует). Во всяком случае, Бартон не учитывает того, что Вивер называет «институционализацией» ФС, без которой ФС при ее масштабах стала бы неуправляемой и не могла бы сохранить преемственность в деятельности.

²⁴ Эти особенности материала отмечены и Бульвером (*Domestique...*, стр. 121—124).

²⁵ Этому тексту придает большое значение и Бульвер (*Domestique...*, стр. 163 сл. и др.). Бартон, напротив, говорит о «смешении реторики рекомендательных писем с действительностью» (ук. соч., стр. 164).

²⁶ Впрочем, для ранних (I в.) прокураторских карьер нередки начальные посты на таких должностях как *apparitores*, *accensi* и т. п.

связанные с близостью к императору, были сопряжены с большим влиянием. Но бремя «действенного функционирования Империи» ложилось на гражданских служащих — от рабов-канцеляристов до всадников-прокураторов.

У чиновников-всадников был фиксированный оклад и определенный порядок продвижения, что не могло не воздействовать и на систему низших служащих. Нам известен один из отпущеннических окладов (CIL, VI, 8619, начало III в.). Но Бульвер, пытаясь восстановить всю систему субординации и окладов²⁷, заходит, по замечанию Вивера, чересчур далеко. Вивер, нам представляется, прав, утверждая, что эта система была «не столь жестко формализована» (стр. 229)²⁸. Однако важно, и автор это подчеркивает, что «мы имеем дело со службой, где возможности продвижения зависели от влияния, покровительства, заслуг..., и где элемент конкуренции за место... стимулировал честолюбие» (там же).

Оговорив опасность чрезмерного упрощения (еще большую в нашем кратком изложении), автор различает две главных последовательности постов. Одной из них, ведущей через высшие рабские должности²⁹, Вивер уделяет главы 12—14, с которых почему-то и начинается III часть книги.

Глава 12 (стр. 200—206) названа «Vicarii» — это рабы рабов, т. е. рабы, входившие в пекулий другого раба. Они в римском обществе были достаточно многочисленны и использовались как в роли помощников на господской службе («servus vicarii» и значат «раб-заместитель»), и для личных нужд.

Рабы из FC, имевшие викариев, были связаны с кругом финансовых должностей³⁰ (ср. «Fr. de iure fisci», 7: dispensatori vicariove eius), и термин «викарий» употреблялся буквально, обозначая служебное замещение (исключения есть, но редки). Прочную связь института викариев с финансовыми должностями Вивер (как и Бульвер³¹) объясняет самым характером этих последних. В императорской администрации должности (вплоть до высших — диспенсаторских), связанные с непосредственной ответственностью за те или иные фонды, замещались всегда рабами как лицами in potestate, которые, не имея собственной юридической личности, прямо представляли другое лицо. Помощники этих рабов, в свою очередь (по тем же соображениям), могли быть только рабами-викариями. С манумиссией «ординария» (раба-господина) кто-нибудь из викариев передвигался на его место. Статус викария-заместителя в FC был отнюдь не низким.

В 13-й главе «Liberti servus и liberti libertus» (стр. 207—211) автор рассматривает категории, связанные с личным рабством у императорского раба или отпущенника, стремясь отделить их от «викариев» в служебном смысле слова.

Дальнейшей карьере этих последних в FC уделена глава 14 — «Vicariani» (стр. 212—223). Объясняя этот — сконструированный им самим — термин, автор вновь (ср. выше) обращается к agnomina на -ianus, которые указывали на переход из другой фамилии³². Материал от Августа до Траянова времени показывает, что agnomina, производные от имен императоров, их родственников, сенаторов и т. п., убывают в числе, а производные от имен рабских (в частности греческих), напротив того, возрастают. Они указывают на рабов, принадлежавших ранее императорским рабам и отпущенникам. Этим вот выходцам из викариев Вивер и называет «викарианами».

Автор отмечает «административную ориентацию» этой группы; из всех императорских отпущенников с agnomina, занятых в административной службе, «викарианы

²⁷ См. В о u l v e r t, *Domestique...*, стр. 127—154.

²⁸ Бартош (ук. соч., стр. 163) приводит пример новонайденной надписи (AE, 1972, № 574), позволяющей заключить, что Бульвер, анализируя D e s s a u, 1569, принял прямую последовательность прокураторских постов за обратную.

²⁹ Бульвер, полемизируя с Вивером, считает, как кажется, эту последовательность постов «тупиковой», связывая манумиссию диспенсатора не с переменой должности, но с отставкой (*Domestique...*, стр. 144 сл., прим. 262).

³⁰ Вот эти должности: диспенсаторов (казначей-распорядитель) — 30, аркариев (казначей) — 4, вилков (управляющий) — 5, exactor (сборщик поступлений) — 1, contrascriptor (контролер) — 1.

³¹ В о u l v e r t, *Domestique...*, стр. 91.

³² Т. е. на перенесение dominica potestas, подобно тому как у свободнорожденных подобные agnomina указывали на перенесение partia potestas в результате усыновления.

составляли со времени Клавдия 80%, а с Веспасиана — 90%. Второй чертой группы был более долгий путь в рабской службе, и отсюда — запаздывание карьеры: до высших отпущеннических должностей «викарианы» не добивались. Тем не менее все «викарианы», перевалившие за 50 лет, — отпущенники, их жены всегда с *nomina* п. т. п.

Рекрутирование «викарианов» автор связывает с нуждой в подготовленном персонале. Он считает их, за редкими исключениями, бывшими викариями в административном смысле слова. Продвижение их было избирательным. От Клавдиев и до Адриана, полагает автор, этот метод рекрутирования в ФС был всеобщим, но упразднение *agnomina* при Адриане не позволяет проследить дальнейшую судьбу этой группы.

Заметим, однако, что «викарианские» *agnomina* появляются в ФС с возвышением временщиков-отпущенников, чьи рабы, видимо, переходили в ФС, так же как и рабы других приближенных императора (т. е. не через должность викария). О «викарианской» карьере, как ее обрисовывает Вивер, думается, можно говорить как о следствии дальнейшей институционализации ФС. И, уж конечно, отдельно взятое «викарианское» *agnomen* не может служить бесспорным свидетельством о предшествующей карьере.

Вторая «последовательность постов» рассматривается в главах 17—21. Это ряд очерков об отдельных терминах, подчас многозначных. Автор стремится прояснить картину, насколько это позволяет собранный им материал.

В главе 17 «*Adiutores*. Младшие канцелярские ранги» (стр. 231—240) автор хочет разобраться в путанице должностей, для обозначения которых использовался этот термин («помощник» — всегда с уточнением, чей именно) и выделить младшие должности. «Помощники прокураторов» к ним не относятся. «Помощником» прокуратора-всадника (упоминающегося всегда с именем — персонально) мог неофициально именоваться рабатавший с ним в паре прокуратор-отпущенник. *Adiutor procuratoris* (-um) (без имени старшего — имперсонально) — официальное звание средней канцелярской ступени (наравне с табуляриями и т. п.). К младшему рангу автор относит *adiutores a rationibus, ab epistulis* и т. п. — их возраст низок, среди них есть рабы. Слова *a rationibus* и т. п. обозначают не должность старшего, но ведомство. Это — в Риме. Для провинциальной администрации характерны *adiutores tabulariorum, adiutores a commentariis*, среди которых немало рабов. (Диспенсатор имел не адьюторов, но викариев.)

«Средние канцелярские ранги» — тема главы 18 (стр. 240—243). Это — табулярии и *a commentariis*. *Tabularius* — главный канцелярский пост в канцелярии (*tabularium*) ведомства. Функции его — бухгалтерские (регистрация платежей, подведение счетов, сообщение результатов в центральную администрацию, подготовка расписок и т. д.). В крупных ведомствах табуляриев было несколько. Находившиеся на «кассирских» должностях рабы (диспенсаторы, аркарии — посты тоже среднего ранга) контролировали и деятельность табуляриев. *A commentariis* (*commentariensis*) был архивистом и регистратором — он хранил документы и изготовлял копии.

Из 145 табуляриев — лишь 16 рабов. Минимальный возраст смерти — 29 лет. Видимо, обычным было назначение в 30 лет после манумиссии. Все табулярии-рабы относятся к более раннему времени (9 — к Юлиям). Повышение статуса табуляриев автор связывает с появлением младших (адьюторских) должностей. С развитием дифференциации появляются (в начале II в. в Риме) должности типа *princeps tabularius, proximus tabulariorum* (*commentariorum*). Статус табуляриев и *a commentariis* был примерно равным, но должности первых были перспективней.

«Старшие канцелярские ранги» рассматриваются в главе 19 (стр. 244—258) со специальным вниманием к хронологическому аспекту.

Так, высокопрестижный пост *tabularius a rationibus* был важной ступенью отпущеннической карьеры в конце I—II в. до Марка Аврелия. Позднее такую же роль играет звание *proximus*. Знаком старшего ранга становится термин «*provinciae*», включаемый в звание (стр. 245—252): так, «табулярий провинции» возглавлял в ней центральное *tabularium*. Автор связывает появление этой номенклатуры с мероприятиями Адриана. То же относится к *a commentariis provinciae*. Надписи аркариев и диспенсаторов провинций (должности сопоставимого ранга, но укомплектовывавшиеся рабами) труднее датировать (из-за отсутствия императорских *nomina*), но и эти надписи, за

несколькими исключениями, автор датирует временем не ранее траяновского. Датировку первым веком он допускает лишь для двух надписей, где слово «provincia» в звании отсутствует (CIL, VI, 6639: *dipensator Ciliciae*; CIL, III, 8575 = Dessau, 1508: *disp. Delmatiae* и *disp. Moesiae*). Следует, впрочем, заметить, что сам пост диспенсатора провинции твердо засвидетельствован уже для времени Клавдия — Plin., N. h., 33, 145: *Claudii principatu servus eius Drusillianus nomine Rotundus dispensator Hispaniae citerioris...* (слова «provincia» в звании и тут нет, но нельзя быть уверенным в строгости номенклатуры, употребляемой Плинием: так «*comites*» Ротунда, упоминаемые здесь же, — очевидно викарии). Пример этот, очень известный, парадоксальным образом отсутствует у Вивера. Звание же пресловутого Музика Скуррана (*dispensator ad fiscum Gallicum prov. Lugdunensis* — CIL, VI, 5197 = Dessau, 1514, время Тиберия) автор исключает из рассмотрения номенклатуры как раннюю вариацию, не отвечающую никакой определенной модели.

Позднюю дату автор предлагает и для старших канцелярских постов в центральных ведомствах Рима (*prohimi* — стр. 252—258), считая, что лишь один из них (М. Ульпий Зофир) относится к доаврелиеву времени, и отвергая датировки Бульвера, основанные на именах сыновей³³.

Очевидное стремление автора рассматривать систему рабско-отпущеннической иерархии как находящуюся в постоянном движении, видоизменяющуюся и дифференцирующаяся, привлекает историзмом подхода, несмотря на возможные сомнения в обоснованности отдельных датировок.

Историзмом подхода отмечены и дальнейшие главы, посвященные высшим ступеням отпущеннической карьеры. В центральной администрации они были представлены «старшими административными постами: *a rationibus*, *ab epistulis* и т. п.» (гл. 20, стр. 259—266). Должности эти хорошо известны из литературных источников — по столь заметным фигурам, как Паллант, Нарцисс и др. Но в надписях лица, именующие себя так, слишком многочисленны, чтобы пытаться выстроить их в некую преемственную последовательность на известном отрезке времени (тем более, что служба в этих должностях была продолжительной). К тому же многих из них нельзя представить себе в роли главы ведомства (рабы, имеют брата-раба, имеют брата в той же должности). Очевидно, слова «*a rationibus*» и т. п. в номенклатуре какое-то время указывали не на руководство соответствующим ведомством, а просто на принадлежность к нему. Таково же было словоупотребление в дворцовых службах. Оно идет от домашней терминологии частных фамилий (где тоже была должность *a rationibus*), в которых для каждого дела был зачастую один раб или отпущенник. В FC с расширением ведомств должности дифференцируются, а звания типа *a rationibus* остаются за главами ведомств как *nomina summae sigae*. Развитие это шло в разных ведомствах не синхронно³⁴. Критерием для различия глав ведомств (для I в.) автор считает упоминание в литературных источниках.

При Траяне и Адриане во главе центральных административных ведомств утверждаются всадники³⁵, оттесняя отпущенников на вспомогательные старшие посты. Отпущенники *a rationibus*, известные нам для времени Антонина Пия — Марка Аврелия, — уже не единоличные главы ведомств, а младшие члены возглавлявшей его всадническо-отпущеннической пары. При Северах и на вспомогательных старших постах постепенно утверждаются всадники.

³³ Датировку надписи императорского отпущенника по имени его жены или сына Вивер отвергает (ср. CIL, V, 7882: муж *Aurelius*, жена *Flavia* — см. стр. 250, 254 с отсылкой к стр. 150 сл.).

³⁴ Быстрее всего в *a rationibus* — «центрального бюро финансов» (показательно в этой связи, что адьюторские должности достоверно засвидетельствованы для *a rationibus* со времени Флавиев, для *ab epistulis* — с Адриана, см. стр. 262 сл.).

³⁵ Первый всадник *a rationibus*, замечает Вивер, появился еще при Флавиях, но это был возведенный во всадническое достоинство отпущенник. Как указал нам Г. С. Кнабе, в этой связи не может быть оставлено без внимания сообщение Тацита о том, что приоритет в использовании всадников на таких должностях принадлежит Вителлию (Hist. I, 58, 1: *Igitur... Vitellius ministeria principatus, per libertos agi solita, in equites Romanos disponit*).

Другому — и не менее важному — аспекту старшей отпущеннической карьеры уделена глава 21 «Отпущенники-прокураторы» (стр. 267—281).

Автор указывает на происхождение термина «прокуратор» из частного права — так назывался личный агент или управляющий делами другого лица. У частных лиц это были обычно отпущенники, у принцепса отпущенники и всадники. Они управляли и домохозяйством, и патримониальными собственностями императора, а также использовались в финансовых отраслях администрации. В связи с этим их посты быстро приобретали официальный характер. Когда всадники-прокураторы оказались практическими правителями отдельных провинций, это не могло не сказаться на развитии отпущеннических прокураторских должностей. Спектр их был широк: от управляющего отдельным имением, рудником и т. п. — до высоких постов: финансовых, дворцовых и в провинциальной администрации. Это могли быть посты как с единоличной ответственностью, так и вспомогательные при прокураторе-всаднике.

Существование отпущеннического *cursus*'а для Вивера, как уже говорилось, не подлежит сомнению, но характер этого *cursus*'а, на его взгляд, сильно отличается от всаднического (отсутствие строгой регулярности в продвижении отпущенника по постам, гораздо более длительное пребывание его на одном посту). Полемизируя с Бульвером (стр. 271 сл.), Вивер отказывается как строить детальную схему продвижения отпущенников-прокураторов, так и принимать существование вполне сложившейся «двойной» всадническо-отпущеннической системы для главных прокураторских постов уже со времени Клавдия. По Виверу, «двойная» система возникает в I в. в управлении патримонием в провинциях, обильных императорскими именьями (Азия, Африка)³⁶, чтобы во II в. утвердиться в качестве основного принципа в административной системе. Лишь во II в., полагает Вивер, появляется в качестве регулярной должность отпущенника — прокуратора провинции (в котором он, как и Пфлаум и Бульвер, видит помощника прокуратора-всадника, а не лицо, равное ему по должности).

В последней главе «Императорские отпущенники и всаднический статус. Отец Клавдия Этруска» (стр. 282—294) автор прежде всего рассматривает все случаи дарования всаднического статуса императорским отпущенникам. (Для чего требовалось пожалование прав свободнорожденного, но и это было в руках императора.) Такие случаи были очень редки и, как показывает автор, не обусловлены служебной карьерой — это был исключительный и личный знак милости, оказываемой императором фавориту. Двое отпущенников получили всадническое достоинство от Веспасиана «без сомнения»³⁷ за заслуги перед Флавиями во время гражданской войны 69 г., прочие же были «недостойными получателями недостойных милостей» (стр. 283). Завершением успешной отпущеннической карьеры (с начала II в.) стал вспомогательный (т. е. при соответствующем всадническом посте) прокураторский пост в одном из важных департаментов Рима или в одной из важных провинций.

Главу и книгу Вивер заключает попыткой дать (по литературному источнику) связный очерк одной из наиболее продолжительных и удачливых рабско-отпущеннических карьер. Само имя человека, которому посвящен очерк, неизвестно³⁸. Это — «отец Клавдия Этруска», друга поэта Стация, посвятившего Этруску стихотворное утешение по случаю смерти отца (*Stat., Silv. III, 3—92 г.*). Имя отца его друга поэтом ни разу не названо³⁹ (видимо, из-за «рабского» звучания), а карьера обрисована иносказательно (стихи писаны при Домициане, а умерший был, видимо, близок к Титу). Вивер пытается

³⁶ Первой достоверно засвидетельствованной всадническо-отпущеннической «парой» Вивер считает упомянутых Тацитом (*Ann. XIII, 1—54 г.*) «римского всадника Публия Целера и вольноотпущенника Гелия, ведавших личным имуществом принцепса в провинции Азии (*rei familiari principis in Asia impositi*)».

³⁷ Для одного из них, Горма, это засвидетельствовано Тацитом (*Hist. IV, 39*), о втором см. ниже.

³⁸ В просопографических и иных справочниках он идет как *Claudius*, но Вивер (стр. 285) и Шантрен (ук. соч., стр. 89, 92, 94) считают более вероятным, что начало его имени выглядело как *Ti. Iulius Aug. I.*

³⁹ Как и его современником Марциалом, тоже посвятившим стихи Этруску (*VI, 83; VII, 40*).

за темными строками увидеть этапы реальной карьеры и жизненного пути: рабское происхождение из Смирны, начало службы в FC при Тиберии, от которого наш герой и получил вольную без выкупа; продолжение карьеры при Калигуле и Клавдии; какой-то важный пост вне Рима, спасший нашего героя от превратностей нероновского и посленероновского времени и доставивший ему случай связаться с Флавиями; наконец, позднее (в 70—71 гг.) назначение на пост *a rationibus* и вскоре — дарование всаднического достоинства Веспасианом. На упомянутом посту он оставался до 82/3 г., года, когда (уже в возрасте около 80 лет) он был сослан Домицианом, чтобы через семь лет вернуться и вскоре умереть в Риме. Жена отца Клавдия Этруска был на женщине знатного рода (по мнению автора, поздним браком и в годы пребывания вне Рима), дети его, ставшие всадниками раньше отца, не пошли по пути карьеры, а предпочли проживать оставленное отцом богатство.

Красиво завершающая книгу, эта глава заставляет лишний раз пожалеть о недостаточном использовании в ней литературных источников.

Краткое (стр. 295—296) «Заключение» не содержит новых идей. Автор напоминает читателю о том, что FC была «элитой среди рабских и отпущеннических классов имперского общества», и возвращается к мысли о том, что особенно яркие проявления «социальной мобильности», вообще не чуждые несвободнорожденному элементу раннеимперского общества, встречаются именно в FC.

Мысль эта беднее содержащегося в книге богатого материала (и, если уж на то пошло, сравнение ранних «неправильных» карьер из FC с поздними упорядоченными свидетельствовало бы, что «мобильность» в ней шла на убыль), а именно в широком ознакомлении читателя с материалом и состоит одно из главных достоинств книги. (Что и побудило нас к столь подробному ее изложению.) Трезвый (даже при увлечениях) взгляд на возможности, предоставляемые этим материалом исследователю, историчность подхода, выражающаяся в осознании самого предмета исследования как находящегося в состоянии постоянного развития, — вот те черты, которые делают книгу Вивера ценным введением в материал.

Некоторые выводы автора оспаривались выше по ходу изложения. Отмечалась и уязвимость некоторых методов исследователя. Наряду с этим многие выводы автора представляются, как тоже отмечалось, неоспоримым вкладом в науку.

Но заключая разговор о рассматриваемой книге, хотелось бы подчеркнуть и другое. До недавнего времени античное рабство стремились изучать в его *общих* для всякого рабства проявлениях (исключением были разве чисто юридические исследования). Исследованиями Е. М. Штаерман внесена ясность в вопрос о несходстве античного рабства с плантационным — во всем, начиная с экономического аспекта. Сейчас на очередь, видимо, стал вопрос о рабстве (соответственно — о рабовладении) как *принципе организации общества*, о месте раба в обществе (из которого современный историк, в отличие от античного «полита», не может его исключить⁴⁰). И в этом отношении социальная группа, вырванная из чисто производственных связей, живущая не «рабской» жизнью, но по законам рабства, может оказаться (хотя бы ввиду обилия оставленных ею надписей) благодарным материалом для выяснения этих законов в их абстрагированном виде.

В. М. Смирин

⁴⁰ См. Е. М. Штаерман, Древний Рим. Проблемы экономического развития, М., 1978, стр. 176.

НОВЫЕ ПУБЛИКАЦИИ ЭПИГРАФИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ ПО ИСТОРИИ ДУНАЙСКИХ ПРОВИНЦИЙ

Все возрастающее значение эпиграфических памятников для изучения многих сторон античной, и в частности римской, цивилизации недавно вновь было отмечено в специальной статье ¹. О многочисленности и разнообразии собственно эпиграфических публикаций последних десятилетий и выполненных на основании эпиграфических источников исторических исследований свидетельствует библиография М. Клауса, насчитывающая 1700 названий только избранных работ по латинской эпиграфике времени Ранней римской империи ². В предлагаемом обзоре я остановлюсь на трех изданиях надписей, относящихся к истории Паннонии, Верхней Мезии и Дакии. Все эти публикации имеют в то же время огромное значение для истории Римской империи в целом.

Л. Баркоци и А. Мочи издали второй том «Римских надписей Венгрии» (RIU) ³, большого свода латинских и греческих надписей Венгрии, в пределах которой, как известно, располагалась большая часть провинции Паннонии. (Все издание рассчитано на четыре-пять томов). Второй том содержит надписи, происходящие из трех римских городов на северо-западе Паннонии — из муниципиев Залла, Могенциана, Мурселла, а также надписи из города Бригедиона, на лимесе, где стоял легион I *Adiutrix*. Публикацию предваряет краткий историко-географический очерк этих городов. Локализация самих городов и их сельских территорий, как отмечают издатели, при современном уровне знаний возможна лишь гипотетически. Могенциану помещают предположительно северо-западнее гор Баконь; Мурселла отождествляется с современным Кишарпаш; Залла — с современным Залалёвё. Этот последний муниципий стал известен из недавно найденной в Югославии надписи, в которой упомянут некий Модерат (его *praenomen* и *nomen* не сохранились) — *dec(urio) c(oloniae) C(laudiae) Savariae decurio municipi(i) Ae(lii) Sallae*. Таким образом, как Могенциана и Мурселла, Залла получила статус муниципия от Адриана. До находки этой надписи Залла была известна как дорожная станция — *statio* (Itin. Ant. 262,5). Бригедион (ныне Сцень) получил статус муниципия, по-видимому, от Септимия Севера, причем этот статус был предоставлен и канабе легиона, и гражданскому поселению, располагавшемуся западнее канабы. В ранг колонии Бригедион был возведен в конце III в.

Второй том «Римских надписей Венгрии» включает в себя помимо надписей, опубликованных в *CIL*, III, также надписи, найденные позднее (их число после выхода *supplementum* к *CIL*, III, удвоилось) и публиковавшиеся в специальных археологических или эпиграфических журналах. Всего во втором томе RIU приведено 634 надписи, из них 211 надписей даны также в фотографиях, 345 — в прорисовках; те надписи, которые были утрачены, воспроизведены по III тому *CIL*. Некоторые надписи даны в новом чтении (издателей или других исследователей). Надписи, публикуемые впервые, приведены в развернутом чтении. Дано также описание самих памятников (алтари, надгробия, саркофаги и пр.). Каждую надпись сопровождает указание на место и время ее находки, прежнее издание (если надпись уже была опубликована ранее), место хранения в настоящее время. В RIU 2 дана копкордация публикуемых надписей с *CIL*, III. Как совершенно очевидно, сведение воедино римских надписей Венгрии, оставшихся разрозненными в отдельных изданиях, а потому трудно доступными для исследователя, существенно облегчает пользование эпиграфическими памятниками Паннонии.

¹ P. W u i l l e u m i e r, La contribution de l'épigraphie latine à la connaissance de la civilisation romaine, «Aufstieg und Niedergang der römischen Welt», t. II, вып. 1, B.—N. Y., 1964, стр. 790—795.

² M. C l a u s s, Ausgewählte Bibliographie zur lateinischen Epigraphik der römischen Kaiserzeit (1.—3. Jh.), там же, стр. 796—855.

³ L. B a r k ó c z i — A. M ó c s y, Die römischen Inschriften Ungarns, 2. Lieferung (RIU), Budapest—Amsterdam, 1976.

Чтобы дать представление о характере памятников, опубликованных во втором томе «Римских надписей Венгрии», приведу некоторые примеры. Прежде всего заслуживают быть отмеченными надписи впервые публикуемые. Так, надпись № 285 (стр. 20), найденная в 1952 г. в реке при строительстве моста, представляет собой надгробие из белого мрамора прекрасной работы (203 × 108 × 30 см) с латинской надписью, нижняя часть которой сильно пострадала от воды. В верхней части надгробия изображена сцена охоты: скачущий направо всадник, перед ним — собака, заяц, кабан, олень; внизу — фриз с тремя орлами. Текст надписи сохранился неполностью и читается издателями следующим образом: «Публий Невий отпущенник Публия Аполлоний себе и Вибии Фирме жене и Невию Константу сыну (поставил этот памятник)». Это надгробие с упоминанием лиц с попом Невиев можно сопоставить с другой надписью из Паннонии, из Карнунта (ныне Дейчальтенбург под Веной), где назван Марк Невий Примигений, *domo Naristus*, где жена Невия (отпущенница или соотпущенница своего мужа) и дочь Креуса (CIL, III, 4500). Если в новой надписи *agnomen* отпущенника — *Apollonius* — может указывать на происхождение этого бывшего раба (или его господина) с греческого Востока, то в надписи из Карнунта Невий Примигений, вероятнее всего, отпущенник, происходил из германского племени наристов, обитавшего на территории нынешней Словакии. Другое надгробие, найденное в 1962 г., также дополняет сведения о лицах из Паннонии, носивших италийские *nomina* (стр. 24 № 289). Как гласит текст надписи, некие Гай Априй Фронтон и Валерия Секунда сделали это надгробие при жизни себе и своим детям; дети носят попом матери — это заставляет предполагать, что их отец был раньше рабом. В верхней части этого надгробия (из белого мрамора) во фронтоне — голова медузы среди листьев плюща, на фризе — виноградные ветви и растущие из канфара листья. Внизу, под текстом надписи, прекрасное изображение римской волчицы. Примечательна и надпись, найденная в 1958 г. в районе лагеря легиона I *Adiutrix*. Она была вырезана на саркофаге, вторично использованном в позднеимперском захоронении (№ 557, стр. 196). Из текста надписи следует, что Гай Юлий Кандидиан, юноша, умерший 18 лет и семи месяцев, был обучен всем свободным искусствам — *omnibus studiis liberalibu(s) erudito*. Памятник был поставлен *f(ilio) karissimo* родителями — Юлием Кресцентом и Цецилией Марцеллиной. Издатели отмечают палеографические особенности надписи: слово *karissimo* было выбито с лишним слогом *mi* — *karissimimo*; погрешность была устранена резчиком посредством скола букв *mi*, но их следы остались заметны на камне.

Некоторые новые надписи дали возможность внести существенные уточнения и поправки в чтения уже известных надписей. Так, надпись на саркофаге, найденном в 1963 г., позволила внести поправку в чтение старой надписи, опубликованной в свое время Моммзенем (CIL, III, 4228). В новой надписи (на саркофаге) сказано, что Примитив был *actor octavarum* и что он сделал этот саркофаг своей жене Элии Валериане (№ 575 стр. 211). В CIL, III, 4228 также упомянут Примитив в следующем контексте: *Genio commercii(a)e et negotiantium Primitivus Juli Procli cond(uctoris) octo publicorum Illyrici ser(vus) vil(icus) XX (hereditatium)*. Новая надпись позволяет заменить дополнение Моммзена — *octo publicorum Illyrici* — на *octavarum* и видеть в Примитиве обеих надписей одно и то же лицо, раба Юлия Прокла, который был кондуктором по сбору таможенной пошлины и налога с наследств в дунайских провинциях. Таможенная пошлина, как показывают обе эти надписи, взималась в Паннонии в размере 1/8 (12,5%) от стоимости ввозимых товаров (стр. 102, № 339).

Для истории и организации таможенной службы в Иллирике весьма важна также найденная в 1967 г. в античной Саварии (ныне Сомбатхей) таможенная печать⁴. Эта круглая бронзовая печать (диаметром 8—7 см) имела следующую надпись: *S(aius) Tit(ius) Ant(oni)us Peculiaris cond(uctor) uect(igalis) oct(avae) (или oct(avarum)) Pann(oni)arum* II anno (conductionis) XII: «Гай Тиций Антоний Пекулиарис, кондуктор по

⁴ Т. В. В о с з, *Savaria topográfiaja, Szombathely*, 1968, стр. 36; *Ann. ép.*, 1968, № 423.

сбору пошлины в размере 1/8 в обеих Паннониях в 12-й год срока аренды». Имя Гая Тиция Антония Пекулиариса было известно уже ранее в надписях из Аквинка (CIL, III, 10495, 10496) как декурiona колонии Аквинка, декурiona муниципия Сянгидуна и верховного жреца Нижней Паннонии⁵. Его считают потомком одной из двух известных семей — Антониев и Юлиев, арендовавших совместно у государства сбор таможенной пошлины в Иллирике между 157 и 161 г.: от этого времени известны таможенные кондукторы Тиберий Юлий Сатурнин и Гай Антоний Руф. Между 161 г. и 168 г. таможенными кондукторами Иллирика были трое Юлиев — Капитон, Януарий и Эпафродит. В специальной литературе уже отмечалось, что до времени Марка Аврелия таможенная служба находилась в руках частных лиц — арендаторов-откупщиков (conductores), располагавших соответствующим штатом служащих из числа собственных рабов и отпущенников. В правление Марка Аврелия, самое позднее при Коммоде, таможенная служба перешла в руки императорской администрации, во главе которой стоял прокуратор всаднического ранга — прокуратор Aug(usti), а штат младших служащих комплектовался из числа рабов и отпущенников императора. Однако, по мнению А. Добо, таможенная печать из Саварии, которую он датирует временем Коммода — Септимия Севера, и уже упоминавшиеся две надписи RIU 2 (№ 575, 389), относящиеся им к правлению Септимия Севера, позволяют считать, что в обеих Паннониях откупная система в сборе таможенной пошлины сохранялась вплоть до времени этого императора⁶. Только в конце правления Септимия Севера (209—211 гг.) появился первый императорский прокуратор — M. Gongius Nestorianus прокуратор Aug(ustorum) (trium). Начиная с этого времени таможенная пошлина перестала быть publicum portorium Illyrici и стала vectigal Illyrici. Сама таможенная пошлина в Иллирике оказывается весьма высокой — 12,5%, в то время как ранее полагали, что она колебалась в пределах 2%—5%. Упоминания об акторах в иллирийской таможенной службе — actor Primiti(vus) в надписи на саркофаге из Бригедиона, замечает А. Добо, до сих пор не были известны.

В RIU 2 предлагаются более вероятные чтения отдельных сокращений. Надпись CIL, III, 14355⁷, часть букв которой была дана в курсивном написании, а другие не читались вообще, издатели RIU2 восстанавливают следующим образом: Marti deo Veracius Augustinus m(iles) l(egionis) d(escimae) G(eminae) vet(eranus) misso(!) m(issione) h(onestata) (№ 312 стр. 40). Издатели отмечают необычность сокращения d(escimae) — вместо цифры X и ошибочное написание — misso вместо missus, свидетельствующие о неосведомленности резчика. В связи с текстом этой надписи возможно обратить внимание также и на само обращение к Marti deo, указывающее на то, что речь идет, вероятнее всего, о почитании какого-то божества, ассоциировавшегося с римским Марсом. В надписи, опубликованной в свое время известным венгерским археологом и эпиграфистом Б. Кужинским и читающейся им следующим образом: [Dea]e Fo[rtunae] Re[]duci Januarius k(ustos) a(rmorum) l(egionis) X G(eminae) p(iae) f(idelidis) quod [vovit] voti compos solvit], издатели предлагают другое, более вероятное чтение последних слов: quod [miles vovit vet(eranus) solvit] (№ 311, стр. 54). Таким образом, из надписи следует, что воин из стражи арсенала легиона X Близнец Благочестивый, Верный, от имени которого сохранилось только cognomen — Януарий, давший обет посвятить алтарь Фортуе Возвращающей, исполнил этот обет уже будучи ветераном. Сопровождающее Fortuna Redux слово Dea, как и в случае с обращением к Marti Deo, дает основания

⁵ Тождество кондуктора Гая Тиция Антония Перулиариса с одноименным декурионом из Аквинка (статус колонии город получил от Септимия Севера в 194 г.), последовательность его магистратур и пост таможенного кондуктора, сама датировка печати из Саварии служит предметом нескольких исследований: А. М ó c s y, Pannonia-Forschung 1964—1968, Acta Arch. Hung., XXI, 1969, ч. 3—4, стр. 348; о н ж е, Pannonia-Forschung 1969—1972, там же, XXV, 1973, ч. 3—4, стр. 382—383; J. F i t z, The Excavations in Gorsium, там же, XXIV, 1972, ч. 1—3, стр. 48; А. D o b ó, Contributions à l'histoire de la douane en Illyricum, Acta classica Scient. Debrecen., XIII, 1977, стр. 59—61.

⁶ D o b ó, ук. соч., стр. 59—61.

предполагать, что под названием Фортуны Возвращающей почиталась какая-то богиня, сходная с ней по своим функциям.

В издании даны восстановления также трудно читаемых, фрагментарных надписей, не публиковавшихся ранее. Например, база от статуи из красного песчаника (на ее левой стороне — рельеф человеческой фигуры, пьющей из кубка, сбоку, слева от фигуры — кувшин с двумя ручками) с текстом надписи, восстанавливаемым предположительно: S(ilvano) d(eo) или d(omestico) sa[e(rum) ob li]bertat[em] M. Pro [...] v(otum) s(olvit) l(ibens) m(erito) (№ 362, стр. 76). Как отмечают издатели, возможно также чтение [pro u]bertat[er] frugi]m. В первом случае алтарь Сильвану мог быть поставлен в связи с отпуском на волю; во втором — посвящение Сильвану было сделано за изобилие плодов.

Внесены существенные поправки в чтение уже опубликованных надписей. Так, в надгробии, левая часть которого утрачена, Б. Кужинский читал имя Aesernius Cescio. Издатели RIU 2 восстанавливают это имя как [C. C]aesernius C. [(f.)] [Sen]ecio и, таким образом, в Паннонии появляется еще один представитель известного торгового дома Аквилей — Цезерциев. Как показал Я. Шашель, Цезернии в своей деятельности ориентировались главным образом на Паннонию⁷. В этом надгробии из белого мрамора с четко вырезанными буквами, которое Гай Цезерний Сенецион распорядился сделать при жизни, остались не указанными сами годы его жизни и годы жизни его жены, в то время как обозначены годы жизни их сына — 20 лет, из чего можно заключить, что Цезернии или уехали из провинции, или они были погребены совсем неизвестными им людьми.

Совершенно новое толкование получила надпись (№ 474, стр. 148—149), опубликованная в CIL, III, 14009: Terr(ae) Matr(i) et m(emoriae) Priscill(a)e ob commendatam et restitutam fidem Ael(ius) Stratonicus v(otum) l(aetus) l(ibens) m(eritis) Brigeti(one). Издатели RIU 2 принимают чтение П. Вейна⁸, который, учитывая юридическое значение формулы ob commendatam et restitutam fidem как свидетельство взаимного поручительства, читал не m(emoriae), но m(inistrae). В этом случае надпись свидетельствует о том, что Элий Стратоник из паннонского города Бригетциона, вероятно всего торговец, положив свои деньги на хранение в храм Матери Земли, получил их обратно, вернувшись из деловой поездки. К сохранности денег имела прямое отношение прислужница (ministra) и, очевидно, рабыня храма Присцилла. В благодарность и храму и Присцилле Элий Стратоник посвятил по обету этот алтарь.

Эти примеры, на мой взгляд, наиболее интересные и выразительные, показывают, какая большая и всесторонняя работа была проведена при подготовке публикации надписей, потребовавшая осмотра самих памятников вновь и учета существующих разночтений. RIU 2 свидетельствует, что эта огромная работа позволила дать наиболее вероятное и правильное чтение многим надписям, читавшимся ранее иначе.

К числу новых эпиграфических публикаций принадлежит также первый том надписей Верхней Мезии⁹. Издание организовано и проводится под руководством центра эпиграфических и нумизматических исследований философского факультета Белградского университета. Том подготовлен Мирославой Миркович и Слободаном Душаничем под редакцией Фанулы Папазоглу. Весь свод рассчитан на шесть томов, в которых будет дано критическое и комментированное издание всех надписей — от времени Тиберия до конца античности, — открытых на территории Верхней Мезии. Надписи каждого тома будут сгруппированы вокруг главных муниципальных центров провинции и их сельской округи и снабжены историко-географическим очерком каждого региона. При подготовке первого тома все существующие надписи были заново обследованы, чтение ряда надписей было пересмотрено; все сохранившиеся надписи воспроизведены также фотографически, а для утраченных дана прорисовка по лучшим прежним изданиям. Каждый том будет иметь свою нумерацию надписей, свою пагинацию и свои

⁷ J. Š a š e l, Caesernii, «Ziva Antika», 1960, № 10, стр. 201—221.

⁸ «Latomus», 23, 1964, стр. 30 слл.

⁹ Inscriptions de la Mésie Supérieure, I. Singidunum et le nord-ouest de la province. Par M. Mircović et S. Dušanić sous la direction de la F. Papazoglu, Beograd, 1976.

указатели. Публикация надписей (88) из Сингидуна (ныне Белград) и его территории подготовлена М. Миркович; надписи (178) из северо-западного района Верхней Мезии, где находились важные рудничные центры провинции, изданы С. Душаничем. Все сохранившиеся надписи даны в развернутом чтении с комментарием издателей. Дана конкорданция публикуемых надписей с *CIL*, III и с другими изданиями. Издание снабжено географическими картами с указанием мест находок надписей, топографическими картами района Сингидуна и горнорудного округа, фотографиями остатков римских укреплений

Краткая история находок надписей из Белграда и его округа знакомит с созданием коллекции римских памятников Сербии. Большое значение для изучения надписей имело учреждение в 1844 г. Национального Музея в Белграде, а затем деятельность Николы Вулича (1872—1945), чьей памяти посвящен первый том. Н. Вулич, блестящий филолог, прекрасный знаток древних языков, археолог и эпиграфист, положил начало эпиграфическим исследованиям в Сербии. С 1905 по 1935 г. он занимал кафедру древней истории на философском факультете Белградского университета. Отмечена также большая роль в собрании надписей Сербии Я. Шафарика и А. Премерштейна. Так, например, Моммзен никогда не был в Сербии и для первого выпуска *CIL*, III (1873 г.) использовал копии и эстампажи, которые посылал ему Шафарик. Надписи Сербии в *Supplementum CIL*, III (1902 г.) были опубликованы уже А. Домашевским, который бывал и в Белграде, и в горнорудном районе провинции. Небезытересны сведения об изданиях, где публиковались отдельные надписи или их группы. Из числа последних особенно важна публикация Анны и Ярослава Шашель, издавших надписи, найденные на территории Югославии между 1940 и 1960 гг.¹⁰

Описанию памятников Сингидуна предшествует довольно подробный очерк истории города, который вводит в историю Верхней Мезии, так как Сингидун был первой военной крепостью римлян в этой провинции. Впервые город упомянут у Птолема; последние известия о нем содержатся у византийских историков VI—VII вв. Само название Сингидун, как предполагают, восходит к названию племени *Σιγγοί*, которое, вероятно, занимало области при слиянии Савы и Дуная до того, как здесь обосновались кельты-скордиски после их отступления из Греции в 279 г. до н. э. Считают, что синги были либо дако-гетским племенем (выселившимся из Баната в период X—V вв. до н. э.), либо скифским. Под власть римлян эта область попала после окончательного разгрома скордисков Тиберием в конце I в. до н. э. Оставаясь на кампании Лентула против даков, которую современные исследователи датируют по-разному, но в пределах периода от 14 г. до н. э. до последних лет правления Августа и которая имела самое непосредственное отношение к образованию провинции Мезии, М. Миркович (как и ранее Р. Сайм) полагает, что этот период может быть сокращен до промежутка между 1 г. до н. э.— 4 г. н. э. Те *praesidia*, которые были сооружены в связи с кампанией Лентула на правом берегу Дуная и о которых сообщает Флор (II, 28), были построены на крайнем юго-востоке Паннонии и северо-западе Мезии. Возможно, что Западная Мезия была тогда театром военных действий.

Даны довольно детальные сведения об истории лагеря легиона в Сингидуне и самого гражданского города с упоминанием относящихся сюда и публикуемых в томе надписей. Сооружение лагеря легиона в Сингидуне произошло после завоевания Дакии (106 г.), откуда был сюда переведен в 118 г. легион IV Flavia, принимавший участие в Дакийских войнах Траяна. Этот легион, образованный в 70 г., появился на Дунае еще в 86 г., но, где был его первый лагерь, не установлено. В Сингидуне легион стоял до конца античности. Легион имел гавань, которую упоминают византийские авторы. Строительство военного лагеря и размещение легиона на лimesе объясняется военно-стратегическим значением места — лагерь был построен при впадении Савы в Дунай, напротив сарматов-языгов, занимавших междуречье Дуная и Тиссы. Как отмечает М. Миркович, по аналогии с другими городами римского лimesа, которые лучше

¹⁰ A. et J. Šašelj, *Inscriptiones latinae quae in Jugoslavia inter annos MCMXL et MCLX repertae et editae sunt*, «Situla», 5, Ljubljana, 1963.

изучены (остатки Сингидуна исчезли под позднейшими перестройками, начавшимися уже в древности), можно предпологать, что античный Сингидун включал в себя три поселения: местную деревню — vicus, следов которой не сохранилось (полагают, что деревня перестала существовать около конца I в. до н. э.), канабу легиона, не засвидетельствованную в эпиграфических памятниках Сингидуна, но к ее сооружениям относят фундамент храма, как полагают Немезиды, святилище Сильвана и термы, и гражданский город, получивший во II в. статус муниципия и затем, вероятнее всего в 239 г., статус колонии.

Большинство опубликованных памятников относится к легиону, с которым, как отмечает М. Миркович, связан приток колонистов в Сингидун. Сначала они прибывали из Италии и западных провинций, затем — из Малой Азии и Балканского полуострова. Остановлюсь на нескольких, на мой взгляд, наиболее интересных для историка публикациях первого тома. Надпись (№ 1, стр. 43—44), вырезанная на архитраве из белого известняка (35 × 199 × 26 см, найдена в 1935 г.): *Dea[m?] Hecaten triviae triformi Val(erius) Crescentio mil(es) leg(ionis) IIII Fl(aviae) Max(iminiana) [pro] s[er]v[us] et suis v(otum) p(osuit) l(ibens) m(erito)*. Восстановление *Dea[m]*, как замечает М. Миркович, не несомненно; *Hecaten* — окончание греческое: асс. вместо *dat.* и может быть объяснено влиянием почетных греческих надписей. Как сказано в комментарии, сопровождающее Гекату слово *Dea* редко встречается в надписях. Эпитет *Trivia* указывает на святилище на перекрестке трех дорог; *Triformis* — на культ трехликой Гекаты. В Верхней Мезии эта надпись — единственное эпиграфическое свидетельство почитания этой богини. Посвящение небольшого храма Гекате легионером IV Флавиева легиона может быть поставлено в связь с отправкой легиона в Германию или в Дакию, в 236—237 гг. Императорский эпитет *Maximiniana* указывает на Максимиана Фракийца. (Этот эпитет имели и паннонские легионы — I *Adiutrix* и II *Adiutrix*, которые поддержали провозглашение его императором.)

В связи с историей присвоения легионам императорских имен интересно публикуемое в томе надгробие (165 × 74 × 30 см), найденное в 1962 г. Оно было поставлено ветераном IV Флавиева легиона — *L(ucius) Aurel(ius) Mercator vet(eranus) leg(ionis) IIII Fl(aviae) Ant(oniniana)* — его жене Валерии Виктории (№ 40, стр. 68). Как отмечается в комментарии, императорский эпитет *Antoniniana* легион мог получить во время войны Каракаллы с алманами в 213 г. (этот же почетный эпитет носил и другой легион Верхней Мезии, VII *Claudia* — *CIL*, III, 6291), но возможна и другая дата, так как наименование *Antoniniana* римские воинские части носили и в правление Элагабала. Заслуживает упоминания и алтарь (из известняка), найденный в 1927 г. Он был посвящен Юпитеру Наилучшему Величайшему во здравие Александра Севера воином *leg(ionis) IIII Fl(aviae) S(everiana) A(lexandriana)* (№ 4, стр. 46). По мнению М. Миркович, алтарь был поставлен либо по случаю отъезда императора на Восток, в 231 г. на войну с Персией, либо в связи с его возвращением в Рим в 232 г. Имя императора не считано на камне, как в других надписях Верхней Мезии (например, *CIL*, III, 8112 из Виминая). Найденный в 1960 г. фрагмент алтаря важен для истории Парфянской войны Каракаллы (№ 25, стр. 58). Консульские бенефициарии легиона II *Adiutrix*, стоявшего в Паннонии, в Аквинке (ныне Буда) посвятили алтарь (имя божества не сохранилось) в консульство Презента и Экстриката (217 г.). Как сказано в комментарии, алтарь был поставлен по случаю возвращения легиона с Парфянской войны (после убийства Каракаллы) и прохода легиона через Сингидун. Само возвращение легиона в свой постоянный лагерь в Аквинке, которое, как полагал Риттерлинг, имело место в 218—219 гг., эта надпись позволяет датировать 217 г.

К истории комплектования легионов имеет отношение редкий алтарь, найденный в 1954 г. Текст надписи следующий: *I(ovi) O(ptimo) M(aximo) Cilices pro salute d(omi)no(rum) n(ostro)rum trium] p[ro]s[er]v[us] [et] [co]n[tr]o[n]es [D]extro et Prisco co(n)s(ulibus)* (№ 3, стр. 45—46). Речь идет о посвящении в 196 г. Юпитеру за здоровье Септимия Севера, Каракаллы и Геты, поставленном рекрутами, набранными в Киликии, очевидно, для IV Флавиева легиона. Возможно и другое, как отмечает М. Миркович, менее вероятное толкование, а именно, что рекруты из Киликии, проследовав через

Сингидун, посвятили алтарь. Большая надгробная стела (227 × 90 × 22 см), найденная в 1974 г. (расколотой на несколько кусков), также указывает на то, что набор в IV Флавиев легион производился из числа уроженцев восточных провинций. Как свидетельствует текст эпитафии ветерана Марка Аврелия Папи (№ 29, стр. 60—61), он служил в службе легата легиона в качестве бенефициария (должность, появившаяся, как отмечал в свое время А. Домашевский, в правление Септимия Севера). М. Миркович, ссылаясь на Ж. и Л. Робер, пишет, что *cognomen* *Paria* очень распространено в Малой Азии. Легион IV Flavia, принимавший участие в войнах на Востоке в III в., рекрутировал легионеров из Малой Азии.

О пополнении IV Флавиева легиона уроженцами Востока свидетельствует и другой памятник — семейная надгробная стела (96 × 94 × 19 см), найденная в 1965 г. (№ 42, стр. 69—70): Гай Валерий Валент, его жена Валерия Эльпида и дочь Валерия Аппион. В описании памятника отмечается, что и *cognomen* дочери ветерана — *Appion*, и характер орнамента на надгробии (во фронтоне изображено зеркало, пара сандалий, табличка для письма и по бокам — две розетки) обычны для Малой Азии, особенно для Фригии. Можно заметить также, что одинаковое *ponen* родителей указывает на то, что жена ветерана была его отпущенницей.

Другие публикуемые в томе надписи указывают на то, что набор в IV Флавиев легион производился и в самих дунайских провинциях. Важен в этом отношении текст надгробия (168 × 78 × 28 см), найденного в 1962 г. (расколотым на две части). В верхней части надгробия, во фронтоне, в нише и виде арки, изображены бюст взрослого мужчины и двоих детей (№ 28, стр. 60). Из текста эпитафии становится известным, что Аврелий Деметрий и его брат Аврелий Эвмен были взяты в IV Флавиев легион одновременно и служили в качестве *stratores* при наместнике провинции. По мнению М. Миркович, греческие *cognomina* братьев — Деметрий и Эвмен и *cognomina* детей Аврелия Деметрия — Диогения и Диогенн встречаются часто в Далмации, и потому можно думать, что Аврелий Деметрий и Аврелий Эвмен могли быть призваны на службу не в Малой Азии или Греции, но в Далмации. Как следует из другой надписи (№ 34, стр. 63—64), в легионе служили и уроженцы Паннонии. Сообщаящая об этом надпись была начертана на надгробии (очень большом — 393 × 110 × 37 см, найденном в 1932 г.), которое имеет изображение заупокойной трапезы, часто присутствующей на эпитафиях из Нижней Мезии и Фракии. Текст надписи: *L(ucius) Albanus L(uci) f(ilius) Fl(avia) Septiminus Sirmi imag(inifer) leg(ionis) IIII Fl(aviae)*. Как видно из текста эпитафии, Луций Албаний Септимин был в легионе знаменосцем, носившим знамя с изображением императора. Он происходил из Сирмия (*Sirmi*) (ныне Сремска Митровица), города Паннонии, но указана ложная триба — *Flavia*. Известно, что Сирмий получил от Флавиев статус колонии и его население было приписано к трибе *Quirina*, той же, из которой были императоры этой династии. Флавиева триба не существовала, и эта ложная триба позволяет датировать памятник, как сказано в комментарии, временем после 150 г. Надгробие умершему поставили его отпущенник Луций Албаний Гермес, Гай Тиций Кресцент, ветеран того же легиона, Филомуз, раб некоего Андроника.

В томе приведен ряд надписей, важных для изучения религиозных верований и представлений как легионеров IV Флавиева легиона, так и гражданского населения Сингидуна. Среди таких памятников интересен алтарь (найденный в 1929 г.): *I(ovi) O(ptimo) M(aximo) SNS Aemilius Dolens optio* (№ 5, стр. 46). По мнению М. Миркович, более вероятно чтение: *I(nvicto) O(mnipotenti) M(ithrae) S(oli) N(abarze) s(acrum)*; она не исключает и того, что SNS обозначает — *s(acrum) n(omine) s(uo)*.

Небезынтересны несколько алтарей с обращением к *Iuppiter Paternus*, редким в других провинциях. Все шесть алтарей из Сингидуна (№ 9—13; 21) и поставлены лицами с *ponen* Аврелиев, трое из них — легионеры IV Флавиева легиона. Один из алтарей посвящен Аврелием Кресцентинионом, *Iap[i]darius* (№ 11, стр. 50). Как известно, легионы имели своих каменщиков — *lapidarii legionis IIII Flav(iae) i)t(em) legionis VII C(laudiae)* (стр. 50). В этих посвящениях Юпитеру с эпитетом «Отеческий» вероятнее всего видеть обращения недавних римских граждан (на это указывает и *ponen*

Аврелиев) к их отеческим богам и считать этих Аврелиев чужеземцами в Верхней Мезии.

Весьма важна во многих отношениях надпись на надгробной стеле ветерана и его семьи (225 × 92 × 28 см), найденной в 1934 г. (№ 41, стр. 69). Все они носят помен Аврелиев. Надпись содержит ошибки, свидетельствующие о том, что и тот, кто заказывал эпитафию, и тот, кто ее высекал на камне, плохо знали латинский язык. Буквы неровные, вырезаны небрежно и почти не видны на пористой поверхности камня. По палеографическим признакам надпись датируется концом III — началом IV в. Обращение в эпитафии к D(is) I(nfernīs) M(anibus) также указывает на время не ранее середины III в. В тексте надписи присутствует не встречающееся до этой находки выражение — *pater genetivus* и слово *annonarius* (*annonario posuit*), не засвидетельствованное в эпиграфических памятниках, но встречающееся в кодексе Феодосия, где оно обозначает военную должность. М. Миркович отмечает, что если в этой надписи *annonarius* — существительное, то оно и здесь указывает на военную должность, и памятник принадлежит IV в. Она не исключает, однако, и того, что *annonarius* — прилагательное, но такое предположение, как кажется, не находит опоры в тексте эпитафии. *Pater genetivus* могло быть употреблено вместо *pater naturalis* как противоположность *pater adoptivus*.

К числу других интересных семейных надгробий принадлежит стела (215 × 81 × 29 см), найденная в 1934 г. (№ 45, стр. 71). В верхней ее части, в прямоугольной эдикуле изображены бюсты троих взрослых и перед ними — троих детей. Число изображенных не соответствует числу лиц, упомянутых в эпитафии. Памятник поставлен Нуннию Присциану, декуриону колонии Сингидуна, некими Аврелием Присциллианом и Септимией Луперциллой. В комментарии указано, что надпись содержит ошибки по вине резчика: *infra* вместо *infra*, *cilerius* вместо *celerius*, если это только не форма народной латыни. Развернутое обращение — *Dibus Manibus Infernis*, как и выражение *non dignus cilerius inf(r)a decessit* («так незаслуженно рано ушел на тот свет»), указывают на время не ранее середины III в.; о второй половине III в. свидетельствует и наименование Сингидуна колонией; выражение *decessit* характерно для раннехристианской эпиграфики.

Приведу две примечательные надписи, относящиеся к религиозной жизни гражданского населения Сингидуна. Одна из них (стр. 44—45, № 2), уже публиковавшаяся ранее, была изучена заново, надпись снабжена обстоятельным комментарием, в отдельных моментах чтение М. Миркович отличается от уже существующих. Эта надпись (на алтаре из пористого известняка) представляет собой посвящение фракийскому богу Герою, поставленное его почитателями. Их имена высечены на камне в два столбца. Надпись так выразительна, что привожу ее полностью:

Deo Heroni	
collitores ipsius	
Theodotus Gude pater	
Victorinus	Zinama
Mucianus	Herodes
Valentinus	Hermogenes
Rodo	Iulius
Natus	Hermogenes
Victorinus	Maximinu[s]
Dometianus	Marcus
Septiminus	v(otum) p(osuerunt) l(ibentes) m(erito).

М. Миркович указывает, что фракийское божество *Heros*, отождествлявшееся с Фракийским Всадником, названо как *deus* только в этой надписи. В греческих надписях написание *Ἡρως* встречается часто. Она отмечает также, что посвящения — *Deo Sancto Heroni* и *Deo Heroni Sancto*, известные в надписях из Рима, были сделаны преторианцами фракийского происхождения. *Collitores* стоит в надписи вместо *cultores* и означает почитателей этого божества. Их одиночные (за исключением отца коллегии, Теодота Гуды) имена, по мнению некоторых исследователей, указывают на рабский статус. М. Миркович отмечает, однако, что члены религиозных объединений часто

обозначаются одиночным именем, даже когда коллегиаты принадлежат к аристократии. Рабский статус можно предполагать только для некоторых из упомянутых, например, для лица с именем *Natus*. Именно это имя в прежних публикациях читалось по-разному: Е. Калинка и А. Свобода читали его как *R(h)odo natus* т. е. не как имя, а как указание на происхождение; в *CIL*, III, 4065 — как *R(h)odo Natus*, т. е. некто Нат, уроженец Родоса; в *Index* к *CIL*, III дано одно имя — *Rodonatus*. Почитатели Фракийского Героя носят имена греко-восточные (Герод, Гермоген, Родон, Теодот), латинские (Юлий, Марк, Максимин, Нат, Септумин, Валентин, Домециан, Викторин), фракийские (Зинама). Второе имя отца коллегии *Gude* считается германским.

Заново была изучена и другая важная надпись из прежних (1836 г.) находок, комментированная неоднократно (№ 20, стр. 54—55). Памятник представляет собой алтарь из известняка (115 × 60 × 36 см), посвященный богине Орции (*Deae Orciae sacrum*) во здравие Диоклегиана и Максимиана «высоким сословием великолепнейшей колонии Сингидуна при содействии дуумвиров, Марков Аврелиев — Кутии и Созона, и при попечительстве Симплиция, выдающегося мужа, в третьем консульстве Диоклегиана и в консульстве Максимиана» (287 г.). В комментарии сказано, что начальные буквы надписи вырезаны очень плотно друг к другу и малопонятны, поэтому в прежних публикациях читались как *D. ENORCIA*, *D. ENORCIAE*; в *CIL*, III, 1660 дано *Deae NORCIAE*, затем — *DEAE ORCIAE* (*CIL*, III, 8151). Это последнее название богини дано и в публикации М. Миркович. Она отмечает также некоторые палеографические особенности памятника, а именно: одинаковые — *graeomina* и *nomina* дуумвиров колонии — Марки Аврелии — переданы на камне удвоением букв — *MM AAVVRR*. Такое обозначение, частое для *graeomen* (*MM* = *Marci duo*; *CC* = *Gai duo*), редко встречается при *gentilicia* (известно, например, *FLL* = *Flavii duo* — Dessau, 1284). *Cognomina* дуумвиров — *Cutia* и *Soso* — считаются и кельтскими, и фракийскими, их относят также к ономастике Малой Азии. *Dea Orcia* известна только из этой надписи, в ней видят и кельтскую богиню, и фракийскую.

С гражданским населением Сингидуна связан также другой интересный по тексту алтарь из белого мрамора (70 × 61 × 28 см), найденный в 1938 г. (№ 15, стр. 51—52). Алтарь посвящен Капитолийской Триаде и поставлен Публием Теренцием Аквиллином и, вероятно, его женой. Ее имя вырезано на камне как *Tretenica Sabina*, возможно, неправильно высеченное *Terentia Sabina*. В комментарии И. Миркович отмечает, что хотя такое имя, как *Tretenica*, неизвестно, но личные имена с окончанием на *-icus* считаются иллирийскими. Аквиллин и Сабина называли себя *consis(s)tententes Aquileiae*, а значит Аквиллея была их *domicilium*, и в Сингидуне они могли находиться по коммерческим делам.

Надписи, происходящие из северо-западного района Верхней Мезии, изданы, как уже сказано, С. Душаничем. Как и в первом разделе, надписям предшествует исторический очерк этого района провинции. Здесь, на горе Космай и в Руднике (их античные названия остаются неизвестными), находились крупные римские серебряные рудники. Сама принадлежность этого горнорудного района к Верхней Мезии остается спорной — его относят и к Далмации, и к Паннонии; С. Душанич считает очень вероятным, что горнорудный округ входил в состав Верхней Мезии. Работать рудники начали с последних десятилетий I в. н. э., хотя, вполне возможно, уже кельты добывали здесь серебро. Рудники управлялись прокуратором — сначала из числа императорских отпущенников, затем из числа всадников. С. Душанич подробно останавливается на администрации горнорудного района, характере труда, использовавшегося при разработке рудников. Отсутствие в надписях на рудничных монетах названия Верхней Мезии и наличествующее на них *metalli Ulpiani, metal. Aurelianis* позволяет считать, как предполагает С. Душанич, что в отличие от рудников Далмации и Паннонии рудники на горе Космай входили в императорский патримоний. Главное отличие доменов патримония от доменов фиска состояло в том, что доходы с доменов фиска поступали в казну провинции, а доходы с патримония вносились отдельно и, вероятно, поступали в Рим, по крайней мере в значительной своей части (стр. 99—100). Возможно, допускает С. Душанич, зоны

этих рудников были окружены другими императорскими доменами, в частности, императорскими лесами.

Происходящие из горнорудного района надписи свидетельствуют, что небольшие рудники сдавались в аренду колонам. Упоминания в надписях о коллегиях, которые могли быть только в городах, но не были особенностью *territoria metallorum*, указывают, как отмечает С. Душанич, на высокое развитие экономической жизни в рудничных поселках. Исходя из характера упомянутых в надписях имен, он считает арендаторов рудников большей частью чужеземцами, уроженцами греческого Востока. Переселенцы были организованы в землячества. Их потомки носили уже латинские имена. Уменьшение числа надписей из горнорудного района в III в. не является свидетельством краткой продолжительности работы рудников. Клады монет второй половины III в. и начала IV в. показывают, что жизнь здесь была в это время еще интенсивной. В этот период отмечен также новый приток арендаторов. Рудники охраняли римские войска. На этом участке лимеса стояло шесть когорт, но свидетельства о них начинаются только со времени Маркоманнских войн (167—180).

Из горнорудного района особенно многочисленны надгробные стелы, которые по особенностям орнамента составляют три типа. С. Душанич дает описание каждого типа, его возможную хронологию и место происхождения. Остановлюсь на отдельных надгробиях и алтарях, важных для характеристики экономической жизни рудничного округа. Так, алтарь, найденный в 1909 г. и уже публиковавшийся ранее (№ 90, стр. 123), был поставлен Юпитеру Наилучшему Величайшему Марком Аврелием Кресцентионом *pr(o) se et suos (!) et cives (!)*. Как очевидно, надпись содержит ошибки: *suos* — вместо *suis* и *cives* — вместо *civibus*. Эти *cives* за благополучие которых был поставлен алтарь, как сказано в комментарии, возможно, были римскими гражданами, проживавшими в рудничном поселке и получившими право гражданства от Марка Аврелия. Более вероятным С. Душанич считает то, что *cives* скорее были объединением (землячеством) чужеземцев в Верхней Мезии и что Кресцентион был членом этого землячества, и, возможно, его председателем.

Из старых публикаций весьма интересна посвятельная надпись, вырезанная на известняковой плите (100 × 37 × 22). Она была опубликована в свое время А. Премерштейном и Н. Вуличем, затем Я. Шафариком, а также в *CIL*, III, 14356 (№ 103, стр. 127—128). Текст надписи: *Iovi et Herculi templum fecit Vecilia Tyranni Aug(usti) lib(erti) proc(uratoris)*. *Locus datus ab Appeo Hermete et Fabis tribus*: «Юпитеру и Гераклу сделала храм Вецилия (жена (?), рабыня (?)) Тиранна, отпущенника августа, прокуратора. Место (для храма) было дано Апеем Гермесом и тремя Фабиями». А. Премерштейн и Н. Вулич читали: *Vecilia Tyranni... uxor*; А. Мочи — *Tyranni... serva*¹¹. С. Душанич, исходя из значительности предприятия Вецилии, полагает, что она была скорее женой Тиранна (императорского отпущенника и прокуратора рудников), чем его рабыней. Ее имя — Вецилия — *nomen gentilicium* (что отмечено и в Указателе к *CIL*, III) довольно редко встречаемое, поэтому не исключено, как предполагает С. Душанич, что посвятельница имела какое-то отношение к *L. Vecilius C. f. Modestus*, который был префектом *cohors I Thracum Syriaca*, стоявшей в Верхней Мезии; вероятнее всего, она была отпущенницей Модеста. Апией Гермес и трое Фабиев, которые дали Вецилии участок земли для сооружения храма, были арендаторами-колонами рудников (как полагал М. Ростовцев), но не крестьянами, имевшими свои наделы (как думали А. Премерштейн и Н. Вулич). С. Душанич отмечает также, что вряд ли можно считать, как то полагали А. Премерштейн и Н. Вулич, что храм был построен на границе владений Апиея Гермеса и трех Фабиев; эти арендаторы-колоны имели коллективное право на землю. Если Вецилия была отпущенницей Модеста, то памятник не может быть датирован позднее конца I в., так как Первая Сирийская когорта Фракийцев появилась в Верхней Мезии около 70 г.

¹¹ A. Mócsy, *Gesellschaft und Romanisation der römischen Provinz Moesia Superior*, Budapest, 1970, стр. 37.

Приведу еще одну, весьма важную в этом отношении надпись (№ 168, стр. 157). Эта надпись (из прежних публикаций) — строительная, вырезана на белой мраморной плите (57 × 102 × 15 см), текст — в профилированной рамке; плита была найдена в 1865 г. в Руднике, в развалинах античного храма (по сообщению Ф. Канитца вместе со статуей какой-то богини). Текст надписи очень существенен по своему содержанию: Imp(erator) Caes(ar) L. Septimius Severus Pert(inax) Aug(ustus) templ(um) Terre(!) Matris conlapsum restituit sub cura Cassi Ligurini proc(uratoris) Aug(usti) instantia(!) P. Fundanio Eutyche et P. Ael(io) Muciano colon(is). Как следует из надписи, стараниями колонов Публия Фундания Эвтиха и Публия Элия Муциана, которые были арендаторами рудников, восстановлен пришедший в ветхость храм Матери Земли. Восстановление храма происходило под наблюдением Кассия Лигурина, императорского прокуратора рудников, и было произведено от имени императора Септимия Севера, как отмечает С. Душанич, вероятно, в связи с возможным его пребыванием в Верхнюю Мезию в 193 г. или в 196 г. (согласно титулатуре императора). Terra Mater хорошо известна в эпиграфике как охранительница рудников и защитница рудокопов. Надпись интересна и с палеолингвистической точки зрения: в ней вместо *instantibus* стоит *instantia*. Употребление существительного вместо причастия, которое должно было бы быть в надписи, так как имена колонов даны в творительном падеже, является, как отмечает С. Душанич, самым ранним свидетельством перехода латинского языка на народную латынь.

Для суждений об экономической жизни рудничных поселков важна и еще одна надпись (№ 105, стр. 129), издававшаяся ранее. Это — посвящение на храме Митры, построенном императорским рабом Исионом (Caes(aris) n(ostri) ser(vus)), который был виликом по сбору таможенной пошлины в Иллирике (*vil(icus) vectigal(is) Illyr(ici)*). Как сказано в комментарии, устройство таможенной станции в поселке могло быть вызвано тем, что здесь помимо императорских рудников, возможно, находились императорские плавильные мастерские. Их продукция не облагалась пошлиной, но частные плавильные мастерские платили такую пошлину государству. Очевидно, развитая экономическая жизнь в Космай и экстерриториальность императорских доменов требовала устройства особой таможенной станции. Номенклатура Исиона — Caes(aris) n(ostri) ser(vus) свидетельствует, что надпись поставлена не позднее конца II в.

В других памятниках раскрываются особенности религиозной жизни рудничных поселков. Так, найденный в 1951 г. небольшой алтарь (39 × 26 × 12 см), публикуемый в томе (№ 108, стр. 130), посвящен Сильвану с редким эпитетом *Conservator*. Текст надписи: *Silvano Au(gusto) Conservato(ri) M. Ulp(ius) Terentius cum sui(s) v(otum) s(olvit) l(ibens) m(erito)*. С. Душанич полагает, что Сильвен-Охранитель — выступает здесь как покровитель и защитник рудокопов. Интересен и другой алтарь (№ 114, стр. 132—133), выше привлекавший внимание исследователей (Р. Марич, Ж. и Л. Робер). Алтарь посвящен Зевсу Окконенскому неким Сократом, сыном Павла, по обету: Ἀγαθῆ τύχη Διὸ Ὀκκονην[ῶ] Σωκράτης Π[α]ύλου ἐξ εὐχῆς ἀνέθηκεν δ[ω]ρον. В комментарии сказано, что эпитет Ὀκκονηνός встречается также в надписях на алтарях Нижней Мезии (на территории Никополя на Истре). Г. Кацаров и Р. Марич считают его фракийским, но Ж. и Л. Робер видят в Зевсе Окконенском божество анатолийское. Известные до сих пор имена посвяtitелей этому божеству не фракийские. С. Душанич приводит пример с названием деревни в Вифинии, в котором присутствует корень этого слова: [ἦ] Ὀκαηνῶ[ν] κῶμη. Расположение орнамента на алтаре и сам его мотив также заставляют скорее всего думать о переселенцах из Малой Азии.

Заслуживают упоминания надписи на мозаиках (№ 152—159), найденных в 1958 г. при раскопках здания позднеантичной эпохи. Одна из таких надписей сообщает о том, что некто Майорин, названный *princ(ipal)is*, сделал по обету 170 футов мозаичного пола (№ 153). С. Душанич считает должность Майорина — принципал — не муниципальной, так как рудничный поселок не имел статуса города. Скорее Майорин был членом коллегии *decem prin(icip)i* и, вероятно, в Сингидуне. Его присутствие в Космай, по мнению издателя, объясняется тем, что он принадлежал к *honestiores* и на него могли быть возложены *munera* в императорских доменах, к каковым принадлежали,

как известно, и рудники драгоценных металлов. Однако, поскольку все эти мозаичные надписи принадлежат к категории хорошо известных надписей в раннехристианских сооружениях, отмечает издатель, а руины здания, где они были найдены, считаются принадлежащими раннехристианской церкви середины IV в., то не исключено, что должность Майорина — принципал — могла относиться к его обязанностям в христианской общине и ^{11а} что часть мозаичного пола в церкви он мог сделать добровольно. Другая публикуемая надпись (№ 156), как кажется, подтверждает возможность такого характера должности в раннехристианской общине. Эта надпись гласит, что Theodulus lentiarius fec(it) p(edes) XX. Этот Теодул, само имя которого («раб божий») указывает на его близость к раннехристианской общине рудничного поселка, изготовлял, вероятно, полотно или паруса ¹². Он сделал на свои средства 20 футов мозаичного пола в той же церкви. Его профессия, как отмечает С. Душанич, была, очевидно, связана с присутствием в Космай римской воинской части ¹³. Имя Theodulus и имена других жертвователей — Malcus Surus f(ecit) p(edes) L; Zinobius f(ec(it) p(edes) L — греко-восточные и, по мнению издателя, указывают на новую волну колонистов с Востока, последовавшую в дунайские провинции в конце III — начале IV в. Посвятители мозаик принадлежат, вероятно, к первому поколению таких колонистов.

Эти, на мой взгляд, наиболее выразительные с исторической и палеографической точки зрения надписи, приведенные здесь в качестве примеров, красноречиво свидетельствуют о ценности и для историка, и для эпиграфиста первого тома надписей Верхней Мезии. Научный аппарат тома показывает, на каком высоком уровне осуществляется издание надписей Верхней Мезии и сколь значительным предприятием явится публикация всех римских надписей этой провинции.

К числу новых публикаций принадлежит также четвертое (дополненное и расширенное) издание собранных Арпадом Добо надписей, найденных вне пределов Паннонии и Дакии, но относящихся к истории обеих провинций ¹⁴. Первое издание вышло в свет в 1940 г. ¹⁵ Второе и третье представляли собой перепечатку первого. В новом издании по сравнению с предыдущими увеличилось и общее число надписей (904 против 743) и число надписей, относящихся к истории каждой из провинций. В первом издании были приведены 504 надписи по истории Паннонии, теперь их — 605. По истории Дакии было дано 239 надписей, теперь их — 298. Число надписей возросло главным образом за счет новых находок, относящихся к военным паннонского и дакийского происхождения. Так, в первом издании было 135 надписей об auxilia Pannonica, в четвертом издании их стало 195. Издание пополнилось также весьма интересными надписями о Паннонских и Дакийских войнах. Все надписи даны в развернутом чтении. Наиболее важные из них снабжены кратким латинским комментарием, указанием, где та или иная надпись уже была опубликована или исследована, и ссылками на специальную литературу. Сплошная нумерация и общие для надписей обеих провинций именной, географический и предметный указатели сделали весь свод надписей более удобным для пользования. Само распределение надписей по разделам, одинаковое для Дакии и Паннонии, сохранено А. Добо таким же, как и в первом издании. Все собрание, насчитывающее, таким образом, около тысячи надписей, важно не только для истории Дакии и Паннонии, но и для истории других провинций. Новая публикация

^{11а} Понимание должности Майорина как связанной с обязанностями культового характера находит аналогию в тексте надписи IV в. из Нижней Мезии: в надгробии, поставленном Иезесом, сыном Максимиана, уроженца Паннонии, себе и своей жене Кирии, он назван — arcisinalgo]yos et principales (G. R o d a n, Comments on the History of the Jews in Pannonia, Acta Arch. Hung., XXV, 1973, ч. 3—4, стр. 273—274).

¹² Lentiarius, производное от linteum (полотно, парус) встречается в римских надписях — D u š a n i ć, ук. соч., стр. 153.

¹³ Известен negotiator lentiarius et castr[e]nsarius — CIL, V, 5932; D u š a n i ć, ук. соч., стр. 153.

¹⁴ A. D o b ó, Inscriptiones extra fines Pannoniae Daciaeque repertae ad res earundem provinciarum pertinentes, Budapest, 1975.

¹⁵ A. D o b ó, Inscriptiones extra fines Pannoniae Daciaeque repertae ad res earundem provinciarum pertinentes, Budapest, 1940.

содержит немало надписей уникальных, весьма значимых для изучения многих вопросов истории Римской империи¹⁶.

Чтобы дать представление о разнообразии содержащихся в своде надписей, приведу некоторые примеры. Надпись № 37 (CLL, VI, 2494a), относится к истории паннонцев, служивших в преторианских когортах в Риме. Ее текст следующий: D(is) M(anibus) Jul(ius) Nero mil(es) coh(ortis) III pr(aetoriae) (centuria) Victoris vix(it) an(nis) XXXV mil(itavit) an(nis) XIII oriundus in Pannonia Superiore pede Faustiniانو Aur(elius) Dassius e[st] Julius Valerianus her(ed)es b(ene) m(erenti) f(e)c(e)r(unt): «Богам Манам. Юлий Нерон воин Третьей Преторианской когорты из центурии Виктора прожил 35 лет прослужил 13 лет, происходящий из Верхней Паннонии, из местности Фаустиниана. Аврелий Дасий и Юлий Валериан, наследники, поставили по заслугам (этот памятник)». В комментарии к надписи отмечается, что муниципий Faustinianum возник из civitas паннонского племени озериагов, которые занимали области в долине р. Савы, вблизи Сискии (ныне Сисак). Такая локализация озериагов, которых ранее помещали на восточных берегах оз. Балатон, стала возможной благодаря тому чтению уже известной ранее надписи (CIL, III, 10159=3201), которое дал ей Г. Альфельди. Это чтение и воспроизводит А. Добо (№ 581): [Ti. C]aesar divi Augusti f(ilius) [A]ugustus imp(erator) pontif(ex) max(imus) tirb(uniciae) potest(atis) XXI co(n)s(ul) III viam a Salonis ad Hedum castel(lum) Daesitiatum per mill[i]a passuum CLVI munit et idem viam ad Bat(h)inum flumen quod dividit Breuc[ols] Oseriatibus a Salonis munit per millia passuum CLVIII et idem viam [— — —] munit ad imum montem Ditionum Ulciturum per millia passuum a Salonis LXXVIIID P(ublio) Dolabella leg(ato) pro pr(aetore). Как следует из этого текста, в правление Тиберия, при наместнике Далмации Публии Корнелии Долабелле, в 19/20 г были построены три дороги, которые все, начинаясь с Салоны, вели — одна протяженностью в 156 миль, в области десидиагов до кастелла Геда (локализуемого предположительно севернее Сараево), другая, длиной в 158 миль, шла до реки Батины (ныне Босна), «которая отделяет бревков от озериагов»; третья дорога в 77,5 миль вела в области диционов, до подножия горы Ульцир (в долину р. Уны).

Остановлюсь на нескольких новых публикациях четвертого издания об *auxilia* паннонского и дакийского происхождения. Среди них — военные дипломы, упоминающее Первую Паннонскую когорту. Она стояла в Верхней Мезии, в Мавретании Цезарейской и в равное время в Египте. Один из публикуемых дипломов из Египта (№ 366) от 156/157 г. происходит из комы Караниды. В связи с историей этой когорты небезынтересна старая надпись (первого издания), которая теперь дана в развернутом чтении и с указанием новой литературы. Надпись — почетная, содержит *cursus* всадника Эмилия Юнка и, вероятно, была начертана на базе его статуи. Эмилий Юнк был префектом Первой когорты Паннонцев, стоявшей в Египте, трибуном Пятой Сдвоенной когорты Римских граждан, префектом Галльской алы ветеранов, отличился в Парфянской войне Траяна и был удостоен воинских наград — копья и венка за взятие вала, был прокуратором Киликии и Кипра, а в Египте, в Александрии, имел право высшей судебной власти (*iuridicum Alexandriae ad Aegyptum*), был прокуратором провинции Азии. Здесь, в Эфесе, где была главная императорская канцелярия этой провинции, *decuriones et tabellarii et equites qui sunt ad Laros domnicos* поставили Эмилию Юнку или статую, или эту почетную надпись. Вероятно, эти десятские, посыльные и конные вестовые были из числа младшей императорской администрации (императорские рабы или отпущенники); они несли службу у изображений императорских Ларов и, очевидно, были ответственны за отправление культа императорских Ларов в Эфесе.

В издание не вошли надписи (это оговорено в предисловии), относящиеся к императорской администрации Паннонии и Дакии (наместники, прокураторы), так как для Паннонии они были уже исследованы А. Добо в другой, специальной работе (A. D o b ó, *Die Verwaltung der römischen Provinz Pannonien von Augustus bis Diocletian. Die provinzielle Verwaltung, Budapest — Amsterdam, 1968*). Для Дакии такая работа подготавливается: L. B a l l a — A. D o b ó, *Studien zur Verwaltung der römischen Provinz Dazien*.

Для истории набора в войска *auxilia* важен публикуемый в этом издании А. Добо военный диплом из Дакии (№ 194), относительно восстановления текста которого существуют различные мнения. Диплом был выдан пехотинцу Сепенесту, сыну Рива, — *ex pedite Sepenesto Rivi f(ilio) Pannon(io)*, — который служил в Первой тысячной Британской когорте под началом Тиберия Клавдия Фортиса, уроженца Капуи. Приводимое А. Добо чтение — *Pannon(io)* было обосновано А. Мочи. Как сказано в комментарии, мнения ученых относительно того, из какого племени был Сепенест — различны, так как ранее на месте слова *Pannon(io)* было другое, от которого заметны следы букв. Считали, что Сепенест был из Британии; предлагалось чтение *Cor[i]non.* или *Cornon.* А. Мочи высказал наиболее убедительное предположение о паннонском происхождении Сепенеста: 1) вначале резчик выбил буквы *Corna(cati)*, а затем переделал их в *Pannon(io)*, так как в военных дипломах, выдававшихся не в той провинции, из которой происходил воин, вместо точного указания племенной *civitas* для обозначения паннонского происхождения обычно писали — паннонец; 2) Британская когорта до того, как она пришла в Дакию, стояла в Паннонии и Верхней Мезии, может быть в *civitas Sirmiensium*. Сирмий некоторое время (в период Дакийской войны Домициана) входил в состав провинции Верхней Мезии. *Civitas Cornacatum*, откуда происходил Сепенест, находилась в Паннонии, южнее Сирмия.

В издании даны также некоторые новые чтения надписей о Первой Элиевой когорте Даков (*cohors I Aelia Dacorum*), образованной Адрианом¹⁷. Эта когорта стояла в Британии, на вале Адриана; все сведения о ней происходят из этой провинции и принадлежат II—III вв. В новом чтении дана одна такая надпись об этой когорте (№ 721): *Deo Co[c]l[i]d[i]o I. O. M. coh(ors) I Ael(ia) D[a]c(or)um Tetricianorum c(ui) p(raeest) Pomponius D[eside]rat[us...] trib(unus) [...]*. Надпись представляет собой посвящение богу Коцидию и Юпитеру Наилучшему Величайшему, поставленное Первой Элиевой когортой Даков, которые именуют себя Тетриковыми, что позволяет датировать надпись временем правления галльского узурпатора Тетрика, 271—273 гг. Слова *Deo Co[c]l[i]d[i]o* не читались ранее, и имя префекта когорты (на его месте читали: *Pomponius designatus...trib.*) оставалось неизвестным. В новом чтении им оказывается Помпоний Диседерат.

Пример нового чтения дает другая надпись об этой же когорте (№ 725): *I. O. M. [D(olicheno)] coh(ors) I A[el](ia) Dac(or)um] c(ui) p(raeest) Flavi[us] Ma[xim]ia[nus] trib(unus) ex [evoc(ato) c(ohortis) I pr(aetoriae) Ma[xim]in(iana)e]*. Как очевидно, это — посвящение Юпитеру Долихену от той же Первой Элиевой когорты Даков, во главе которой стоял трибун Флавий Максимиан. Будучи на сверхсрочной службе в Первой преторианской когорте, украшенной императорским именем *Maximiana*, что датирует надпись временем правления Максимиана Фракийца (235—238), он был переведен из Рима в Британию и повышен в должности. В первом издании (№ 114) не было дано восстановления — *Dolicheno*, и буквы — *I pr. Ma.* читались как *i(nstante) Pr(ocilio) Ma(gno)*: «старанием Процилия Магна». Теперь они развернуты как *I pr(aetoriae) Ma[xim]in(iana)e]*.

Большинство надписей о Паннонских и Дакийских войнах представляют всаднические или сенаторские карьеры. Многие из таких надписей о карьерах всадников уже были исследованы Г. Пфлаумом или И. Фитцом в его работе, посвященной *Prosopographia Pannonica*. Остановлюсь на одной из самых значительных из числа новых публикаций, включенной А. Добо в четвертое издание (№ 536). Эта надпись происходит из Африки, из *Diana Veteranorum* (ныне Зана); она относится к истории Маркоманских войн и была впервые опубликована и обстоятельно исследована Г. Пфлаумом¹⁸. В над-

¹⁷ Публикацию надписей о *cohors I Aelia Dacorum* А. Добо дает по своду римских надписей Британии (R. G. Collingwood, R. P. Wright, *The Roman Inscriptions of Britain*. I. Inscriptions on Stone, Oxf., 1965).

¹⁸ Н. G. Pflaum, *Deux carrières équestres de Lambèse et de Zana (Diana Veteranorum)*. 2. M. Valerius Maximianus, «Libyca», III, 1955, стр. 134—154. См. также J. Fitz, *Legati legionum Pannoniae Superioris*, *Acta Antiqua*, IX, 1—2, 1961, стр. 167—168.

писи отражена карьера Марка Валерия Максимиана, уроженца города Петовиона (ныне Птуй), в Паннонии, который, вероятно, первым из паннонцев был введен в сенат Марком Аврелием. Отмечу наиболее редкие и значительные посты Максимиана. Так, он управлял племенами, которые занимали приморские области Полемоновского Понта, входившего в провинцию Вифиния-Понт: *praep(osito) orae gentium Ponti Polemoniani*; во время Маркоманских войн в Германской экспедиции (169 г.) был назначен Марком Аврелием для доставки (из Галлии) по Дунаю продовольствия для войска обеих Панноний: *allect(o) ab imp(eratore) M. Antonino Aug(usto) et misso in procinctu Germanic(ae) exped(itionis) ad deducend(a) per Danuvium quae in annonam Panno(niae) utriusq(ue) exercit(uum) denavigarent*. В 171 г. он командовал конными частями, набранными из африканских племен и мавров, посланными для обеспечения безопасности Паннонии: *item equit(um) Afror(um) et Mauror(um) elector(um) ad curam explorationis Pannoniae*. Этот выдающийся военный паннонского происхождения, как сказано далее в надписи, удостоился личной похвалы Марка Аврелия и военных наград во время войны, в 173/174 г., когда, будучи префектом Первой алы Арваков, стоявшей на лимесе Верхней Паннонии, он убил своей собственной рукой Валаона, вождя германского племени наристов: *praef(ecto) al(ae) I Arvacor(um) in procinctu Germanico ab imp(eratore) Antonino Aug(usto) coram laudato et phaleris et armis donato quod manu sua ducem Naristarum Valaonem intermisisset*. В 175 г. он начальствовал над кавалерийскими частями, сформированными из маркоманнов, квадов и наристов, которые были отправлены на Восток для подавления восстания наместника Сирии Авидия Кассия: *praep(osito) equitib(us) gent(ium) Marcomannor(um) Narist(arum) Quador(um) ad vindictam Orientalis motus pergentium*. Будучи прокуратором Нижней Мезии с окладом в 100 тыс. сестерциев в год, он был поставлен во главе вексиляций и послан Марком Аврелием для разгрома отряда разбойников из племени бризов, обитавших на границе Македонии и Фракии: *honor(e) centenariae dignitatis aucto salario adeptus procurationem Moesiae Inferioris eodem in tempore praeposito vexillationibus et ad detrahendam Briseorum latronum manum in confinio Macedon(iae) et Thrac(iae) ab imp(eratore) misso*. Наконец, под его началом находились римские войска, оставленные Марком Аврелием зимовать в крепости Левгарицион, одной из крепостей, сооруженных на левом берегу Дуная: *praep(osito) vexil(lationum) Leugaricione hiemantium*. Эта редкая и весьма важная надпись подтвердила и правильность сообщения Диона Кассия (LXXII, 20, 1) о том, что после Маркоманских войн в областях квадов и маркоманнов было оставлено 20-тысячное римское войско, которое потом отозвал Коммод, оставив все укрепления римлян на левом берегу Дуная, и достоверность сообщения SHA (Marc. 24, 5—6; 27, 10) о том, что в намерения Марка Аврелия входило создание двух новых провинций — Маркоманнии и Сарматии.

Надпись из *Diana Veteranorum* дала возможность восстановить не читавшиеся ранее последние две строки известной наскальной римской надписи из Тренчина. Опубликованная в первом издании А. Добо (и ранее в — CIL, III, 13439 = Dessau, 9122), эта надпись оставляла открытым вопрос о том, под чьим командованием находилось римское войско, оставшееся зимовать в областях квадов, в крепости Левгарицион, на левом берегу Дуная (120 км севернее Дуная, вблизи нынешнего Тренчина): последние слова этой надписи не читались. Теперь они дополнены и раскрыты. В новом чтении надпись приведена в рецензируемом издании А. Добо (№ 537) (со ссылкой на ее публикацию в собрании римских надписей Словакии)¹⁹: *Victoriae Augustoru[m] exercitus cui Laugaricione sedit mil(it)es I(egionis) II DCCCLV [M. Val(erius) Maximian(us) leg(at)us leg(ionis) II ad(iutricis) cur(avit)]*. Она датируется 179/180 г. Как следует из ее текста, 855 легионеров из легиона II *Adiutrix* (стоявшего в Нижней Паннонии, в Аквинке) находились в крепости Лавгарицион; они поставили посвящение Победе августов (Марка Аврелия и Коммода) под наблюдением легата легиона, Марка Валерия Максимиана.

¹⁹ J. C e š k a — R. H o š e k, *Inscriptiones Pannoniae Superioris in Slovacia Transdanubiana asservatae*, Brno, 1967.

К истории пребывания римских войск на левом берегу Дуная после Маркоманнских войск относится еще одна хорошо известная и неоднократно исследованная надпись (№ 424). (Она была приведена и в первом издании А. Добо.) Надпись содержит *cursus* Тиберия Плавтия Феликса Феррунтияна; в числе его воинских должностей было командование *вексилляциями* Третьего Августова легиона, которые стояли на территории маркоманнов — *vexil(lationibus) leg(ionis) III Aug(ustae) apud Marcoman(n)os*.

Еще одна новая публикация (№ 513), относится к истории Маркоманнских войн. Эта надпись происходит из Ламбеза в Африке и содержит *cursus* всадника Тиберия Клавдия Прокула Корнелиана. В числе его гражданских должностей был пост прокуратора провинции Сирии с правом проверки бюджетов — *proc(urator) provinc(iae) Syriae ad rationes putandas*. Вместе с неким Юлием Вером он был уполномочен произвести набор новобранцев в Италию для II Итальянского легиона: *item ad dilectum cum Iulio Vero per Italiam tironum II leg(ionis) Italicae*. Эту почетную надпись поставил Инвент, императорский отпущенник, который исполнял бухгалтерские обязанности в III Августовском легионе, стоявшем в Ламбезе: *Inventus Aug(usti) lib(ertus) tab(ularius) leg(ionis) III Aug(ustae)*. Известно, что оба Итальянских легиона, II и III, были набраны в Италии в 166/167 г. в связи с начавшимися Маркоманнскими войнами.

Из числа публикаций первого издания, вошедших в четвертое, весьма интересны надписи, относящиеся к финансовой стороне Маркоманнских войн (№ 534, 541). Из этих надписей следует, что императорские рабы занимали ответственные должности в ведомствах по обеспечению продовольствием римских армий. В одной из них, в эпитафии из Рима, назван Сальвий *dispe(n)sator Aug(usti) primae et secundae expeditionis Germ(anicae) fel(icis)*, поставивший эпитафию *Felici alumno*. Другая надпись — из Альтина, надгробие Херонта — *Aug(usti) n(ostri) disp(ensatori) rat(ionibus) sor(ia)rum expedit(ionum) fel(ici)um II et III Germ(anicarum)*. Как установлено исследователями, экспедиции относятся ко времени Маркоманнских войн (первая Германская экспедиция имела место в 169 г., вторая — в период между 177—180 гг., третья экспедиция последовала в правление Коммода, в 188—189 гг.).

В новое издание составителем включена и выдающаяся находка последних лет, относящаяся к Дакийским войнам Траяна (№ 817). Надпись была найдена в 1965 г. в Граммени (Греция), на сельской территории античных Филипп, в римской провинции Македонии. Это эпитафия Тиберия Клавдия Максима, который служил в войсках *auxilia* при Домициане и Траяне, удостоился воинских наград и получил почетную отставку (*honesta missio*)²⁰. В ней сказано, что Тиберий Клавдий Максим участвовал в Дакийской войне Домициана. Траян перевел его во Вторую Паннонскую алу и назначил ему двойной оклад. Траяном же он был определен в службу разведчиков во время Дакийской войны. В Дакийской и Парфянской войне Траяна дважды удостоился воинских наград. Траяном был возведен в чин декурiona в той же Второй Паннонской але за то, что, как сказано в эпитафии, «захватил Децебала и принес его голову Траяну в Ранисстор»: *bello Dacico ob virtute(m) donis donatus ab imp(eratore) Domitiano factus dupli(carius) a divo Troiano(!) in ala secu(n)d(a) Pannoniorum a quo et fa(ct)us explorator in bello Dacico et ob virtute(m) bis donis donatus bello Dacico et Parthico et ab eode(m) factus decurio in ala eade(m) quod cepisset Decebalu(m) et caput eius pertullisset ei Ranisstoro*. В верхней части большого (2,64 × 0,83 м) надгробия Тиберия Клавдия Максима изображен его подвиг: скачущий на коне римский воин со щитом и двумя копьями в левой руке и с занесенным мечом — в правой. Внизу, у передних ног лошади фигура откинувшегося назад царя даков с отброшенной правой рукой, в которой он держит меч, а левой поддерживает живот, опираясь на овальной формы щит, характерный для вооружения даков. О захвате Децебала сообщает и надпись из Кирены, приведенная А. Добо (№ 816), публиковавшаяся уже в первом издании. Эта надпись была поставлена в честь триумфа над даками в 107 г. В ней также сказано, что Траян захватил царя даков, Децебала: *... ὁ κύριος Νέρβας Τ[ραιανὸς σεβαστὸς τὸν τῶν Δακῶν μόναρχον Δεκίβζλλον ἐλαβε [— — —]*.

²⁰ Публикация надписи и ее обстоятельный комментарий: M. S p r e i d e l, *The Captor of Decebalus. A New Inscription from Philippi*, JRS, LX (1970), стр. 142—153.

Из этих обеих надписей нельзя установить, покончил ли Децебал самоубийством или все-таки он был захвачен в плен. Имеющиеся на этот счет свидетельства источников, как отмечается в специальной литературе, не дают ясного ответа. Дион Кассий писал, что, «когда была захвачена столица Децебала и его страна, он, опасаясь плена, убил себя и его голова была отвезена в Рим» (LXVIII, 14, 3). На колонне Траяна изображена сцена, сходная с той, что воспроизведена на надгробии Тиберия Клавдия Максима: римская конница преследует царя даков и один из всадников занес над ним руку, чтобы отнять у Децебала меч²¹. На колонне Траяна воспроизведен также какой-то римский военный лагерь с выставленной в нем головой царя²². До находки эпитафии Тиберия Клавдия Максима полагали, что этим лагерем был лагерь *Augusta Praetoria* и что там находился тогда Траян. Эпитафия показывает, что этим лагерем был Раннатор (неизвестный ранее) и что голова Децебала была принесена императору сюда. Позднее она действительно была отослана в Рим и, как свидетельствуют Фасты Ости, брошена на ступени Гемоний, где на обозрение римской толпы выставлялись трупы государственных преступников (*Decibali [caput... in scallis Gemoni[is] iacuit*) (№ 818).

К истории войн римлян с даками относятся другие важные надписи рассматриваемого издания, публиковавшиеся уже ранее и вошедшие в первое издание. Эти надписи продолжают привлекать внимание исследователей, и новые работы об этих надписях упомянуты в комментариях к ним. Одна из таких надписей — *cursus* всадника Гая Велия Руфа, начинающийся с чина примипила в XII Молниеносном легионе (№ 502). Следующие его воинские посты и поручения были весьма ответственны. Гаю Велико Руфу было вверено командование войском провинций Африки и Мавретании для подавления движения мавретанских племен: *duci exercitus Africi et Mauretanicis ad nationes quae sunt in Mauretania comprimentas*. Во время Иудейской войны Веспасиана и Тита он был удостоен воинских наград; участвовал в войне Домициана с маркоманнами, квадами и сарматами, когда римская армия выступила против этих племен, пройдя через области царя даков Децебала: *et bello Marcomannorum Quadorum Sarmatarum adversus quos expeditionem fecit per regnum Decembali regis Dacorum*. За эту экспедицию Гай Велий Руф также получил воинские награды. Он занимал прокураторские посты в Паннонии, Далмации и Реции; в Реции он фактически был наместником, так как имел здесь право высшей судебной власти (*ius gladii*). Веспасианом Гаю Велико Руфу была поручена особая миссия в Парфию, в результате которой он привел к императору Эпифана и Каллиника, сыновей царя Антиоха, с большим числом данников: *hic missus in Parthiam Epiphanem et Callinicum regis Antiochi filios ad imp(eratore) Vespasianum cum ampla manu tributariorum reduxit*. Эту почетную надпись поставил Марк Альфий Олимпиак, орлоносец и ветеран XV Аполлонова легиона. В комментарии сказано, что экспедиция *per regnum Decembali* относится ко времени Дакийской войны Домициана, к 88 г., когда квады, маркоманны и сарматы, расторгнув союз с Римом, отказали Домициану в помощи. Заключив спешно мир с даками, Домициан направил против этих племен римскую армию, которая зашла в их области с тыла, вступив в царство Децебала из Мезии. В этой кампании против германских племен и сарматов римляне были, однако, побеждены.

Другая подобная надпись — *cursus* всадника Гая Целия Марциала (№ 814). В числе его должностей указан воинский трибунат в легионе XIII Близнаец, который участвовал в Дакийских войнах Траяна и затем был оставлен в Дакии в качестве постоянного гарнизона. Гай Целий Марциал был удостоен военных наград от Траяна за участие в Дакийских войнах, а во время Второй Дакийской войны (105—106 гг.), «когда была завоевана вся Дакия», в его ведении находилось обеспечение продовольствием римской армии: *in quo tribunatu donis militaribus donatus est ab imp(eratore) Caesare Nerva Traiano Aug(usto) Germanico Dacico et copiarum curam adiuvit secunda expeditione qua universa Dacia devicta est*.

²¹ C. Cichorius, *Die Reliefs der Traianssäule*, В., 1896—1900, Tafelband, CXLV.

²² Там же, табл. CXLVII.

Весьма важны две новые публикации четвертого издания, взаимосвязанные по своему содержанию, которые относятся и к истории Дакии, и к истории Мавретании. Остановлюсь на этих надписях более подробно, основываясь на обстоятельной статье М. П. Спайдла²³. Одна из надписей (№ 709a) — эпитафия (из Цезареи в Мавретании Тингитанской) Секста Юлия Юлиана, уроженца Верхней Германии. В эпитафии отражены, очевидно, самые значительные из воинских постов Юлиана: он командовал Сирийским воинским отрядом, который носит эпитет *Malvensium*, и привел в Мавретанию Тингитанскую тысячу новобранцев из фракийского племени бессов: *tribunus n(umeri) Syrorum M(al)vensium hic sepultus est dum deducit iuniores Bessos (mille) in Tingitana(m) provinci(a)m*. В надписи из Мавретании *Numerus Syrorum Malvensium* носит тот же эпитет, что и название одной из трех Дакий — провинции *Dacia Malvensis*. Это свое название провинция получила по наименованию города *Malva*, который был, вероятно, городом значительным и столицей этой провинции. Сирийский воинский отряд мог именоваться *Malvensium* потому, что до того как он прибыл в Мавретанию, он стоял ранее в Дакии, в городе Мальва.

В другой надписи (№ 860), из Гиспалиса (ныне Севилья) (уже публиковавшейся ранее), дан *cursus* Секста Юлия Посессора, в котором указано на то, что он командовал, как полагают, одновременно, отрядом Сирийских стрелков и Первой Испанской алой; он был также куратором общины Ромулы Мальвезийской: *praeposito numeri Syror(um) sagittarior(um) item alae primae Hispanor(um) curatori civitatis Romulensium Ma[l]vensium*. Как отмечает М. П. Спайдл, *numerus Syrorum Malvensium* мавретанской надписи и *numerus Syrorum sagittariorum* надписи из Испании — одна и та же воинская часть. Сирийские стрелки под командованием Юлия Посессора стояли в Дакии, в Ромуле около 160 г. Их отправка в Мавретанию Тингитанскую произошла в начале III в. Отряд был поставлен на лимесе Мавретании и дал название возникшему здесь городу — *Numerus Syrorum* (ныне Лалла Марния), который упоминается еще в надписях V в. (Здесь в 460 г. засвидетельствована говорившая по-латыни раннехристианская община, в то время как последнее свидетельство о самом воинском отряде — *numerus Syrorum* — происходит от 272 г.).

Относительно *iuniores Bessos*, которых вместе с *numerus Syrorum* привел в Африку Юлиан, возможны два предположения: либо Юлиан принял командование над рекрутами во Фракии, когда сирийский отряд был на пути в Мавретанию, либо он встретил их уже в Африке, при своем прибытии туда. В статье отмечается также, что прибытие тысячного отряда сирийских стрелков из Дакии и тысячи новобранцев из Фракии усилило римскую армию в Мавретании. (Полагают, что она насчитывала 10 тыс. человек.) При Септимию Севере, в 202 г. Мавретания Тингитанская и Мавретания Цезарейская были объединены под властью одного наместника. Размещение римских войск на лимесе Мавретании на рубеже II и III вв. (помимо названия города *Numerus Syrorum*), отразилось также в таких названиях поселений, как *Ala Milliarum*, *Cohors Breucorum*. Эти наименования указывают на то, что до прихода римских воинских частей здесь не было местных поселений. Само перемещение из Дакии на юг Мавретании воинского отряда в тысячу человек было возможно, поскольку лимес на востоке Дакии был продвинут Септимием Севером за р. Олт (*limes Transalutanus*), и не исключено, что произошло это вскоре после 205 г.

Обе эти надписи связаны также с дискутируемым до сих вопросом о местонахождении города Мальвы и с вопросом о том, была ли Ромула надписи Посессора дакийским городом, поскольку городов с названием *Romula* — маленький Рим — в Римской империи было несколько. По мнению одних исследователей в надписи Посессора названа дакийская Ромула, но ею не была Мальва; другие предлагают читать не *Ma[l]vensium*, но *m(unicipii) Arvensium* — город в Бетике; Ромула, названная в надписи Посессора, была не Мальвой, но этой Ромулой был город Гиспалис, откуда и происходит сама надпись Секста Юлия Посессора. Указывают также на то, что в императорских провин-

²³ M. P. S p e i d e l, *Numerus Syrorum Malvensium. The Transfer of a Dacian Army Unit to Mauretania and Its Implication*, «Dacia», 17, 1973, стр. 169—177.

циях кураторы городских общин (а Секст Юлий Посессор назван куратором общины Ромулы-Мальвы) не засвидетельствованы до середины III в. Надпись же Посессора, как уже упоминалось, датируют временем около 160 г. На основании анализа этих обих надписей, свидетельств II в. о *Suri sagittarii* из Дакии, данных о *numerus Syrogum* в III в. из Мавретании М. П. Спайдл приходит к выводу о том, что *numerus Syrogum Malvensium* надписи Секста Юлия Посессора стоял в Дакии и что *civitas Romulensium Malvensium*, куратором которой он был, была дакийским городом Ромулой (на р. Олт); ее местное, доримское название было Мальва. Он отмечает, также, что в надгробиях воинов сирийского отряда из города *Numerus Syrogum* в Мавретании нередко указывается *domus Romula*.

В числе новых публикаций издания может быть отмечена также надпись из Цезареи (в Палестине), относящаяся к событиям гражданских войн, последовавших после гибели императора Пертинакса и приведших к власти Септимия Севера (№ 284). Надпись приведена в дополненном чтении И. Фитца и представляет собою *cursus* Луция Валерия Валериана, по мнению одних исследователей, уроженца Паннонии. Он занимал ответственные военные и гражданские посты: был поставлен Септимием Севером во главе *вексилляций* «в счастливейшей экспедиции», направленной в город (Рим), затем был послан против «врагов народа римского», командовал когортами, сформированными из варварских племен и посланными для защиты города (Рима): *praepos(ito) vexil(lationis) felicis[simae] exped(itionis) urbic(ae) itemque asiana[e] adversus] hostes publicos p(opuli) R(omani) [et cohortium] peregrinarum ad [urbem defend(endam)?]*. В комментарии к этой надписи, о которой существует большая литература, поясняется, что *felicissima expeditio urbica* — это поход на Рим войск Септимия Севера против Дидия Юлиана (май — июнь 193 г.); *expeditio asiana* — против Песценния Нигра, на Восток (193/194 г.). *Cohortes peregrinarum* были набраны в Паннонии преимущественно из сарматов-языгов и германских племен.

В заключение приведу пример публикации старой надписи с новым чтением последних строк. Надпись эта (№ 819), неоднократно публиковавшаяся и исследовавшаяся, происходит из античного Трояеум Траяни (ныне Адамкисси), города, основанного, как считают, Траяном после победы над даками. Надпись представляет собой посвящение Марсу Мстителю (*Ma[rti] Ultori*), поставленное от имени императора Траяна в 107/108 г. Две последние строки этой надписи оставались не восстановленными, так как от них сохранились отдельные буквы; предположительно читалось одно слово — *[rest]itu[it]*. В восстановлении, которое приводит теперь А. Добо, эти строки читаются так: *[?(de) victo exer]citu D[acorum et — — — et? Sarmata]rum [?troaeum consasavit]*. В комментарии отмечается, что существуют и другие восстановления этих строк. Сам памятник, как считает большинство ученых, был воздвигнут в память триумфа над даками, но о времени сооружения этого монумента и о том, какое именно событие из истории многих войн римлян с даками послужило тому причиной, мнения ученых расходятся.

Приведенные примеры надписей показывают, что тщательно подготовленный А. Добо свод надписей четвертого издания будет служить ценнейшим источником по истории всей Римской империи.

Три рассмотренные публикации римских надписей еще раз убеждают в том, сколь ценным источником являются эпиграфические памятники и какие существенные дополнения (или поправки) они могут внести в свидетельства древних авторов.

Ю. К. Колосовская

УКАЗАТЕЛЬ ЛИТЕРАТУРЫ ПО ИСТОРИИ АНТИЧНОГО МИРА, ОПУБЛИКОВАННОЙ В СССР В 1976 г.*

I. РАБОТЫ ОБЩЕГО ХАРАКТЕРА. СБОРНИКИ СТАТЕЙ. УЧЕБНИКИ. PERSONALIA. РАЗНОЕ. РЕЦЕНЗИИ

1. Античная короластика. Каталог выставки. [Авт. статей и сост. каталога Г. Д. Белов, З. А. Билимович, С. П. Борисовская и др.], Л., «Аврора», 1976, 112 с. с илл. (Гос. Эрмитаж).
2. Асмус В. Ф., Античная философия. Учебное пособие для студентов и аспирантов филос. фак-тов и отд. университетов. Изд. 2-е, допол., М., «Высшая школа», 1976, 543 с.
3. Атлас истории древнего мира [Е-952] 5-й класс, М., ГУГК, 1976, 13 с., карты.
4. Ауэрбах Эрих, Мимесис. Изображение действительности в западноевропейской литературе, М., «Прогресс», 1976, 555 с.
5. Ахметов Л. Е., Гутман Д. С., Прокаев Ф. И., Зарубежная литература (Античности, Средних веков, эпохи Возрождения). Учебно-метод. пособие для студентов заоч. и вечер. отд-ний филол. фак-тов ун-тов и пед. ин-тов, Уфа, 1976, 121 с. (Башк. гос. ун-т им. 40-летия Октября).
6. Блаватский В. Д., Природа и античное общество, М., «Наука», 1976, 79 с., илл. (Ин-т археологии АН СССР).
7. Борухович В. Г., В мире античных свитков, Саратов, Изд-во Саратов. гос. ун-та, 1976, 223 с.
8. Вопросы классической филологии, вып. 6. [Сб. статей]. (Под ред. А. А. Тахо-Годи и И. М. Нахова). М., Изд-во МГУ, 1976, 240 с.
9. Габбасова К. Х., Азмерова А. Ш., Мейланова Н. Л., Пособие по латинскому языку для закрепления рецептурной лексики. [Латин. предмет. указ. с. 92—97]. Уфа, Башк. мед. ин-т, 1976, 99 с.
10. Гамильтон Э., Античная мифология, Таллин, 1975. Рец.: Мери Г., Культурная традиция и историзм, «Keel ja Kirjandus», Tallin, 1976, № 12, lk. 751—752. [На эст. яз.].
11. Дитмар А. Б., Краткий обзор новейшей зарубежной литературы по истории античной географии, «Вопросы истории и теории физ. географии», Саратов, 1976, вып. 2, с. 110—121.
12. Дитмар А., Новейшая литература по истории античной географии (1968—1975 гг.), «Вестник обществ. наук АН АрмССР», 1976, № 7, с. 105—111.
13. Древнейшие источники по истории народов СССР. (Материалы для обсуждения). М., 1976, 55 с. (Ин-т истории СССР АН СССР).
14. Древний Восток — 2. [Сб. статей]. Ереван, Изд-во АН АрмССР, 1976, 310 с. (Ин-т востоковедения АН АрмССР). [Рез. на англ. яз.].
15. Жулабеков Ж., Генезис категории действительности в античной философии, в кн. «Материалы 5-ой научн. конференции аспирантов и соискателей Института философии и права», Алмата, 1976, с. 43—51.
16. Из истории античной культуры. Философия, литература, искусство. [Сб. статей]. Под ред. проф. В. В. Соколова, А. А. Доброхотова. М., Изд-во МГУ, 1976, 196 с.
17. Ильин Г. Ф., Древность и средневековье. Проблема уровней развития производительных сил, «Народы Азии и Африки», 1976, № 6, с. 86—97.
18. История древнего мира. Учеб. пособие для пед. ин-тов. ч. II. Под ред. Ю. С. Крушкюл, Киев, «Вища школа», 1976, 415 с. [На укр. яз.].
19. История древнего мира. История средних веков. Реком. указ. литературы для учителей средней школы. Под ред. Б. А. Каменецкого. М., «Книга», 1976, 156 с. (Гос. публ. ист. б-ка РСФСР).
20. Козовик И. А., Шипайло Л. Д., Учебник латинского языка. (Для мед. ин-тов УССР), Киев, «Вища школа», 1976, 264 с.
21. Колтышев А. Н., Историко-филологический анализ проблемы причинности (на материалах домарксистской философии), «Сборник аспирантских статей Ин-та философии АН СССР», 1976, № 11, с. 89—108. В том числе на материале античной философии.
22. Коранашвили Г. В., Проблема капиталистических общественно-экономических формаций в историческом материализме. Автореф. дисс. на соиск.

* Указатели литературы, опубликованной в 1962—1975 гг., см. ВДИ, 1967, № 1, и 3; 1969—1973, № 4; 1974, № 1 и 4; 1975—1977, № 4; 1978, № 1. Работы, вышедшие до 1976 г., но не учтенные в предыдущих выпусках см. под. №№ 10, 26, 33, 47, 51, 54, 68, 73, 75, 79, 94, 116, 118, 121, 142, 158, 177, 204, 232, 241, 252, 257, 261, 263, 264, 270, 278, 280, 284, 322, 335, 354, 355, 358, 458, 479, 484, 492, 498, 502, 516, 523. В указатель включены также работы по классической филологии, языковедению и философии. Работы, опубликованные в ВДИ, не включаются, за исключением рецензий на вошедшие в указатель издания.

- учен. степ. д-ра филос. наук, Тбилиси, 1976, 55 с. (Тбил. гос. ун-т).
23. *Коровкин Ф. П.*, История древнего мира (учебник для 5-го класса средней школы), М., «Просвещение», 1976, 240 с. *Переводы на яз. народов СССР: белорусский яз.:* Минск, «Нар. асвета», 240 с.; *татарский яз.:* Казань, Татарск. книжн. изд-во, 240 с.; *азербайджанский яз.:* Баку, «Маариф», 248 с.; *казах. яз.:* Алма-Ата, «Мектеп», 240 с.; *латышский яз.:* Рига, «Звайгзне», 256 с.; *молдав. яз.:* Кишинев, «Лумина», 240 с.; *украин. яз.:* Киев, «Рад. школа», 232 с.; *узбекский яз.:* Ташкент, «Укитувчи», 303 с.; *киргизский яз.:* Фрунзе, «Мектеп», 255 с.; *туркменский яз.:* Ашхабад, «Туркменистан», 270 с.; *груз. яз.:* Тбилиси, «Генатлеба», 279 с.
  24. *Коростовцев М. А.*, Египет и античный мир, в кн.: *Коростовцев М. А.*, Религия древнего Египта, М., «Наука», Глав. редакция вост. лит-ры, 1976, с. 280—284.
О вкладе египетской религии в страны греческой и римской культуры и соседние с ними страны.
  25. *Коростовцев М. А.*, Проблемы истории древнего Египта, ВИ, 1976, № 1, с. 83—91.
  26. *Коростовцев М. А.*, *Утченко С. Л.*, Исследования по истории древнего мира, в кн. «Развитие советской исторической науки, 1970—1974», М., 1975, с. 140—153.
  27. Литература [Literatur]. [Сб. статей]. Ученые записки вузов Лит. ССР. Античная и зарубежная литература. 18(3). Отв. ред. В. Арешка. Вильнюс, «Моксла», 1976, 88 с. (Вильнюс. гос. ун-т). [Рез. на русск., литов., англ., франц. яз.].
  28. *Лосев А.*, *Тало-Годи А.*, *Тимофеева Н.*, Античная литература. Учебник для студентов пед. ин-тов, Киев, «Вища школа», 1976, 439 с.
  29. *Магидович И. П.*, Очерки по истории географических открытий. Изд. 3-е расширенное, М., «Просвещение», 1967, 714 с. илл., карты.
В 1 части книги (гл. 2—5) изложена история античной географии.
  30. 5-й Международный конгресс по экономической истории, Ленинград. 1970. [Доклады]. Под ред. Х. Ван дер Вее, М., 1976.
Из содержания: *Амусин И. Д.*, Деменно-весовая система в древней Палестине в первой половине I тысячелетия до н. э., с. 169—179; *Callu J. P.*, La fonction monétaire dans la société romaine sous l'empire, p. 197—235; *Кузищин В. И.*, Проблемы производительности рабского труда в римском сельском хозяйстве II в. до н. э.—I в. н. э., с. 255—279; *Kolendo J.*, Les possibilités des études sur la productivité du travail des esclaves dans l'agriculture de l'Italie antique, p. 230—291; *Biezunska-Malowist I.*, Le travail servile dans l'agriculture de l'Egypte Romaine, p. 292—293.
  31. *Мирошенкова В. И.*, *Федоров Н. А.*, Учебник латинского языка. Для студентов-заочников филол. фак. ун-тов и ин-тов иностр. яз., М., «Высшая школа», 1976, 300 с.
  32. Общественно-политические и философские учения древней Греции и Рима. Практикум для студентов-заочников ист. фак. пед. ин-тов. [Сост. И. С. Свенцицкая]. М., «Просвещение», 1976, 104 с. (Моск. гос. заоч. пед. ин-т).
  33. *Парандовский Ян*, Мифология. Верования и легенды греков и римлян. Пер. с польского. М., «Дет. лит-ра», 1974, 272 с.
  34. *Парандовский Ян*, Мифология. Верования и легенды греков и римлян Рига, «Зинатне», 1976, 296 с. [На латыш. яз.].
  35. Политические учения. История и современность. Домарксистская политическая мысль. [Сб. статей]. М., «Наука», 1976, 495 с. (Ин-т государства и права АН СССР).
  36. Проблемы отечественной и всеобщей истории, вып. 3, Л., Изд-во ЛГУ, 1976, 240 с.
  37. Программа курса «История древнего мира» для гос. ун-тов. Специальность — история, М., Изд-во МГУ, 1976, 26 с. (М-во высш. и средн. спец. образования СССР).
  38. *Rickevičiute K.*, Antikines filosofijos istorijos bruožai I—III d., Vilnius, 1976, 179 p. (LTSR Aukst. ir Spec. vid. mokslo min. Vilniaus. valst. V. Karusuko. Univ.).
[*Рицкевичюте К. А.*, Черты истории античной философии, ч. I—III, Вильнюс, Изд-во Вильнюс. гос. ун-та, 1976, 179 с. (Вильнюс. гос. ун-т им. В. Капсука)].
  39. *Сабретдинов Г. К.*, Атри Пиренн о переходе от античности к средним векам, в кн. «Методологические и историографические вопросы исторической науки», вып. 11, Томск, 1976, с. 71—107.
  40. Симпозиум по структуре балканского текста. Тезисы докладов и сообщений. М., 1976, 67 с. (Ин-т славяноведения и балканистики АН СССР).
Из содержания: *Баюн Л. С.*, Интерпункция в ликийском тексте, с. 5—6; *Брагинская Н.*, Структура диалогического экфрасиса, с. 6—10; *Гиндин Л. А.*, Ритуально-мифологический смысл Od. X, 395—396, с. 10—15; *Довгяло Г. И.*, Данные древнехеттских документов и соответствующие им параллели у Николая Дамасского, с. 15—18; *Иванов В. В.*, Иллирийское *χάν βίωυ* как отражение древнебалканского и общендоевропейского текста мифа о герое-убийце Пса-Волка, с. 18—21; *Лебедев А. В.*, Реконструкция космо-

- гонии Анаксимандра, с. 25—30; Рабинович Е. Г., Античные этимологии имени Аполлона как источник, с. 44—45; Топоров В. Н., Несколько соображений о структуре «Царя Эдипа» Софокла, с. 51—57; Ходорковская Б. Б., Интерпункция и неэтимологическая геминация согласных в древнеиталийской письменности, с. 58—60; Шелов-Коведяев В., Замечания к Ptolem. III, 5, 5, с. 63—65.
41. Сюзюмов М. Я., Закономерный переход к феодализму и синтез, «Античная древность и средние века», вып. 12, 1975, с. 33—53.
42. Сюзюмов М. Я., Проблемы асинхронного развития в древности. (К постановке вопроса), В сб. «Античная древность и средние века», вып. 13, 1976, с. 30—48.
43. Талашова Н. С., Историка ГДР о буржуазной историографии античности ФРГ, в кн. «Критика буржуазных концепций всеобщей истории», вып. 4, Казань, 1976, с. 167—178.
44. Токмакова Л. В., Учебное пособие по латинскому языку для студентов-биологов, Краснодар, Изд-во КГУ, 1976, 125 с. (Кубан. гос. ун-т).
45. Труды Гос. Эрмитажа, XVII. Культура и искусство античного мира, 5. Л., «Аврора», 1976, 207 с. с илл. [Рез. на англ. яз.].
46. Успенский В. В., Мифы древней Греции, изд. 2-е, Л., «Дет. лит-ра», 1976, 144 с. с илл.
47. Утченко С. Л., Изучение истории древнего мира в советской историографии. Античность, в кн. «Очерки истории исторической науки в СССР», т. IV, М., «Наука», 1966, с. 153—174.
48. Фролов Э. Д., Религия и атеизм в античном мире, «Вопр. научн. атеизма», 1976, № 20, с. 116—135.
49. Дымбалюк Ю. В., Краковецкая Г. А., Крылатые латинские изречения, Киев, «Вища школа», 1976, 192 с. с илл. [Текст паралл. на русск., укр. и латин. яз.].
50. Черкасова Е., Редер Д., История древнего мира, ч. 2. Учебное пособие для пед. ин-тов под ред. Ю. Крушкол, Вильнюс, «Моклас», 1976, 406 с. [На литов. яз.].
51. Шагнивич М. И., Первобытная мифология и философия (предыстория философии), Л., «Наука», 1971, 240 с. В книге рассматриваются проблемы становления древнегреческой науки.
52. Эрмитаж. Ленинград. Античные инталии в собрании Эрмитажа. Альбом. Вступит. ст. О. Я. Неверова, Л., «Аврора», 1976, 113 с., 124 л. цв. илл. [Текст паралл. на русск. и англ. яз.].
53. Юлдашев М. М., Учебник латинского языка. (С латин.-узб. словарем), Самарканд, 1976, 140 с. (СГУ им. А. Навои).
- См. также №№ 161, 204, 241, 250, 456.

Personalia

В. Ф. Асмус

54. В. Ф. Асмус. [Некролог]. «НДВШ. Филос. науки», 1975, № 5, с. 190. [Без подписи].

Р. Ю. Виппер

55. Лусис К. К., Р. Ю. Виппер на пути к материалистическому пониманию истории, «Изв. АН ЛатвССР», 1976, № 3, с. 102—113. [На латыш. яз. Рез. на русск. яз.].
56. Сафронов Б. Г., Историческое мировоззрение Р. Ю. Виппера и его время. М., Изд-во МГУ, 1976, 222 с.

М. Е. Грабарь-Пассек

57. Ярхо В. Н., Мария Евгеньевна Грабарь-Пассек. [Некролог] «НДВШ. Филос. науки», 1976, № 3, с. 126—127.

Б. Н. Граков

58. Памяти Б. Н. Гракова (1899—1970), «Археол.-этногр. сборник», Грозный, 1976, вып. 4, с. 278—279. [Без подписи].

И. А. Джавахишвили

59. Лайчадзе Г. Г., Столетие со дня рождения И. А. Джавахишвили, ВИ, 1976, № 12, с. 140—141.

И. М. Дьяконов

60. Саркисян Г. Х., Игорь Михайлович Дьяконов (К шестидесятилетию со дня рождения), в № 14, с. 265—282.

Б. В. Лунин

61. Камалов С. К., Бочин В. А., Кошанов А., 70-летие Б. В. Лунина, «Вестн. Каракалпакск. филиала АН УзбССР», 1976, № 4, с. 84—87.
62. Милибанд С. Д. (сост.), Список основных работ доктора исторических наук Б. В. Лунина, опубликованных в 1967—1976 гг. К 70-летию со дня рождения, «Народы Азии и Африки», 1976, № 5, с. 191—193.

Ю. Д. Колпинский

63. Памяти Юрия Дмитриевича Колпинского, «Декоративное искусство СССР», 1976, № 12, с. 36. [Без подписи].

Н. В. Пигулевская

64. Курбатов Г. Л., Лундин А. Г., Пайкова А. В., Старкова К. Б., Нина Викторовна Пигулевская в кн. Пигулевская Н. В., Близкий Восток. Византия, славяне, Л., 1976, с. 10—50. Список печатных работ члена-корреспондента.

пондента АН СССР Н. В. Пигулевской, с. 50—61 (сост. А. Г. Луцкин и Е. Н. Мещерская).

К. В. Тр е в е р

65. Камила Васильевна Тревер. [Некролог], СА, 1976, № 1, с. 326. [Без подписи].

С. Л. У т ч е н к о

66. Сергей Львович Утченко. [Некролог], ВИ, 1976, № 8, с. 221. [Без подписи].

Т. Ф р а н к о

67. Корж Н. Г., Тарас Франко — переводчик Катулла, «Вестн. Харьков. ун-та», 1976, № 14, иностр. яз., вып. 9, с. 132—138.

О. М. Ф р е й д е н б е р г

68. Лотман Ю. М., О. М. Фрейденберг. (К 75-летию со дня рождения), «Груды по знаковым системам, VI. Ученые записки Тартуского гос. ун-та», Тарту, 1973, с. 482—486. Список печатных и печатно засвидетельствованных работ О. М. Фрейденберг (с. 486—489).

РАЗНОЕ

69. Аверинцев С., Славянское слово и традиции эллинизма, ВЛ, 1976, № 11, с. 152—162.

Полемика: Лотман Ю., О «воскреснувшей эллинской речи», ВЛ, 1977, № 4, с. 215—217.

70. Азаров В. Я., О структурном статусе имперфекта индикатива в латинском языке, в кн. «Форма и значение в языке и речи», Горький, 1976, с. 12—19.

71. Акимова Л. И., К проблеме классики и классического, в № 16, с. 3—18.

72. Античная мозаика и шедевры изобразительного искусства Туниса. Каталог выставки. [Пер. с польского]. М., «Сов. художник», 1976, 23 с. (М-во культуры СССР, М-во культуры Тунисской республики. Ин-т археологии Тунисской республики. Гос. Музей искусства народов Востока).

73. Арнольдт А. К., Понятие «азиатский способ производства» в трудах К. Маркса и Ф. Энгельса, в кн. «Гуманитарные науки», вып. 2, Караганда, 1975, с. 182—188.

74. Астапович Т. И., Из истории развития латинских прилагательных с исходным на -stus-, «Вопр. словообразования в индоевроп. язык.», Томск, 1976, вып. 1, с. 159—182.

75. Азутин А. В., У истоков теоретического мышления. Анализ духовной культуры античной Греции, ВФ, 1973, № 1, с. 123—124. [Рез. на англ. яз., с. 188].

76. Бакуменко В. П., Становлення та формування аксіоматичного методу

у старогрецькій філософії та математиці, «Проблеми філософії», Київ, 1976, вип. 37, с. 110—118.

77. Борисовская С. П., Бронзовая статуэтка сирийского божества, в № 45, с. 5—10. [Рез. на англ. яз., с. 201].

Статуэтка датируется II тыс. до н. э. Отмечается развитие композиционной схемы «бога разящего» в бронзовой пластике Греции и скульптуре древней Италии.

78. Валиев А., Кошеленко Г. А., Антропогенные ландшафты в эпоху античности, «Природа», 1976, № 10, с. 92—95.

79. Веселовский И. Н., От древних представлений к гелиоцентрической системе Коперника, «Земля и вселенная», 1973, № 1, с. 47—52.

В статье затронуты вопросы античной географии.

80. Волкова Л. Д., Римский стоицизм и современный религиозный экзистенциализм. (Люций Анней Сенека и К. Ясперс), в кн. «Работы аспирантов и преподавателей кафедры научного коммунизма Томского гос. ун-та им. В. В. Куйбышева». Вып. 1, Томск, 1975, с. 236—246.

81. Воронков А. И., Из истории появления слов с латинскими корнями в русском языке, в № 8, с. 147—187.

82. Гавелла Б., Размышления о театре Эсхила, в кн.: Гавелла Б., Драма и театр, М., 1976, с. 23—28.

83. Гончарова Н. А., Замещение как особая функция латинского глагола facēre, «Вестн. Беларус. ун-та. Филология, журналистика, педагогика, психология», Минск, 1976, № 3, с. 55—60.

84. Данков Е., Симметрия, отражение, развитие. Пифагорейская модель динамической гармонии мира, «Вестник МГУ, сер. философия», 1976, № 2, с. 42—50.

85. Джауканян Г. Б., К интерпретации этеокипрско-греческой билингвы, «Иzv. АН СССР. Сер. лит-ры и языка», 1976, т. 35, вып. 2, с. 155—163.

86. Дьяконов И. М., Место фригийского среди индоевропейских языков (тезисы), в № 14, с. 158—164. [Рез. на англ. яз., с. 295—300].

Автор приходит к выводу о близости фригийского языка к древнегреческому и древнеармянскому языкам.

87. Жадова Л., Троя и Эфес, «Декоративное искусство СССР», 1976, № 9, с. 40—41.

88. Иванов В. В., Древнеиндийский миф об установлении имен и его параллель в греческой традиции, в № 488, с. 85—94.

89. Карасева Т. А., Отпадение конечного -s- в латинском слове, «Сб. научных трудов Моск. пед. ин-та иностр. яз.», 1976, вып. 95, с. 74—79.

90. *Коровина А. К., Полевой В. М., Сидорова Н. А.*, Сокровища Кипра. Древнее искусство. Искусство средних веков, М., «Искусство», 1976, 44 с. [Рез. на англ. яз.].
91. *Курбанов Р. О., Эфендиев Ф. М.*, Методологический анализ проблемы движения и взаимодействия (древнегреческая философия), в кн. «Диалектика и методологические проблемы развития науки», Баку, 1976, с. 94—113.
92. *Лебедева Г.*, Триада Витрувия и современная теория архитектуры, «Архитектура СССР», 1976, № 6, с. 54—56.
93. *Левин Н. И.*, Методика анализа предложений, содержащих Accusativus cum infinitivo, «Научн. труды Курск. пед. ин-та», 1975, т. 53, с. 181—195.
94. *Литвинов И. Л., Шатунова М. Н.*, Некоторые вопросы преподавания латинского языка на заочных ветеринарных факультетах, «Труды ВСХИЗО», 1975, вып. 100, с. 91—95.
95. Литература по балканистике, изданная в СССР (1973—1974), в кн. «Балканские исследования. Проблемы истории и культуры», М., 1976, с. 338—343.
96. *Лосев А. Ф.*, Проблема символа и реалистическое искусство. М., «Искусство», 1976, 367 с.
А. Ф. Лосев дает теорию социально-исторической символики, иллюстрируя ее примерами из художественной литературы.
97. *Лосев А. Ф.*, Специфика языкового знака в связи с пониманием языка как непосредственной действительности мысли, «Изв. АН СССР. Серия лит-ры и языка», 1976, т. 35, № 5, с. 395—407.
98. *Мойсеенко И. Г.*, Наука античности о качественно-количественной определенности математических объектов, в кн. «Герценовские чтения. Научные доклады. Философия и социальная психология», Л., 1976, с. 17—23.
99. *Мочос В. С.*, К проблеме развития системы косвенных наклонений (на материале греч. яз.). Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. канд. филол. наук, М., 1976, 16 с. (Ин-т языковедения АН СССР).
100. *Нерознак В.*, Варвары приходят на Олимп. (К исследованию античной религии), «Наука и религия», 1976, № 5, с. 52—66.
101. *Нерознак В. П.* К изучению фригийского языка: проблемы и результаты, в № 14, с. 165—180. [Рез. на англ. яз., с. 300—302].
102. *Панфилов В. А.*, К характеристике становления понятия бесконечности в античности, в кн. «Философия и современность», Днепропетровск, 1976, с. 132—135.
103. *Попова З. Д.*, К вопросу о греческом влиянии на падежную и предложно-падежную систему старославянского и древнерусского языков, ВЯ, 1976, № 2, с. 99—105.
104. *Пурис Л.*, Naturфилософия Демокрита как предпосылка зарождения научного мировоззрения и методологии классического естествознания, «Вестн. Харьков. политехн. ин-та», 1976, № 117. Философия, вып. 5, с. 47—51.
105. *Рожанский И. Д.*, Физические воззрения Плутарха, «Вопросы истории естествознания и техники», вып. 4 (53), М., «Наука», 1976, с. 25—28.
106. *Садыкова-Малинауспене Н. К.*, Гомеровские цветообозначения от корня arg, в № 8, с. 188—196.
107. *Свиридова И. Н.*, К вопросу об искусстве и религии народов древнего мира, в кн. «Искусство и религия», М., 1976, с. 72—86.
108. *Сидорова Н.*, Фрески из раскопок острова Санторин, «Декоративное искусство СССР», 1976, № 12, с. 23—25.
109. *Столяров Д. Д.*, Аристотель и субъективная школа буржуазной политической экономики, «Вестник МГУ. Экономка», 1976, № 4, с. 81—93.
110. *Таксил Л.*, Забавная библия. [Пер. с франц.]. Вступит. ст. и примеч. М. С. Беленького, 3-е изд. М., «Политиздат», 1976, 434 с.
111. *Танаков В. В., Степанов Н. И.*, Древнегреческая философия и физика микромира, в кн. «Диалектика и методологические проблемы развития науки», Баку, 1976, с. 114—128.
112. *Толстых В. И.*, Сократ и мы, ВФ, 1976, № 12, с. 107—121.
113. 300 путешественников и исследователей. Биографический словарь. [Пер. с немецк.]. Научн. редактор Д. М. Лебедев, М., «Мысль», 1966, 271 с.
В словаре помещены биографии выдающихся географов, в том числе и античных: Гавнона, Пифея и др.
114. *Трофимов М.*, Мозаика Туниса, «Азия и Африка сегодня», 1976, № 12, с. 58.
Об античной мозаике II—VI в. н. э., представленной на выставке в Гос. музее искусства народов Востока.
115. *Федоринова Н. Н.*, О некоторых значениях беспредложного аблатива в латинском языке (на материале «Метаморфоз» Овидия), в кн. «Лексико-грамматические связи в структуре языка», Воронеж, 1976, с. 103—111.
116. *Фрейденберг О. М.*, Из научного наследия О. М. Фрейденберг. I. Происхождение пародии, с. 490—497. II. Происхождение литературной интриги, с. 497—512. III. Что такое эсхатология?, с. 512—514, «Труды по

- знаковым системам, VI. Ученые записки Тартуского гос. ун-та [Сб. в честь М. М. Бахтина (К 75-летию со дня рождения)], Тарту, 1973.
В вышеназванных статьях привлечен античный материал.
117. *Фрейденберг О.*, Семантика первой вещи, «Декоративное искусство СССР», 1976, № 12, с. 16—22. Фрагменты из книги филолога-классика «Лекции по введению в теорию античного фольклора».
118. *Шестаков В. П.*, От этоса к аффекту. История муз. эстетики от античности до XVIII века, М., «Музыка», 1975, 351 с., 12 л. илл.
119. *Широков О. С.*, Дифференциальные признаки греческих шумных согласных, в № 8, с. 145—146.
120. *Широкова А. В.*, Фонологические принципы реконструкции и классификации диалектов народной латыни, в кн. «Лингвистическая география, диалектология и история языков», Ереван, 1976, с. 73—84.
121. *Щербаков Э. Л.*, Об определении философских категорий в античной философии, «Труды Краснодар. политехн. ин-та», 1975, вып. 65, с. 52—68.
- РЕЦЕНЗИИ НА КНИГИ, ВЫШЕДШИЕ
ДО 1976 г.
122. *Асмус В. Ф.*, Избранные философские труды, т. I, М., МГУ, 1969, 411 с.; т. II, 1971, 445 с.
Рец.: *Богуславский В. М.*, *Быховский Б. Э.*, «Философские науки», 1975, № 3, с. 144—147.
123. *Бикерман Э.*, Хронология древнего мира. (Ближний Восток и античность). Пер. с англ. М., «Наука», 1975, 337 с.
Рец.: *Хлопин И. Н.*, ВИ, 1976, № 11, с. 190—192.
124. Великий Питуунт. т. I. [Сб. статей]. Тбилиси, «Мецниереба», 1975, 582 с. с илл. [На груз. яз.]
Рец.: *Воронов Ю.*, *Гунба М.*, *Шамба Г.*, Монография о «Великом Питуунте», «Сов. Абхазия», 1976, 21 июля.
125. *Кругликова И. Т.*, Сельское хозяйство Босфора, М., 1975, 300 с.
Рец.: *Кузищин В. И.*, *Ременников А. М.*, ВДИ, 1977, № 2, с. 143—147.
126. *Крыжелев И. А.*, История религий. Очерки в 2-х тт., т. I, М., «Мысль», 1975, 415 с.
Рец.: *Лившиц Г. М.*, «Вестн. Белорус. ун-та. История, философия, научн. коммунизм, экономика, право», 1976, № 2, с. 75—76; *Антонов Р.*, Против тьмы, «Новгор. правда», 1976, 27 окт.
127. *Мариневич Л. П.*, Греческое наемничество IV в. до н. э. и кризис полуса, М., «Наука», 1975, 275 с.
Рец.: *Доватур А. И.*, ВДИ, 1976, № 3, с. 160—165.
128. *Мартьянов А. И.*, Археология СССР, М., «Высшая школа», 1973, 295 с.
Рец.: *Даркевич В. П.*, *Краснов Ю. А.*, *Карасев М. Ф.*, *Мелюкова А. И.*, *Мошкова М. Г.*, *Шелов Д. Б.*, СА, 1976, № 1, с. 273—280.
129. *Полов П. С.*, *Стяжкин Н. И.*, Развитие логических идей от античности до эпохи Возрождения, М., Изд-во МГУ, 1974, 222 с.
Рец.: *Талишлы С. М.*, «НДВШ. Философские науки», 1975, № 3, с. 180—181.
130. *Хазанов А. М.*, Социальная история скифов. Основные проблемы развития древних кочевников евразийских степей, М., «Наука», 1975, 343 с.
Рец.: *Арутюнов С. А.*, *Жуковская Н. Л.*, «Народы Азии и Африки», 1975, № 4, с. 169—178.
131. *Шибанов Ф. А.*, Несколько новых фактов из истории картографии древнего мира (Греция и Рима), «Вестник ЛГУ, сер. геология и география», 1968, в. 1, № 6, с. 141—146.
Полемика: Дитмар А. Б., Об измерении размеров земного шара и картографирования суши в античное время, «Известия всесоюзного географического общества», 1971, т. 103, вып. 5, с. 437—443.

II. ПРОИЗВЕДЕНИЯ АНТИЧНЫХ АВТОРОВ. ТЕКСТЫ ИСТОЧНИКОВ

132. *Аристотель*, Сочинения в 4-х тт., т. 1. «Метафизика», «О душе». Авт. предисл. В. Ф. Асмус, М., «Мысль», 1976, 550 с. (Ин-т философии АН СССР).
133. *Геродот*, История. В 2-х т. т. 2. Перевод, предисл. и указ. Т. С. Каухчишвили. Тбилиси, Изд-во Тбил. гос. ун-та, 1976, 667 с. (Греч.-латин. б-ка Тбил. гос. ун-а). [На груз. яз.]
134. *Давид Анахт*, Анализ «Введения» Порфирия. Сводный критич. текст, пер. с древнеарм., предисл. и примеч. С. С. Аревшатяна, Ереван, 1976, 211 с. (Ин-т философии и права АН АрмССР. Ин-т древ. рукописей «Матенадаран» при Сов. Мин. АрмССР). [Текст парал. на русск. и древнеарм. яз.]
135. Древнегреческие источники [Иосиф Флавий, Дион Кассий. Пер. с древнегреческого, предисл. и примеч. С. М. Кркияшаряна]. Ереван, 1976, 267 с. [На арм. яз.]. (Ин-т истории АН АрмССР. Иноязычные источники об Армении и армянах, 9).
136. *Иоанн Дамаскин*, Диалектика.

- Текст груз., пер. изд. исслед. и словарем снабдил М. Рапава, Тбилиси, «Мецниереба», 1976, 301 с. (Ин-т рукописей им. К. Кекелидзе АН ГрузССР) [На груз. яз. Рез. на русск. яз.].
137. Историки Греции. Пер. с древнегреческого. *Геродот*, История. Кн. I. Клио; кн. IV. Мельпомена. (Пер. И. Мартынова в переработке М. Гаспарова); *Фукидид*, История. Кн. I, II, III, V. (Пер. Ф. Мищенко, С. Желелева в переработке М. Гаспарова); *Ксенофонт*, Анабасис. Кн. I—VII. Пер. С. Ошерова. Сост. и предисл. Т. Миллер «Историческая проза Древней Греции», с. 5—24. Примечания М. Гаспарова и Т. Миллер, М., «Худ. лит-ра», 1976, 430 с. (Б-ка античной лит-ры. Греция).
138. *Ксенофонт*, Киропедия. Изд. подгот., перевод, примеч. сост. В. Г. Борухович и Э. Д. Фролов. *Дополнения*: «Агесилай». Пер. В. Г. Боруховича. *Приложения*: Фролов Э. Д., Ксенофонт и его «Киропедия», с. 243—267; Борухович В. Г., Место «Киропедии» в истории греческой прозы, с. 268—287; М., «Наука», 1976, 334 с. («Лит. памятники»).
139. *Ливий Тит*, Война с Ганнибалом. XXI—XXIII кн. из «Истории Рима». Пер. с латинского и авт. послесловия Я. Мажколене, Вильнюс, «Вага», 1976, 277 с. [На лит. яз.].
140. *Порфирий*, О пещере Нимф. Пер. А. А. Тахо-Годи, в № 8, с. 28—45.
141. *Сенека Анней Луций*, 3 «Листів до Муллія», Епіграм. Пер. з лат. А. Содомори, «Всесвіт», Київ, 1976, № 8, с. 152—169. Вступит. ст. А. Содомора, Луцій Анней Сенека, с. 150—152.
142. *Цицерон Туллий Марк*, Избранные сочинения. Пер. с латинского. Сост. и редакция М. Гаспарова, С. Ошерова и В. Смирнова. *Содержание*: Вступит. ст. Г. Кнабе, Цицерон, культура и слово, с. 5—32; В защиту Секста Росция Америкейского (Пер. В. Смирнова), с. 35—76; Против Верреса. О казнях (пер. В. Чемберджи), с. 77—133; Против Катилины I речь (пер. Т. Васильевой), с. 134—146; В защиту Марка Целия Руфа (пер. Н. Брагинской), с. 147—172; В защиту Тита Анния Милона (пер. М. Гаспарова), с. 173—204; Тускуланские беседы (пер. М. Гаспарова), с. 207—357; Катон Старший, или О старости (пер. В. Горенштейна), с. 358—385; Лелий, или Одружбе (пер. Г. Кнабе), с. 386—416. Комментарии М. Гаспарова, В. Горенштейна, В. Смирнова, с. 419—453, М., «Худ. лит-ра», 1975, 454 с.

См. также № 241.

III. НУМИЗМАТИКА, ЭПИГРАФИКА, ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ДИСЦИПЛИНЫ

143. *Алексеева Е. М.*, Керамический комплекс первой половины III в. до н. э. из Горгишии, КСИА, 1976, № 145, с. 44—50.
144. *Бадальянц Ю. С.*, Хронологическое соответствие имен эпонимов и фабрикантов на амфорах Родоса, СА, 1976, № 4, с. 32—41. [Рез. на франц. яз.].
145. *Блаватская Т. В.*, Фанагорийская надпись Савромата I, КСИА, 1976, № 145, с. 92—97.
146. *Булатович С. А.*, Обращение электронных монет Малой Азии в Эгейском бассейне и в Причерноморье в V—IV вв. до н. э., в № 302, с. 95—108.
147. *Воронкова С. В.*, *Селунская Н. Б.*, Региональная научная конференция «Источниковедение и вспомогательные исторические дисциплины». (Изучение и преподавание). [Геленджик, сентябрь 1975] «Изв. Сев.-Кавк. науч. центра высш. шк. Общественные науки», Ростов-на-Дону, 1976, № 2, с. 105—108.
148. *Дадашева С. А.*, Клад парфянских монет из Али-Байрамлинского района, «Докл. АН АзССР», 1976, т. 32, № 2, с. 73—77. [Рез. на азерб. и англ. яз.].
149. *Дадашева С. А.*, Монеты, чеканенные от имени Александра Македонского на территории Кавказской Албании, «Докл. АН АзССР», 1976, т. 32, № 10, с. 60—64. [Рез. на азерб. и англ. яз.].
150. *Дадашева С. А.*, Монеты, чеканенные от имени Лисимаха Фракийского на территории Кавказской Албании, «Докл. АН АзССР», 1976, т. 32, № 9, с. 58—60. [Рез. на азерб. и англ. яз.].
151. *Загинайло А. Г.*, К вопросу об экономических связях Западного и Северо-Западного Причерноморья в VI—IV вв. до н. э. По нумизматическим данным, в № 302, с. 70—83.
152. *Зварич В. В.*, Нумизматический словарь. Перевод с укр. Изд. 2-е, Львов, Изд-во при Львов. ун-те, 1976, 158 с.
153. *Каухчишвили С.*, Археологические раскопки в Грузии и греческие надписи, «Лит. Грузия», Тбилиси, 1976, № 1, с. 90—93.
154. *Каухчишвили Т.*, По поводу греческой надписи в Пицунде, в кн. «Разыскания по истории Грузии и Кавказа», Тбилиси, 1976, с. 83—97. [На груз. яз.].
155. *Мальцев М. М.*, Посвятительные граффити Никония, в кн. «Археологи-

- ческие и археографические исследования на территории Южной Украины». Киев — Одесса, 1976, с. 177—182.
156. Максимов М. М., Горнунг М. Б., Очерк о первой меди, М., «Недра», 1976, 96 с.
Начальные главы рассказывают о меди античного мира.
157. Мушегян Х. А., Основные группы монет, распространенных в древней и средневековой Армении, «Историко-филологический журнал АН АрмССР», 1976, № 1, с. 111—124. [На арм. яз. Рез. на русск. яз.].
158. Пушкина Е. Б., Клад бронзовых монет из Гиссарского района, «Сб. археолог. работ Тадж. гос. ун-та», Душанбе, 1975, вып. 2, с. 59—76.
159. Сапрыкин С. Ю., Каппадокийская монета I в. до н. э. из Херсонесской усадьбы, КСИА, 1976, вып. 145, с. 84—86.
160. Секерский П. М., Застольная надпись из Никония, в № 292, с. 215—218. Надпись датируется серединой V в. до н. э.
161. Соломоник Э. И., Две латинские надписи из музеев Крыма, СА, 1976, № 3, с. 312—317.
162. Федорова Е. В., Латинские надписи. Учебное пособие для студентов ист. и филол. спец. ун-тов и пед. ин-тов, М., Изд-во МГУ, 1976, 280 с. с илл.
163. Фролова Н. А., Медные монеты Котиса I как исторический источник, СА, 1976, № 3, с. 103—111. [Рез. на франц. яз.].
164. Цеглистренко В. И., Синопское клеймо из Горгииппи, КСИА, 1976, № 145, с. 41—43.
165. Цитаишвили Э., Античные монеты из Цулукидзе, в кн. «Дзеглис Мегобари» («Друзья памятников культуры») 43—44, Тбилиси, 1976—1977, с. 74—77. [На груз. яз. Рез. на русск. яз., с. 108].
166. Шрамко В. А., К истории развития древней металлургии и металлообработки железа. (По археол. данным), «Вопросы истории, естествознания и техники», 1976, вып. 4, с. 49—54. [Рез. на англ. яз., с. 100].
См. также №№ 314, 347, 362, 385.

IV. ДРЕВНЯЯ ГРЕЦИЯ

167. Андреев Ю. В., Раннегреческий полис. (Гомеровский период). Л., 1976, 142 с. (Ленингр. гос. ун-т им. А. А. Жданова).
Рец.: Виноградов Ю. Г., Хазанов А. М., ВДИ, 1977, № 3, с. 193—198.
168. Андреев Ю. В., Цари и царская власть в поэмах Гомера, в № 36, с. 126—139.
169. Анциферова Г. М., О выделении морфологических классов *Medea tantum* в языке Гомера, «Сб. научн. трудов Моск. пед. ин-та иностр. яз.», 1976, вып. 95, с. 15—26.
170. Билимович Э. А., Греческие бронзовые зеркала эрмитажного собрания, в № 45, с. 32—66. [Рез. на англ. яз., с. 202]. Прослежена эволюция типов зеркал от архаики по позднему эллинизму.
171. Блаватская Т. В., Греческое общество второго тысячелетия до новой эры и его культура, М., «Наука», 1976, 173 с., илл., карты. (Ин-т всеобщей истории АН СССР).
172. Борухович В. Г., Место «Киропедии» в истории греческой прозы, в № 138, с. 268—288.
173. Брашинский И. Б., Методика изучения стандартов древнегреческой керамической тары, СА, 1976, № 3, с. 87—102. [Рез. на франц. яз.].
174. Воробьев В. В., Импликация и модальности у Диодора Кровоса, в № 16, с. 82—93.
175. Гагрилов А. К., Первый встречный в «Плутосе» I-ом Аристофана, «Вопросы филологии», вып. 5, Л., 1976, с. 196—203.
176. Глушкина Л. М., Фратрия в структуре дельфийского полиса, в кн. «Герценовские чтения. Исторические науки», Л., 1976, с. 102—118.
177. Горбунова К. С., Изображение борьбы Геракла с Тритоном на вазах Эрмитажа, в № 45, с. 22—31. [Рез. на англ. яз., с. 201].
178. Дитмар А. Б., Родосская параллель. Жизнь и деятельность Эратосфена, М., «Мысль», 1965, 72 с., илл., карты.
179. Доброхотов А. Л., Гераклит: фрагмент В 52, в № 16, с. 41—53.
180. Думчюс И., Дифференциация софокловых вождей и владык, «Литература», Вильнюс, 1975, № 17, с. 7—21. [На литов. яз. Рез. на русск. и нем. яз.].
181. Инадзе М. П., К вопросу о возникновении и развитии храмовых городов Малой Азии по сведениям Страбона, в кн. «Юбилейный сборник, посвященный 100-летию со дня рождения И. А. Джавахишвили», Тбилиси, 1976, с. 136—144.
182. Казанский Н. Н., Начало поэмы Стесихора «Разрушение Трои». (Р. Оху. 2803, fr. 1 — verso и Р. Оху. 2619, fr. 15a + fr. 15b + fr. 31 + fr. 30 + КМГ 200). «Вестник ЛГУ, сер. история, язык, литература», 1976, № 2, с. 100—107. [Рез. на англ. яз.].
183. Кессиди Ф. Х., Некоторые проблемы раннегреческой философии, ВФ, 1976, № 12, с. 150—154.
184. Кессиди Ф. Х., Сократ, М., «Мысль», 1976, 198 с. («Мыслители прошлого»).
Рец.: Погарков Я. Я., Челюдзе М. И.,

- Мачавариани М. И.*, ВФ, 1977, № 4, с. 174—174.
185. *Кирвалидзе Н. И.*, Проблема соотношения познания и очевидности в гносеологии Демокрита. (К истокам очевидности как критерия истины), «Изв. АН ГССР. Сер. философии, психологии, экономики и права», 1976, № 1, с. 18—39. [На груз. яз. Рез. на русск. яз.].
186. *Колпинский Ю.*, О некоторых проблемах античной живописи, «Гробница вырлящика» (V в. до н. э.), «Искусство», 1976, № 4, с. 63—68. Журнальный вариант главы из книги «Наследие античной Эллады», подготавливаемой к печати в издательстве «Изобразительное искусство».
187. *Комарова В. Я.*, Становление философского материализма в Древней Греции. Логико-гносеолог. аспект диалектики филос. познания. Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. д-ра филос. наук, Л., 1976, 38 с. (Ленингр. гос. ун-т им. А. А. Жданова).
188. *Копейкина Л. В.*, Некоторые особенности развития искусства в восточноионийской Греции IX—VII ввек до н. э., в № 45, с. 11—21. [Рез. на англ. яз., с. 201].
189. *Лейдерман Н. Л.*, «Поэтика» Аристотеля и некоторые вопросы теории жанра», «Науч. труды Свердл. пед. ин-та, сб. 259. Проблема жанра в зарубеж. лит., вып. 1», 1976, с. 5—32.
190. *Лопушанська-Бучко Г. Е.*, До структури гомерівських імен, в кн. «Питання сучасної опомастики», Київ, 1976, с. 238—242.
191. *Лосев А. Ф.*, Семантика языка и его структуральное изучение, «Сб. трудов по русск. яз. и языкознанию», 1976, вып. 2, с. 4—33. Анализ работ J. Lyons «Structural semantics. An Analysis of Part of the Vocabulary of Plato», Oxford, 1963; «Introduction to theoretical Linguistics», Oxford, 1968.
192. *Лукиянов Ю. В.*, Древнемакедонское государство в период его становления и расцвета на страницах «Nuova Storia universale dei popoli e della civiltà», в кн. «Критика буржуазных концепций всеобщей истории», вып. 4, Казань, 1976, с. 151—166.
193. *Малинаускене Н. К.*, Семантика «зрения» — «свечения» в античности (По поводу гомеровских $\lambda\epsilon\upsilon\kappa\acute{o}\varsigma$ и $\lambda\epsilon\upsilon\kappa\acute{o}\varsigma\alpha$), в № 16, с. 18—30.
194. *Миллер Т.*, Историческая проза Древней Греции, в № 137, с. 5—24.
195. *Миронова М. И.*, Проблема нравственного воспитания в диалогах Платона «Государство» и «Законы», в № 16, с. 53—64.
196. *Мхитарян Г. Е.*, О мировоззрении Эзопа, «Вестн. Ерев. гос. ун-та. Обществ. науки», 1976, № 2, с. 65—76. [На арм. яз. Рез. на русск. яз.].
197. *Откупщиков Ю. В.*, Греческий язык и проблема догреческого субстрата, в кн. «Балканские исследования. Проблемы истории и культуры», М., 1976, с. 188—195.
198. *Павленко Л.*, Менаандр — открытие XX века. (О творчестве древнегреч. драматурга IV—III вв. до н. э.), «В мире книг», 1976, № 4, с. 87—90.
199. *Паршиков А. Е.*, Исследования по истории афинской морской державы, М., 1976, 200 с. (Моск. гос. заочн. пед. ин-т). Рукопись представлена к депонированию в ИНИОН АН СССР № 1044 от 2/XII—76 г.
200. *Савельева О. М.*, Содержание понятия «нус» в греческой литературе VII—VI вв. до н. э., в № 16, с. 30—40.
201. *Сахарный Н.*, Гомеровский эпос, М., «Худ. лит-ра», 1976, 397 с. Рец.: *Белецкий А.*, И вновь о Гомере, ВЛ, 1977, № 10, с. 291—297.
202. *Svelpis A.*, Senas griekijas saimnieciba V gs p. m. e. Macibu lidzeklis, Riga, 1976, 52 lpp. (P. Stuckas Latv. valsts univ. Visparejas vestures katedra. *Свелпис А.*, Экономика Древней Греции в V веке до н. э. Учеб. пособие, Рига, 1976, 52 с. (Латв. гос. ун-т им. Петра Стучки. Кафедра всеобщей истории).
203. *Славятинская М. Н.*, О становлении категории времени в греческом языке, в № 8, с. 115—144.
204. *Стратилатова В. П.*, «Царь Эдип» и тема Эдипа в творчестве Софокла. (Лекции для студентов театровед. фак. театр. ин-та), М., 1975, 36 с. (Гос. ин-т театр. искусства им. А. В. Луначарского).
205. *Тарковский Р. Б.*, Эстетическая ассимиляция басенного жанра. (Повествовательная редакция первого перевода Эзопа), в кн. «Новые черты в русской литературе и искусстве (XVII — нач. XVIII в.)», М., 1976, с. 186—230.
206. *Терентьева В. В.*, Некоторые аспекты проблемы движения, пространства и времени в древнегреческой философии. (Досократовский период). Автореф. дисс. на соиск. учен. степ. канд. филос. наук, М., 1976, 17 с. (МГПИ им. Ленина).
207. *Терентьева В. В.*, О предистории стоицизма, в кн. «Философские вопросы современной физики, математики, биологии», вып. 1, М., 1976, с. 174—199. О досократовской натурфилософии.
208. *Устинов В. А.*, *Кузищин В. И.*, *Павловский Ю. Н.*, *Гусейнова А. С.*, Опыт имитационного моделирования историко-социального процесса греческого общества V в. до н. э., ВИ, 1976, № 11, с. 91—108. [Рез. на англ. яз., с. 222].
209. *Фролов Э. Д.*, Государство Дионисия в оценке историографии нового времени, в № 36, с. 139—152.

210. Фролов Э. Д., Ксенофонт и его «Гиропедия», в № 138, с. 243—267.
211. Хайдаров П. С., О понятии бесконечности в учении Аристотеля. «Труды Самарк. гос. ун-та», 1976, вып. 301, с. 104—108.
212. Хютт В., Физическое учение Аристотеля и его современное значение. (Исследование по историко-философской методологии физического познания) «Изв. АН ЭстССР», 1976, т. 25, Обществ. науки, № 2, с. 178—186.
213. Чанышев А. Н., Материализм Эмпедокла, «Вестник МГУ, сер. философия», 1976, № 1, с. 81—90.
214. Шакиров Б., К проблеме сущности в философии Аристотеля, в кн. «Материалы 5-ой Научн. конференции аспирантов и соискателей Ин-та философии и права», Алма-Ата, 1976, с. 35—42. См. также №№ 6, 14, 33, 34, 46, 75, 76, 77, 82, 84, 85, 86, 87, 88, 91, 99, 103, 104, 105, 108, 109, 111, 112, 113, 119, 144, 146, 246, 301, 307, 384, 403, 456, 491, 522, 523.

V. ЭЛЛИНИЗМ

215. Бичков В., Культура позднего эллинизма, «Всесвіт», Київ, 1976, № 12, с. 177—189.
216. Завьялова В. П., Предметно-логический аспект метафоры в гимнах Каллимаха, в № 16, с. 65—81.
217. Эйне А., Некоторые проблемы истории эллинизма, ВИ, 1976, № 4, с. 72—89.
218. Коростовцев М. А., Египетская религия во времена греко-римского господства, в кн.: Коростовцев М. А., «Религия древнего Египта», М., «Наука», 1976, с. 243—253.
219. Кошеленко Г. А., Генеалогия первых Архактидов. (Еще раз о Нисийском острове № 1760), в кн. «История и культура народов Средней Азии. (Древность и средние века)», М., 1976, с. 31—37. [Рез. на англ. яз., с. 168].
220. Пигулевская Н. В., Месопотамия в эллинистическую и парфянскую эпохи, в кн. «Ближний Восток, Византия, славяне», Л., «Наука», 1976, с. 67—94.
221. Самохина Г. С., Антигон и греческие города Малой Азии, в № 36, с. 152—158.
222. Самохина Г. С., Держава первых антигонидов. (К вопросу об организации и структуре раннеэллинистич. государства). Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. канд. ист. наук, Л., 1976, 15 с. (Ленингр. Гос. ун-т им. А. А. Жданова).
223. Саркисян Г. Х., Греческая ономастика в Уруке и проблема Ггаесо-Babyloniaca, в № 14, с. 181—216. [Рез. на англ. яз., с. 304—309]. О Вавилонии Селевкидского времени.
224. Смыка О. В., Замечания о каталоге у Аполлония Родосского, в № 8, с. 105—114.
225. Шобфан А. С., Восточная политика Александра Македонского, Казань, Изд-во Казан. гос. ун-та, 1976, 520 с. Рец.: Бокциани А. Г., Лившиц Г. М., ВДИ, 1977, № 1, с. 226—229; Корзун М. С., Лившиц Г. М., «Вестн. Белорусск. ун-та», 1977, № 2, с. 79.
226. Шобфан А. С., Флот Александра Македонского, ВИ, 1976, № 4, с. 215—220. См. также №№ 69, 148, 170, 237, 480, 495, 514.

VI. ДРЕВНИЙ РИМ. РИМСКИЕ ПРОВИНЦИИ. ХРИСТИАНСТВО

ДРЕВНИЙ РИМ

227. Быховец В. В., Некоторые особенности эмоциональной лексики «Метаморфоз» Овидия, в № 8, с. 226—239.
228. Вишневская Н. А., О синонимии имен существительных в языке басен Федра, «Вісн. Київського ун-ту. Сер. філологія», 1976, № 18, с. 88—95.
229. Волощук В. М., Децім Юній Ювенал про становище рабів у Римі, «Іноземна філологія». Вип. 43. Львів, «Вища школа», 1976, с. 99—105. [Рез. на русск. и немецк. яз.].
230. Гаталина Л. И., Этруссские расписные вазы в Собрании Эрмитажа, в № 45, с. 67—86. [Рез. на англ. яз., с. 202].
231. Горское В. С., Политические взгляды Сенеки, в № 16, с. 94—111.
232. Дерюгин А. А., О лексике римской республиканской трагедии, в кн. «Вопросы романо-германского языкознания», вып. 4, Саратов, 1975, с. 144—151.
233. Дилите Д., Латинские сентенции, «Musu kalla», Vilnius, 1976, № 1, с. 20—22. [На литов. яз.].
234. Дилите Д., Некоторые особенности лирического героя Альбия Тибулла, «Литература», Вильнюс, 1976, № 18/3, с. 21—30.
235. Дуров В. С., Лукреция и Виргиния в римской литературе и десятая сатира Ювенала, «Вестник ЛГУ», № 8, сер. история, язык, лит-ра, вып. 2, 1976, с. 98—103. [Рез. на англ. яз.].
236. Егоров А. Б., Некоторые аспекты политической терминологии римлян. (Pars и factio в литературе поздней республики и принцепата), в № 36, с. 158—164.
237. Забулис Г. К., Некоторые предпосылки александрийской традиции в

- римской литературе, «НДВШ. Филолог. науки», 1976, № 5, с. 36—43.
238. *Игнатенко А. В.*, Армия в государственном механизме рабовладельческого Рима эпохи Республики. Ист.-правовое исследование. Свердловск, Сред.-Уральск. кн. изд-во, 1976, 208 с. (Свердл. юрид. ин-т).
239. *Керасиди Н. Х.*, К вопросу о происхождении жанра *consolatio* в римской литературе, «Жанр и композиция лит. произведения», вып. 2, Калининград, 1976, с. 142—148.
240. *Керасиди Н. Х.*, Роль исторических примеров в *Consolationes* Сенеки, в кн. «Вопросы романо-германской филологии», Калининград, 1976, с. 102—110.
241. Классовая борьба в конце Римской республики (по материалам античных авторов). Учебно-методическое пособие по проведению практических занятий со студентами стационара и заочного отделения университета. (Сост. К. Коржева, Г. Нургазина). Алма-Ата, 1974, 121 с. (Мин-во высш. и сред. спец. образ. КазССР. Казахский гос. ун-т им. С. М. Кирова. Исторический ф-т, каф-ра всеобщей истории).
242. *Кораблев И. Ш.*, Ганнибал, М., «Наука», 1976, 400 с. (Ин-т востоковедения АН СССР).
243. *Кузищин В. И.*, Генезис рабовладельческих латифундий в Италии II в. до н. э.— I в. н. э., М., изд-во МГУ, 1976, 267 с.
244. *Кузнецова Т. И.*, *Стрельникова И. П.*, Ораторское искусство в древнем Риме, М., «Наука», 1976, 287 с. илл. (Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР).
245. *Лопатина М. Г.*, Способы выражения приказа в трактате Катона «*De agricultura*», в № 8, с. 209—225.
246. *Мавлеев Е. В.*, «Книга жизни» у этрусков. (К интерпретации образов «пишущих демонов» на этрусских памятниках), в № 45, с. 87—97. [Рез. на англ. яз., с. 202].
247. *Мавлеев Е. В.*, Этрусское общество и греческая культура. Распространение в Этрুরии греч. сказаний. (По материалам Эрмитажа). Автореф. дисс. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук, Л., 1977, 23 с. (Ленингр. гос. ун-т им. А. А. Жданова).
248. *Марченко Г. М.*, Цицерон о единоличном правлении (по материалам трактата «О государстве»), «Вестник ЛГУ», сер. история, язык, лит-ра, 1976, № 8, вып. 2, с. 143—146.
249. *Муравьев С. Н.*, Ипполит цитирует Гераклита (*Hippolyt*). Ref. ошп. Наег. IX. 7—10), в № 16, с. 120—142.
250. *Пасулане В. П.*, Возникновение и развитие колоната в Римской империи. (Учеб. пособие), Рига, 1976, 20 с. (Латв. гос. ун-т им. П. Стучки, кафедра всеобщей истории). [На латыш. яз.].
251. *Резяко К. А.*, Снижение имущественного ценза при комплектовании римской армии и его влияние на ход второй Пунической войны, «Вестн. Белорус. ун-та. Сер. история, философия, науч. коммунизм, экономика, право», 1976, № 3, с. 20—24.
252. *Ружина Е. Г.*, К вопросу о роли реминисценций из Вергилия в поэтике поздней римской литературы. (На материале басен Авяна), «Писатель и время», Ульяновск, 1975, вып. 1, с. 91—92.
253. *Рухиладзе Р. С.*, Некоторые вопросы воззрения Страбона, «Ист. сборник Ин-та истории, археологии и этнографии АН ГССР», 1976, № 6, с. 168—185. [На груз. яз. Рез. на русск. яз.].
254. *Скорина Л. П.*, Твори Вергілія на сторінках перших українських журналів, «Вісн. Київського Ун-ту. Сер. філологія», 1976, № 18, с. 37—43.
255. *Смышляев А. Л.*, Септимий Север и *principales*, «Вестник МГУ», сер. история, 1976, № 6, с. 80—91. О воен. преобразованиях в Римской империи II в.
256. *Содомора А.*, Луцій Анней Сенека, «Всесвіт», Київ, 1976, № 8, с. 150—152. Вступит. ст. к публикации на укр. яз. отрывков из «Писем к Луцилию» и эпиграммам.
257. *Урушадзе А.*, Катон Старший, в кн. «Юбилейный сборник, посвященный 70-летию академика АН ГССР А. Г. Барамидзе», Тбилиси, 1974, с. 211—224 [На груз. яз.].
258. *Утченко С. Л.*, Юлий Цезарь, М., «Мысль», 1976, 365 с. Рец.: *Штаерман Е. М.*, ВДИ, 1977, № 4, с. 206—214; *Кузищин В. И.*, ВИ, 1978, № 4, с. 164—167.
259. *Федоринова Н. Н.*, О некоторых значениях беспредложного аблатива в латинском языке. (На материале «Метаморфоз» Овидия), в кн. «Лексикограмматические связи в структуре языка», Воронеж, 1976, с. 103—111.
260. Эрмитаж. Ленинград. Римский скульптурный портрет. (Сост. и авт. вступит. статьи А. Воцинина, Ленинград — Прага, «Аврора» — «Одеон», 1976, 203 с. [Рез. на франц. яз.]. См. также №№ 6, 34, 49, 74, 77, 80, 83, 92, 93, 110, 115, 162, 163, 218, 309, 317, 406, 408, 495, 518.

РИМСКИЕ ПРОВИНЦИИ

261. *Белова Н. Н.*, О свободном крестьянстве в Галлии в I—III вв., в сб. «Античная древность и средние века», вып. 12, 1975, с. 54—65.
262. *Брагинская Н. В.*, Жанр Филостратовых «Картин», в № 16, с. 143—169.
263. *Горнунг М. Б.*, *Лилец Ю. Г.*, *Олейников И. Н.*, История открытия и исследования Африки, М., «Мысль», 1973, 454 с. илл., карты. Гл. I — Африка в античное время.

264. *Козловская В. И.*, Проблемы истории Тартесса и Тартессиды. Автореф. дисс. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук, Воронеж, 1971, 21 с. (Воронежский гос. Ун-т им. Ленинского Комсомола).
265. *Ламзин В. И.*, Формирование римской провинции «Азия» в историко-географическом аспекте, М., 1976, 15 с; карты. (МГУ им. М. В. Ломоносова). Деп. ИНИОН № 896 от 17.8.76 г.
266. *Лебедева Г. Е.*, Городской законотворчества, в № 36, с. 179—182.
267. *Нахов И. М.*, Кивизм Диона Христора, в № 8, с. 46—104.
268. *Смирнова И. К.*, Траян и финансы городов Вифинии — Понта, «Вестник ЛГУ», 1976, № 8. История, язык, лит-ра, вып. 2, с. 140—143. [Рез. на англ. яз.].
269. *Смышляев А. Л.*, Императорские рабы и вольноотпущенники в государственном аппарате Римской империи в конце II — начале III вв. н. э., М., 1976, 26 с. (МГУ им. М. В. Ломоносова). Деп. ИНИОН № 780/76 от 3/IV—76 г.
270. *Степанян А. А.*, Поход Пета и Рандейский договор. (К истории внешней политики Рима в 60-е гг. I в. н. э.), «Сб. научных трудов аспирантов Арм. пед. ин-та», 1974, вып. 2, с. 177—192.
271. *Степанян А. А.*, Рандейский договор и коронация Тиридата Аршакида в Риме, «Историко-филологический журнал АН АрмССР», 1976, № 3, с. 171—183. [На русск. яз. Рез. на арм. яз.].
272. *Тахо-Годи А. А.*, Художественно-символический смысл трактата Порфирия «О пещере нимф», в № 8, с. 3—27.
273. *Фигман И. Ф.*, Оксиринх — город папирусов, М., «Наука», 1976, 343 с. (Ин-т востоковедения АН СССР). [Рез. на франц. яз.].
274. *Циркин Ю. Б.*, Финикийская культура в Испании, М., «Наука», Гл. редакция восточной литературы, 1976, 246 с. илл., карты [Рез. на англ. яз.]. *Из содержания:* Гл. VI. Финикийская цивилизация в Римской Испании, с. 178—205. Гл. VII. Знаменитые гадитане, с. 206—220.
275. *Широкова Н. С.*, Карнурская ассамблея. (К оценке роли друидов в социально-политической жизни доримской Галлии), в № 36, с. 164—173.
276. *Шичалин Ю. А.*, Образное конструирование мира в трактате Плотина «О трех начальных субстанциях», в № 16, с. 170—183.
См. также №№ 72, 114, 161, 220, 286, 288, 451, 452.
- ХРИСТИАНСТВО *
277. *Аверинцев С. С.*, Судьбы европейской культурной традиции в эпоху
- перехода от античности к средневековью, в кн. «Из истории культуры Средних веков и Возрождения», М., «Наука», 1976, с. 17—64.
278. *Амусин И. Д.*, Находки у Мертвого моря. М., «Наука», 1965, 103 с. с карт. (Ин-т народов Азии АН СССР).
279. Библия. Книги свящ. писания Ветхого и Нового завета. [К 100-летию изд. Библии на русск. яз. (1876—1976)], М., Изд. Московск. патриархии, 1976, 1372 с.
280. *Еланская А. И.*, Коптские рукописи Гос. Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, «Палестинский сборник», вып. 20 (83), I, 1969, 150 с.
281. *Долгова И. Ю.*, К вопросу о ходе становления епископальной церковной организации (по сочинениям Тертуллиана и Киприана), в № 16, с. 111—119.
282. *Коростовцев М. А.*, Египет и христианство, в кн.: *Коростовцев М. А.*, «Религия древнего Египта», М., «Наука», Гл. редакция восточной литературы, 1976, с. 285—297.
На этих страницах поставлена проблема о вкладе египетской религии в сформировавшееся ранее христианство и о пережитках египетской религии в уже сформировавшемся христианстве.
283. *Крыселев И. А.*, История религий. Очерки в 2-х тт., т. 2, М., «Мысль», 1976, 419 с.
284. *Крыселев И. А.*, Новые толкования Библии, М., «Знание», 1974, 64 с.
285. *Лисюткин О. М.*, Идеиные предпосылки христианства и их трактовка православными теологами, в № 16, с. 183—195.
286. *Пигулевская Н. В.*, Из истории социальных и религиозных движений в Палестине в римскую эпоху, в кн. «Ближний Восток, Византия, славяне», Л., «Наука», 1976, с. 94—109.
287. *Рижский М. И.*, Религиозные идеи иудаизма в псевдоэпиграфе «Завещание Иова», в кн. «Бахрушинские чтения — 1976», Новосибирск, 1976, с. 111—131.
288. *Соловьев А. К.*, К вопросу о значении коптской общины в Египте, в кн. «Ближний и Средний Восток. (Экономика, история)», М., 1976, с. 184—191.
289. *Федосик В. А.*, Возникновение христианских таинств и причащения. (Социально-полит. эволюция христианства и обрядовая практика). Автореф. дисс. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук, Минск, 1976, 22 с. (Белорусск. гос. ун-т им. В. И. Ленина).
290. *Фролов Э. Д.*, Религия и атеизм в античном мире, «Вопр. научн. атеизма», 1976, № 20, с. 116—135.
291. *Энгельс Ф.*, К истории первоначального христианства, М., Политиздат, 1976, 39 с.
См. также №№ 110, 130, 468.

* Работы по истории христианства в настоящий указатель включены выборочно.

VII. СЕВЕРНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ. ПЛЕМЕННОЙ МИР.
КАВКАЗ И ЗАКАВКАЗЬЕ. СРЕДНЯЯ АЗИЯ

РАБОТЫ ОБЩЕГО ХАРАКТЕРА.
СБОРНИКИ СТАТЕЙ

292. *Арешян Г. Е.*, Железо в культуре древней Передней Азии и бассейне Эгейского моря (по данным письменных источников), СА, 1976, № 1, с. 87—99. [Рез. на франц. яз.].
293. *Арсеньева Т. М.*, Работа сектора античной археологии в 1971—1974 гг., КСИА, 1976, № 145, с. 113—115.
294. Археологические и археографические исследования на территории Южной Украины. Сб. научн. трудов, Киев — Одесса, «Вища школа», 1976, 229 с. (Одесский гос. ун-т им. И. И. Мечникова).
Из содержания: *Добролюбский А. О.*, *Загинайло А. Г.*, Опыт сводного картографирования археологических памятников (на материалах юго-западных районов Одесской области), с. 92—111; *Загинайло А. Г.*, Предпосылки возникновения денежного обращения в Северо-Западном Причерноморье. (К вопросу о зарождении денежного обращения и экономических связей Северо-Западного и Западного Причерноморья в VI—IV вв. до н. э. по нумизматическим данным), с. 162—171; *Карышковский П. О.*, Находки античных и византийских монет в Одесской области, с. 172—177; *Мальцев М. М.*, Посвятительные граффити Николия, с. 177—182; *Прияжнюк В. П.*, Экономические связи Николия в VI—V вв. до н. э. (по амфорной таре), с. 182—190; *Рубан В. В.*, Фасосская амфора с энглифическим клеймом, с. 190—197.
295. Археологические открытия 1975 г. (отв. ред. Б. А. Рыбаков), М., «Наука», 1976, 602 с.
296. *Генінг В. Ф.*, Деякі питання розвитку археологічної науки, «Археологія», Київ, 1976, № 19, с. 3—10. [Рез. на русск. яз.].
297. *Генінг В. Ф.*, *Смирнова С. В.*, Всеоюзная научная конференция «Новітні досягнення радянських археологів», «Археологія», Київ, 1976, № 19, с. 111—118.
298. *Двис-Райко Г. А.*, 150 лет Одесскому археологическому музею, в № 302, с. 5—15.
299. *Іллінська В. А.*, Зображення ремісників на античних виробах з північного Причорномор'я, «Археологія», Київ, 1976, вип. 20, с. 31—36. [Рез. на русск. яз.].
300. *Кастанаян Е. Г.*, Группа античной археологии ЛОИА АН СССР в 1971—1974 гг., КСИА, 1976, № 145, с. 116—118.
301. *Лесницкая М. М.*, Аттическая стела из Одесского археологического музея, КСИА, 1976, № 145, с. 23—27. Предполагается, что стела была создана одним из учеников Фидия и датируется 420—410 гг. до н. э.
302. Материалы по археологии Северного Причерноморья. [Сб. статей], вып. 8. [отв. ред. П. О. Карышковский], Одесса, 1976, 240 с. с илл.
303. *Молев Е. А.*, Митридат Евпатор. Создание Черномор. державы, Саратов, Изд-во Саратов. гос. ун-та, 1976, 86 с. илл., карты.
304. *Неверов О. Я.*, Портретные геммы и перстни из Северного Причерноморья, в № 45, с. 166—182. [Рез. на англ. яз., с. 204].
305. Открытия молодых археологов Украины. Научн. информация. [Сб. статей в 2-х ч.], ч. 1. Первобытная и скифо-античная археология, Киев, «Наук. думка», 1976, 43 с. (Ин-т археологии АН УССР).
306. *Отрощенко В. В.*, Перша наукова конференція молодих вчених Інституту Археології АН УРСР, «Археологія», Київ, 1976, № 19, с. 109—110.
307. *Охотников С. Б.*, Новый памятник эпохи греческой колонизации в Нижнем Поднестровье, в № 302, с. 201—204.
308. Памятники ювелирного искусства в «Золотой кладовой» Одесского археологического музея, в № 302, с. 232—237.
309. *Скржинська М. В.*, Значення «Природничої історії» Плінія для вивчення Північного Причорномор'я, «Археологія», Київ, 1976, № 19, с. 56—65. [Рез. на русск. яз.].
310. *Тарадаш А. М.*, Памятники античного искусства в Одесском археологическом музее АН УССР, в № 302, с. 224—232.
311. Указатель статей к журналу «Советская археология» за 10 лет (1967—1976 гг.), СА, 1976, № 4, с. 258—295.
312. Художественная культура и археология античного мира (Сб. памяти Б. В. Фармаковского), М., «Наука», 1976, 240 с. (Ин-т археологии АН СССР). Расписан в указателе за 1975 г. См. ВДИ, 1978, № 1, № 442. См. также №№ 146, 151, 384, 403, 417.

БОСПОРСКОЕ ЦАРСТВО

313. *Арсеньева Т. М.*, *Шелов Д. Б.* Исследования в Танаисе, в № 295, с. 108—109.
314. *Блаватский В. Д.*, О Рескупориде первом, СА, 1976, № 4, с. 56—62. [Рез. на франц. яз.].
315. *Васильев А. Н.*, К вопросу о событиях 438 г. до н. э. на Боспоре, в кн. «Проблемы отечественной истории», ч. 2, М.—Л., 1976, с. 154—176.

316. Герасимова М. М., Население античной Фанагории по палеоантропологическим данным, КСИА, 1976, № 145, с. 109—112.
317. Грацианская Л. И., Место политической истории Боспора в «Географии» Страбона, в кн. «Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования 1975 г.», М., «Наука», 1976, с. 6—20.
318. Грач Н. Л., Свинцовые гири из Нимфея и некоторые вопросы боспорской весовой метрологии, в № 45, с. 183—200. [Рез. на англ. яз., с. 204].
319. Долгоруков В. С., Фанагорийская винодельня I—II вв. н. э., КСИА, 1976, вып. 145, с. 78—83.
320. Кастанаян Е. Г., Аскиркина Т. Ф., Белова Н. С., Виноградов Ю. А., Горючаровский В. А., Раскопки Порфмия, в № 295, с. 332—333.
321. Коровина А. К., Раскопки Тмутаракани-Гермонассы, в № 295, с. 128—129.
322. Кубланов М. М. Руины древней крепости. (Об археол. находках экспедиции Ленингр. Музея истории религии и атеизма на Керч. полуострове), «Наука и религия», 1973, № 2, с. 56—60.
323. Кубланов М., Следы христианства в языческом некрополе. (О раскопках в Илурате. По материалам археол. экспедиции Ленингр. Музея истории, религии и атеизма), «Наука и религия», 1976, № 7, с. 60—63.
324. Марченко И. Д. Новые виды Боспорской эллинистической керамики, КСИА, 1976, № 145, с. 51—54.
325. Марченко И. Д., Раскопки Пантикапея, в № 295, с. 356—357.
326. Масленников А. А. Население Боспорского государства в VI—II вв. до н. э. Автореф. дисс. на соиск. степ. канд. ист. наук, М., 1976, 20 с. (Ин-т археологии АН СССР).
327. Масленников А. А., Раскопки Боспорского некрополя склона с. Золотое на Керченском полуострове, в № 295, с. 358—359.
- Ориентировочная дата захоронений IV—I вв. до н. э.
328. Масленников А. А. Скорченные погребения в грунтовых некрополях боспорских городов, СА, 1976, № 3, с. 112—127. [Рез. на франц. яз.].
329. Молев Е. А., Шестаков С. А., Марышев Р. Ф., Раскопки Китая, в № 295, с. 367.
- Предварительная дата городища — IV в. до н. э. — IV в. н. э.
330. Молчанов А. А., Вышние магистрали Танаиса II—III веков н. э. и происхождение дуалистической системы его устройства, в кн. «Проблемы истории СССР», 5, М., 1976, с. 71—85.
331. Петерс Б. Г. Краснолаковая керамика из раскопок Михайловского поселения, КСИА, 1976, вып. 145, с. 88—91.
- Датируется керамика I — нач. II в. н. э.
332. Петерс Б. Г., Голубева З. В., Панин А. Н., Шипаков Е. А., Раскопки Михайловской экспедиции, в № 295, с. 379.
- Раскопки поселений античного времени.
333. Силантьева П. Ф., Спиралевидные подвески Боспора, в № 45, с. 123—137. [Рез. на англ. яз., с. 203].
334. Сокольский Н. И., Таманский толос и резиденция Хрисалиска. (Археол. и архит. памятники). М., «Наука», 1976, 128 с. 3 л. илл. (Ин-т археологии АН СССР).
335. Сопова П. К., Местные племена боспорского государства. (По письменным источникам и данным археологии), в кн. Социально-экономические проблемы всеобщей истории, Хабаровск, 1975, с. 3—21.
336. Шалькевич А. А., Архитектурное исследование Царского кургана, в № 45, с. 138—165. [Рез. на англ. яз., с. 204].
- Курган находится около Керчи.
337. Шелов Д. Б., Скульптурное надгробие из Танаиса, КСИА, 1976, № 145, с. 98—101.
- См. также № 163.

ХЕРСОНЕС

338. Античная скульптура Херсонеса. (Каталог сост. А. П. Иванова, А. П. Чубова, Л. Г. Колесникова и др.). Под общ. ред. С. Н. Бибикова, Киев, «Мистецтво», 1976, 342, с. с илл.
339. Белов Г. Д., Керамика конца V—IV века до н. э. из некрополя Херсонеса, в № 45, с. 112—122. [Рез. на англ. яз., с. 203].
340. Белов Г. Д., Терракотовая голова Геракла из Херсонеса, СА, 1976, № 4, с. 203—208.
- Терракота относится к III в. до н. э.
341. Жеребцов Е. Н., Новые данные к аграрной истории Херсонеса IV—I вв. до н. э., КСИА, 1976, вып. 145, с. 14—18.
342. Зедгендзе А. А., Исследование Северо-Западного участка античного театра в Херсонесе, КСИА, 1976, № 145, с. 28—34.
343. Зубарь В. М. Подбойные могилы Херсонесского некрополя, в № 305, с. 39—40.
344. Зубарь В. М., Про сарматський елемент у піввсантичному Херсонесі, «Археологія», Київ, 1976, вып. 20, 42—46. [Рез. на русск. яз.].
345. Зубарь В. М., Рыжов С. Г., Раскопки некрополя Херсонеса, в № 295, с. 327—328.
346. Кадеев В. И., До питання про вільновідпущенників з грецькими іменами у Херсонесі Таврійському, «Вісн. Харк. ун-ту», 1976, 145, с. 98—102.
347. Кадеев В. И., К вопросу о «царствовании» Девы в Херсонесе, КСИА, 1976, вып. 145, с. 9—13.

348. *Кадеев В. И., Романчук А. И.* Раскопки в портовом районе Херсонеса, в № 295, с. 330—331.
349. *Калмыкова В. А., Гонвалов А. А., Маслов С. П.,* Курганы и грунтовой могильник у дер. Заозерное, в № 295, с. 331—332.
350. *Кругликова И. Т., Сапрыкин С. Ю.,* Гераклеяская экспедиция, в № 295, с. 345—346.
351. *Орлов К. К.,* Краснолаковая керамика из раскопок античного театра в Херсонесе, в № 305, с. 40—41.
352. *Пичилян И. Р.,* Алтарь Паснада в Херсонесе, СА, 1976, № 3, с. 248—255. [Рез. на франц. яз.]
353. *Романчук А. И.,* Херсонес VI — первой пол. IX в. (Учеб. пособие). Свердловск, 1976, 42 с., 3 лист. илл. (Уральск. гос. ун-т им. А. М. Горького).
354. *Федоров Б. Н.,* О дорической архитектуре греческого Херсонеса. (Археол. данные), «Проблемы развития зарубеж. искусства», 1974, вып. 4, с. 22—30.
355. *Чубова А. П.,* Характерные черты искусства Херсонеса IV—II вв. до н. э., «Проблемы развития зарубеж. искусства», 1974, вып. 4, с. 17—22.
356. *Чубова А. П., Федоров Б. Н.,* Вопросы реконструкции живописных надгробий Херсонеса, КСИА, 1976, № 145, с. 3—8.
357. *Щеглов А. Н.,* Полис и хора, Симферополь, «Таврия», 1976, 175 с. с илл. (Археол. памятники Крыма).
О раскопках Херсонеса.
См. также №№ 159, 161, 394.
- ОЛЬВИЯ И ЕЕ РАЙОН
358. *Ашрафиан А. А.,* Ионийский сосуд V в. до н. э. из Роксоланского городища, МАСП, вып. 4, Одесса, 1972, с. 218—219.
359. *Буйских С. Б.,* Городище Мыс в системе обороны Ольвии, в № 305, с. 37—39.
360. *Бураков А. В., Отрешко В. М., Буйских С. Б., Дудкин В. П.,* Разведки периферийного и геофизического отрядов Ольвийской экспедиции, в № 305, с. 311.
361. *Загинайло А. Г.,* Работы скифо-античной экспедиции, в № 305, с. 323—324.
Исследование античного Никония.
362. *Карышковский П. О.,* Из истории Ольвии в раннеэллинистическое время (К IOSPE, I², № 25), в № 302, с. 212—215.
363. *Копейкина Л. В.,* Жилые кварталы Березанского поселения, в № 295, с. 340—341.
364. *Крыжицкий С. Д.,* Подводные исследования Ольвийской экспедиции, в № 295, с. 347.
365. *Крыжицкий С. Д., Кудренко А. И.,* Раскопки в верхнем городе Ольвии на возвышенности между первой и второй поперечными балками, в № 295, с. 348—349.
366. *Кузьменко В. И.,* Исследование римских слоев Никония, в № 302, с. 218—224.
367. *Мазарати С. Н.,* «Мегарские» чаши из раскопок Ольвии, в № 305, с. 35—37.
368. *Марченко К. К., Доманский Я. В., Головачева Н. В.,* Раскопки поселений античного времени на Бугском лимане, в № 295, с. 357—358.
369. *Никитина И. П.,* Эволюция института проксии в Ольвии, «Научн. труды Свердловск. юрид. ин-та», 1975, вып. 44, с. 128—146.
370. *Отрешко В. М.,* Позднеархаические поселения Березанского лимана, в № 305, с. 31—33.
371. *Пругло В. И., Масленников А. А.,* Ольвийская экспедиция, в № 305, с. 381—382.
372. *Рубан В. В., Отрешко В. М.,* Раскопки поселения Чертоватое II, в № 295, с. 387.
Исследован культурный слой и строительные остатки VI в. до н. э.
373. *Рубан В. В., Буйских С. Б.,* Исследования в урочище «Дидова хата», в № 295, с. 386.
В числе находок имеется ольвийская монета «борисфен» и ольвийская посуда. Датировка памятника IV—III вв. до н. э.; исследуется также римский лагерь I—II вв.
374. *Русяева А. С.,* Рельефні зображення Діоніса та Аріадни на посуді з Ольвії, «Археологія», Київ, 1976, вип. 20, с. 36—42. [Рез. на русск. яз.]
375. *Секерская Н. М.,* Архаическая керамика из Никония, в № 302, с. 84—95.
376. *Секерская Н. М.,* Раскопки Никония, в № 305, с. 392.
Античное городище у с. Роксоланы.
377. *Сон Н. А.,* К исследованию нижнего города Ольвии, в № 305, с. 33—35.
378. *Шилик К. К.,* К вопросу о западной границе Нижнего города Ольвии, КСИА, 1976, вып. 145, с. 72—77.
См. также № 160.
- ПРОЧИЕ ОБЛАСТИ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ
379. *Клейман И. Б.,* К стратиграфии напластований римского времени в Тире, в № 302, с. 109—119.
380. *Клейман И. Б., Краченко А. А., Сон Н.,* Раскопки в г. Белгород-Днепровский Одесской области, в № 295, с. 335—337.
Раскопки античной Тиры и средневекового Белгорода.
381. *Диамант Э. И.,* Поселение и могильник V—III вв. до н. э. на месте Приморского бульвара в Одессе, в № 302, с. 204—212.

ПЛЕМЕННОЙ МИР

382. Бессонова С. С., Культ Табити-Гестии у скифов, в № 305, с. 24—25.
383. Богданова Н. А., Гущина И. И., Лобода И. И., Могильник Скалистое III в Юго-Западном Крыму (I—III вв.), СА, 1976, № 4, с. 121—152. [Рез. на франц. яз.].
384. Брашинский И. Б., Аттичская расписная и чернолаковая керамика V в. до н. э. из Елизаветовского могильника, в № 45, с. 98—111. [Рез. на англ. яз., с. 203].
Изучение керамики имеет значение для реконструкции истории греко-варварской торговли в Северо-Восточном Причерноморье.
385. Брашинский И. Б., Заметки о торговле Елизаветовского поселения на Дону, КСИА, 1976, вып. 145, с. 68—71.
386. Брашинский И. Б., Марченко Н. К., Засека Я. П., Исследования Елизаветовского городища, в № 295, с. 114—115.
Елизаветовское городище — крупнейшее поселение скифского периода на нижнем Дону.
387. Брашинский И. Б., Копылов В. П., Раскопки Елизаветовского могильника, в № 295, с. 113—114.
Имеются находки V в. до н. э.
388. Виноградов В. Б., Петренко В. А., Новые источники по изучению сарматской эпохи в Чечено-Ингушетии, «Археол. этнограф. сб.», Грозный, 1976, вып. 4, с. 64—71.
389. Высокская Т. Н., Скорый С. А., Работы на Неаполе Скифском и в его округе, в № 295, с. 315—316.
Находки датируются I в. до н. э.—III в. н. э.
390. Гветадзе Д. П., Киммерийский вопрос в советской историографии, «Ист. сборник Ин-та истории, археологии и этнографии», 1976, № 5, с. 48—66. [На груз. яз. Рез. на русск. яз.].
391. Гудкова А. В., Поселение и могильник римского времени Молога II, в № 295, с. 319—320.
Материалы находок датируются I—III вв. н. э.
392. Гущина И. И., О работе крымской экспедиции Гос. Исторического музея, в № 295, с. 320.
Исследованные погребения датируются I—II в. н. э.
393. Данилин В., Уварова И., «Скифское золото», «Декоративное искусство СССР», 1976, № 7, с. 26—30.
394. Дашевская О. Д., Каменные склепы Беляусского могильника, КСИА, 1976, вып. 145, с. 55—60.
Вышеназванные склепы — это, по-видимому, усыпальницы, построенные греками в период Херсонесского господства и вторично использованные для позднескифских захоронений.
395. Дашевская О. Д., Голенцов А. С., Мизлин Б. Ю., Старченко Е. В., Раскопки на Беляусе, в № 295, с. 321—322.
Материал городища и его некрополя охватывает время с IV в. до н. э. по I в. н. э.
396. Ковалева И. Ф., Костенко В. И., Новые источники по истории сарматских племен Северного Причерноморья. (К исследованию Подгороднянских сарматских могильников), в кн. «Некоторые вопросы отечественной историографии и источниковедения», вып. 3, Днепрпетровск, 1976, с. 79—95.
397. Крис Х. И., О впускных погребениях эпохи раннего железа в курганах долины Салгера, СА, 1976, № 2, с. 240—245.
398. Кузьмина Е. Е., О семантике изображений на Чертомлыцкой вазе, СА, 1976, № 3, с. 68—75. [Рез. на франц. яз.].
399. Максименко В. Е., О стоянках кочевого населения Нижнего Дона в скифское время, «Изв. Сев.-Кавк. научн. центра высш. школы. Обществ. науки», Ростов н/Д, 1976, № 3, с. 101—104.
400. Масленников А. А., Этническая принадлежность погребений в каменных ящиках Восточного Крыма, КСИА, 1976, вып. 145, с. 19—22.
401. Моруженко А. А., Косиков В. А., Работы лесостепной скифской экспедиции, в № 295, с. 367—368.
Находки свидетельствуют об интенсивных связях с греческим миром (VI—IV вв. до н. э.).
402. Никулицэ И., Раскопки на гетском могильнике и поселении, в № 295, с. 473—474.
Раскапывались памятники IV—III вв. до н. э.
403. Онайко Н. А., О воздействии греческого искусства на меотоскифский звериный стиль (к постановке вопроса), СА, 1976, № 3, с. 76—86. [Рез. на франц. яз.].
404. Островерхов А. С., Древнегреческое поселение ремесленников близ устья Днестра, в № 305, с. 30—31.
405. Охотников С. Б., Раскопки античных поселений в Нижнем Поднестровье, в № 295, с. 373—374.
406. Подосинов А. В., Скифы, сарматы и геты в «Tristia» и «Epistulae ex Ponto» Овидия, в кн. «Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования 1975», М., 1976, с. 21—40.
407. Попова Е. А., Об истоках традиций и эволюции форм скифской скульптуры, СА, 1976, № 1, с. 108—122. [Рез. на франц. яз.].
408. Раев Б. А. К хронологии римского импорта в сарматских курганах Нижнего Дона, СА, 1976, № 1, с. 123—134. [Рез. на франц. яз.].

409. Рикман Э. А., О романизации населения карпато-дунайских областей в первой половине I тысячелетия н. э., в кн. «Карпатский сборник», М., 1976, с. 27—30.
410. Рикман Э. А. Этническая история населения Поднепровья и прилегающего Подунавья в первых веках н. э. Автореф. дисс. на соиск. учен. степ. д-ра ист. наук, М., 1976, 35 с. (Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР).
411. Рикман Э. А., Гросу В. И., Селище черняховской культуры Корпач, в № 295, с. 475—476.
Находки III—IV вв. н. э.
412. Симоненко А. В., Новые сарматские погребения Нижнего Поднепровья, в № 305, с. 41—42.
Основное количество погребений принадлежит к I в. до н. э.—I в. н. э.
413. Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. (Сб. статей. Отв. ред. А. И. Мелюкова и М. Г. Мошкова), М., «Наука», 1976, 272 с. (Ин-т археологии АН СССР).
Из содержания: Ильинская В. А., Современное состояние проблемы скифского звериного стиля, с. 9; Блэк В. Б., К вопросу об истоках скифо-сарматского звериного стиля, с. 30; Хазанов А. М., Шкурко А. И., Социальные и религиозные основы скифского искусства, с. 40; Онайко Н. А., Звериный стиль и античный мир Северного Причерноморья в VII—IV вв. до н. э., с. 66; Смирнов К. Ф., Савромато-сарматский звериный стиль, с. 74; Шкурко А. И., О локальных различиях в искусстве лесостепной Скифии, с. 90; Мелюкова А. И., К вопросу о взаимосвязях скифского и фракийского искусства, с. 106; Яковенко Э. В., Предметы звериного стиля в раннескифских памятниках Крыма, с. 128; Либеров П. Д., Локальные особенности звериного стиля среднедонской культуры и отражение связей с внешним миром, с. 138; Тезов Б. В., О некоторых предметах скифского звериного стиля из памятников южного склона главного Кавказского хребта, с. 153; Манцевич А. П., Находка в Запорожском кургане (к вопросу о сибирской коллекции Петра I), с. 164; Шрамко Б. А., Новые находки на Бельском городище и некоторые вопросы формирования и семантики образов звериного стиля, с. 197; Клейн Л. С., Сарматский тарандр и вопрос о происхождении сарматов с. 228.
414. Соломоник Е. I., Таври і Тавріка. (Про походження етноніма і топоніма), «Археологія», Київ, 1976, вип. 20, с. 46—50. [Рез. на русск. яз.].
415. Сымонович Э. А., Подражания амулетам из египетского фаянса в Нижнем Поднепровье, КСИА, 1976, вып. 145, с. 86—87.
- Публикуемые материалы имеют значение для понимания идеологических представлений позднескифского населения.
416. Тереножкин А. И., Киммерийцы, Киев, «Наук. думка», 1976, 223 с. с илл. (Ин-т археологии АН УССР).
417. Хазанов А. М., Роль рабства в процессах классовобразования у кочевников евразийских степей, в кн. «Становление классов и государства», М., «Наука», 1976, с. 249—279.
418. Хазанов А. М., Социальная история скифов. Автореф. дисс. на соиск. учен. степ. д-ра ист. наук, М., 1976, 42 с. (Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР).
419. Чернецкий О. Е., Новый археологический памятник скифской медицины, «Сов. здравоохранение», 1976, № 2, с. 79—81.
420. Шрамко Б. А., Раскопки Бельского городища и могильника «Скоробор», в № 295, с. 408—409.
421. Яковенко Э. В. Древнейший памятник искусства скифов, СА, 1976, № 2, с. 236—240.
422. Яценко И. В., Попова Е. А., Исследования западных кварталов скифского поселения в Евпатории, в № 295, с. 413—414.
См. также №№ 299, 335, 344, 361, 384, 426, 429, 430, 458.

КАВКАЗ И ЗАКАВКАЗЬЕ

423. Абрамова М. П., Кантемиров Э. С., Череквская О. В., Исследования в центральных районах Северного Кавказа, в № 295, с. 103—104.
Погребения датируются второй пол. I тыс. до н. э.
424. Алексеева Е. М., Находка в Анапе, «Природа», 1976, № 3, с. 30—35.
425. Алексеева Е., Сокровища анапской земли. (Об археологических находках античной эпохи), «Наука и жизнь», 1976, № 1, с. 120—123.
426. Алексеева Е. П., Этнические связи сарматов и ранних алан с местным населением Северо-Западного Кавказа (III в. до н. э.—IV в. н. э.), Черкесск, Ставроп. кн. изд-во. Карачаево-Черкес. отделение, 1976, 166 с. (Карачаево-Черкес. науч.-исслед. ин-т экономики, истории, языка и литературы).
427. Алексеева Е. М., Родник Н. Н., Савостина Е. А., Смирнова Т. М., Усачева О. Н., Фролова Н. А., Цветаева Г. А., Горгиппия и ее окрестности, в № 295, с. 105—108.
428. Алиев В. Г., Кувшинные погребения античного периода в г. Нахичевани, «Изв. АН АзССР. Сер. истории, философии и права», 1976, № 1, с. 73—84. [На азерб. яз. Рез. на русск. яз.].
429. Алиев Иггар, Алиев В. Г., О сармато-аланских памятниках на террито-

- рии Нахичеванской АССР, СА, 1976, № 1, с. 178—186. [Рез. на франц. яз.].
430. *Алиев Иггар, Асламов Гардашхан*, Племена сармато-массагетояланского круга в Азербайджане, в № 14, с. 218—237. [Рез. на англ. яз., с. 302—303].
431. *Апакидзе А. М., Лордкипанидзе Г. А.*, Раскопки Пятиунта, в № 295, с. 481.
Датировка материала находок IV—VI вв. н. э.
432. *Аракелян Б. Н.*, Очерки по истории искусства древней Армении (VI в. до н. э.— III в. н. э.), Ереван, 1976, 124 с., 57 л. илл. (Ин-т археологии и этнографии АН АрмССР). [На арм. яз. Рез. на англ. яз.].
433. *Аракелян Б. Н., Хачатрян Ж. Д.*, Раскопки столицы древней Армении — Арташата, в № 295, с. 507—508. Обнаружены погребения античного времени.
434. *Азмедов Г. М., Бабаев И. А., Гадиров Ф. В.*, Раскопки на античном и средневековом городищах Кабалы, в № 295, с. 498.
435. *Бабаев И. А.*, К вопросу о возникновении государства Албании (Кавказской), «Изв. АН АзССР. Сер. историг, философии, права», 1976, № 4, с. 40—51.
36. *Бжания В. В., Ерохин О. Г., Ошаев М. Х.*, Разведки в Бажеичанских песках, в № 295, с. 111—112. Встречается античная керамика.
7. *Болтунова А. И.*, Аргонавты и Колхида, «Известия АН ГрузССР, сер. истории, археологии, этнографии и истории искусства», 1976, № 3, с. 37—44. Публикация доклада на Всесоюзной научной конференции «Античные, византийские и местные традиции в странах Восточного Причерноморья», Тбилиси, 27 мая 1975 г.
438. *Вани*. Археологические раскопки. Вып. II, Тбилиси, «Мецниереба», 1976, 248 с. (Ин-т истории, археологии и этнографии им. И. А. Джавахишвили). [На груз. яз. Рез. на русск. яз.].
439. *Вардунян Г. Д.*, Государственные религиозные культы армян (VII в. до н. э.— IV в. н. э.), «Вестник МГУ, сер. история», 1976, № 2, с. 78—91.
440. *Воронов Ю. Н.*, Гиенос, СА, 1976, № 4, с. 42—55. [Рез. на франц. яз.]. Античное поселение в Абхазии.
441. *Габриэлян Г. Г.*, История армянской философии. (От начала до наших дней), Ереван, Изд-во Ерван. гос. унта, 1976, 502 с. [На арм. яз.].
442. *Галюев Р. Х.*, Исследование позднеантичных могильников в Юго-Осетии, в № 295, с. 484—486.
443. *Гагошидзе Ю. М.*, Материалы к истории златокузнечества в Грузии (I пол. I тыс. до н. э.), «Вестн. Гос. музея Грузии АН ГССР», 1976, т. 32-В, с. 5—38. [На груз. яз. Рез. на русск. яз.].
444. *Гамкрелидзе Г.*, К историографии ритона, найденного в Мтисдзири, в кн. «Дзеглис Мегобари» («Друзья памятников культуры»). Сб. 41, Тбилиси, 1976, с. 17—20. [На груз. яз. Рез. на русск. яз. с. 72].
445. *Давудов О. М., Гаджиев Ю. М.*, Раскопки Мугеранского могильника, в № 295, с. 118—119.
Дата могильника III в. до н. э.
446. *Давшанидзе Ц. О.*, Памятники раннеантичного периода из Квемокартли. (По изделиям ремесленного производства), «Вестник Гос. Музея Грузии АН ГССР», 1976, т. 32, с. 118—148.
447. *Даниелян Э. Л.*, Некоторые эпизоды истории Парфянского государства в освещении Мовсеса Хоренаци, «Историко-филологический журнал АН АрмССР», 1976, № 3, с. 157—170. [На армянск. яз. Рез. на русск. яз.].
448. *Джавахишвили К. А.*, Парфянская печать из Урбниси, «Изв. АН ГССР. Сер. истории, археологии, этнографии, истории искусства», Тбилиси, 1975, № 4, с. 113. [На груз. яз. Рез. на русск. яз. с. 122].
По композиции изображения и дате погребального комплекса печать датируется I в.— нач. II в. н. э.
449. *Джоджуа В. Ш.*, Грузинские топонимы в греческих источниках, «Топонимика», Тбилиси, 1976, вып. 1, с. 432—451. [На груз. яз. Рез. на русск. яз.].
450. *Ереванци А.*, История войн. Пер. с древнеарм., предисл., коммент. и указ. Л. С. Давланидзе, Тбилиси, «Мецниереба», 1976, 101 с. (Комис. по источникам истории Грузии АН ГССР. Иностр. источники истории Грузии) [На груз. яз.].
451. *Еремян С. Т.*, Политические отношения Валарша II с Римом и парфянами, «Историко-филологический журнал АН АрмССР», 1976, № 4, с. 37—56. [На арм. яз. Рез. на русск. яз.].
452. *Еремян С. Т.*, Раздел царства Великой Армении в 224—253 гг. между сасанидским Ираном и Римской империей, «Ист.-филол. журнал АН АрмССР», Ереван, 1976, № 1, с. 67—88. [На арм. язык. Рез. на русск. яз.].
453. *Есян С., Калактарян А.*, Античный некрополь Ошакана, «Вестник общественных наук АН АрмССР», 1976, № 12, с. 27—40. [Рез. на арм. яз.].
Раскопки некрополя расширили наши представления об уровне развития и характере материальной культуры Армении в античную эпоху.
454. *Есян А.*, Древняя культура племен Северо-Восточной Армении III—I тыс. до н. э., Ереван, Изд-во АН АрмССР, 1976, 270 с. с илл.
455. *Катвалян М.*, 13-ое и 18-ое сатрапства Ахеменидского владычества, «Вестник общественных наук АН

- АрмССР», 1976, № 7, с. 89—94. [На арм. яз. Рез. на русск. яз.].
Армения VI, в. до н. э.
456. *Каухчишвили Т. С.*, Древнегреческие источники истории Грузии. (Учеб. пособие для студентов), Тбилиси, Изд-во Тбил. гос. ун-та, 1976, 296 с. [На груз. яз.].
457. *Кигурадзе Н.*, Дапнарский могильник, Тбилиси, «Мецниереба», 1976, 63 с., 24 л. илл. (Археол. комис. АН ГССР. Ин-т истории, археологии и этнографии им. И. А. Джавахишвили). Имеется греческий импорт.
458. *Ковалевская В. Б.*, Скифы, Мидия, Иран во взаимоотношениях с Закавказьем по данным Леонти Мровели, «Известия АН ГССР. Сер. истории, археологии, этнографии, истории искусства», Тбилиси, 1975, № 3, с. 62—73.
459. *Коростовцев М. А.*, Колхида и древний Египет. «Вест. филологии», Тбилиси, 1976, № 4, с. 172—209.
460. *Кркяшарян С. М.*, Государственное устройство древней Армении (VI в. до н. э. — IV в. н. э.). Автореф. дисс. на соиск. учен. степ. д-ра ист. наук, Ереван, 1976, 57 с. (Ин-т истории АН АрмССР).
461. *Лежава Г.*, Античный алтарь малой формы из Вани, в кн. «Дзаеглис Мегобары» («Друзья памятников культуры»). Сб. 41, Тбилиси, 1976, с. 42—43. [На груз. яз. Рез. на русск. яз. с. 75].
462. *Лордкипанидзе О. Д.*, Археология и некоторые вопросы древней истории Грузии, «Известия АН ГрузССР. Сер. истории, археологии, этнографии и истории искусства», 1976, № 2, с. 110—128. [На груз. яз. Рез. на русск. яз.].
463. *Лордкипанидзе О. Д.*, Работы Ванской экспедиции, в № 295, с. 487—488.
464. *Магомедов А. Р.*, К вопросу изучения древней и средневековой истории народов Кавказа, «Сборник науч. сообщ. Дагестан. ун-та, Махачкала, 1976, вып. 7, с. 129—136.
465. *Махарадзе М.*, Катафатическая характеристика первопричины в философии Псевдо-Дионисия Ареопагита, «Изв. АН ГССР. Сер. философии, психологии, экономики и права», 1976, № 4, с. 37—52.
466. *Мачабели К. Г.*, Позднеантичная торговка Грузии. (По материалам торговки первых веков нашей эры), Тбилиси, «Мецниереба», 1976, 167 с. илл. (Ин-т истории груз. искусства им. Г. Н. Чубинашвили АН ГССР). [Рез. на франц. яз.].
467. *Мурадян П. М.*, Хронология систем летоисчисления по армянским источникам. «Армянская эра», «Вестник общественных наук АН АрмССР», 1976, № 1, с. 49—64. [Рез. на арм. яз.].
468. *Новосельцев А. П.*, Древнеармянский перевод Библии как источник по истории народов Закавказья. (Некоторые предварительные итоги и исследования), в кн. «Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования 1975», М., «Наука», 1976, с. 57—64.
469. *Новосельцев А. П.*, К вопросу о македонском владычестве в древней Грузии, в кн. «Юбилейный сборник, посвященный 100-летию со дня рождения акад. И. А. Джавахишвили», Тбилиси, 1976, с. 104—109.
470. *Нуриев А. Б.*, О некоторых античных сосудах, найденных на территории Кавказской Албании, в кн. «Материальная культура Азербайджана», т. 8, Баку, 1976, с. 136—144.
471. *Онайко Н. А.*, Раскопки античного поселения в Геленджикской бухте, КСИА, 1976, вып. 145, с. 35—40.
472. *Онайко Н. О.*, Раскопки Торика, «Археология», Київ, 1976, вып. 20, с. 80—88. [Рез. на русск. яз.]. Торик — античное поселение VI—V вв. до н. э., находится на западном берегу Геленджикской бухты.
473. *Османов Ф. Л.*, *Ибрагимов Ф. А.*, Об оружии албанцев из античного поселения Нюйди, «Изв. АН АзССР. Сер. истории, философии и права», 1976, № 4, с. 52—62. [На азерб. яз. Рез. на русск. яз.].
474. *Петросян С.*, Локализация «Поля гаргарейцев», «Вестник общественных наук АН АрмССР», 1976, № 7, с. 67—76. [На арм. яз. Рез. на русск. яз.]. Поле «гаргарейцев» — место битвы войск царя Тиридата с северокавказскими союзными племенами — находилось в восточной части Великой Армении.
475. *Рзаев Н. И.*, Искусство Кавказской Албании IV в. до н. э. — VII в. н. э., Баку, «Элм», 1976, 255 с. с илл. (Ин-т архитектуры и искусства АН АзССР).
476. *Сайлян А. А.*, Каменный свод античной эпохи в Гарни, «Историко-филологический журнал АН АрмССР», 1976, № 1, с. 169—186. [На арм. яз. Рез. на русск. яз.].
477. *Салов А. И.*, К вопросу о топографии Горгиппии, КСИА, 1976, вып. 145, с. 61—67.
478. *Саркисян Г. Х.*, Черты эллинизма в духовной культуре Древней Армении, «Историко-филол. журнал. АН АрмССР», 1976, № 3, с. 51—62. [На русск. яз. Рез. на арм. яз.]. Публикация доклада на XIV междунар. конф. ученых античников соц. стран «Эйрене», Ереван, 18—23 мая 1976 г.
479. *Тер-Мартirosов Ф. И.*, Античные печи из раскопок Арташата, «Вестн. обществ. наук АН АрмССР», 1975, № 7, с. 70—84 с табл. [Рез. на арм. яз.].
480. *Тирицян Г. А.*, Новые археологические материалы послеурартского вре-

- мени на территории Западной Армении (Турция) и их место в истории древнеармянской культуры, в № 14, с. 134—157. [Рез. на англ. яз., с. 293—295]. Памятники и материалы относятся в основном к эллинистическому времени (III—I вв. до н. э.).
481. *Горосян Р., Тер-Мартirosян Ф.*, Могильники позднего эллинистического периода в селе Айгешат Эчмиадзинского района, «Историко-филологический журнал АН АрмССР», 1976, № 2, с. 265—269. [На арм. яз.].
482. *Хачатрян В.*, Наири и Армина, «Вестн. обществ. наук АН АрмССР», 1976, № 8, с. 59—72. [Рез. на арм. яз.]. К вопросу о происхождении армян.
483. *Хачатрян Ж. Д., Гарни В.* Античный некрополь. (Результаты раскопок 1956—1972 гг.), Ереван, 1976, 136 с. (Ин-т археологии и этнографии АН АрмССР. Археологические раскопки в Армении).
484. *Шамба Г. К.*, О «Мегарских» чашах Эшерского городища, «Изв. Абхаз. ин-та языка, лит-ры и истории», Тбилиси, 1975, т. 4, с. 100—108.
485. *Шамба Г. К.*, Работы в низовьях Гумиста в Абхазии, в № 295, с. 495—496.
- Имеется материал античного времени. См. также №№ 14, 86, 143, 148, 149, 150, 153, 154, 157, 164, 165, 270, 271, 388, 524.
- СРЕДНЯЯ АЗИЯ *
486. *Абдуллаев Ф.*, Керамика из Чим-Кургана, в № 516, с. 22—33.
Чим-Курган относится к кушанскому времени.
487. *Альбаум Л. И.*, Новые раскопки в Занг-тепе и индийские документы, в № 498, с. 199—209.
488. *Алленов А.*, Археологическое изучение Гиссарского района, в № 516, с. 34—42.
Среди находок первое место занимает керамика Кушанского времени.
489. Бактрийские древности. Предварит. сообщ. об археолог. работах на юге Узбекистана. [Сб. статей]. Л., «Наука», 1976, 126 с. (Ин-т археологии АН СССР. Науч. совет по проблемам археологии Средн. Азии и Казахстана. Ин-т археологии АН УзССР).
Содержание: *Массон В. М.*, Кушанские поселения и кушанская археология. (Некоторые результаты работ Бактрийской экспедиции в 1973—1975 гг.), с. 3—17; *Аскарлов А.*, Расписная керамика Джар-Кутана, с. 17—19; *Заппаров Ш. Х., Ртвеладзе Э. В.*, Раскопки древнебактрийского поселения Талашкан-Тепе I, с. 19—24; *Сагдуллаев Т., Хакимов З.*, Археологическое изучение городища Кызыл-Тепе (по итогам работ 1973—1974 гг.), с. 24—30; *Козловский В. А., Некрасова Е. Г.*, Стратиграфический шурф на цитадели древнего Термеза, с. 30—39; *Ставицкий Б. Я.*, Изучение буддийского культового центра Кара-Тепе в Старом Термезе в 1972—1973 г., с. 39—43; *Альбаум Л. И.*, Исследование Фаяз-Тепе в 1973 г., с. 43—45; *Сабиров К. С.*, Кушанская фортификация в свете раскопок на городище Зар-Тепе, с. 46—51; *Завьялов В. А., Осипов В. И.*, Раскопки жилого комплекса на городище Зар-Тепе в 1973 г., с. 51—58; *Пилипко В. Н.*, Раскопки святилища позднекушанского времени на городище Зар-Тепе, с. 59—68; *Пидаев Ш. Р.*, Мирзакул-Тепе — памятник раннекушанского времени в Северной Бактрии, с. 68—76; *Некрасова Е. Г.*, Древняя керамика Шерабадского оазиса. (По материалам шурфовок на мелких поселениях), с. 76—83; *Пугаченкова Г. А.*, Раскопки узбекистанской искусствоведческой экспедиции на античных памятниках в 1973 г., с. 83—93; *Ртвеладзе Э. В.*, Новые древнебактрийские памятники на юге Узбекистана, с. 93—103; *Тургунов Б. А.*, Малоизвестные кушанские памятники Северной Бактрии, с. 103—106; *Дадашева С. А.*, Греко-бактрийские монеты на территории Кавказской Албании, с. 106—109; *Федорович Е. Ф., Левушкина С. В.*, Гипс в древней скульптуре Дальверзин-Тепе, с. 110—113; *Сотникова Н. П.*, Использование бисерного клея для реставрации черепов из науса Дальверзин-Тепе, с. 113—114; *Валиев А.*, Древнейшие этапы формирования антропогенных ландшафтов Сурхандарьинской котловины, с. 114—118; *Кошелева Г. А., Мунчаев Р. М.*, Раскопки на городище Ай-Ханум в 1965—1968 гг. (Обзор сводной публикации), с. 118—124.
490. *Беленицкий А. М.*, К истории культурных связей Средней Азии и Индии в раннее средневековье, в № 498, с. 183—198.
491. *Бобков А. Г.*, Территория Туркестана по представлениям Геродота, в сб. «Материалы юбилейной научно-технической конференции Туркменского пединститута, посвященной 100-летию со дня рождения В. И. Ленина», Ашхабад, 1970.
492. *Бобков А. Г.*, Территория Туркменистана по представлениям ученых древности, Ашхабад, 1971, 40 с. карты. (Туркм. Политехн. ин-т. Кафедра геодезии).
493. *Виронов В.*, Юные богини древних Каракумов, «Наука и религия», 1976, № 3, с. 75—78.

* Работы по истории Средней Азии в настоящий указатель включены выборочно.

494. *Воробьева-Десятковская М. И.*, Памятники индийской письменности из Средней Азии, в № 498, с. 210—217.
495. *Горбунова Н. Г.*, Фергана по сведениям античных авторов, в кн. «История и культура народов Средней Азии. (Древность и средние века)». М., 1976, с. 26—30. [Рез. на англ. яз., с. 168].
496. *Денисов Е. П.*, Новые материалы по кушанской проблеме. Исследования на холме Совкх-Матхура. (Археол. раскопки в Индии), «Народы Азии и Африки», 1976, № 6, с. 151—157.
497. Древняя Бактрия. Материалы Сов.-Афган. экспедиции 1969—1973 гг. М., «Наука», 1976, 192 с. илл. (Ин-т археологии АН СССР). [Рез. на франц. яз].
Из содержания: Кругликова И. Т., Сариаиди В. И., Пять лет работы советско-афганской археологической экспедиции, с. 3—20; *Сариаиди В. И.*, Исследование памятников Дашлинского оазиса, с. 21—86; *Кругликова И. Т.*, Настенные росписи Дильберджина, с. 87—110; *Бурый В. П.*, Техника живописи, с. 111—124; *Пугаченкова Г. А.*, К познанию античной и раннесредневековой архитектуры Северного Афганистана, с. 125—162; *Воробьева-Десятковская М. И.*, Надпись брахми из Дильберджина, с. 170—174; *Вайнберг Б. И., Кругликова И. Т.*, Монетные находки из раскопок Дильберджина, с. 172—174.
498. *Индия в древности*. [Сборник статей], М., «Наука», 1964, 258 с. (Ин-т народов Азии АН СССР).
499. *Кузьмина Е. Е.*, Греческий курор в Бактрии, КСИА, 1976, вып. 147, с. 27—33.
500. *Литвинский Б. А.*, Таджикистан и Индия. (Примеры древних связей и контактов), в № 498, с. 143—165.
501. *Литвинский Б. А.*, Работы Южно-Таджикистанского отряда в 1972 г. (Памятники Шаартузского района), в кн. «Археологические работы в Таджикистане», вып. 12, 1972, Душанбе, 1976, с. 60—84.
Конец II в. до н. э. — рубеж н. э.
502. *Лукин Б. В.*, Библиографический указатель литературы по археологии, истории, этнографии, философии и праву Узбекистана, вышедшей в свет в 1973 г., «Общественные науки в Узбекистане», 1975, № 11, с. 67—75; № 12, с. 41—63.
503. *Лукин Б. В.*, Библиографический указатель литературы по археологии, истории, этнографии, философии и праву Узбекистана, вышедшей в свет в 1974 г., «Общественные науки в Узбекистане», 1976, № 12, с. 56—63; 1977, № 1, с. 39—66.
504. *Лукин Б. В.*, Средняя Азия в трудах III международного конгресса востоковедов. (К 100-летию конгресса), «Обществ. науки в Узбекистане», Ташкент, 1976, № 8, с. 52—59.
505. *Лукин Б. В., Гулямов Я. Г., Пугаченкова Г. А.*, История Бухары с древнейших времен до наших дней, Ташкент, «Фан», 1976.
Рец.: Ким В., Летопись прошлого и настоящего, «Сов. Бухара», 1976, 6 мая.
506. *Лукин Б. В., Гулямов Я. Г., Пугаченкова Г. А. и др.*, История Хорезма с древнейших времен до наших дней, Ташкент, «Фан», 1976, 316 с. (Ин-т истории АН УзССР).
507. *Массон В. М.*, Раскопки жилых кварталов и оборонительных сооружений Алтын-депе, в № 295, с. 551—552.
508. *Массон В. М.*, Раскопки кушанских памятников на юге Узбекистана, в № 295, с. 531—532.
509. *Массон В. М.*, Экономика и социальный строй древних обществ (в свете данных археологии), Л., «Наука», 1976, 191 с.
Рец.: Окладников А. П., ВИ, 1977, № 6, с. 164—166.
510. *Медведская И. Н.*, Новый кушанский могильник в Бешкентской долине, в № 295, с. 568—569.
511. *Пидаев Ш.*, Древняя Бактрия, Ташкент, «Узбекистан», 1976, 16 с. [На узб. яз.].
512. *Пидаев Ш. Р.*, Некоторые данные о раскопках Кушанского поселения Аккуртан в Северной Бактрии, СА, 1976, № 1, с. 187—196. [Рез. на франц. яз.].
513. *Пугаченкова Г. А.*, Бактрийский жилой дом. (К вопросу об архитектурной типологии), в кн. «История и культура народов Средней Азии (Древность и средние века)», М., 1976, с. 38—42. [Рез. на англ. яз., с. 168—169].
514. *Пьянков И. В.*, Бактрийский гриф в античной литературе, в кн. «История и культура народов Средней Азии. Древность и средние века», М., 1976, с. 19—25. [Рез. на англ. яз., с. 168].
515. *Сагдуллаев А.*, К вопросу о древнеземледельческих памятниках Северной Бактрии, в № 516, с. 50—58.
516. Сборник археол. работ. Таджикист. гос. ун-та, 1975, вып. 1, Душанбе, «Дониш», 77 с.
517. *Ставиский Б. Я.*, О северных рубежах Кушанской Бактрии, в кн. «История и культура народов Средней Азии. (Древность и средние века)», М., 1976, с. 43—46. [Рез. на англ. яз., с. 169].
518. *Ставиский Б. Я.* Средняя Азия, Индия, Рим. (К вопросу о международных связях в кушанский период), в № 498, с. 166—187.
519. *Ставиский Б. Я., Бердников А. Ф., Асавина Н. М., Узьянов С. А.*, Исследование буддийского культового центра II—IV вв. на холме Кара-Тепе, в № 295, с. 535—536.
520. *Толстов С. П.*, Новые археологические открытия в Хорезме и некоторые

- проблемы древней истории Индии, в № 498, с. 135—142.
521. *Усманова З. И., Дресаянская Г. Я.*, Раскопки на городищах Старого Мерва, в № 295, с. 553—554.
522. *Харенко Е. Д.*, Развитие идей онтологии Аристотеля в философии аль-Фараби. Автореф. дисс. на соиск. степ. д-ра филос. наук, Алма-Ата, 1976. 30 с. (Ин-т философии и права АН КазахССР).
523. *Шаймухамбетова Г. Б.*, Платон и аль-Фараби: проблема рецепции, в кн. «Аль-Фараби и развитие науки и культуры стран Востока», Алма-Ата, 1975, с. 38—40.
524. *Эльчибекян Ж.*, Армянские средневековые первоисточники о кушанах, «Вестник обществ. наук АН АрмССР», 1976, № 8, с. 85—97. [На арм. яз. Рез. на русск. яз.].
525. *Юсупов Х.*, Узбой в античное время в свете новых археологических данных, «Изв. АН ТССР. Сер. обществ. наук», 1976, № 6, с. 38—47. [Рез. на русск. и англ. яз.].
- См. также №№ 158, 219.

Сост. *И. Е. Борщ*

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

К 70-ЛЕТИЮ АКАДЕМИКА АН АРМЯНСКОЙ ССР С. Т. ЕРЕМЯНА

10 апреля 1978 г. исполнилось 70 лет Сурену Тиграновичу Еремян, академику АН Армянской ССР, члену редколлегии нашего журнала.

Крупнейший специалист в области древней и средневековой истории Закавказья, С. Т. Еремян многое сделал для разработки ряда важнейших проблем истории и культуры Армении, Азербайджана и Грузии. Его основные научные интересы сосредоточивались на истории армянского народа. Он внес большой вклад в разработку проблемы этногенеза армян, исследуя географические и хронологические рамки этого процесса. Важное место в его трудах занимает древняя история Армении и ее связи со странами Закавказья, Переднего Востока и Средиземноморья. Обширная эрудиция и высокое профессиональное мастерство позволяют С. Т. Еремян воссоздать древнюю историю Армении на фоне тех процессов развития рабовладельческих отношений, которые протекали в древневосточном и эллинистическом мире и в Римской империи, проследить особенности социально-экономического развития Армении в античную эпоху, специфику рабовладения и генезиса феодальных отношений. Среди огромного числа печатных работ С. Т. Еремяна большое значение имеет I том «Истории армянского народа», ответственным редактором и автором значительной части разделов которого он является.

Очень важную исследовательскую работу ведет С. Т. Еремян в области исторической географии, возглавляя созданную им в Армении школу исторической географии и картографии. Ему принадлежат сотни опубликованных карт по политической и экономической истории Армении, а также исследование и перевод на современный армянский язык «Армянской географии VII в.», имеющей большое научное значение для медиевистики и антиковедения.

С. Т. Еремян вел и ведет большую научно-организационную работу, участвует во всесоюзных и зарубежных конгрессах, конференциях и симпозиумах, много внимания уделяет воспитанию молодых ученых.

Редколлегия и редакция «Вестника древней истории» и сектор древней истории Института всеобщей истории АН СССР сердечно поздравляют Сурена Тиграновича Еремяна со славным юбилеем и желают ему здоровья и новых творческих достижений.

*Редколлегия и редакция «Вестника древней истории»
АН СССР, сектор древней истории Института
всеобщей истории АН СССР*

К 75-ЛЕТИЮ А. Г. БОКЩАНИНА

В марте 1978 г. исполнилось 75 лет одному из крупнейших советских историков античности доктору исторических наук, профессору Московского государственного университета Анатолию Георгиевичу Бокщанину.

А. Г. Бокщанин внес весомый вклад в разработку социально-политической истории Ранней римской империи, в том числе проблемы классовой борьбы и проблемы взаимоотношений великих держав древности, Рима и Парфии, рассматривая их в связи с глубинными процессами социально-экономического и политического развития всего античного Средиземноморья. В его монографиях последовательно проведен характерный для советской исторической науки отказ от романоцентризма, его труды отличаются также основательными знаниями и интересом к военной истории и исторической географии.

Большая эрудиция и огромный педагогический опыт позволили А. Г. Бокщанину с успехом участвовать в создании ряда учебников и учебных пособий по истории древней Греции и древнего Рима для университетов и педвузов, изданных не только в СССР, но и за рубежом.

А. Г. Бокщанин — выдающийся педагог высшей школы, его лекторский талант неизменно завоевывает внимание слушателей и привлекает интерес к античности, в его семинарах и спецсеминарах проходило подготовку не одно поколение антиковедов. Ученики А. Г. Бокщанина, ставшие профессорами и доцентами, учителями и научными сотрудниками во многих городах нашей страны, получили под его руководством не только профессиональную подготовку, но и заряд гражданственности.

А. Г. Бокщанин оказывает большую научную и методическую помощь своим коллегам из других университетов, щедро делаясь с ними своим опытом педагога и исследователя, его работа со стажерами на факультете повышения квалификации университетских преподавателей древней истории высоко оценена Министерством высшего и среднего специального образования СССР.

Редколлегия и редакция ВДИ, сектор древней истории Института всеобщей истории, кафедра истории древнего мира МГУ сердечно поздравляют Анатолия Георгиевича Бокщанина со славным юбилеем и желают ему доброго здоровья, сил, бодрости и энергии для дальнейшего продолжения плодотворной исследовательской и преподавательской работы.

*Кафедра истории древнего мира МГУ,
редколлегия и редакция ВДИ*

В. И. АВДИЕВ

(1898 — 1978 гг.)

9 мая 1978 г. после продолжительной и тяжелой болезни скончался доктор исторических наук, профессор кафедры истории древнего мира Исторического факультета МГУ, член редколлегии «Вестника древней истории» Всеволод Игоревич Авдиев.

В. И. Авдиев окончил факультет общественных наук Московского университета в 1922 г. В 20-е годы началась его научная деятельность в качестве сотрудника Исторического музея (1920—1924 гг.), а затем заведующего Отделом древнего Востока ГМИИ им. А. С. Пушкина (1924—1941 гг.). В 1923 г. были опубликованы его первые печатные работы по египтологии, а в 1924 г. книга «Древнеегипетская реформация». С 30-х годов В. И. Авдиев вел педагогическую работу сначала в ИФЛИ (1931—1941 гг.), а затем в ВПШ при ЦК КПСС (1939—1955 гг.). В 1940—1944 гг. он был старшим научным сотрудником Института истории АН СССР, с 1944 по 1960 г. работал в Институте востоковедения АН СССР, где в течение ряда лет заведовал сектором древнего Востока, а в 1953—1955 гг. был директором института. Тридцать шесть лет, до самой кончины, В. И. Авдиев работал на кафедре истории древнего мира Исторического факультета МГУ: в разные годы читал общие и специальные курсы, вел семинарские и языковые занятия, был научным руководителем многих дипломников и аспирантов, с 1951 по 1973 г. заведовал кафедрой.

Еще в 30-е годы В. И. Авдиев опубликовал ряд статей по вопросам социально-экономической истории древнего Востока: о рабовладении, общине, классовой борьбе.

В 1948 г. был издан написанный им учебник древнего Востока, получивший в 1951 г. Государственную премию. Учебник переведен на языки народов СССР и ряда социалистических стран, выдержал еще два издания (1953 и 1970 гг.) и на многие годы стал основой преподавания истории древнего Востока в советской высшей школе. В том же 1948 г. вышел первый, а в 1959 г. второй том монографии «Военная история древнего Египта», в основу которой была положена докторская диссертация «Предпосылки завоевательной политики древнего Египта в Передней Азии в эпоху XVIII династии», защищенная им в 1943 г. «Военная история древнего Египта» явилась крупнейшим научным трудом В. И. Авдиева и единственным монографическим исследованием данной проблемы в советской египтологии. В виде отдельных книг опубликованы также обзорная работа «Советская наука о древнем Востоке за 40 лет» в 1958 г. — на русском и французском языках и учебные пособия по истории древнего Востока для ВПШ (несколько изданий). Общее количество его научных работ составляет около 200.

Неоднократно В. И. Авдиев представлял советскую науку за рубежом, выступая на международных конгрессах, конференциях, симпозиумах, читая лекции в зарубежных университетах. Он был избран почетным членом Египтологического института при Карловом университете в Праге, членом-корреспондентом общества классических исследований при Венгерской Академии наук, в 1973 г. удостоен премии Гамаль Абдель Насера.

В. И. Авдиев был членом КПСС с 1941 г. и активным общественным деятелем: он участвовал в работе Советского Комитета защиты мира, Советского общества Дружбы и культурных связей с арабскими странами и других общественных организаций. Активная деятельность В. И. Авдиева была отмечена правительственными наградами: орденом Ленина (1953 г.), орденом Трудового Красного Знамени (1961 г.), медалями и почетными грамотами.

Имя и заслуги В. И. Авдиева хорошо известны нашей научной общественности, повсюду, где он работал, в Институте востоковедения АН СССР и МГУ, в ГМИИ им. А. С. Пушкина и ВДИ он пользовался заслуженным уважением, его лекции и выступления на научных заседаниях всегда привлекали всеобщее внимание как своим содержанием, так и формой. Ученики, коллеги и друзья надолго сохранят добрую память о В. И. Авдиеве.

*Кафедра истории древнего мира МГУ.
Редколлегия и редакция ВДИ*

ПАМЯТИ М. М. СЛОНИМСКОГО (1917 — 1977 гг.)

7 апреля 1978 г. состоялось совместное заседание кафедр всеобщей истории и истории СССР и УССР Ворошиловградского государственного педагогического института им. Т. Г. Шевченко, посвященное памяти доктора исторических наук, профессора Михаила Марковича Слонимского. С докладом о научной и педагогической деятельности покойного ученого выступил д.и.н. В. М. Бейлис. Он отметил, что М. М. Слонимский за 30 лет научно-педагогической работы внес заметный вклад в разработку проблем социальной истории древнего мира, много работал над методикой преподавания древней истории в высшей школе. Его научные работы и научно-методические пособия хорошо известны советским антиковедам.

М. М. Слонимский с отличием окончил Харьковский государственный университет в 1944 г. и в том же году поступил в аспирантуру этого университета. В 1948 г. он защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Северное Причерноморье как военно-экономическая база римской экспансии на Востоке». В 1947 г. М. М. Слонимский вступил в члены КПСС. С 1948 по 1958 г. М. М. Слонимский преподавал историю древнего мира в Пятигорском пединституте, продолжая работу над историей Причерноморья в римскую эпоху (см. его статью «Экономические предпосылки политики Рима в Северном и Восточном Причерноморье», «Ученые записки Пятигорского пединститута», XIII, 1956).

В 1958—1976 гг. М. М. Слонимский работал в Липецком педагогическом институте, в 1971—1973 гг. заведовал кафедрой истории этого института, с 1976 г. возглавлял кафедру всеобщей истории Ворошиловградского педагогического института.

В конце 50 — начале 60-х гг. в связи с разработкой лекционного вузовского курса истории древнего мира круг научных интересов М. М. Слонимского расширяется. Его привлекают общие вопросы истории древних обществ, и отражением этого явились его работы, посвященные анализу концепций общественного строя античных и древневосточных обществ в советской историографии: статья «К проблеме античного рабства» (ВДИ, 1961, № 4) и доклад «К проблеме различий древнего Востока и античного мира (по поводу концепции акад. А. И. Тюменева)», опубликованный в книге «Тезисы и авторефераты докладов и сообщений на межвузовской научной конференции» (Воронеж, 1960). Эта линия исследований М. М. Слонимского получила дальнейшее развитие в его монографии «Периодизация древней истории в советской историографии» (Воронеж, 1970). Свою задачу автор этой книги видел не только в рассмотрении концепций периодизации древней истории, но и в постановке вопросов, неразрывно связанных с периодизацией: о различиях в путях развития и особенностях общественного и политического строя и культуры стран древнего Востока и античного мира, о формах собственности на разных этапах рабовладельческого строя, о хронологических рамках этих этапов. На основе этой монографии, с учетом некоторых замечаний и рекомендаций специалистов М. М. Слонимским была написана и успешно защищена в 1972 г. докторская диссертация «Проблема периодизации древней истории в советской историографии».

М. М. Слоимский опубликовал ряд методических пособий по истории древнего мира: «История древнего мира. Учебно-методическое пособие для заочников» (М., 1970) и др. Он был активным участником многих научных конференций как по проблемам античной истории, так и по историографии, преподаванию исторических дисциплин в вузах.

Докладчик подчеркнул, что важнейшими чертами М. М. Слоимского как ученого были неутомимый интерес к теоретическим и методологическим вопросам, глубокое изучение наследия основоположников марксизма-ленинизма, стремление связать научные интересы с насущными задачами преподавания.

Выступившие затем преподаватели Ворошиловградского пединститута И. М. Шкляж, А. А. Данильев, Г. М. Намдаров, Г. И. Яворский рассказали о педагогической и общественной деятельности М. М. Слоимского.

Участники заседания отметили, что глубокие знания, творческая активность, лучшие человеческие черты, свойственные М. М. Слоимскому, оставили неизгладимый след в памяти его товарищей по работе и учеников.

В. М. Бейлис, Г. И. Яворский

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПЛУТАРХ МОРАЛИИ

PLUTARCHI CHAERONENSIS
SCRIPTA MORALIA

*

ПЕРЕВОД ПОД РЕДАКЦИЕЙ
Л. А. ФРЕЙБЕРГ и М. Л. ГАСПАРОВА.

Перевод с древнегреческого
Л. А. Ельницкого

ПЛУТАРХ

НАСТАВЛЕНИЯ ПО УПРАВЛЕНИЮ ГОСУДАРСТВОМ

В 15. Имеются люди, как Катон, готовые входить во все общественные дела, полагая, что обязанность хорошего гражданина — отдавать все свои силы и заботы на их исполнение. Эпаминонда хвалят за то, что когда фиванцы в насмешку и из презрения избрали его на должность телеарха ¹²⁷, он не пренебрег ею, а сказал: «Не только должность украшает человека, но и человек — должность». Он превратил телеархию в важную и почетную службу, а ведь она перед тем имела своим предметом наблюдение за очисткой от мусора тесных улочек и за водостоками. Я и сам, конечно, вызываю смех у иностранцев, видящих меня занятым нередко на улицах подобными делами. Но тут мне помогают приходящие на память слова Антисфена ¹²⁸. Когда удивлялись тому, что он тащит на себе по рынку солонину, он говорил: «Ведь я же несу это для себя». Я же, напротив, когда порицают меня за то, что я присутствую при измерении черепиц или при подвозе строительного раствора и камней, отвечаю: «Я делаю это не для себя, а для моего города». Может показаться ничтожным тот, кто занимается такого рода мелкими делами для собственной пользы. Но если это делается общественным порядком в интересах города, то он уже становится не ничтожным, а забота даже о мелочных вещах — достойной всяческого поощрения.

С
D Иные видят в способе управления, применявшемся Периклом, высшее достоинство и благородство. Среди них перипатетик Критолай ¹²⁹, требовавший, чтобы, как афинские корабли «Саламиния» и «Парал» ¹³⁰ не отправляются в плавание по всякому делу, а только по важнейшим и самым торжественным поводам, так и государст-

---

¹²⁷ Наименование этой должности, исполнители которой, судя по ее характеристике у Плутарха, должны примерно соответствовать афинским капрологам (уборщикам мусора и навоза), известно лишь из этого текста. Конъектура *τέλεμαρχος*, *τέλεματάρχος* (производимая от *τέλεμα* — болото, стоячая вода), принятая в английском издании Фаулера (Plutarch's *Moralia*, X, p. 223 и прим.) представляет собой искусственную конструкцию.

¹²⁸ Афинский философ (около 450—365 гг. до н. э.), сын рабыни-фракиянки, ученик Сократа и других знаменитых софистов, основатель школы киников.

¹²⁹ Критолай из Фазелиса, философ-перипатетик, наследовал Аристотелю Кеосскому в руководстве школой, участник греческого философского посольства в Рим в 156/155 г. до н. э.

¹³⁰ Наименования двух принадлежавших государству быстроходных кораблей в Афинах, предназначенных для торжественных и важных государственных посольств (S u d a, *Etymol. magnum*, p. 699; Schol. Aristoph. *Aves*, 147).

венный муж предавался бы лишь важнейшим и серьезнейшим делам, как царь мироздания у Еврипида:

Великое одно лишь знает бог,
Оставив меньшее судьбы на попеченье ¹³¹.

Поэтому я не могу одобрить чрезмерного честолюбия и стремления к соперничеству у Феагена ¹³². Он победил не только во всех играх ¹³³, но и во многих других состязаниях, не только в панкратии ¹³⁴, но и в кулачном бою и долгом беге ¹³⁵. Когда однажды во время поминального торжества в честь одного героя гости, как обычно, получили каждый свою порцию, он вдруг вскочил и стал схватываться со всеми в панкратии, как будто желал установить, что в его присутствии не может быть другого победителя. Так он набрал до двенадцати сотен победных венков, но большая часть их представляла собой уже один только хлам.

Е

Не отличаются от него ни в чем и те, кто принимает на себя разнообразные общественные дела. Они этим навлекают недоброжелательство толпы и становятся невыносимы. Если они добиваются успеха, то им завидуют, а их неудачам все очень радуются. Первоначальное одобрение их деятельности сменяется вскоре презрением и насмешками, как сказано:

F

Метиох — водитель войска, Метиох — дорог строитель,
Метиох — блюститель хлеба, Метиох — мукою занят,
Метиоху — всё забота, Метиоху будет плохо! ¹³⁶

Метиох этот принадлежал к друзьям Перикла и нагло злоупотреблял доставшейся ему властью. Государственный человек, как говорится, должен обходиться с народом, как с влюбленным: принимать его нежностью, а удаляясь от него, заставлять его сожалеть о себе. Так поступил Сципион Африканский, удалившись на долгое время в деревню, уменьшив тем самым силу зависти и дав возможность вздохнуть тем, кто, казалось, был раздавлен тяжестью его славы.

812 A

Тимесий Клазоменский ¹³⁷ вообще был хорошим управителем своего города. Но так как он все дела хотел делать сам, то вызвал

¹³¹ N a u s k, p. 675, fr. 974. В этом отрывке неизвестной драмы Еврипида, цитируемом еще раз у Плутарха в De tranquill. anim. 464 A, вместо ἀνείς читается ἀφείς.

¹³² Ближе не известный атлет.

¹³³ По-видимому, имеются в виду все знаменитые в Греции игры — Олимпийские, Пифийские, Истмийские и Немейские.

¹³⁴ Иначе παύραχια — многоборье; форма состязания, введенная на Олимпийских играх в 648/7 г. до н. э., предусматривавшая применение наиболее жестоких способов борьбы (P a u s., VI, 42; VIII, 4, 2).

¹³⁵ На дистанцию, равную 20 стадиям (т. е. около 4 км).

¹³⁶ Отрывок неизвестного произведения старшей аттической комедии. См. K o s k, III, p. 629, № 1325. По-видимому, имеется в виду афинский зодчий, а также ритор (P h o t., Μητρογειτον), свои связи с Периклом использовавший для получения разнообразных должностей. Имя его, однако, звучало скорее как Μητιχος, см. P o l l., VIII, 121.

¹³⁷ Плутарх упоминает о нем еще в Moral. 96 B, где с именем Тимесия связано сообщение о чуде превращения пчел в шершней, намекающее, как полагает А. Демандт (RE, Suppl. 14, 1974, стб. 796), на неудачное основание Тимесием Абдеры, о чем идет речь у Геродота (I, 168), пишущего его имя Τιμήσιος в отличие от Τιμησίας у Плутарха, с которым его, однако, надо считать идентичным по общему происхождению из Клазомен. Он был не только политическим деятелем, но и астрономом, поскольку Максим Тирский (XIII, 5) сообщает о предсказании им клазоменцам солнечного затмения, которое, по Гинцелю (F. K. G i n z e l, Spezieller Kanon der Sonnen- und Mondfinsternis, B., 1899, стр. 49, № 86), должно было приходиться на 27 июня 661 г. до н. э., из чего определяется и время жизни Тимесия.

этим к себе зависть и озлобление, замеченные им, впрочем, только после следующей истории: игравшие на дороге дети старались вышибить из ямы бабку; когда он проходил мимо, некоторые кричали: ее не вышибить! Но один нанес удар со словами: «Тимесию бы так вот вышибить мозги, как я вышибу эту бабку!». Услышав это, Тимесий понял, что ненависть к нему охватила всех. Повернув домой, он рассказал об этом жене. Приказав ей собрать имущество и следовать за ним, он, не переступив порога, покинул город. Кажется, и Фемистокл, пережив нечто подобное от афинян, сказал: «О, счастливы, вы переутомлены слишком многими благодеяниями». Из этих рассказов лишь некоторые справедливы, другие же нет.

В

Нельзя отказывать во внимании и попечении никакому из общественных установлений — они все заслуживают того, чтобы к ним относились со вниманием и знанием. Не должен правитель, как на корабле священный якорь ¹³⁸, предназначать себя для крайних и важнейших нужд общины. Так, кормчие одни дела делают собственными руками, а иные посредством инструментов и других людей, управляя издали через матросов, рулевых и старших гребцов, подзывая, кого нужно, на корму и вверяя им кормило. Именно так и государственному деятелю подобает уступать власть другим, благосклонно и любезно призывая их на ораторскую трибуну. Не нужно, чтобы все государственные дела решались только его речами, псефизмами и установлениями, но если при нем имеются преданные и способные люди, то следует поручать тому одно, а другому иное какое-нибудь дело соответственно их навыкам.

С

D

E

Так, Перикл использовал Мениппа ¹³⁹ для руководства военными операциями, Эфиальта — для ослабления влияния ареопага, Харина ¹⁴⁰ — для проведения своего декрета против мегарцев, Лампона ¹⁴¹ — для основания колонии в Фуриях. Когда власть кажется поделенной между многими, то не только зависть делается слабее, но и различные дела производятся более правильно. Подобно тому как расчленение кисти руки несколько не ослабляет, а скорее усиливает ее ловкость и действенность, так же точно правитель, разделяющий общественные дела с другими, увеличивает совместными усилиями успех своей деятельности. А кто с неутолимой жаждой славы и власти все дела управления государством забирает себе и с уверенностью берется за то, к чему у него нет ни способностей, ни опыта, как Клеон в роли стратега, Филопем ¹⁴² — наварха, Ганнибал — оратора, тот уже не получит прощения за свои ошибки, а еще и услышит слова Эврипида:

¹³⁸ Имеется в виду наибольший якорь, сохраняемый в запасе и употребляемый только при крайней нужде. Ср. ниже, гл. 19. См. *L u c i a n., Jur. trag.* 51.

¹³⁹ Друг Перикла, занимавший при нем пост вспомогательного стратега, вероятно, исполнитель военных планов самого Перикла. См. *P l u t., Per.* 13 (*σποστράτηγος*). Быть может, его вывел Аристофан в «Птицах» под видом торговца лошадьми.

¹⁴⁰ Афинянин, сторонник Перикла. В 431 г. до н. э. внес в народное собрание предложение о том, чтобы Мегарам в отпущение за убийство вестника Антемокрита была объявлена вечная война (*P l u t., Per.* 30).

¹⁴¹ Афинянин, сторонник Перикла, якобы предсказавший ему блестящие политические успехи (*P l u t., Per.* 6). Вместе с Ксенокритом (*D i o d., XII, 10, 4*) он основал в Южной Италии в 444 г. до н. э. Фурии и, как сообщает Афиной (*VIII, 334 e*), служил объектом насмешек многих комедиографов.

¹⁴² Указанием на непригодность Филопемена в качестве наварха Плутарх лишь хотел подчеркнуть, не вызывая недоброежелательства со стороны римлян, его качества как полководца и, как его называли, «последнего из эллинов» (*P l u t., Philor.* 1, 7).

Столяр ты, а не смыслишь в обработке дерева!¹⁴³

F то есть, не умея убедительно говорить — стал послом, будучи беспечным — управлял делами, не зная счета — стал казначеем, старый и слабый — командовал войском. А Перикл умел разделить власть с Кимоном¹⁴⁴ так, что когда сам управлял государством, на того возложил пополнение флота и войну с персами, ибо по природе своей сам он более подходил для гражданских дел, а тот — для военных. Прославляли и Эмбула¹⁴⁵ из Анафлиста за то, что он, располагая большим доверием и могуществом, никогда не стремился управлять эллинскими делами¹⁴⁶, не домогался стратегии, но довольствовался заботой о казне. Он значительно умножил общественные доходы, чем принес государству большую пользу. Ификрат же, когда он в своем доме в присутствии многих людей упражнялся в длинных речах, служил лишь предметом насмешек. Даже если бы он и вправду стал столь же хорошим оратором, сколь был плохим, ему бы следовало довольствоваться военной славой, предоставив ученую славу софистам.

813 A

16. Впрочем, всякому простонародью свойственна злоба и придирчивость к власти имущим, и когда многим полезным мероприятиям не предшествуют резкие споры и возражения, то в них охотно подозревают результат сговора. Подобные подозрения чаще всего касаются гетерий и дружеских сообществ. Поэтому государственные деятели не должны допускать между собой никакой действительной вражды и разногласий. Когда Ономадем¹⁴⁷ — народный вождь на Хиосе — не захотел изгнать всех противников, победивших им во время восстания, «чтобы, — как он сказал, — освободившись от всех врагов, не перессориться с друзьями», то это было недалекое действие.

B

Если народу подозрительно какое-либо важное и общепольное дело, то не нужно, чтобы все его сторонники по заранее принятому условию высказывали одно и то же мнение; лучше, чтобы двое или трое в спокойной форме высказали бы мнение, противоположное мнению их друга, а затем, дав себя опровергнуть, изменили бы видимый образ мыслей и повели бы за собой народ, убежденный в том, что они действовали лишь ради общей пользы. В небольших и несущественных делах неплохо, если и вправду друзья разойдутся во мнениях, каждый отстаивая свое, чтобы казалось, что в важнейших и крупнейших делах единодушие их основывается на высшем благе, а не на предварительном сговоре.

C

17. По самой природе вещей главой государства является политический деятель, как матка бывает вождем у пчел¹⁴⁸. Памятуя об этом, он и должен держать в руках народные дела. Но не следует слишком часто и настойчиво добиваться общественных

¹⁴³ N a u s k, p. 678, fr. 988.

¹⁴⁴ Имеется в виду кампания 450 г. до н. э., имевшая целью завоевание о. Кипра и Египта, во время которой Кимон погиб при осаде Китиона (P l u t., Cim. 18 sq.).

¹⁴⁵ Афинский оратор и политический деятель IV в. до н. э. Правильнее его называть Эмбул Пробалисий (P s.-D e m., LIX, 48). Употребляемое Плутархом имя Анафлистей содержится также у Демосфена, но представляет собой интерполяцию (XVIII, 29). Павсаний именует его сыном Спигтара (I, 29, 10). О нем у Плутарха см. также De frat. am. 486 D.

¹⁴⁶ Т. е. не стремился к дипломатической деятельности.

¹⁴⁷ Ближе не известен.

¹⁴⁸ Аристотель считал пчелиную матку существом мужского пола (Hist. anim. 533a, 25). Но Ксенофонт в «Экономике», (VII, 32, ср. 38) пишет: ἡ τῶν μελισσῶν ἡγεμῶν, т. е. употребляет это имя в женском роде.]

должностей и выборных постов, ибо стремление к начальствованию не прибавляет чести и популярности в народе. Но и отказываться не следует от власти, к которой призывает политического деятеля народ, вручающий ее соответственно закону. Пусть он принимает должности, даже если они ниже его положения в обществе, не отказываясь от соперничества ради их получения, ибо справедливо и то, что высокие должности украшают носителей, и то, что — украшаются их носителями. И если такие высшие должности, как стратегия в Афинах, притания на Родосе ¹⁴⁹ и беотархия у нас ¹⁵⁰ уменьшаются в значении и уступают власть, то у меньших должностей повышается достоинство и вес. Таким способом низшие должности избавляются от нашего презрения к ним, а высшие — от зависти. Вступая в исполнение всякой должности, недостаточно иметь на уме те мысли, которые напоминал себе Перикл всякий раз, когда надевал хламиду ¹⁵¹: «Имей в виду, Перикл, ты управляешь людьми свободными, ты управляешь эллинами, управляешь афинскими гражданами». Нужно помнить еще и о том, что ты управляешь и тобою тоже управляют — твой город подчинен проконсулам, наместникам цезаря. Это не «бой в открытом поле» ¹⁵², не древние Сарды, не лидийская мощь. Полегче надо шить хламиду, на трибуну смотреть, обратив глаза от стратегия ¹⁵³, не гордиться венцом на своей голове, ибо над головой твоей — римский башмак ¹⁵⁴. Следует подражать театральным актерам, которые отдают свою страсть, спокойствие, достоинство тому, что они представляют, но, слушая подсказчика, не нарушают ни порядка, ни меры, заданной им властителями ¹⁵⁵. Ошибка в делах вызывает здесь не свист, не осмеяние, не улюлюканье ¹⁵⁶: многих поражал

Страшный каратель — топор, рубящий шею ¹¹

например твоего соотечественника Пардала ¹⁵⁸ и его сторонников, переступивших предуказанные им границы; а иные оказались в

¹⁴⁹ На о. Родосе существовала в качестве высшей магистратуры коллегия из пяти пританов.

¹⁵⁰ Коллегия высших магистратов в Беотии, первоначально из 9, а в IV в. до н. э. из 7 членов, в руках которых была сконцентрирована как гражданская, так и военная власть.

¹⁵¹ Хотя хламида (плащ) и была очень широко распространена в качестве верхней одежды вообще, она представляла собой непременную принадлежность военного, охотничьего и т. п. костюма. Судя по описаниям у того же Плутарха (Philop. 9), Поллукса (V, 17) и Афиней (XII, 536), хламиды высокопоставленных лиц имели яркую расцветку и бывали расшиты золотом и серебром.

¹⁵² *λόγχη παθίας* — чтение Деубнера, установленное по Софоклу, «Трахинянки», 1058. В тексте *λόγχη παθία*.

¹⁵³ Вообще палатка стратега (S o p h., Aj. 721). В Афинах — место, где происходили заседания коллегии стратегов (A e s c h i n., II, 85; III, 146; D e m., XLII, 14), в римское время, видимо, занятое военным начальством и по смыслу равнозначное преторию (P o l y b., VI, 31,1).

¹⁵⁴ В тексте во множественном числе — *τοὺς καλπίους*. Слово образовано от латинского *calceus* — башмак, полусапог.

¹⁵⁵ Имеется в виду введенный римлянами порядок и полное подчинение греческих властей римским магистратам. Уподобление несвободного администратора актеру у Плутарха см. еще Dem. XXII, 4.

¹⁵⁶ Звуки, которыми греческие зрители и слушатели выражали свое недовольство (L u c i a n., Jur. frag. 31).

¹⁵⁷ Из неизвестной трагедии (N a u c k., p. 918, fr. 412).

¹⁵⁸ Ближе не известный политический деятель малоазийских Сард, вызвавший восстание против Рима (см. ниже, гл. 32), быть может, идентичный с верховным жрецом Сард — Квинтом Юлием Пардалом, упомянутым в надписи, относящейся к первым годам н. э., — OGIS, II, 470, ср. CIL, X, 770 (68 г. н. э.).

изгнании на островах, становились, по словам Солона,

814 А

«Из афинян — фолегандрийцами или сикинитами»¹⁵⁹.

Глядя на маленьких детей, играючи обувающих отцовские сапоги и нацепляющих на себя их венки, мы смеемся; когда же правители наших городов безрассудно понуждают народ подражать деяниям предков, их гордости, их подвигам при всей несоразмерности их условий и положений современным обстоятельствам, то они лишь некстати возбуждают толпу, выставляя себя на смех, хотя положение у них отнюдь не смешное, если не вовсе презренное. У древних греков много было деяний, напоминания о которых могли бы быть полезны для воспитания и улучшения нынешних нравов. Можно напомнить афинянам не об их военных подвигах, а например, об амнистии, объявленной после изгнания Тридцати, о штрафе, наложенном на Фриниха¹⁶⁰ за трагедию о взятии Милета, и о том, что когда Кассандр¹⁶¹ восстановил Фивы, афиняне украсили себя венками, и о том, что при вести об ужасном избитии полутора тысяч граждан в Аргосе¹⁶² в народном собрании было постановлено принести очистительную жертву, и о том, что когда по делу об имуществе Гарпала производились обыски в домах, то для дома молодоженов было сделано исключение. Подражая таким действиям, афиняне могли бы подражать предкам. А такие подвиги, как при Марафоне, Эвримедонте и Платеях, могут лишь наполнять души народа напрасной гордостью и должны быть предоставлены риторическим школам.

В

С

18. Недостаточно, чтобы государственный деятель и его отечество сами вели себя безупречно в отношении владык¹⁶³. Политик должен всегда иметь друзей из числа наиболее влиятельных людей¹⁶⁴, чтобы те служили твердой опорой государства. Таковы сами римляне, в политических делах стремящиеся к поддержке друзей. И кто, пожиная плод, происходящий от подобной владетельной дружбы, оказывается в состоянии подражать Полибию и Панетию, сумевшим обратиться на пользу их родных городов¹⁶⁵ благожелательность Сципиона¹⁶⁶, тот содействует наиболее славным образом народному благополучию.

D

Когда Цезарь Август после взятия Александрии вступил в город об руку с Ареем¹⁶⁷, беседуя только с ним одним из окружающих, то александрийцам, опасавшимся крайних строгостей и умолявшим о пощаде, он объявил прощение, во-первых, ради величия их города, во-вторых, ради его основателя Александра,

¹⁵⁹ Т.е. жителями о-ва Фолегандра (из группы южнокикладских островов) и о-ва Сикина, расположенного по соседству с Фолегандром.

¹⁶⁰ Афинский трагический поэт, предшественник Эсхила. Драма его «О взятии Милета» была поставлена вскоре после захвата этого города персами в 494 г. до н. э.

¹⁶¹ Македонский царь, восстановивший в 316 г. до н. э. разрушенные Александром Фивы.

¹⁶² Известный «скитализмос» 370 г. до н. э.

¹⁶³ Имеются в виду римляне, точнее римская провинциальная администрация.

¹⁶⁴ τῶν ἄνω δυνατοτάτων. Бернардакис отмечает, что в Палатинском кодексе ἄνω помещено над строкой.

¹⁶⁵ Имеются в виду соответственно Мегалополь в Аркадии как родина Полибия и Родос как родина Панетия.

¹⁶⁶ Сципион Младший.

¹⁶⁷ Учитель, а позднее и советник Октавиана, стоический философ Арей Дидим был родом из Александрии. Рассказ-анекдот о том, как Август ради него пощадил александрийцев, освободив их от всякого наказания, изложен Плутархом несколько более подробно в биографии Ан ония (гл. 80).

а в-третьих (сказал он), «потому, что я хочу этим доставить удовольствие моему другу». Можно ли с подобной милостью сравнить такие источники дохода, как выгодные прокуратуры, управления провинциями, то, чего домогаются многие, стареющие перед чужими дверями, в забвении домашних дел? И должно ли исправлять Эврипида, в стихах говорящего о том, что если нужно бодрствовать и кормиться при чужом дворе, то делать это следует лишь достойно, ради интересов родины, а в прочих же случаях достойней искать и добиваться лишь равной и справедливой дружбы ¹⁶⁸.

E

F

815 A

19. Не следует, впрочем, при всей заботе о послушании родины владетелям, становиться помощником в ее принижении и при том, что у нее связаны ноги, пригибать еще и шею. Но некоторые делают именно так, передавая владыкам для разрешения все дела, малые не менее подобострастно, чем большие, и тем самым увеличивают постыдность рабства и уничтожают всякую политическую деятельность крайним своим страхом и бессилием. Многие привыкли без указки врача ни есть, ни купаться, не решаясь распорядиться своим здоровьем хотя бы настолько, насколько позволяет природа; так же точно и поступают те, кто для каждого распоряжения, собрания, совещания, возблагодарения ¹⁶⁹ добиваются решения правителя, давая этим ему больше власти в делах, нежели он хотел бы того сам. Причиной этого служит более всего жадность и высокомерие первых граждан, которые либо, действуя во вред подчиненным, понуждают их бежать из города, либо, соперничая между собой, вместо того чтобы примириться со скромным своим положением, прибегают к посредничеству сильнейших и этим лишают авторитета и совет, и народ, и судейские коллегии, и всякую другую власть.

B

Поэтому необходимо стараться облегчать положение простого народа справедливым равенством, а влиятельных людей — уступчивостью, которая, однако, должна быть взаимной, и тогда правитель государства сможет, как врач, излечивать скрытые общественные недуги. Лучше уступать своим согражданам, чем господствовать над ними посредством насилия или уничтожения их прав. Этим он преподает пример своим соперникам, давая им почувствовать опасность взаимной вражды. А сейчас между людьми из одного города, филы, соседства, семьи распространены зависть и отсутствие всякого снисхождения, которое могло бы снискать им благодарность и честь. Со своими раздорами они толпятся у дверей политических дельцов и стражчих к собственному вреду и стыду.

Если врач не способен полностью излечить болезнь, он ищет способа для изгнания ее из тела больного; государственный же деятель, если он не способен остановить распри и вражду между сог-

¹⁶⁸ Быть может, Плутарх имеет в виду слова Этеокла в «Финикиянках» Эврипида, 524 сл.:

Коли бесчестье — право, для тирана
Оно вернее трижды.

Об «исправлении» Эврипида в этом случае могла бы идти речь вследствие замены Плутархом *ἀδίκητιν* на *ἀρχολυγιῶν* и *τοραυιδος* на *πατριδος*. См. примечание Фаулера к этому месту: Plutarch's Moralia, X, p. 242 f.

¹⁶⁹ Вероятно, имеются в виду почести, оказываемые гражданам или чужестранцам за какие-либо благодеяния в отношении всего полиса, — награждение почетными декретами, венками, статуями и т. п.

ражданами, должен попытаться хотя бы сдерживать и сохранять втайне всякие раздоры, дабы они не выходили за пределы общины, не прибегая, насколько возможно, к помощи чужих врачей и лекарей. Постоянной заботой политического деятеля должно быть сохранение внутреннего спокойствия и избежание тщеславия, беспоконного и безрассудного. Для этого в его распоряжении имеется здравый смысл,

...отвага и дух дерзновенный,
Мужей благих обнимающий, кои за отчужденную землю
Против врагов... ¹⁷⁰,

а также опасных положений и враждебных обстоятельств борются и им сопротивляются. Не должно самому вызывать бурю, но если уж она поднялась, нельзя покинуть город в опасном положении. Нельзя приводить его в смятение, но смятенному и угрожаемому необходимо прийти на помощь, подобно священному якорю, брошенному в крайней нужде, со всей своей внутренней твердостью и смелостью. Таково было положение у пергамцев во времена Нерона, недавно у родосцев при Домициане ¹⁷¹, а раньше при Августе у фессалийцев, предавших Петрея сожжению живьем ¹⁷².

Дремлющим ты не увидишь его... ¹⁷³,

истинного политического деятеля — ни оробевшим, ни обвиняющим других; он не стремится устранить от опасности, но сам с посольством пускается в море и не только первым произносит:

Мы как убийцы пришли; отврати, Аполлон, погибель ¹⁷⁴,

но и принимает на себя опасности, связанные с такими провинностями народа, в которых сам он и не принимал участия. Такое поведение само по себе достойно прославления, но к этому прибавляется то, что доблестное и мужественное поведение одного человека умиряет гнев владетеля, относящийся ко всему народу, и смягчает грубые и жестокие угрозы. Таким образом спартанцы Булис и Сперхис умилили гнев персидского царя ¹⁷⁵, а Стеннон ¹⁷⁶ — Помпея. Когда мамертинцы захотели смягчить гнев Помпея на их мятеж, этот Стеннон сказал ему: «Несправедливо наказывать целый народ из-за одного человека: я один — причина их отпадения, друзей я уговорил, а врагов принудил». Эти слова произвели на Помпея такое впечатление, что он пощадил мамертинскую общину, а со Стенноном обошелся благосклонно. Подобную же доблесть проявил один человек, связанный с Суллой узам гостеприимства, однако не встретил с его стороны ответных

чувств и мужественно принял смерть. После взятия Пренесте Сулла хотел уничтожить всех жителей, оставив в живых его одного по закону гостеприимства. Но тот сказал, что не хочет быть обязанным жизнью человеку, повинному в гибели его родного города, и смешался с остальными жителями, приняв вместе с ними смерть.

¹⁷⁰ Н^о м., II. XVII, 156 sq.

¹⁷¹ При Домициане у Родоса при неизвестных обстоятельствах была сначала отнята, но затем снова возвращена «свобода». См. RE, Suppl. V, 1931, стб. 812.

¹⁷² Петрей ближе не известен.

¹⁷³ Н^о м., II. IV, 223. Эти слова относятся в поэме к Агамемнону.

¹⁷⁴ Callimachea, ed. O. Schneider, v. II, Lipsiae, 1873, стр. 787.

¹⁷⁵ История обоих спартанцев рассказана более подробно у Плутарха в Arophth. Lacon. 63.

¹⁷⁶ О Стенноне, имя которого на этот раз звучит как Стенний (Σθένιος), см. у Плутарха: Arophth. Rom., Rom. 3; Rom. 10.

Нам следует молиться о том, чтобы мы были избавлены от подобной судьбы и могли надеяться на лучшее.

20. Святость и величие может приобрести всякая должность, и тогда исполнитель ее заслуживает наибольшего почтения. Достоинство же служения заключается более в согласии и дружбе между соправителями, чем в венках и в окаймленных пурпуром хламидах. Некоторые полагают возможное начало дружбы в совместно проведенной юности или военной службе. Но если совместное участие в командовании войском или управлении государством они склонны рассматривать как причину вражды, то им не избежать одного из трех зол: или они, считая коллег равными себе, на них нападают, или завидуют их превосходству, или презирают, почитая ниже себя. Между тем следовало бы в отношении превосходящих быть почтительными, восхвалять нижестоящих и отдавать честь равным, проявляя ко всем им любезность и дружбу, которые возникли «не за пиршественным столом», не за винной чашей или «у домашнего очага»¹⁷⁷, а основываются на общественном и государственном избрании, воспринятом от отцов по завету родины.

По крайней мере, в Риме Сципиона осуждали за то, что он не пригласил на праздничное пиршество по случаю освящения храма Геркулеса своего коллегу Муммия¹⁷⁸. Хотя они и не считали себя в жизни друзьями, но при этих обстоятельствах, имея в виду их совместную службу, должны были бы вести себя дружественно. И если даже столь малое нарушение вежливости со стороны даже столь великого человека, как Сципион, могло навлечь на него обвинение в высокомерии, то уж, конечно, не может считаться порядочным и справедливым муж, который вредит достоинству товарища, превратно толкуя его похвальные намерения и из высокомерия отбивая у него все поручения, чтобы исполнить их самому и все обратить ему во вред. Я вспоминаю о том, как молодым человеком я был послан к проконсулу вместе с еще одним товарищем, который по какой-то причине остался дома, так что я должен был отправиться и исполнить поручение один. Когда по возвращении я собирался представить отчет о посольстве, мой отец встал с места и, отведя меня в сторону, посоветовал мне не говорить «я отправился», «я сказал», «мы отправились», «мы сказали», чтобы в моем отчете товарищ участвовал во всем сообща. Так поступать не только порядочно и разумно, но это также и средство спасения славы от зависти. Поэтому великие люди приписывают свои поступки божеству или судьбе, как Тимолеонт, уничтоживший в Сицилии тиранию, воздвиг святилище богине случая¹⁷⁹, а Пифон¹⁸⁰ в ответ на хвалы и почести от афинян за убийство Коти-

¹⁷⁷ Слова, взятые в кавычки, принадлежат, может быть, тексту некоей аттической комедии. См. К о с к, III, р. 495.

¹⁷⁸ Речь идет, видимо, об освящении храма Геркулеса, выстроенного на Целии в 146 г. до н. э. консулом этого года Луцием Муммием, разрушителем Коринфа. О посвящении Л. Муммием храма Геркулесу Победителю сообщает почетная надпись (CIL, I², № 626 = Dessau, № 20).

¹⁷⁹ Ἀποκατάσις. Культ этого божества, которое, видимо, следует отождествить с Тихе, известен лишь в доме Тимолеонта в Сиракузах. См. P l u t., Timol. 36; N e p o s, Timol. 4, 4.

¹⁸⁰ Происходящий из фракийского Эноса, ученик Платона. Вместе со своим братом Гераклидом убил в 360/59 г. до н. э. одрисского царя Котиса I. Хотя убийство было совершено по личным мотивам, из мести за отца (A g r i s t., Pol. V, 10, 1311 b 20), в Афинах, враждовавших с Котисом, где укрылись убийцы, оно расценивалось как убийство тирана и братья почитались как эвергеты (P l u t., De laud. ips., 1542 e-f; Adv. Colot., 1126 c). В одном из списков афинских проксенов IV в. до н. э. упомянут Πύθων Ἰπριακλειδευ[ς] (IG, XII, 5, 542, v. 234), видимо, идентичный Плутархову.

са сказал: «Бог это совершил, воспользовавшись моими руками». Так же и Феопомп, царь лакедемонян¹⁸¹, ответил человеку, говорившему, что Спарта благополучием обязана умевшим управлять царям: «А более того — послушанию народа».

F 21. Обе эти причины взаимно связаны. Многие говорят, будучи в этом убеждены, что целью политического воспитания является подготовка послушных граждан, так как в каждом государстве управляемых больше, чем управляющих, а в государстве с демократическим устройством даже управляющие правят неподолгу, находясь все остальное время в числе управляемых. Поэтому повиновение правителям, даже если они не выделяются значением и властью, представляет собой почтеннейшую и полезнейшую науку.

Разве нелепо, когда в трагедии протагонист — Феодор или Пол¹⁸² — подчиняется исполнителю третьестепенной роли и обращается к нему униженно, так как тот носит диадему и скипетр?¹⁸³ А когда в настоящей жизни и политической практике богатый и знаменитый человек, обращаясь к простолюдину и бедняку, исполняющему государственную должность, ведет себя надменно и презрительно, — разве он не оскорбляет этим и не унижает государство ради возвышения собственного достоинства? Разве он не должен употребить свое влияние и репутацию скорее на поднятие достоинства государственной власти? В Спарте цари вставали с места перед эфорами, и если они призывали кого-либо из других граждан, то тот выполнял распоряжение не медлительно, но бежал торопливо через площадь, чтобы показать свое послушание гражданам, гордившимся уважением к правителям. Некоторые грубияны и невежды, словно щеголяя избытком могущества, наносят оскорбления судьям, назначающим награды участникам общественных состязаний, осыпают бранью дионисийских хорегов и поднимают на смех стратегов и гимнасиархов, не понимая и не зная того, что оказать уважение другому часто бывает почтнее, чем внушить уважение к себе. Даже людям, имеющим вес в государстве, приносит больше славы, когда они предшествуют или сопровождают правителей, чем когда бывают сопровождаемы сами, ибо в последнем случае возникают неприязнь и зависть, а в первом — истинное расположение и уважение. Тот, кто иной раз является к дверям должностного лица, первым его приветствует и ведет его в середине шествия, отнюдь не теряет своего достоинства и укрепляет славу государства.

B 22. Принято также воспринимать без обиды брань и гнев правителя или повторяя за Диомедом:

Слава ему, как вождю, да сопутствует даже и в этом...¹⁸⁴,

или же за Демосфеном¹⁸⁵: «я ведь теперь не только Демосфен, но и фесмофет, и хорег, и стефанофор»¹⁸⁶. Отмщение лучше отложить до

¹⁸¹ Жил во второй половине VIII в. до н. э. (Herod., VIII, 131).

¹⁸² Знаменитые афинские трагические актеры IV в. до н. э. (Plut., De laud. ips. 17).

¹⁸³ Актерам-триагонистам поручались третьестепенные роли, в частности и роли царей.

¹⁸⁴ Но т., II, IV, 415 (т. е. в высокомерии).

¹⁸⁵ Имеется в виду оскорбление, нанесенное Мидием Демосфену во время произнесения им обвинительной речи против этого богатого и влиятельного афинянина (De m., XXI, 524).

¹⁸⁶ Стефанофорами, в частности, назывались государственные и общественные деятели, награжденные венками и имевшие право носить их при исполнении обязанностей.

удобного момента: а там или можно будет его преследовать, когда он сложит власть, или же гнев наш рассеется в ожидании, и нам же будет лучше.

- D 23. В усердии, предусмотрительности и заботе об общественном благе государственному деятелю нужно все время соревноваться со всеми прочими носителями власти. Если они внимательны, то следует помогать им советом в нужный момент и обеспечивать возможность осуществлять задуманное, уважая их устремление к общему благу. А когда они обнаруживают нерешительность, медлительность, нерадивость, тогда нужно выйти вперед и открыто заявить это перед народом, чтобы не повредить государству своей бездеятельностью, прикрываясь тем, что-де не стоит вмешиваться в дела управления, порученные другому. Ибо закон всегда признает первенство за тем, кто понимает что нужно и поступает по справедливости. «Был же, — сказано ¹⁸⁷, — в войске один человек по имени Ксенофонт — не стратег, не лохаг», но понимавший то, что необходимо, и имевший мужество это высказать; это привело его к власти, и он спас эллинов. И из числа подвигов Филопемена наиболее знаменит тот, когда он без приказа выступил с храбрейшими из добровольцев против Набиса ¹⁸⁸, захватившего Мессену, и освободил город, в то время как ахейский стратег малодушно отказался помочь ¹⁸⁹. Но не следует проявлять подобной предприимчивости в делах незначительных и случайных, а лишь при такой нужде, какая была у Филопемена, или при таких благоприятных обстоятельствах, как у Эламинонда, когда он противозаконно продлил на четыре месяца свою власть беотарха, совершив за это время нападение на Лаконику и осуществив свои дела в Мессене ¹⁹⁰.

Если же за все это мы навлечем лишь жалобы или порицания, то защиту и утешение следует нам искать в той необходимости, которая понудила нас к подобным действиям, или же в величии и красоте совершенных поступков.

- 818 A 24. Припоминают изречение Ясона, фессалийского единовластителя, по поводу его насилий и мучительств: «Кто хочет быть справедлив в большом, тому приходится быть несправедливым в малом». Сразу ясно, что это изречение принадлежит самовластному владельцу. Более достойно государственного деятеля другое наставление: «В малом можно многое спускать в угождение народу, чтобы тем решительнее бороться с большими беззакониями». А тот, кто при всех обстоятельствах действует чересчур строго и рьяно, без поблажек и уступок, жестоко и непреклонно, тот лишь приучает народ к противодействию и непослушанию.

Парус надо ослабить волн перед силой великой ¹⁹¹,

- B то уступив ему в чем-то, весело приняв участие в празднествах, в жертвоприношениях, в агонах и театральных представлениях, то, как дома с детьми, глядя подчас сквозь пальцы на их поступки. Таким порядком сила убеждения и назидания не утрачивает, по-

¹⁸⁷ Говорит сам Ксенофонт, автор цитируемого здесь «Анабасиса» (III, 1, 4).

¹⁸⁸ Νάβιδος — конъектура Мезириакуса, другое чтение — ἄγιδος.

¹⁸⁹ Филопемени, так как ему не удалось убедить стратега Ахейского союза оказать помощь Мессении, будучи частным лицом, сам выступил во главе своих сограждан (P l u t., Philop. 12).

¹⁹⁰ Имеется в виду освобождение Мессении от спартанского владычества и основание города Мессены.

¹⁹¹ Из неизвестной драмы (N a u c k, p. 918, fr. 413).

дно лекарство, своего действия, не устаревает, но, сохраняя всю остроту и убедительность, в важных случаях лучше доходит до толпы. Александр¹⁹², например, даже услышав, что его сестра вступила в связь с неким молодым и красивым юношей, не высказал никакого возмущения, сказав: «Ей тоже надо пользоваться удовольствиями царского положения». Но он поступил несправедливо и недостойным для себя образом, допустив эту поблажку, ибо нельзя считать простым удовольствием то, что является унижением и оскорблением царской власти.

С Народу государственный деятель не разрешит произвести никакого насилия над согражданами — ни конфискации чужой собственности, ни раздела общественных имуществ. Убеждая, устрашая и поучая, будет он бороться с такого рода вожделями, которые распространили в государстве сторонники Клеона, вскормленные им и умноженные подобно трутням с жадами, как говорит Платон¹⁹³.

D Если же народные массы под предлогом отцами установленного праздника или служения какому-либо богу пожелают устройства какого-либо публичного зрелища или небольшой раздачи, или благотворительного дара, или лестной почести, то удовлетворение этих вожделений содействовало бы поддержанию чувства гражданской вольности и благосостояния. Подобные действия предпринимали и Перикл, и Деметрий¹⁹⁴; Кимон украсил агору насаждениями и аллеями платанов, Катон же¹⁹⁵, глядя на народ, возбужденный Цезарем во время заговора Катилины, предвидя опасность государственного переворота, убедил сенат вынести решение о денежной раздаче беднякам — и эта щедрость прекратила беспорядки и остановила возмущение. Как врач, удаливший у больного большое количество испорченной крови, назначает ему немного безвредной пищи, так государственный муж, подавивший бесчестные и пагубные действия, малыми добрыми милостями успокаивает жалобы и недовольство.

E 25. Хорошо также отвлечь внимание народа чем-либо полезным и тем, к чему он стремится, как это сделал Демад, когда он управлял доходами государства. Тем, кто желал послать триеры в помощь отпавшим от Александра¹⁹⁶ и требовал для этого денег, он сказал: «Деньги эти ваши; я приготовил их для «Возлияний»¹⁹⁷, чтобы каждый из вас получил по полмины. Если же вы хотите истратить их для другой цели, то располагайте своими деньгами, как знаете». **F** Афиняне, не пожелав отказаться от такой раздачи, отменили посылку флота, и вызова, брошенного народом Александру, удалось избежать. Действительно, не все бывает возможно устранить

¹⁹² Имеется в виду Александр Македонский.

¹⁹³ P I a t., Rep. 552 CD. Платон отнюдь не имеет в виду Клеона или кого-либо из числа демократических политических деятелей, а лишь расточителей собственных богатств или расхищителей чужого добра. Отнесение Плутархом этих платоновских инвектив к Клеону и его сторонникам свидетельствует лишь раз о его антидемократизме.

¹⁹⁴ Имеется в виду Деметрий Фалерский (приблизительно 350—280 гг. до н. э.). Цицерон восхвалял его как осуществителя платоновских политических и моральных идей, в чем за ним, видимо, следовал и Плутарх.

¹⁹⁵ Ср. P I u t., Sato, 23 и 26, откуда видно, что предложения Катона о задабривании римской черни относились не к катилинариям, для которых Катон добился в сенате смертного приговора, а к соответствующим сторонникам Цезаря.

¹⁹⁶ Имеется в виду выступление греков под руководством спартанского царя Агиса III против Александра Македонского.

¹⁹⁷ Второй день праздника Анфестерий, справлявшихся в Афинах ранней весной.

819 А открыто. Оказываются необходимы различные уловки и хитрости вроде тех, какими воспользовался Фокион. Когда ему было приказано в неподходящий момент напасть на Беотию, он объявил тогда призыв всех граждан, от эфэбов до шестидесятилетних, а в ответ на ропот стариков сказал: «А что в этом страшного? Мне уже восемьдесят, а я отправляюсь вместе с вами как стратег»¹⁹⁸. Подобным же образом можно отменить излишние посольства, подбирая для них неподходящих людей, а равно и бесполезные строительные начинания, назначая для их осуществления высокие налоги¹⁹⁹. Также и неуместным²⁰⁰ судебным тяжбам можно воспрепятствовать, потребовав от сторон непременно явиться в полном составе и непременно покинуть свой дом. И прежде всего необходимо привлечь к личному участию жалобщиков и подстрекателей: если они отступятся, то обнаружат этим свое нежелание продолжать дело, если же согласятся, то тем самым примут на себя его трудности.

В

26. Когда же нужно совершить нечто большое и полезное, но сопряженное с большими усилиями и хлопотами, тогда надо постараться выбрать из числа друзей наиболее влиятельных или из числа влиятельных наиболее снисходительных. Эти менее всего будут противиться и более всего способствовать, будучи рассудительны и не сварливы. Необходимо также знать и свои собственные природные качества и в чем ты слабее других, чтобы выбирать в помощники более пригодных, а не себе подобных. Когда Диомед шел в разведку, он взял с собой самого благоразумного²⁰¹, отнюдь не интересуясь храбрыми. Таким порядком деятельность отдельных людей взаимно уравнивается и между ними не возникает соперничества, ибо качества и способности у соревнующихся совершенно различны. Если ты не способен произносить речи, то для деятельности в суде или для сопровождения в посольстве избирай красноречивого человека, как Пелопид избрал Эпаминонда. Если ты не способен убеждать народ или высокомерен, как Калликратид²⁰², то избирай любезного и услужливого; если слаб телом и не способен к тяжелому труду — трудолюбивого и крепкого, как Никий — Ламаха²⁰³. Хорошо быть Герियोном²⁰⁴, имевшим много ног, рук и глаз, если бы все это управлялось одним духом!

С

D

Государственным деятелям представляются возможности употребить для общественных нужд не только деньги и людей, но и судьбы их, силы и способности. Если они действуют в согласии и могут быть сведены воедино, успех будет больше другого²⁰⁵ в таком же деле. Не так ли аргонавты, лишась Геракла, должны были прибегнуть к женскому колдовству и чародейству, чтобы спасти себя и похитить руно? В некоторых храмах полагается при входе оставлять за порогом золото, а железо никогда не вносят ни в один храм. Так и ораторская трибуна является общим святы-

E

¹⁹⁸ Этот анекдот из жизни Фокиона рассказан Плутархом в его биографии (гл. 24) с несколько большими подробностями.

¹⁹⁹ ἀποδημίας, чтение Ксиландера.

²⁰⁰ ἀπρεπεῖς, другое чтение ἀπρεπεῖς.

²⁰¹ См. Н о т., II, X, 243, где говорится, что Диомед взял в разведку Одиссея.

²⁰² Спартанский наварх времени Пелопоннесской войны.

²⁰³ Афинский стратег (около 470—414 гг. до н. э.), один из руководителей Сицилийской экспедиции.

²⁰⁴ Мифический пастух коней Гелия.

²⁰⁵ Чтение Бернардакиса — μάλλον ἀπ' ἄλλου; Кронеберга — ἄλλον ἀπ' ἄλλου.

лицем Зевса Булея и Полиэя, а также Фемиды и Дике ²⁰⁶, поэтому надо и тут всякое стяжательство и сребролюбие, словно железо, пораженное ржавчиной, и болезнь души ²⁰⁷, отбросить площадным торговцам и ростовщикам,

...и прочь отвратясь, удалиться ²⁰⁸

от того, кто обогащается за общественный счет, не щадя ни храмов, ни могил, ни друзей, не стыдясь ни предательства, ни лжесвидетельства, ни вероломного совета, ни клятвопреступления в суде, ни взяточничества у власти, — короче, способен на любую несправедливость. Обо всем этом больше не нужно и говорить.

F

820 A

27. Хотя честолюбие и благородней алчности, для государства оно является не меньшим злом, так как оно влечет за собой еще и дерзость. Она укореняется не у тех, кто безволен и слаб, но в душах пылких и юношески сильных. И часто возбуждение толпы возносит такое честолюбие одобрением и похвалами настолько, что оно становится безудержным и неуправляемым. Именно поэтому Платон советует убеждать молодых людей с самого детства, чтобы они не носили на себе золота и не искали его для себя, потому что собственное их золото заключено в составе их души ²⁰⁹. Видимо, этим он хотел сказать, будто их благородство заложено в самой их природе. Таким образом сможем мы смягчить жажду почестей, говоря, что внутри нас пребывает золото нетленное, чистое и незапятнанное ни завистью, ни хулой, умножаемое ²¹⁰ соображениями и рассуждениями о наших делах и об участии нашем в управлении государством. Вследствие этого ни к чему нам почести, выраженные в красках, камне или бронзе, ибо то, что в них достойно славы, принадлежит другому: не тому, кто изображен, не трубачу и не дорифору, а тому, кто их изобразил ²¹¹. Катон, хотя Рим при нем стал уже наполняться скульптурами, не разрешил, чтобы ему была поставлена статуя, сказав, что «лучше пусть спрашивают, почему мне не поставили статуи, чем — почему мне ее поставили». Кроме того, подобные почести вызывают зависть. Перед тем, кто их еще не удостоился, народ почитает себя в долгу, в отношении же тех, кто их получил, он испытывает досаду, словно получившие требовали с него плату за труды.

B

C

Как тот, кто миновал Сирт ²¹², но потерпел кораблекрушение в проливе, не считается совершившим славный подвиг, так же и тот, кто честно исполнял обязанности казначея или откупщика, но был изобличен при исполнении должности притана или проэдра ²¹³, идет ко дну, словно наскочив на высокий мыс. Лучше всего тому, кто не испытывая стремления к подобным почестям, их избегает и от них отказывается. Однако бывает нелегко отклонить настойчивые проявления народной благодарности и расположения, ибо

D

²⁰⁶ Эпитеты Зевса, характеризующие его как подателя добрых советов и защитника общин. Фемиды и Дике — божества правосудия и справедливости.

²⁰⁷ Ср. у Платона в «Государстве» (609A) рассуждение о том, что для человека злом является болезнь, для меди и железа — ржавчина, откуда, видимо, и заимствованы эти сравнения Плутархом.

²⁰⁸ Н о т., Od. V, 350.

²⁰⁹ P l a t., Rep. 416E.

²¹⁰ В тексте τῆς ψυχῆς, ἀμα. Гартман читал τῆς ψυχῆς.

²¹¹ Имеются в виду знаменитые скульптуры, из которых дорифор принадлежал Поликлету, аргосскому скульптору V в. до н. э.

²¹² Мелководный и опасный для мореплавания залив у северных берегов Африки (современный залив Сидра).

²¹³ Наименования высших эпонимных магистратур в различных греческих полисах.

политическую деятельность нельзя рассматривать как борьбу из-за денег и даров, но как истинно священную обязанность, вознаграждаемую венком, надписью, изображением, псефизмой и маслячной ветвью, какую Эпименид²¹⁴ получил с акрополя за очищение города. Тем не менее Анаксагор отказался от назначенных ему почестей и попросил лишь, чтобы в день его смерти детям позволено было бы играть и не ходить в школу. Семи персам, убившим магов, было даровано потомственное право ношения тиары с наклоном вперед²¹⁵, — видимо, такое положение тиары было у них условным знаком, когда они отправлялись для приведения в исполнение их плана. Питтак²¹⁶ тоже получил некоторое вознаграждение, принятое им по-граждански разумно: ему было предложено взять себе из завоеванной им для граждан земли, сколько он пожелает, и он взял себе столько, сколько отмерило брошенное им копые. А римлянин Коклес²¹⁷ взял земли столько, сколько мог запахать сам, будучи хромым, за один день. Не оплату за труды должны представлять собой эти почести, а лишь знак того, что им следует пребывать в памяти столь же долго, сколько тем, о которых я только что упомянул.

Е

Но из трехсот статуй Деметрия Фалерского ни одна не успела заржаветь или запачкаться — все они были уничтожены еще при его жизни. А статуи Демада были перелиты на ночные горшки. Так бывает с теми почестями, о которых жалеют не только ввиду ничтожности одаренных, но и ввиду преувеличения самих почестей. Чем скромнее почести, тем лучше они и прочней; великие же и непомерно обильные, подобно огромным статуям, быстро опрокидываются.

Ф

28. Я именую теперь это почестями по примеру многих, как сказал Эмпедокл:

Хоть именуют неправо, однако и сам соглашаюсь...²¹⁸

Истинным же почитанием и славой, утвержденной и благоволенной и убеждением помнящих, никогда не пренебрежет государственный муж и не сочтет недостойной славу, «избегая угождения соседям», как того требовал Демокрит²¹⁹. Ибо ласки собак и привязанность лошадей никогда не бывают неприятны охотникам и коневодам; людям, находящимся в постоянном общении с животными, приятно и полезно вызывать к себе с их стороны такое же расположение, как то, которое выказывала собака к Лисимаху²²⁰ или лошади Ахилла к Патроклу, по словам поэта²²¹. Полагаю, что и пчелам

821 А

²¹⁴ Окутанный легендами персонаж с о. Крита (родившийся якобы в VII в. до н. э. и живший более 150 лет), действовавший также в Афинах в VI в. до н. э., где он, по сообщению Платона (Leg. I, 642 D) и Аристотеля (Ath. pol. 1), произвел очищение города после Килоновой смуты.

²¹⁵ Бернардакис читал (без указания рукописного источника): τὰ σκέλη συνάπτου-
τας τῆ κεφαλῆ, т. е., видимо, нечто вроде согона muralis.

²¹⁶ Митиленский тиран (приблизительно 651—569 гг. до н. э.), причисленный к семи мудрецам Греции.

²¹⁷ Codex Basileensis содержит чтение πέπλος.

²¹⁸ F. A. Mullach, Fragmenta Philosophorum Graecorum, I, Aalen, 1968, p. 3, 112. Цитата эта повторена с незначительными изменениями у Плутарха (Adv. Colot. 1113 B).

²¹⁹ Цитированное выражение см. Mullach, ук. соч., стр. 355.

²²⁰ Aelian., De nat. anim. VI, 25.

²²¹ Т. е. Гомера (Il. XVII, 425 sqq.):

Кони Пелеева сына вдали от пылающей битвы

Плакали стоя, почуявши сразу, что их колесничий

Пал, распростертый во прахе убийственной Гектора дланью.

Ср. также Нотт, II. XIX, 404 sq.

В приходилось бы лучше, если бы они тех, кто их кормит и за ними ухаживает, встречали бы приветливо и позволяли приблизиться, вместо того чтобы их жалить и раздражать. Нынче же пчел приходится обуздывать дымом, горячих лошадей и непослушных собак по нужде сдерживать уздечками и ошейниками, человек же к человеку сам делается кротким и добрым, если верит в благожелательство и надеется на благородство и справедливость.

Поэтому и Демосфен ²²² разумно сказал, что недоверие и подозрительность граждан лучше всего охраняют город от тирании. Именно та часть души, в которой гнездится доверие, более всего и податлива. Поскольку предсказания Кассандры были презираемы гражданами, они оставались для них бесполезны:

Напрасным сделал бог мое прозренью.
Считаюсь мудрой я средь терпящих несчастье,
Которые меня безумной чтили прежде ²²³.

С

Доверие к Архиту ²²⁴ и большое расположение к Батту ²²⁵ со стороны сограждан принесли пользу их сторонникам. Первое и наибольшее благо, получаемое политическими деятелями от народного уважения, — это вера, открывающая им путь к деятельности. Второе же — то, что расположение народа к славным правителям служит для них против негодяев и клеветников оружием,

...равно как матерь

Мух отгоняет от спящего крепко и сладко дитяти ²²⁶;

Д

оно обороняет от зависти и приравнивает в силе безродного к знати, бедняка — к богачам, частного человека — к правителям. А в целом, когда правда соединяется с добродетелью, стойкий попутный ветер способствует государству.

Следует теперь рассмотреть в примерах некоторые поучительные случаи противоположного свойства. Дети и жена Дионисия были обесчещены и убиты италийцами, тела их сожжены и пепел развеян с корабля в море ²²⁷. Когда же некий Менандр, справедливо царствовавший в Бактрии, умер во время военного похода, все города, исполнив по обычаю погребальные почести, затеяли спор о его останках, с трудом закончившийся соглашением, по которому они разделили на равные части пепел, и все соорудили надгробные памятники этому мужу ²²⁸. В другом же случае, когда акрагантцы

Е

оно обороняет от зависти и приравнивает в силе безродного к знати, бедняка — к богачам, частного человека — к правителям. А в целом, когда правда соединяется с добродетелью, стойкий попутный ветер способствует государству.

²²² Приводимое Плутархом его рассуждение заимствовано из 2-й Филиппики (VI, 24), где речь идет об осторожности и нелюбви афинян к Филиппу Македонскому.

²²³ Из неизвестной трагедии (N a u s k., p. 919, fr. 414).

²²⁴ Архит, сын Мнесагора, из Тарента. Математик, пифагореец и друг Платона, отличился также на военном поприще в качестве семикратного победоносного стратега Тарента (D i o g. L a e r t., VS, VIII, 79 sq.).

²²⁵ Батт II «Счастливый», сын Аркесилая I, царствовал в Кирене (около 580—560 гг. до н. э.), всячески способствуя колонизации Киренаики из метрополии. Около 570 г. до н. э. уничтожил угрожавшее существованию Кирены египетско-ливийское войско.

²²⁶ Н о м., II, IV, 130.

²²⁷ Имеется в виду Дионисий II (A e l i a n., V. h. VI, 12). Под «италийцами» следует понимать греков — жителей восставших против него италийских Локр. Плутарх упоминает об этом происшествии более подробно в биографии Тимолеонта (гл. 13), а также совсем кратко в биографии Диона (гл. 58).

²²⁸ Тарн (W. W. T a g n., The Greeks in Bactria and India, Camb., 1951, стр. 264) относит этот анекдот к биографии греко-индийского царя Менандра I Сотера, царствовавшего от 155 до 130 г. до н. э. Возводя Плутархово сообщение «к источникам Трога Помпея», он сопоставляет упоминание о сооружении различными городами ступа Менандру на его пепле с древнебуддийскими обычаями.

избавились от власти Фалариса ²²⁹, они постановили, что никто не должен носить голубого гиматия, так как рабы-телохранители тирана имели голубоватые пояса. Персы же, так как Кир ²³⁰ был горбоносый, еще и теперь любят горбоносых, считая их самыми красивыми.

F

29. Конечно, наиболее сильная и божественная из всех — та любовь, которую испытывают города и народы к одному человеку, — порождена лишь его добродетелью ²³¹. Слава, приносимая устройством театральных представлений или раздач, или гладиаторских боев, мнима: здесь человек, как продажная женщина, льстит черни, всегда улыбающейся дарителю и угоднику, и успех его недолог и непрочен. Совершенно прав впервые ²³² сказавший: «Погубил народ тот, кто первый его подкупил», — имея в виду, конечно, что народная масса от этих раздач теряет свою силу. Но развратители должны соображать, что они вредят самим себе, покуная славу за большие деньги и этим делая толпу дерзкой и уверенной в том, что она способна давать и отнимать.

822 A

30. Поэтому не следует скупиться при осуществлении ставших обычаем раздач, если позволяют материальные возможности. Тем более что не желающего поступиться своей собственностью богача толпа ненавидит гораздо больше, чем бедняка, расхищающего народное добро, усматривая в первом случае высокомерие и презрение к себе, а во втором — лишь силу необходимости. Поэтому, для начала, раздачи должны быть ни к чему не обязывающими. Так они производят больше впечатления и лучше привлекают к себе. Предпринимать их нужно по какому-либо приятному и достойному поводу, например в связи с празднеством в честь божества, располагая народ к благочестию: ведь толпа сильнее убеждается в величии и могуществе божества, видя, что даже те, кого она уважает и чтит, поклоняются ему столь щедро и ревностно.

B

Как Платон рекомендовал воздерживаться от обучения юношества лидийскому и ионийскому музыкальному строю, ибо первый вызывает в наших душах грусть и печаль, а второй неумеренно увеличивает склонность к чувственным удовольствиям ²³³, так и ты по возможности изгоняй из государственной жизни честолюбивые устремления, поощряющие кровожадность и зверство или шутство и разнузданность. Если же невозможно, избегай всего этого и борись с народом, требующим подобных зрелищ. Старайся всегда, чтобы поводы для издержек бывали добронамерены и осмыслены, вызывались необходимостью или по крайней мере невинными побуждениями, чтобы не было от них вреда и бесчинства.

C

31. Но если твои средства ограничены и как циркулем размерены по потребностям, то вовсе не позорно признаться в своей бедности, предоставив честолюбивую расточительность людям имущим и не стремясь исполнять свои литургии с помощью займов, вызывающих лишь насмешки и сожаления. Невозможно ведь скрыть своей слабости и того, что являешься обузой для друзей и принужден

D

²²⁹ Тираг Акраганта в VI в. до н. э. Легенда р расила биографию Фалариса сообщениями о его необычайной жестокости (D i o d., IX, 30).

²³⁰ По-видимому, анекдот связан с именем Кира Старшего, основателя Персидского царства.

²³¹ Подобная мысль могла зародиться в те времена лишь у подданного Римской империи эпохи ее наибольшего расцвета, когда казалось, что у римского императора на земле не имеется политических соперников и ненавистников.

²³² Дюбнер читает πρῶτος.

²³³ P l a t., Rep. 398 e.

Е заискивать перед кредиторами; поэтому ты приобретаешь не славу себе и не силу, а еще больше позора и пренебрежения, неизбежных при подобных издержках. Потому полезно всякий раз вспоминать здесь о Ламахе и Фокионе. Фокион, когда его многократно и шумно призывали участники праздничного жертвоприношения в Афинах к соучастию, указывая на займодавца, сказал: «Стыдно было бы мне, давши вам, ничего не возратить этому вот Калликлу»²³⁴. А Ламах всегда упоминал в отчетах, составлявшихся им о его походах, деньги, потраченные им на сапоги и на гиматий. Гермону²³⁵ же, избегавшему государственной должности вследствие бедности, фессалийцы постановили выдавать ежемесячно меру²³⁶ вина и каждые четыре дня меду²³⁷ ячменя. Стало быть, вовсе не позорно признаваться в бедности, и в государственной деятельности бедняки по их возможностям не уступают устраивающим угощения и зрелища, если они обладают смелостью правдивой речи и общественным доверием. В таких обстоятельствах нужно как можно лучше оценивать свое положение, чтобы не пускаться пешим сражаться со всадниками и не пытаться в бедности состязаться за славу и могущество с богачами, устраивая конные ристания, храмовые празднества и пиры. Но вернее равняться по тем, кто всегда старается

823 **А** управлять городом с помощью разумного и доверительного слова, — по тем, кто несет не только доброе и достойное, но радостное и притягательное для народа, «что лучше даже Крезовых статоров»²³⁸. Рассудительный муж не своенравен, не надменно навязчив, не строг и не

...ходит, согражданам видом своим ненавистен²³⁹,

В а прежде всего приветлив и доступен для всякого желающего подойти к нему и поговорить. Дом его открыт, как гавань, являющая убежище для каждого нуждающегося. Заботливость и человеколюбие его распространяются не только на деловые нужды, но он принимает участие также в печалих и радостях потерпевших неудачу и преуспевающих. Он никогда не вызывает раздражения, не тщеславится толпой рабов, направляющихся с ним в баню, или количеством мест, занимаемых им в театрах, и не бросается в глаза ненавистной своей показной роскошью и расточительностью. Он так же, как все, в своей одежде и образе жизни, в уходе за детьми, в обхождении с женой, дабы со всеми ними общаться на общежитейских началах и в расчете на такие же отношения со всеми прочими. Сверх того, он мудрый советчик, бесплатный защитник и доброжелательный посредник между мужьями и женами, как и между друзьями. Он не малую лишь часть дня пребывает на трибуне или подмостках²⁴⁰, занятый общественными делами, но старается и все остальное время своей жизни все нужды и дела отовсюду

²³⁴ Известны два Калликла в Афинах IV в. до н. э.: Калликл, сын Каллинида, землевладелец, против которого Демосфен произнес свою IV речь; Калликл, сын Арренида, триерарх 323 г. до н. э. (IG, II, 812а, 21, 28), был замешан в деле об имуществе Гарпала (Plut., Dem. 25, со ссылкой на Феопомпа). Оба они могли быть займодавцами Фокиона.

²³⁵ Ближе не известен.

²³⁶ Лагин — мера жидкостей, равная 12 котилам (3,3 литра).

²³⁷ Мера сыпучих тел, приблизительно равная 50 литрам.

²³⁸ См. P o l l., III, 87; IX, 84.

²³⁹ Из неизвестной трагедии (N a u c k, p. 919, fr. 415).

²⁴⁰ λογεῖον — специальный выступ впереди проскениума, предназначенный для говорящего актера.

С Притягивать к себе, как Кэкий²⁴¹ тучи²⁴².

Но всегда его заботы посвящены общественным делам, а вся жизнь и деятельность — государству: для него это не помеха, не отправление литургий, как для иных. Всеми этими действиями и другими подобными он привлекает и склоняет к себе толпу, и она отличает ложные и поддельные прельщения других от его попечительного внимания и рассудительности. Лыстецы Деметрия [Полиоркета] не считали других достойными именоваться царем: они называли Д Селевка начальником слонов, Лисимаха — хранителем казны, Птолемея — хозяином кораблей, Агафокла²⁴³ — правителем островов. Так, народ, хотя, быть может, поначалу и отвергает доброго и благоразумного правителя, потом, распознав его искренний характер, только его и признает общественным и государственным деятелем и правителем, других же принимает и зовет лишь хорегами, устроителями пиршеств, гимнасиархами. Как на пирах устроителем бывает Каллий²⁴⁴ или Алкивиад, а слушают все Сократа и смотрят на Сократа, так и в разумно организованных полисах Е Исмений²⁴⁵ производит раздачи, Лих²⁴⁶ организует пиршества, хорегию исполняет Никерат, а Эпаминонд, Аристид и Лисандр управляют государством и водят войска.

Глядя на это, не следует придавать значения славе, возглашаемой чернью в театрах, на пирах и многолюдных сборищах, — все это недолговечно и прекращается вместе с гладиаторскими боями и театральными подмостками²⁴⁷, не составляя никакого подлинного почета и уважения.

F 32. Те, кто имеет опыт в разведении пчел и уходе за ними, — считают наиболее здоровым и сильным тот из ульев, который наполнен жужжанием и шумом. Тот же, кому божество пошлет попечение о рое разумных гражданственных существ, признает благополучие народа преимущественно в его спокойствии и сдержанности. Но всячески одобряя Солона и следуя за ним, он остановится в затруднении и удивлении при мысли: что заставило этого мужа наказать бесправием того из граждан, кто не примкнет ни к кому в случае гражданской распри? Ведь в большом теле начало поворота к выздоровлению происходит не в пораженных болезнью частях тела, но оттого, что возникающее в здоровых частях смешение соков изгоняет то, что вредит природе. Так и в народе, охваченном распией, не страшной и не губительной, но способной когда-нибудь прекратиться, очень нужно, чтобы все, что есть незатронутого ею и здорового, соединилось, сохранило устойчивость и действовало сообща. Тогда к этому примкнет и все, что есть этому родственного, и преодолет болезнь. Полностью же расстроенные полисы разрушатся совершенно, если только не случится насильст-

824 А

²⁴¹ То же, что и Эвр — северо-восточный ветер.

²⁴² Плутарх приводит эту же строку из неизвестной трагедии или комедии (см. *N a u c k*, p. 853, fr. 75; *K o c k*, III, p. 612, № 1229) в *Moral.* 88 F, а Аристотель (*Метег.* 364 b 13) использует ее как пословицу.

²⁴³ Старший сын Лисимаха от первого брака. Поставленный Лисимахом правителем Азии, вел в 287/6 г. до н. э. успешную войну с Деметрием (*P l u t.*, *Demetr.* 46 sq.).

²⁴⁴ Афинский архонт 411/410 г. до н. э.

²⁴⁵ Афинянин знатного рода, известный своими богатствами (*P l a t.*, *Menex.* 90 A; у Плутарха упомянут еще в *De tranquill. anim.* 13; *De sup. div.* 8).

²⁴⁶ Быть может, спартиат, сын Аркесилая, умерший в 411 г. до н. э. (*T h u c.*, VIII, 89 и V, 22).

²⁴⁷ Видимо, имеются в виду деревянные театральные подмостки, разбиравшиеся по окончании представления.

В венного вмешательства извне и угроза кары не принудит их к благоразумию. Но не подобает гражданину оставаться в стороне от неурядиц, равнодушным и бесчувственным, воспевая собственную невозмутимость, бездеятельность и блаженство ²⁴⁸ посреди других неразумных. Тут совершенно необходимо обуть котурн Ферамена ²⁴⁹ и вступить в общение с обеими враждующими сторонами, не присоединяясь ни к одной. Так ты не будешь казаться враждебным ни тем, ни другим, но старающимся помочь всем. И они не будут недоброжелательными к тому, кто хотя и не испытывает их бед, но представляется в равной степени всем сочувствующим. Самое же лучшее — это приложить усилие к тому, чтобы предупредить даже и возникновение столкновения. И в этом следует видеть величайшую и прекраснейшую задачу политического искусства. Подумай, ведь величайшие блага полисов — мир, свобода, процветание, многолюдие, согласие. В нынешнее время народы не нуждаются более для сохранения мира в государственных деятелях. Оставили нас и исчезли все эллинские и все варварские войны. Свободы у народов столько, сколько ее жалуют владыки; большего, вероятно, и не нужно. Чтобы земля была плодородна, времена года благоприятны, и чтобы

D Жены рожали детей, по наружности схожих с отцами ²⁵⁰,

и ²⁵¹ новорожденные оставались живы, — об этом всякий благоразумный гражданин, молясь, будет просить богов за всех своих сограждан. Политическому деятелю из всех этих благ остается только одно, не меньшее чем все другие блага, — всегда поддерживать согласие и дружбу между совместно живущими, а вражду, разлад и недоброжелательство искоренять совершенно, как разногласия среди друзей. Прежде всего он обратится к стороне, считающей себя более обиженной, как если бы он разделял оскорбленные и узавленные чувства, и попытается смягчить людей и объяснить им, что снисхождение выше насилия и желания победить не только по мягкости и доброте, но и по разумности и великодушию, и что малая уступка ведет к победе в том, что важнее и лучше. Затем может он и вместе, и порознь поучать их, разъясняя все бессилие эллинов, которым разумные люди могли бы лучше воспользоваться, чтобы провести жизнь в мире и согласии, так как судьба не оставила им никакой другой жизненной награды. Что за господство, что за слава у одержавшего верх? Чего стоит власть? Простое распоряжение проконсула ее уничтожит или передаст другому. Даже удержанная, она не стояла бы затраченных усилий.

F Пожар не часто вспыхивает в священных и общественных местах, но оставленный в жилище без внимания светильник или загоревшийся мусор вызывает большое пламя и ведет к общественному бедствию. Так не всегда и беспорядки в государстве вызываются

²⁴⁸ Намек на эпикурейцев и скептиков, ратовавших за политическую безучастность.

²⁴⁹ «Котурн» было прозвище Ферамена за его политическое соглашательство (котурн годился на любую ногу).

²⁵⁰ Hesiod., Ergg. 233.

²⁵¹ καὶ добавил Райзке.

общественными разногласиями — часто они возникают из личных дел и обид, но переходят они в общие раздоры, взбаламучивая все государство. Государственному мужу в этих обстоятельствах следует быть или делителем, или предупредителем, чтобы подобные распри или вовсе не возникали, или же бывали поскорее умиротворены, а главное, чтобы они не распространялись, не захватывали общественных интересов, а оставались частным делом враждующих. Он должен сам помнить и разъяснять другим, что частные распри становятся причиной общественных, а малые — больших, если ими пренебречь и не подвергнуть в самом начале усмирению и увещанию.

В Так, говорят, что в Дельфах самое большое возмущение произошло из-за Кратеса ²⁵², на дочери которого хотел жениться Орсила, сын Фалида ²⁵³. При совершении обручения ²⁵⁴ кратер сам по себе разбился посредине. Орсила, увидевший в этом дурное предзнаменование, отказался от девушки и ушел в сопровождении отца. Немного погодя Кратес, подсунув им при жертвоприношении золотой сосуд, принадлежавший храму, сбросил со скалы без суда Орсила и его брата, а потом убил некоторых из их друзей и домохладцев, искавших защиты в святилище Афины Пронайи ²⁵⁵; и так продолжалось до тех пор, пока дельфийцы не убили Кратеса и действовавших с ним повстанцев, а на их имущество, признанное оскорбленным, были сооружены святилища в нижнем городе.

С В Сиракузах жили два молодых человека, связанные между собой тесной дружбой. Один из них в отсутствие друга приняв на попечение его любимца, воспользовался этим и совратил его. А друг, вернувшись, в отместку за оскорбление соблазнил его жену.

Д Один из старейших граждан обратился в совет и посоветовал изгнать обоих, покуда их вражда не распространилась на весь город. Он никого не убедил, а получилось, что и впрямь из-за происшедших беспорядков была ниспровергнута превосходная форма государственного устройства. Но у тебя, разумеется, и у самого имеются близкие примеры вражды Пардала с Тирреном ²⁵⁶, из-за которой без малого не были уничтожены Сарды ²⁵⁷, когда по малой и частной причине произошло отпадение города и вспыхнула война. Поэтому политический деятель не должен пренебрегать подобными обстоятельствами: как в теле болезнь, так и оскорбления распространяются очень быстро. Необходимо их захватить, подавить и оказать помощь. Ибо внимание, как сказал Катон ²⁵⁸, делает из большого зла малое, а малое обращает в ничто. В этих обстоятельствах нет лучшего средства убеждения, как собственное вмешательство в личные столкновения в качестве спокойного посредника, остающегося неподвластным чувству гнева, настаивающего на своих доводах и не вызывающего ни у одного из противников упрямства, злобы и других беспокойных чувств, привносящих лишь остроту и горечь в неизбежные разногласия.

²⁵² Ближе не известен.

²⁵³ Ближе не известен.

²⁵⁴ ἐπὶ ταῖς σπονδαῖς, — собственно, при заключении договора.

²⁵⁵ Кальтвассер читал Προναίᾱς. Афина Пронайя — «стоящая перед храмом».

²⁵⁶ Оба ближе не известны.

²⁵⁷ Трактат посвящен некоему высокопоставленному уроженцу (или жителю)

Сард.

²⁵⁸ Имеется в виду Марк Порций Катон Старший.

Тем, кто сражается в палестрах, надевают на руки кожаные рукавицы, чтобы удары были мягкими и сражение не окончилось печально. В судебных разбирательствах по делам граждан лучше всего ограничиваться несомненными и голыми фактами, не изощряя речь, как отравленными стрелами, ругательствами, злобствованиями и угрозами, немилосердными и придающими делу большое общественное значение. Тот, кто таким образом ведет себя, встретит и со стороны других обходительное отношение, а если из общественных дел будет исключена личная неприязнь, то честолюбивые устремления потеряют почву и не будут приносить неприятных последствий и непоправимого вреда.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ГМГ — Государственный Музей Грузии
 ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
 ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей
 ЗРАО — Записки Русского археологического общества
 ИАЭСА — История, археология и этнография Средней Азии
 ИАК — Известия Археологической Комиссии
 ИООН АН ТаджССР — Известия Отделения общественных наук АН Таджикской ССР
 ИТУАК — Известия Таврической ученой архивной комиссии
 КБН — «Корпус боспорских надписей», М.—Л., 1965
 КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР
 МАР — Материалы по археологии России
 МАСП — Материалы по археологии Северного Причерноморья
 МИА — Материалы и исследования по археологии России
 НС — Нумизматический сборник
 НСф — Нумизматика и сфрагистика
 НЭ — Нумизматика и эпиграфика
 ОАК — Отчеты Археологической комиссии
 ПИШ — Преподавание истории в школе
 СА — Советская археология
 СЭ — Советская этнография
 ТСА РАНИОН — Труды секции археологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук
 ХСб — Херсонесский сборник
 ABSA — The Annual of British School at Athens
 AJA — American Journal of Archaeology
 AJPh — American Journal of Philology
 BCH — Bulletin de correspondance hellénique
 BMC — W. W r o t h, A Catalogue of Greek Coins in the British Museum, London, 1889
 BSOAS — Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London
 JRS — Journal of Roman Studies
 JHS — Journal of Hellenic Studies
 IOSPE — B. L a t y s c h e v, Inscriptions orae septentrionalis Ponti Euxini, Petropoli, 1916
 Naville, V — Monnaies Grecques Antiques provenant des doubles du British Museum des collections de feu le Général A. L. Bertier de la Garde et de divers autres amateurs, Genève, 1923
 MDFAFA — Mémoires de la Délégation Archéologique Française en Afghanistan
 RE — P a u l y's Real-Encyclopädie der Klassischen Altertumswissenschaft, neue Bearbeitung, begonnen von G. W i s s o w a, hrsg. von W. K r o l l
 REL — Revue des Etudes Latines
 RN — Revue Numismatique
 SBPAW — Sitzungsberichte der königlichen Preussischen Akademie der Wissenschaften zu Berlin
 Schlessinger — F. S c h l e s s i n g e r, Münz — Auktion, II, Berlin, 1934
 SCIV — Studii și cercetări de istorie veche
 SNG — The Royal Collection of Coins and Medals Danish National Museum, vol. Bosphorus — Bithynia, Copenhagen, 1944

ИСПРАВЛЕНИЕ К ВДИ, № 3, 1978 г.

Страница	Строка	Следует читать
4	прим. 4 4 снизу	Р. Цёпфель
8	прим. 26, 9 снизу	М. Фален
10	8 снизу	τῆσθα τῆς γῆς
11	10 снизу	Dzieje
13	2 снизу	Liv.,
14	10 снизу	Liv., VI, 5, 8;
18	5 снизу	37

УКАЗАТЕЛЬ МАТЕРИАЛОВ,
ПОМЕЩЕННЫХ В «ВЕСТНИКЕ ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ»
за 1978 год

СТАТЬИ

<i>Аветисян Г. М.</i> (Ереван) — Политическая история Митанни в XVI—XV вв. до н. э.	1	3
<i>Березкин Ю. Е.</i> (Ленинград) — Из истории древнего Перу: социальная структура мочика сквозь призму мифологии	3	38
<i>Бонгард-Левин Г. М.</i> (Москва) — Древнеиндийская культура и материализм Арьяхата и локаятики	2	29
<i>Делищева И. Ф.</i> (Архангельск) — Категория свободных, qui bona fide serviunt	3	20
<i>Доватур А. И.</i> (Ленинград) — Аристотель и история	3	3
<i>Заборовский Я. Ю.</i> (Ивано-Франковск) — Закон Лициния — Секстия de modo agrogum (Попытка интерпретации)	3	10
<i>Завадовский Ю. Н.</i> (Москва) — О дешифровке западноливийских надписей из Марокко	4	3
<i>Исаева В. И.</i> (Москва) — Особенности политической публицистики Исократта	2	59
<i>Карышковский П. О.</i> (Одесса) — Ольвийские эпонимы	2	82
<i>Клочков И. С.</i> (Москва) — Старовавилонская поэма из цикла сочинений о невинном страдальце	1	9
<i>Кнабе Г. С.</i> (Москва) — К биографии Тацита. Sine ira et studio	2	111
<i>Лебедев А. В.</i> (Москва) — ТО ΑΠΕΙΡΟΝ: не Анаксимандр, а Платон и Аристотель (I)	1	39
<i>Лебедев А. В.</i> (Москва) — ТО ΑΠΕΙΡΟΝ: не Анаксимандр, а Платон и Аристотель (II)	2	43
<i>Меньшикова Л. Ю.</i> (Ленинград) — Герод Аттик и его время в свете новых эпиграфических данных	1	73
<i>Павловская А. И.</i> (Москва) — Элементы общинного устройства в египетской коме IV в. н. э.	4	43
<i>Романов В. Н.</i> (Москва) — Древнеиндийские представления о царе и царстве	4	26
<i>Самозванцев А. М.</i> (Москва) — Теория собственности в древней Индии	2	3
<i>Свенцицкая И. С.</i> (Москва) — Греческие города в составе Лидийского царства	1	26
<i>Трубачев О. Н.</i> (Москва) — Некоторые данные об индоарийском языковом субстрате Северного Кавказа в античное время	4	34
<i>Шелов Д. Б.</i> (Москва) — Махар, правитель Боспора	1	55
<i>Штаерман Е. М.</i> (Москва) — Еще раз к вопросу о римской сельской общине	2	89

ПУБЛИКАЦИИ

<i>Брашинский И. Б.</i> (Ленинград) — Фасосская амфора из Нимфея и некоторые вопросы античной метрологии	2	135
<i>Быстрикова М. Г.</i> (Ленинград) — Коптские ткани-медальоны в роли защитных амулетов	4	64
<i>Давыдова Л. И.</i> (Ленинград) — Два боспорских надгробных акротерия из собрания Государственного Эрмитажа	2	144
<i>Куликова А. М.</i> (Ленинград) — Незданное письмо Ж.-Ф. Шампольона П. Л. Шиллингу	3	97
<i>Крушкюл Ю. С.</i> — Клад бронзовых монет времени Митридата VIII из селения Сукко Анапского района	4	64

<i>Молев Е. А.</i> (Керчь) — Новые эпиграфические находки из Керчи	2	131
<i>Рубан В. В., Урсалов В. Н.</i> (Николаев) — Ольвийские монеты из античных сельскохозяйственных вилл Бугского лимана	3	82
<i>Русская А. С.</i> (Ленинград) — Орфизм и культ Диониса в Ольвии	1	87
<i>Соломонок Э. И.</i> (Симферополь) — Несколько новых надписей Херсонесского музея	3	66
<i>Финогенова С. И.</i> (Москва) — Резные камни из раскопок Фанагории и Тирамбы последних лет (Из собрания ГМИИ им. А. С. Пушкина)	3	89
<i>Ходжаши С. И.</i> (Москва) — Царские скарабей, скарабеоиды и печати I тыс. до н. э. из собрания ГМИИ им. А. С. Пушкина и Государственного Эрмитажа	3	60

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

<i>Агбунов М. В.</i> (Одесса) — К вопросу о локализации баптии Неоптолема и Гермонактовой деревни	1	112
<i>Бадальянц Ю. С.</i> (Рязань) — Разновидности легенд родосских амфор	1	124
<i>Белова Г. А.</i> (Москва) — Титулатура «царских сыновей Куша» как источник для исследования их функций	2	153
<i>Борецкий М. И., Кроник А. А.</i> (Москва) — Опыт анализа некоторых сторон социально-психологической атмосферы античной литературной басни (Федр, Бабрий, Авиан)	3	157
<i>Высотская Т. Н.</i> (Симферополь) — Торговые связи Неаполя Скифского в эллинистический период (По данным керамической эпиграфики)	4	72
<i>Гладкова Т. А.</i> (Керчь) — О некоторых мастерах боспорского рельефа I—II вв. н. э.	4	93
<i>Гиндин Л. А.</i> (Москва) — К возможности реконструкции фракийского языка на материале греко-римских надписей	3	134
<i>Зельдина О. М.</i> (Ленинград) — Города в царстве Селевкидов в свете новой теосской надписи	2	178
<i>Ковельман А. Б.</i> (Москва) — Филон Александрийский о труде рабов и свободных в римском Египте	3	150
<i>Лундин А. Г.</i> (Ленинград) — О времени возникновения системы сабейского эпонимата	3	108
<i>Мазетти Клаудио</i> (Рим) — Вопросы лидийской хронологии	2	175
<i>Нежировский А. И.</i> (Воронеж) — Каталог эрусских кораблей в «Энеиде»	1	142
<i>Николаенко Г. М.</i> (Севастополь) — О стандартах емкости эллинистического Херсонеса	3	142
<i>Пушкаш Илдио</i> (Будапешт) — Некоторые проблемы ведийского общества	2	147
<i>Раевский Д. С.</i> (Москва) — Из области скифской космологии (Опыт семантической интерпретации пекторали из Толстой Могилы)	3	115
<i>Ртаевдзе Э. В.</i> (Ташкент) — О генезисе кушанских поселений Северной Бактрии	4	108
<i>Таронян Г. А.</i> (Москва) — Об идентификации [NION ΣΟΚΟΥΝ] надписи с о. Арада с Плинием Старшим	4	106
<i>Тачева-Хитова М.</i> (София) — О культе ΘΕΟΣ ΥΨΙΣΤΟΣ на Боспоре	1	133
<i>Шичалин Ю. А.</i> (Москва) — «Третий вид» у Платона и материя-зеркало у Плотина	1	148
<i>Янковская Н. Б.</i> (Ленинград) — Календарь хурритской Аррапхи	1	105

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>Асавина Н. М., Новиков С. В.</i> (Москва) — «Бактрийские древности». Предварительные сообщения об археологических работах на юге Узбекистана, Л., 1976	4	117
<i>Богословский Е. С.</i> (Ленинград) — Jaroslav C e r n y, A Community of Workmen at Thebes in the Ramesside Period, Le Caire, 1973; The Valley of the Kings. Fragments d'un manuscrit inachevé, Le Caire, 1973	2	209
<i>Борщ И. Е.</i> (Москва) — Указатель литературы по истории античного мира, опубликованной в СССР в 1975 г.	1	206
<i>Борщ И. Е.</i> (Москва) — Указатель литературы по истории античного мира, опубликованной в СССР в 1976 г.	4	184
<i>Валиев А.</i> (Термез), <i>Кошеленко Г. А.</i> (Москва) — J. D. N u g h e s, Ecology in Ancient Civilizations, Albuquerque, 1975	2	203
<i>Виноградов И. В., Фихман И. Ф.</i> (Ленинград) — «Festschrift zum 150jährigen Bestehen der Berliner Ägyptischen Museums», В., 1974.	3	192

<i>Вулик Н. В.</i> (Ленинград) — Овидий (<i>Итоги и перспективы исследования</i>).	1	176
<i>Герцман Г. В.</i> (Владивосток) — Thomas J. Mathiesen, A Bibliography of Sources for the Study of Ancient Greek Music, New Jersey, 1974	2	227
<i>Голубцова Е. С., Исаева В. И.</i> (Москва) — «Из истории античного общества», вып. I, Горький, 1976	3	169
<i>Гуляев В. И.</i> (Москва) — В. М. М а с с о н, Экономика и социальный строй древних обществ (В свете данных археологии), Л., 1976	3	175
<i>Колосовская Ю. К.</i> (Москва) — Новые публикации эпиграфических памятников по истории дунайских провинций	4	165
<i>Маринович Л. П., Кошеленко Г. А.</i> (Москва) — Новый журнал по истории античного мира	4	125
<i>Мурыгина Н. Ф.</i> (Москва) — Л. П. М а р и н о в и ч, Е. С. Г о л у б ц о в а, И. Ш. Ш и ф м а н, А. И. П а в л о в с к а я, Рабство в восточных провинциях Римской империи в I—III вв., М., 1977	2	193
<i>Ременников А. М.</i> (Казань) — Е. М. Ш т а е р м а н, В. М. С м и р и н, Н. Н. Б е л о в а, Ю. К. К о л о с о в с к а я, Рабство в западных провинциях Римской империи в I—III вв., М., 1977	2	198
<i>Рубцова Н. А.</i> (Москва) — Новая литература о Феокрите	1	168
<i>Селецкий Б. П.</i> (Псков) — О некоторых современных исследованиях социально-политической истории Рима 90-х годов I в. до н. э.	3	204
<i>Семпер Н. Е.</i> (Москва) — Новая иностранная литература по египтологии. Библиографический обзор	3	216
<i>Сергеенко М. Е.</i> (Ленинград) — Работы К. Д. Уайта о сельскохозяйственной жизни древних римлян	4	133
<i>Смирин В. М.</i> (Москва) — P. R. C. W e a v e r, Familia Caesaris. A Social Study of the Emperor's Freedman and Slaves, Cambridge, 1972	4	148
<i>Филман И. Ф.</i> (Ленинград) — Akten des XIII. Internationalen Papyrologenkongresses Marburg/Lahn, 2.—6. August 1971, München, 1974.	1	188
<i>Шетелих М.</i> (Берлин) — Г. М. Б о н г а р д-Л е в и н, Индия в эпоху Маурьев, М., 1973	4	122
<i>Штаерман Е. М.</i> (Москва) — В. И. К у з и щ и н, Генезис рабовладельческих латифундий в Италии (II в. до н. э.—I в. н. э.), М., 1976	1	162
<i>Штаерман Е. М.</i> (Москва) — Die Rolle der Volksmassen in der Geschichte der vorkapitalistischen Gesellschaftsformationen, В., 1975	3	181
<i>Яйленко В. П.</i> (Москва) — Из новых изданий по истории периферии греческого мира	1	198
<i>Ярхо В. Н.</i> (Москва) — Новый взгляд на Парменида (A. S a p i z z i, La porta di Parmenide, Roma, 1975)	2	215

§ НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Виноградов Ю. А.</i> (Ленинград) — Конференция «Типология и социальная структура древнего и средневекового города»	1	227
<i>Гаспаров М. Л.</i> (Москва) — Памяти М. Е. Грабарь-Пассек	1	231
<i>Чистяков Г. П.</i> (Москва) — Заседание памяти И. М. Тронского в МГПИИЯ имени Мориса Тореза	3	225
К 75-летию А. Г. Бокшанина	4	207
К 80-летию А. И. Доватура	2	230
К 70-летию академика АрмССР С. Т. Еремяна	4	206
В. И. Авдиев (1898—1978 гг.)	4	208
Памяти М. М. Словимского (1917—1977 гг.)	4	209

ПРИЛОЖЕНИЕ

П л у т а р х. Моралии. Об «Е» в Дельфах. Перевод и комментарии <i>Н. Б. Клячко</i> (Москва)	1	235
П л у т а р х. Моралии. О том, что Пифия более не проричает стихами. Перевод и комментарии <i>Л. А. Фрейберг</i> (Москва)	2	233
П л у т а р х. Моралии. Наставления по управлению государством. Перевод и комментарии <i>Л. А. Ельницкого</i> (Москва)	3	229
То же (<i>окончание</i>)	4	211

СО Д Е Р Ж А Н И Е

<i>Завадовский Ю. Н.</i> (Москва) — О дешифровке западноливийских надписей из Марокко	31
<i>Романов В. Н.</i> (Москва) — Древнеиндийские представления о царе и царстве	26
<i>Трубачев О. Н.</i> (Москва) — Некоторые данные об индоарийском языковом субстрате Северного Кавказа в античное время	34
<i>Павловская А. И.</i> (Москва) — Элементы общинной организации в египетской коме IV в. н. э.	43

ПУБЛИКАЦИИ

Крушкoл Ю. С. — Клад бронзовых монет времени Митридата VIII из селения Сукко Анапского района	61
<i>Быстрикова М. Г.</i> (Ленинград) — Коптские ткани-медальоны в роли защитных амулетов	64

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

<i>Высотская Т. Н.</i> (Симферополь) — Торговые связи Неаполя скифского в эллинистический период (По данным керамической эпиграфики).	72
<i>Гладкова Т. А.</i> (Керчь) — О некоторых мастерах боспорского рельефа I—II вв. н. э.	93
<i>Таронян Г. А.</i> (Москва) — Об идентификации IINION ΣΟΚΟΥΝI надписи с о. Арада с Плинием Старшим	106
<i>Ртвеладзе Э. В.</i> (Ташкент) — О генезисе кушанских поселений Северной Бактрии	108

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>Асавина Н. М., Новиков С. В.</i> (Москва) — Бактрийские древности. Предварительные сообщения об археологических работах на юге Узбекистана, Л., 1976	117
<i>Шетелих М.</i> (Берлин) — Г. М. Бонгард-Левин, Индия в эпоху Маурьев, М., 1973	122
<i>Маринович Л. П., Кошеленко Г. А.</i> (Москва) — Новый журнал по истории античного мира	125
<i>Сергеенко М. Е.</i> (Ленинград) — Работы К. Д. Уайта о сельскохозяйственной жизни древних римлян	133
<i>Смирин В. М.</i> (Москва) — P. R. C. Weaver, Familia Caesaris. A Social Study of the Emperor's Freedman and Slaves, Cambridge, 1972	148
<i>Колосовская Ю. К.</i> (Москва) — Новые публикации эпиграфических памятников по истории дунайских провинций	165
<i>Борщ И. Е.</i> (Москва) — Указатель литературы по истории античного мира, опубликованной в СССР в 1976 г.	184

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

К 70-летию акад. Арм. ССР С. Т. Еремяна	206
К 75-летию А. Г. Бокщанина	207

В. И. Авдиев (1898—1978 гг.)	208
Памяти М. М. Слонимского (1917—1977 гг.)	209

ПРИЛОЖЕНИЕ

Плутарх, Моралии. Наставления по управлению государством. Перевод и комментарии Л. А. Ельницкого (Москва)	211
Указатель материалов, помещенных в «Вестнике древней истории» за 1978 г.	236

C O N T E N T S

<i>Yu. N. Zavadovsky</i> (Moscow) — Preliminary Report on Results of Deciphering West Libyan Inscriptions	3
<i>V. N. Romanov</i> (Moscow) — The Notions «King» and «Kingdom» in Ancient Indian Political Theory	26
<i>O. N. Trubacev</i> (Moscow) — The Indo-Aryan Language Substratum in the Ancient North Caucasus	34
<i>A. I. Pavlovskaya</i> (Moscow) — Elements of Communal Organisation in the Fourth Century Egyptian kōmē	43

PUBLICATIONS

Yu. S. Krushkol — A Hoard of Bronze Coins from the Time of Mithridates VIII	61
<i>M. G. Bystrikova</i> (Leningrad) — Coptic Cloth Medallions Used as Protective Amulets	64

REPORTS AND COMMUNICATIONS

<i>T. N. Vysotskaya</i> (Simferopol) — Trade Ties of Scythian Neapolis in the Hellenistic Period	72
<i>T. A. Gladkova</i> (Kerch) — Masters of Bosphoran Relief Sculpture in the First and Second Centuries	93
<i>H. A. Taronyan</i> (Moscow) — On the Identification of the Honorand in an Arados Inscription with Pliny the Elder	106
<i>E. V. Rtveladze</i> (Tashkent) — Kushan Settlements in Northern Bactria	108

REVIEWS AND BIBLIOGRAPHICAL SURVEYS

<i>N. M. Asavina, S. V. Novikov</i> (Moscow) — Baktriskye drevnosty. Predvaritelnye soobshcheniya ob arheologicheskikh rabotakh na Yuge Uzbekistana, Leningrad, 1976	117
<i>M. Shetelikh</i> (Berlin) — G. M. Bongard-Levin, India v epokhu Mauriev, Moscow, 1973	122
<i>L. P. Marinovich, G. A. Koshelenko</i> (Moscow) — American Journal of Ancient History	125
<i>M. Ye. Sergeenko</i> (Leningrad) — The Works of C. D. White on the Agricultural Life of the Ancient Romans	133
<i>V. M. Smirin</i> (Moscow) — P. R. C. Weaver, Familia Caesaris. A Social Study of the Emperor's Freedmen and Slaves, Cambridge, 1972	148
<i>Yu. K. Kolosovskaya</i> (Moscow) — New Publications of Epigraphical Monuments relating to the History of Danubian Provinces	165
<i>I. Ye. Borshch</i> (Moscow) — Index of Soviet Literature Published in 1976 on the History of the Ancient World	184

SCIENTIFIC EVENTS

The 70-th Birthday of member of the Armenian Academy of Sciences S. T. Yeremian	206
The 75-th Birthday of A. G. Bokshchanin	207

V. I. Avdiev (1898 — 1978)	208
Memorial to M. M. Slonimsky (1917—1977)	209

SUPPLEMENT

Plutarch, Moralia. Precepts of Statecraft. Translation and Commentary by <i>L. A. Yelnitsky</i> (Moscow)	211
--	-----

Технический редактор *Н. А. Колгурина*

Сдано в набор 21.08.78   Подписано к печати 09.11.78   Формат бумаги 70×108^{1/4}
 Высокая печать Усл. печ. л. 21,0+2 вкл. Уч.-изд. 23,7 л. Бум. л. 7^{1/2} Тираж 4335 экз.   Зак. 832

Издательство «Наука». 103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
 2-я типография издательства «Наука», 121099, Москва, Шубинский пер., 10